

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ПАРТНЕРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

18 сентября 2019 г.

г. Чита

Часть 2

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION: PARTNERSHIP AND COOPERATION

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

September 18, 2019

Chita

Part 2

Правительство Забайкальского края
Министерство образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края
Забайкальский государственный университет
Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии
Объединённое собрание общественных наук Внутренней Монголии
Байкальское региональное отделение Академии военных наук
Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов
Отделение Российского исторического общества в г. Чита
Центр научных исследований российско-китайских отношений
Забайкальское общество любителей истории

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ПАРТНЁРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО

**Международная научно-практическая конференция,
посвящённая 80-летию Победы советских
и монгольских войск на реке Халхин-Гол**

**18 сентября 2019 г.
г. Чита**

Часть 2

Чита
ЗабГУ
2019

УДК 93/94(082)
ББК 63.3(2)я431
ББК ТЗ(2)я431
П 755

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

Т. Е. Санжиева, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории Бурятии,
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия
Л. В. Камедина, д-р культурологии, доцент, профессор кафедры литературы,
Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Редакционная коллегия

Е. В. Дроботушенко (отв. редактор), *Н. Г. Дятчина*, *Ю. Н. Ланцова*,
М. В. Пряженникова, *О. А. Яремчук*

П 755 **Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество** : материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол : [в 2 ч.] / Забайкальский государственный университет ; ответственный редактор Е. В. Дроботушенко. – Чита : ЗабГУ, 2019.
ISBN 978-5-9293-2388-1
Ч. 2. – 2019. – 217 с.
ISBN 978-5-9293-2390-4

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников традиционной конференции, посвящённой 80-летию Победы советских и монгольских войск на р. Халхин-Гол. В работе форума нашли отражение разные аспекты истории и современного состояния приграничья Забайкалья, Северного Китая и Монголии, вопросы всеобщей и отечественной истории, проблемы осмысления категории «регион», особое внимание уделено филологическим, лингвистическим и литературоведческим аспектам, проблемам методологии филологического и лингвистического знания. Представлены материалы учёных как Российской Федерации, так и целого ряда стран дальнего и ближнего зарубежья.

Издание будет интересно учёным, общественным деятелям, преподавателям и учителям высших, средних и средних специальных учебных заведений, а также тем, кто интересуется историей и современным состоянием Забайкалья, его местом в социальных процессах российского и мирового масштаба, аспектами всеобщей и отечественной истории в целом, проблемами философского осмысления различных категорий, связанных с региональным развитием, вопросами филологии и лингвистики.

УДК 93/94(082)
ББК 63.3(2)я431
ББК ТЗ(2)я431

ISBN 978-5-9293-2390-4 (Ч. 2)
ISBN 978-5-9293-2388-1

© Забайкальский государственный
университет, 2019

Government of Zabaikalsky Krai
Ministry of education, science and youth policy of Zabaikalsky Krai
Transbaikal State University
Manchurian Institute of the University of Inner Mongolia
Joint Assembly of Social Sciences of Inner Mongolia
Baikal Regional Branch of Academy of Military Science
Zabaikalsky Regional Branch of Russian Political Scientists Society
Regional Branch of Russian Historical Society
Russia-China Relations Scientific Research Center
Zabaikalsky Historical Society

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION: PARTNERSHIP AND COOPERATION

**International Scientific and Practical Conference
Conference is dedicated to the 80th anniversary
of the Victory of Soviet and Mongolian troops on the Khalkhin Gol river**

**18 September, 2019
Chita**

Part 2

Chita
Transbaikal State University
2019

УДК 93/94(082)
ББК 63.3(2)я431
ББК Т3(2)я431
П 755

Recommended for Publication by the Organizing Committee
of the Scientific and Practical Event
of Transbaikal State University

Reviewers

T. Ye. Sanzhieva, Dr. of History Sciences, Full Professor, Professor of the Department
of History of Buryatia of Buryat State University, Ulan-Ude, Russia
L. V. Camedina, Dr. of Culturology, associate Professor, Professor of the Department
of literature of the Transbaikal State University, Chita, Russia

Editorial board

E. V. Drobotushenko (chief-in-editor), *N. G. Diatchina*,
Yu. N. Lantsova, *M. V. Pryazhennikova*, *O. A. Yaremchuk*

П 755 Historical Development of the Border Region: Partnership and Cooperation :
proceedings of the international scientific conference, Conference is Dedicated to the
80th anniversary of the Victory of Soviet and Mongolian troops on the Khalkhin Gol
river : [2 p.] / Transbaikal State University ; Chief-in-Editor E. V. Drobotushenko. –
Chita : Transbaikal State University, 2019.

ISBN 978-5-9293-2388-1

Ч. 2. – 2019. – 217 с.

ISBN 978-5-9293-2390-4

The collection presents the materials of reports and speeches of participants of the traditional international scientific and practical conference in the framework of the annual scientific and practical conferences on the theme "Cross-Border cooperation: historical events and modern realities", which was held in Chita in September 2019. It was dedicated to the 80th anniversary of the Victory of Soviet and Mongolian troops on the river Khalkhin Gol. The forum reflected the different aspects of the history and current state of the Transbaikalia, Northern China and Mongolia, the issues of General and national history, the problems of understanding the category "region". Once again, the organizers paid considerable attention to philological, linguistic and literary aspects, problems of methodology of philological and linguistic knowledge. The collection presents the materials of scientists of both the Russian Federation and a number of countries Near and far Abroad.

The publication will be of interest to scientists, public figures, teachers and teachers of higher, secondary and secondary special educational institutions, as well as to all those interested in the history and current state of Transbaikalia, its place in the social processes of Russian and world scale, aspects of General and national history in General, the problems of philosophical understanding of various categories related to regional development, issues of Philology and Linguistics.

УДК 93/94(082)
ББК 63.3(2)я431
ББК Т3(2)я431

ISBN 978-5-9293-2390-4 (P. 2)
ISBN 978-5-9293-2388-1

© Забайкальский государственный
университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Регион как объект изучения. Ценностно-философское осмысление макрорегиональных аспектов

Гернего Л. В. Теоретические подходы к изучению приграничных регионов (на примере Забайкальского края)	9
Хлыщева Е. В. Приграничный регион как маркер идентификационной трансгрессии	12
Штайн А., Ширрмахер Б., Рид А. Относительность границы как геополитической конвенции на примере российско-польского приграничного региона	15
Блохин В. Н. Приграничный регион в условиях глобализации	19
Линьков В. В. Исторический и социокультурный аспекты взаимодействия пограничных территорий	21
Тертешикова Н. Д. Методология исследований факторов влияния регионального культурного пространства на становление личности человека в контексте интегрального подхода	26
Тимощук А. С. Украина как фронтальный регион в историческом развитии	29
Гарбузарова Е. Г. Стратегия России в Афганистане и безопасность Центральной Азии	32
Маркелова А. А. Панда-дипломатия как инструмент народной дипломатии КНР	35
Халанский И. В. О некоторых аспектах проявления «мягкой силы» Китая в постсоветских странах Центральноазиатского региона	38
Забузов О. Н. Китайский Макао: специфика политической урбанизации	43
Бардаханова З. Д. Проблемы процесса инкультурации	46
Кунаковская И. А., Камнева Г. П. Определение демографической политики государства	49
Мерцалов В. И. Байкальский регион в 2012–2018 годы (геоэкономические и исторические аспекты)	55
Ни Цзаоцзао Позиционирование и построение региональных брендов в регионе Внутренняя Монголия при китайско-российском региональном сотрудничестве	59
Кальницкая Я. В. Роль образовательных обменов в российско-китайских отношениях	62
Акматалиева А. М. Цифровизация в государствах Центральной Азии и проекты «умных городов»	64
Фоменков А. А. Еврейская община в реалиях российского областного центра: этапы интеграции	67
Чжао Цяньвэнь Эстетика окружающей среды Маньчжурии, выраженная через проникновение русского народного творчества «резьба по дереву»	71
Крылов Д. А. Обретение и сохранение принципов: дискурсивные практики в России и Китае	75
Ли Ваньли Ценностная парадигма современного китайского общества	77
Назарова М. Г. Проблема толерантности: понятие, сущность и пути решения	80

Раздел 2. Проблемы экономического сотрудничества России и Китая

Цзи Цзяньцюань Вопросы и предложения по торгово-экономическому сотрудничеству между Внутренней Монголией и Забайкальским краем	84
Сунь Дэчжун Анализ возможностей развития кластеров деревообрабатывающей промышленности в приграничных районах	90
Яо Кун Исследование развития трансграничной электронной коммерции в Китае, Монголии и России	93
Ли Пин Анализ китайско-российской двусторонней торговли с точки зрения Экономического пояса Шёлкового пути на примере торгового города Маньчжурии	97
Шао Инцзе Анализ развития торговой зоны «Маньчжурия – Забайкальск»	103
Ба Дяньцзюнь, ОТОГОО, Ю Хунъян Монгольский геополитический выбор и движущая сила экономического коридора «Китай – Россия – Монголия»	109
Гао Лицзин Экономический коридор «Китай – Монголия – Россия»: возможности сотрудничества в сфере юридических услуг в китайско-российских приграничных регионах	116
Гао Сыян О состоянии и перспективах оказания помощи в области уголовного правосудия в Китае и России	119

Раздел 3. Филологические проблемы трансграничья: литературоведческий, лингвистический и методологический аспекты (филологическое и лингвистическое направления)

Биктимирова Ю. В. Проблемы изучения региональных памятников письменности XVII–XVIII веков о русско-китайских отношениях с точки зрения лингвистического источниковедения	127
Наваанзоч Х. Цэдэв Тема Халхингольской войны в монгольской поэзии	132

Петухов С. В., Горковенко А. Е. Образ Халхин-Гола в военном цикле Константина Симонова «Соседям по юрте»	135
Д. Басанпагма Замечания по содержанию книги «Повесть о Наде», написанной монгольским журналистом Д. Хатанбатором	138
Иванова А. В. Активные языковые процессы и модификации повествования в языке современной региональной прозы	152
Щурина Ю. В. Эргонимикон современного приграничного города (на материале языкового пространства г. Читы)	155
Пляскина Е. И. Номинации автомобилей в разговорном языке забайкальцев	159
Воронченко Т. В., Вэй Хунбо, Фёдорова Е. В. Литературное творчество эвенков Забайкалья и Северного Китая в свете задач приграничного сотрудничества	162
Гаджиев М. М. Русский язык и его роль в обеспечении единства народов Дагестана	165
Чеузова М. А. Изучение подростками народной и литературной сказки в контексте вхождения в мир национальной культуры	167

Раздел 4. Студенческая наука: исторические и социально-политические аспекты глазами студентов

Блохина Л. М. Проблемы и перспективы развития отечественных моногородов как территорий опережающего социально-экономического развития (на примере Забайкальского края)	170
Ботвинский Д. В. Миграция как показатель проблем региона (на примере Забайкальского края)	174
Вавакина Д. А. Молодёжная политика в Российской Федерации: Москва и Чита: особенности реализации	177
Дроботушенко М. А. Региональный компонент содержания образования Читинской области в 1992–2007 годах	179
Елизова А. Н. Чикойский прииск в 1950-е годы	181
Епишкина К. П. Анализ отношения народа к Президенту в регионах Российской Федерации	183
Люцай З. П. Особенности структуры традиционного женского костюма тунгусов и бурят Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.)	185
Макарова В. С. Программно-целевое планирование и целевые программы: теоретический аспект	189
Маслова Д. В. Сотрудничество двух сверхдержав России и Китая на приграничной территории в 2008–2013 годах	191
Савченко Р. С. История исследования фольклора забайкальского казачества (вторая половина XIX – первая половина XX в.)	194
Секунов С. С. Сотрудничество Забайкальского края с федеральным центром: перспективы развития	197
Сенотрусов А. А. Альтернативная гражданская служба в Советской России в 1920-е годы	200
Тимофеева Е. А. Роль СМИ в формировании имиджа региона на примере Забайкальского края	203
Туманова А. А. Генезис реформирования пенсионной системы Российской Федерации	205
Шапошникова О. В. Русь и Византия: из истории развития взаимоотношений	208
Сведения об авторах	211

CONTENTS

Section 1. Region as an Object of Study. Value-Philosophical Understanding Macro-Regional Aspects

Gernego L. V. Theoretical Approaches to the Study of Border Regions (on the Example of the Zabaikalsky Krai)	9
Khlysheva E. V. Border Region as a Marker of Identification Transgression	12
Stein A., Schirmacher B., Ried A. The Relativity of the Border as a Geopolitical Convention on the Example of the Russian-Polish Border Region	15
Blokhin V. N. Border Region in the Conditions of Globalization	19
Linkov V. V. Historical and Socio-Cultural Aspects of the Interaction a Border Territories	21
Terteshnikova N. D. Methodology of Researches of Factors of Influence of Regional Cultural Space on Formation of the Identity of the Person in the Context of Integrated Approach	26
Timoschuk A. S. Ukraine as a Frontier Region in the Historical Development	29
Garbuzarova E. G. Russia's Strategy in Afghanistan and Security of Central Asia	32
Markelova A. A. Panda-Diplomacy as People's Diplomacy Tool of People's Republic of China	35
Khalansky I. V. About Some Aspects of China's "Soft Force" in the Post-Soviet Countries of the Central Asian Region	38
Zabuzov O. N. Chinese Macau: Specificity of Political Urbanization	43
Bardakhanova Z. D. Problems of the Enculturation Process	46
Kunakovskaya I. A., Kamneva G. P. Determination of Demographic Policy of the State	49
Mertsalov V. I. Baikal Region in 2012–2018 (Geo-Economical and Historical Aspects)	55
Ni Jiaojiao Positioning and Building Regional Brands in the Regions of Inner Mongolia and the Sino-Russian Regional Cooperation	59
Kalnitskaya Ya. V. The Role of Educational Exchanges in Russian-Chinese Relations	62
Akmatalieva A. M. Digitalization in Central Asia and Projects of "Smart Cities"	64
Fomenkov A. A. The Jewish Community in the Realities of the Russian Regional Center: Stages of Integration	67
Zhao Qianwen The Aesthetics of the Environment Manchuria, in Terms of Penetration Russian Folk Art "Wood Carving"	71
Krylov D. A. Finding and Maintaining Principles: Discursive Practices in Russia and China	75
Li Vanli Value Paradigm of Modern Chinese Society	77
Nazarova M. G. The Problem of Tolerance: the Concept, Nature and Solutions	80

Section 2. Problems of Economic Cooperation Russia and China

Ji Jian-quan Issues and Proposals for Trade and Economic Cooperation Between Inner Mongolia and the Transbaikal Krai	84
Sun De-zhong The Analysis of Possibilities of Clusters Development of Woodworking Industry in Border Areas	90
Yao Kun A Study of the Development of Cross-Border e-Commerce in China, Mongolia and Russia	93
Li Ping Analysis of the Sino-Russian Bilateral Trade from the Point of View of Economic Belt of the Silk Road for Example, of the Commercial City of Manchuria	97
Shao Yingjie Analysis of the Development of Shopping Areas "Manzhouli – Zabaikalsk"	103
Ba Jianjun, OTGOO, Yu Hongyang The Mongolian Geopolitical Choice and the Driving Force of the Economic Corridor "China – Russia – Mongolia"	109
Gao Lijing China – Mongolia – Russia Economic Corridor: Opportunities for Cooperation in Legal Services in the Chinese-Russian Border Regions	116
Gao Siyan Status and Prospects Assist in the Field of Criminal Justice in China and Russia	119

Section 3. The Philological Problems of Transgenica:

Literary, Linguistic and Methodological Aspects (Philological and Linguistic Direction)

Biktimirova Yu. V. The Problems of Studying the Regional Written Monuments of XVII–XVIII Centuries About Russian-Chinese Relations from the Point of View of Linguistic Source Studies	127
Navaanzoch Kh. Tsedev The Theme Chalangala War in Mongolian Poetry	132
Petukhov S. V., Gorkovenko A. E. The Image of Khalkhin Gol in the Military Cycle of Konstantin Simonov "To the Neighbors in the Yurt"	135
D. Basepage Comments on the Contents of the Book "The Story of Nadia", Written Mongolian Journalist D. Khatanbaatar	138

Ivanova A. V. Active Language Processes and Modifications of Narrative in the Language of Modern Regional Prose	152
Shchurina Yu. V. Ergonomikon of the Modern Border City (on the Material of Chita Language Space)	155
Plyaskina E. I. Nominations of Cars in the Spoken Language of Transbaikians	159
Voronchenko T. V., Wei Hongbo, Fyodorova E. V. Evenk Literature of Transbaikal and Northern China in Terms of Cross-Border Cooperation	162
Gadzhiev M. M. Russian Language and its Role in Ensuring the Unity of Peoples of Dagestan	165
Cheuzova M. A. Studying by Teenagers of the National and Literary Fairy Tale in the Context of Entry into the World of National Culture	167

Section 4. Student Science: Historical and Socio-Political Aspects Students View

Blohin L. M. Problems and Prospects of Development of Russian Single-Industry Towns as Territories of Priority Socio-Economic Development (the Case of Zabaykalski Krai)	170
Botvinsky D. V. Migration as an Indicator of Problems in the Region (on the example of Zabaykalski Krai)	174
Vavakina D. A. Youth Policy in the Russian Federation: Moscow and Chita: Features of Implementation	177
Drobotushenko M. A. Regional Component of Education Content Chita Region in 1992–2007	179
Elizova A. N. The Chikoi Mine in the 1950s.....	181
Epishkina K. P. Analysis of the Relations of the People to the President in the Regions of the Russian Federation	183
Lucy Z. P. Features of the Structure of the Traditional Female Costume of the Tungus and the Buryats of Transbaikalia (second half of XIX– Beginning of XX century)	185
Makarova V. S. Program-Target Planning and Target Programs: Theoretical Aspect	189
Maslova D. V. Cooperation of the two Superpower of Russia and China in the Frontier Territory in 2008–2013	191
Savchenko R. S. The History of the Study of Folklore Transbaikal Cossacks (the second half of the XIX – the first half of the XX centuries)	194
Sekunov S. S. Cooperation of Transbaikal Territory with the Federal Center: Prospect of Development	197
Senotrusov A. A. Alternative Civil Service in Soviet Russia in the 1920s	200
Timofeeva E. A. The Role of the Media in Shaping the Image of the Region on the Example of Zabaykalski Krai	203
Tumanova A. A. The Genesis of the Reform of the Pension System Russian Federation	205
Shaposhnikova O. V. Russia and Byzantium: from the History of Relations	208
Information about Authors	211

РАЗДЕЛ 1. Регион как объект изучения. Ценностно-философское осмысление макрорегиональных аспектов

SECTION 1. Region as an Object of Study. Value-Philosophical Understanding Macro-Regional Aspects

УДК 332(571.55)
ББК У04(2Рос-4Чит)

Любовь Владимировна Гернего,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: lvgernego@bk.ru

Теоретические подходы к изучению приграничных регионов (на примере Забайкальского края)

Данная статья посвящена актуальным вопросам – регионализации и проблемам пограничных регионов. Автор опирается на разные парадигмы их понимания. В работе рассматриваются проблемы пограничных регионов, их взаимодействие на материале Забайкальского края.

Ключевые слова: регион, регионализация, пограничье, приграничный регион, мирохозяйственный подход, приграничное сотрудничество

Lyubov V. Gernego,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: lvgernego@bk.ru

Theoretical Approaches to the Study of Border Regions (on the Example of the Zabaikalsky Krai)

This article focuses on topical issues – regionalization and problems of border regions. The author relies on different paradigms of their understanding. The paper deals with the problems of border regions, their interaction on the material of the Zabaikalsky krai.

Keywords: region, regionalization, borderlands, border region, world economic approach, cross-border cooperation

Современная глобализация актуализировала процесс регионализации – естественного принципа территориальной организации всех аспектов жизнедеятельности человеческих сообществ.

В современных условиях она представляет собой важную форму организации национального пространства России. Регионализация связана с концептуализацией понятия «регион». Латинское слово “*region*” обозначает

область, местность, определённую территорию. Понятие «регион» можно понимать, во-первых, в узком смысле – как административно-территориальное образование, а во-вторых, в широком значении – как территорию, отличающуюся рядом признаков и обладающую целостностью и взаимосвязанностью элементов [2].

Пограничье – это регион, жизнедеятельность которого определяется существованием границы. Он обладает уникальными особенностями, так как граница не только разъединяет, но и объединяет государства, выполняя барьерную и контактную функцию. Важную роль в понимании культурного пограничья сыграли работы Ю. Лотмана, понимающие его как семантическое пространство, которое освоено, осмыслено и проинтерпретировано людьми, его населяющими, и ставшее частью их культурного мира. Учёный писал: «Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой – соединяет. Она всегда граничит с чем-то, следовательно, одновременно принадлежит обеим пограничным культурам, обеим взаимоприлегающим семиосферам» [6, с. 183].

Существуют разные парадигмы понимания приграничного региона. Первый – мирохозяйственный подход, согласно которому в мире существует группа стран, способных влиять на мировые события с помощью своих научно-технических возможностей и политики, базирующейся на признании демократии и прав человека. В нём выделяют несколько направлений: первое определяется геоэкономикой, исследующей проблемы глокализации – взаимодействия глобальных и локальных основ экономики. Второе – занимается изучением совместных институтов мирохозяйственных связей. Второй подход изучает приграничные регионы с точки зрения периферия – центр. И третий – политико-географический подход, по которому изучается влияние границ на международные отношения.

Восточные приграничные регионы обладают своими отличительными особенностями – наличием огромных территорий при малой плотности населения, малой экономической освоенностью, ограниченностью инвестиционных и финансовых ресурсов, большим разрывом в уровне и качестве жизни населения, плохой разработанностью нормативно-правовой базы регулирования приграничных отношений.

Для развития региона, с точки зрения С. Н. Грибовой, более подходит рассмотрение его как экономического субъекта со своими важными функциями: обеспечения безопасности государства, движения товарных потоков; реализации управления приграничными общественно-экологическими системами и сотрудничеством. Подобное рассмотрение открывает новые возможности в развитии региона [3, с. 11–35].

В период перестройки в России произошла либерализация внешней торговли, и приграничные регионы установили экономические связи с соседними государствами. Приграничное сотрудничество сегодня является опорой для экономического развития регионов. Поэтому существует явная необходимость разработки стратегии развития каждого региона и региональной политики приграничного сотрудничества.

Приграничное сотрудничество – это форма международных отношений, где основными действующими лицами являются не только государство, но и органы власти регионов и местного самоуправления муниципальных образований, расположенных у границы.

По территории Забайкалья проходит 1100 км границы с Китаем, поэтому сегодня российско-китайские отношения приобрели форму стратегического партнёрства. Сотрудничество территорий Забайкалья с прилегающими регионами Китая охватывает немало сфер: торговлю, инвестиции, транспорт, строительство сельское хозяйство и т. д. Это взаимодействие происходит под идеей «взаимодополняемости» пограничных территорий России и Китая.

Однако в отношениях между Китаем и Россией при совпадении интересов существуют немалые противоречия. Это связано с «асимметрией и асинхронностью развития приграничных регионов России и Китая (прежде всего в сфере демографии и приграничной инфраструктуры) – разные темпы развития производства, недостаточная экономическая освоенность Юго-Востока России, интенсивность использования природных ресурсов» [4, с. 72]. Национальная политика Китая требует наличия множества ресурсов. И их источником становятся приграничные территории соседних стран. Китай последовательно втягивает Россию в сферу своих национальных интересов и использования её территорий для решения собственных задач.

Внешнеэкономическая деятельность в приграничных районах Китая организована намного лучше, чем в России. Сравнительный анализ показателей экономического развития этих двух приграничных регионов свидетельствует о несовершенстве региональной политики РФ на границе с Китаем – бизнес разобщён, нет единой приграничной стратегии и координации действий, налицо риск отставания российских регионов от активно развивающихся северо-восточных провинций Китая [5, с. 20–25].

Практически китайская сторона стремится решать проблемы своей экономики за счёт сырьевых ресурсов России, расширения рынка сбыта своей продукции. Это создаёт угрозу национальной безопасности России. К угрозам национальной безопасности Забайкальского края можно отнести: преобладание КНР в сфере внешней торговли (95 % общего объёма товарооборота в 2006 г.), сырьевой характер экспорта Забайкалья (84,7 % экспорта в 2006 г. – древесина), тенденцию получения прямого доступа к природным ресурсам края, уничтожение природы края в рамках приграничного сотрудничества [7].

Таким образом, с развитием приграничных взаимодействий Забайкалья и Китая возникает проблема сохранения национальной безопасности этого региона. Несмотря на большое количество природных ресурсов, экономика края развита слабо (доля региона в совокупном российском ВРП составляет всего 0,4 %, ВРП в регионе упал со 109 % в 2000 г. до 94,2 % в 2016 г.) и имеет ряд проблем: сырьевой характер промышленности, дотационность, низкую инвестиционную привлекательность, удалённость от других областей России и др.

Важными индикаторами состояния экономики являются экономическая активность и занятость населения. Забайкалье отличается низким уровнем экономической активности и занятости. Так, в 2006 году численность экономически активного населения составляла 501 тыс. чел., а в 2016 г. – 535,7 тыс. чел. То есть уровень занятости населения в 2000 году составлял – 52 %, в 2015 году – 59,4 %. Очевидно, что по социально-экономическому развитию

Забайкалье является одним из отстающих регионов России, перед которым стоят проблемы преодоления спада производства, сохранения рабочих мест, безработицы и др.

Социально-экономическое развитие региона связано с оплатой труда работников, т. к. уровень зарплаты формирует спрос на рынке и влияет на экономический рост. Среднемесячная реальная зарплата в % к предыдущему году в крае уменьшилась от 118,2 % – в 2000 году, до 90,1 % – в 2016 году [Там же].

Все вышеперечисленные проблемы оказывают влияние на демографию края. По состоянию на 10.05.2017 г. численность постоянного населения Забайкальского края составила 1072,8 тыс. чел. По сравнению с 2010 годом оно уменьшилось на 33,4 тыс. чел. Сегодня главной причиной этого явления становится миграция трудового населения в соседние регионы [Там же]. Исследователи предлагают разные варианты решения проблем Забайкалья.

Н. В. Грибова рекомендует кластерные технологии. Кластер представляет точку роста приграничного пространства, притягивающие инновационные технологии [3]. Забайкальский трансграничный кластер включает отдельные отраслевые приграничные кластеры, охватывающие горнодобывающий, строительный и лесной комплексы.

Исследователь И. И. Арсентьева предлагает построение модели безопасного развития Забайкалья методом SWOT-анализа. Предыдущее изучение экономического и человеческого потенциала края позволяет выделить его сильные и слабые стороны, а также угрозы и возможности определить пути выхода из кризиса. Она указывает на два возможных сценария развития региона: инерционный, ведущий к утрате контроля над территорией Забайкалья, и инновационный, предполагающий создание макрорегионального каркаса России с центрами, могущими сыграть роль механизма в инновационном развитии края [1].

Но самое главное – следует поменять региональную политику России и перестать рассматривать Забайкалье как сырьевой придаток страны.

Источники и литература

1. Арсентьева И. И. Регионализация как новая форма пространственной организации России в условиях глобализации. – М.: Восточная книга, 2011. – 263 с.

2. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 495 с.
3. Грибова С. Н. Развитие приграничных регионов: методология и практика: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. – Улан-Удэ, 2011. – 40 с.
4. Зимина Н. С. Социокультурное пространство региона. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 116 с.
5. Кузьминых А. П. Политика приграничного сотрудничества как способ реализации национальных интересов Российской Федерации (на примере Читинской области): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Чита, 2007. – 25 с.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
7. Статистический ежегодник Забайкальского края. Основные официальные статистические показатели. Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю. – URL: <http://www.chita.gks.ru> (дата обращения: 29.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 316
ББК С52

Елена Владиславовна Хлыщева,
*Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия,
e-mail: culture_mar@mail.ru*

Приграничный регион как маркер идентификационной трансгрессии¹

В статье рассматриваются трансгрессивные процессы этноконфессиональной идентичности в приграничном регионе, вызванные миграционными процессами и сложностью адаптации приезжих. Сложное переплетение культурных миров затрудняет определение собственной идентичности и становится острой проблемой. Всё это определяет необходимость выявления новых принципов построения идентичности, основанных как на истории, религии, ментальности, так и на общем гражданстве. Наиболее показателен процесс формирования надэтнической идентичности в поликультурных регионах, поэтому для анализа был выбран Астраханский регион, являющийся и приграничным, и гетеротопным.

Ключевые слова: идентичность, глобализация, этноконфессиональность, пограничье, трансгрессия, транскультурность

Elena V. Khlysheva,
*Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia,
e-mail: culture_mar@mail.ru*

Border Region as a Marker of Identification Transgression

The article discusses the process of transgression of ethno-confessional identities in the border region, caused by migration processes and the difficulty of adaptation of visitors. The complex interweaving of cultural worlds makes it difficult to define one's own identity and becomes an acute problem. All this determines the need to identify new principles of building identity, based both on history, religion, mentality, and on general citizenship. The formation of supra-ethnic identity in multicultural regions is most indicative, therefore, the Astrakhan region, which is both frontier and heterotopic, was chosen for analysis.

Keywords: identity, globalization, ethnoconfessional, border, transgression, transcultural

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 18-78-10064 «Трансформация механизмов формирования посттрансгрессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

Приграничные регионы, как правило, выделяются своей полиэтничностью и поликонфессиональностью. Длительное совместное проживание разных этносов на этой территории, сходные пути исторического развития народов приводят к общности занятий, семейного быта, материальной и духовной культуры. В результате такого взаимодействия оформляются и функционируют «граничные культурные ландшафты» [10, с. 661], происходит репрезентация культурно-ландшафтных структур, отличающихся многоуровневостью и динамичностью.

Астраханский регион, находящийся на перекрёстке торговых путей и трех мировых религий, является и приграничным, и гетеротопным. На каждом новом этапе заселения состав населения формировался заново. И только культурная память вбирала в себя историю волн кочевых миграций, формируя особую региональную идентичность у проживающих здесь народов. В то же время каждый народ сохранял свою этнокультурную самобытность, хотя под влиянием многих факторов она существенно трансформировалась, ослабляя национальные традиции и меняя тем самым культурный ландшафт.

Современный «запрос» на мобильность всех ресурсов, в том числе и людских, предлагает новые социальные схемы, которые «вплетают» в себя миграцию как обязательную составляющую. В результате идентичность в глобализационном пространстве размывается, теряет чёткие границы и становится гетеротопной, дробя культурное пространство на «множество фрагментов, его составляющих» [4]. Маркером современной культуры становится трансгрессия, вызванная глобальными процессами, происходящими в мировой экономике, под влиянием которых изменяются географические, политические и религиозные границы мира. Исторически сложившиеся культурные ареалы перекраиваются по-новому, «запуская новые, выходящие за пределы привычного опыта, а потому непредсказуемые процессы, которые трудно поддаются контролю по причине своей неизученности» [12, с. 5492]. Поэтому трансграничное перемещение людей (иммиграция) становится для регионов, особенно приграничных, проблемой не столько экономической, сколько культурной сферы, поскольку трансгрессия представляет собой спонтанную форму реакции на

встречу с «чужим», когда нарушение традиционного поведения соответствует «инстинкту выживания индивида» [11, с. 816].

Население пограничного гетеротопного региона (как местное, так и пришлое) вынуждено приспосабливаться к новым условиям. А это в свою очередь запускает процессы изменения традиционной картины мира и зачастую приводит к слому стереотипов, появлению новых религиозных движений, культов, выходу на новый уровень межкультурного диалога. Сложнее всего сегодня решить проблему «мобильности в оценке собственной идентичности» [5, с. 188], вплоть до отказа от прежней и замены её на новую. Трудно заранее сказать, несёт ли такая идентичность угрозу или, напротив, является необходимым этапом адаптации. В любом случае подобные процессы представляют собой риски культурной безопасности.

В процессе трансгрессии «чуждость», как правило, преодолевается, но для этого реальность должна быть либо «узнана» с учётом современных коррективов, либо перетолкована заново, создавая новые контуры обжитого пространства. Иммигранты, «исторические» национальные меньшинства, культурные меньшинства ждут признания своих культур, идентичности, особого образа жизни составной частью культуры определённого региона. Однако иногда дистанция между представителями разных культур настолько велика, что «договориться» между собой бывает крайне сложно. В этом случае происходит своеобразный отказ иммигрантов от попыток вхождения в многокультурное общество ввиду сложности процесса адаптации и культивирование привычных, традиционных форм социокультурной идентификации. Возрождение религиозных, этнокультурных ценностей во многом объясняется именно этим фактором.

В конце XX века Астраханский край принимает на себя значительную тяжесть миграционных волн из новых независимых государств, а также из конфликтных регионов Российской Федерации, прежде всего Северного Кавказа. Кроме того, здесь наблюдается рост этнического самосознания своих народов, который сопровождается усилением интереса к традициям и проявлением в той или иной степени национализма и этноконфессионального противостояния. Традиционная веротерпимость астраханцев подвергается серьёзному испытанию на

прочность. Под влиянием приезжих с Кавказа идёт активное обсуждение проблемы «русского ислама». В мае 2013 года Институт национальных стратегий даже называет Астрахань южным центром ваххабизма [1]. В ряде населённых пунктов появились группы последователей нетрадиционных для Астраханской области конфессий: неопятидесятники, отделенные баптисты, суфисты, вайшнавы. Поэтому сегодня для региона актуальны проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма.

Ежегодно через Астраханскую область в Россию въезжает более полумиллиона иностранных граждан, в хозяйственной деятельности здесь занято несколько десятков тысяч трудовых мигрантов. Это, а также большой приток в регион жителей южных республик привело к формированию новых этнических общностей из числа граждан России и иностранцев.

В 2010 году в Астраханской области, одном из первых субъектов Российской Федерации была разработана собственная Концепция государственной национальной политики, где говорится о необходимости противодействовать «попыткам извне, несущим угрозу межнациональному согласию и духовному единству граждан России» [8]. Для сохранения этнокультурного многообразия и укрепления регионального единства нужны дополнительные меры по адаптации внутренних и внешних мигрантов, их вовлечению в социально-культурную жизнь и предотвращению формирования замкнутых этноконфессиональных анклавов. Важным представляется организация изучения русского языка как иностранного для семей мигрантов из-за рубежа. К этой работе предлагается привлекать общественные и религиозные организации. При губернаторе Астраханской области сформирована рабо-

чая группа этноконфессионального совета по согласованию этнорелигиозных инициатив. Реализуется комплекс мер по социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов. Планируется создание регионального сегмента федеральной системы электронного мониторинга межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтов. Дополнением системной деятельности по формированию патриотизма и гражданского единства станет «Дом дружбы», открытие которого запланировано на 2019 год на базе Областного научно-методического центра народной культуры [6].

Чрезмерное увлечение этнокультурными формами прошлого ведет к распаду общества [9, с. 86]. Стремление сохранить изначальную этноконфессиональную идентичность в новой среде создаёт адаптационные сложности. Идентичность не является «статичной данностью» [2, с. 93], она меняется под влиянием процессов адаптации и интеграции; социальных трансформаций и взаимодействий. Она и должна меняться, ибо «ненормально, когда идентичность застывает, не реагируя на вызовы времени» [7].

Исходные уровни идентичности крепко связаны с традиционной культурой, а глобализационные процессы требуют перехода на более сложный уровень множественной идентичности, которая представляет собой особое состояние человека, открытого «универсуму различий» [3, с. 214] и даёт возможность понимания и уважения иной культурной модели мышления и поведения при сохранении ценностного основания своей национальной культуры. Суть происходящего заключается в необходимости изменения способа мышления в глобальном аспекте, предполагая признание культурного разнообразия неотъемлемой частью современного глобального процесса. А это влечёт за собой более широкие формы самоидентификации.

Источники и литература

1. Карта этнорелигиозных угроз – 2013. – URL: <http://www.instrategy.ru/pdf/248.pdf> (дата обращения: 23.01.2019). – Текст: электронный.
2. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. – М.: Мысль, 2015. – 272 с.
3. Мальковская И. А. Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 276 с.
4. Мамонова В. А. Глобализация в пространстве культуры: векторы развития // Теоретический интернет-журнал CREDO NEW. – 2007. – URL: <http://www.CredoNew.narod.ru> (дата обращения: 11.02.2019). – Текст: электронный.
5. Многоуровневая идентичность / под ред. А. Ю. Шадже. – М.: Рос. филос. о-во; Майкоп: Качество, 2006. – 245 с.

6. Морозов С. П. Учитывать вызовы и угрозы в сфере межэтнических отношений: доклад на этноконфессиональном совете при губернаторе Астраханской области по итогам реализации концепции государственной национальной политики в Астраханской области в 2016–2018 годах (25 дек. 2018 г.). – URL: <https://www.etnokonf.astrabl.ru/press-release/sostoyalos-zasedanie-etnokonfessionalnogo-soveta-pri-gubernatore-astrahanskoy> (дата обращения: 10.01.2019). – Текст: электронный.

7. Федоров В. В. Российская идентичность и вызовы времени. – М.: ВЦИОМ, 2013. – URL: <https://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports> (дата обращения: 18.01.2019). – Текст: электронный.

8. Шантимиров К. З. О реализации государственной национальной политики в регионе: доклад на заседании этноконфессионального совета при губернаторе Астраханской области (25 дек. 2018 г.) // Этноконфессиональный совет при губернаторе Астраханской области. – URL: <https://www.etnokonf.astrabl.ru/press-release/doklad-kz-shantimirova> (дата обращения: 18.01.2019). – Текст: электронный.

9. O’Riordan T. Globalism, Localism and Identity: Fresh Perspectives on the Transition to Sustainability. – London: Earthscan Publications Ltd, 2001. – 248 p.

10. Romanova A. P., Yakushenkov S. N. Typology of Russian heterotopic space / SGEM International Multidisciplinary Scientific conference on Social Science and Arts. – Sofia, 2017. – Book 2, vol. 2. – Pp. 657–669.

11. Topchiev M. S., Dryagalov V. S., Yakushenkova O. S. Religious transgression on frontier heterotopia // 3d International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. – Venue: Flamingo Grand Congress Center, 2016. – Book 3, vol. 2. – Pp. 815–820.

12. Topchiev M. S., Dryagalov V. S., Yakushenkova O. S. The Problem of the Youth’s Religious Identity Formation in the Frontier Territories of the Northern Caspian Sea Region: Contemporary Aspect // Man In India. – 2016. – Vol. 96, is. 12. – Pp. 5481–5502.

УДК 341.222:327
ББК Х910.313:Ф4

Альбрехт Штайн,
Институт Фрезениуса,
г. Мюнхен, Германия,
e-mail: aleri24@gmx.de

Бьянка Ширрмахер,
Институт Фрезениуса,
г. Мюнхен, Германия,
e-mail: aleri24@gmx.de

Александра Рид,
АВО Мюнхен,
г. Мюнхен, Германия,
e-mail: aleri24@gmx.de

Относительность границы как геополитической конвенции на примере российско-польского приграничного региона

В статье предлагается рассмотрение понятия «граница» в философско-семантическом аспекте. При этом особенности внешней границы напрямую связаны с существованием социально-политических границ внутри соответствующих государств. Иллюстрацией служит история попытки создания в российско-польском приграничном регионе (Калининградская область) безвизовой зоны «Местного приграничного передвижения».

Ключевые слова: внешняя граница, внутренние границы, российско-польская граница, геополитическая конвенция, безвизовая зона

Albrecht Stein,

University of Applied Sciences Fresenius,
Munich, Germany,
e-mail: aleri24@gmx.de

Bianca Schirmacher,

University of Applied Sciences Fresenius,
Munich, Germany,
e-mail: aleri24@gmx.de

Alexandra Ried,

AWO Munich,
Munich, Germany,
e-mail: aleri24@gmx.de

The Relativity of the Border as a Geopolitical Convention on the Example of the Russian-Polish Border Region

In the present paper we propose consideration of the concept of “frontier” in the philosophical-semantic aspect. At the same time, the features of the external border are directly related to the existence of socio-political borders within the respective States. The history of the attempt to create a “Local Border movement” visa-free zone in the Russian-Polish border region (Kaliningrad region) is an illustration.

Keywords: external border, internal borders, Russian-Polish border, geopolitical Convention, visa-free zone

Понятие «граница» в философско-семантическом смысле является отнюдь не тривиальным, а амбивалентным и даже парадоксальным. Амбивалентность границы проявляется уже семантически в связанных с ней полярных понятиях отграничивать-граничить, запрет-защита, разделение-общность (в традиции, немецкой классической философии – не только «либо-либо», но и «как..., так и»). Основными функциями границы являются, таким образом, с одной стороны, дифференциация от себе подобных, с другой – определение отношений с себе подобными [6, с. 3].

Лишь среди себе подобных «один» нуждается в конституирующем отграничении, соответственно, заинтересован в сохранении и защите своей границы как гаранта идентичности. При этом в первом, грубом приближении, несущественны остальные характеристики этого «одного» – является ли оно особью, группой, государством или абстрактным феноменом. При ближайшем рассмотрении, однако, на первый план выходит сложная, гетерогенная структура самого анализируемого единичного субъекта. По крайней мере, в социальной сфере взаимодействие отдельных элементов (партии, группы и т. д.) с различными политическими и экономическими интересами и ресурсами власти обуславливает, прежде всего, вну-

треннюю разграниченность общества и имеет решающее воздействие на консистентность (степень проницаемости), да и на само существование границы внешней (семиотические аналогии можно найти у Ю. Лотмана [2, с. 185]). Это взаимодействие границ различного уровня играет во внешней и внутренней политике решающую роль.

Прежде всего, необходимо различение собственно «границы» как культурной, геополитической конвенции, предполагающей сосуществование как минимум двух относительно однородных субъектов, и натурального «предела», обозначающего конечность одного субъекта (явления).

При этом становится отчётливым как статический, так и динамический характер границы. Отграничение, даже как средство самоидентификации при всей кажущейся незыблемости и самоочевидности, является переменной величиной. С одной стороны, граница является инструментом, регулирующим отношения и устанавливающим общие правила (принадлежность, исключение), с другой – является дестабилизирующим источником конфликтов, связанных с постоянным пересмотром её статуса и пространственного положения.

Парадоксальным образом атрибутом границы уже в традиции М. Фуко, становится её пересекаемость. Без этой релятивности,

уже заложенной в определении, граница является абсолютным, конечным пределом уникального явления (например, жизнь в нерелигиозной картине мира).

Конкретной иллюстрацией к вышеприведённым философско-семантическим рассуждениям может служить новейшая ситуация в российско-польской приграничной зоне (Калининградская область).

После распада СССР и СЭВ («Восточного блока») граница России и Польши постепенно начала превращаться в стратегическую и глобальную границу между СНГ (в настоящее время «Таможенный союз») и Европейским союзом («коллективным Западом»). Поскольку Польша постепенно вошла в ЕС и шенгенскую зону, а России так и не удалось до сих пор договориться о безвизовом режиме с ЕС, этот приграничный регион стал узлом многих противоречий, как геополитических, так и экономических.

27 августа 2002 года Президент Российской Федерации В. В. Путин направил председателю Европейской Комиссии Романо Проди и главам государств, входящих в ЕС, послание о возможных проблемах в жизнеобеспечении Калининградской области РФ после планируемого расширения ЕС на Восток. В послании предлагалось обсудить возможность перехода в ближайшем будущем на безвизовый режим взаимных поездок.

Первоначальный оптимизм и позитивные заявления о возможности перехода на безвизовый режим, однако, через несколько лет, сменились иными, более осторожными комментариями, пока, наконец, 24 февраля 2010 года верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон не заявила в Москве, что «Евросоюзу и России ещё далеко до введения безвизового режима» и предстоит ещё многое сделать для его достижения [5].

Возможная евроинтеграция России (в первую очередь, введение безвизового режима для туристических поездок и создание единого экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока») обсуждалась лишь до начала украинского кризиса 2013–2014 годов, 6 марта 2014 года главы государств и правительств ЕС приняли совместное заявление по ситуации на Украине, в котором, в частности, заявили о приостановке переговоров с Россией о безвизовом режиме.

Как развивается ситуация в Польше? Договор о создании Европейского союза даёт право каждой европейской стране по-

дать заявление на членство в ЕС. 8 апреля 1994 года Польша подала заявление на вступление в ЕС. В июле 1997 года оно было позитивно оценено Европейской комиссией. В начале 1999 года страна вступила в НАТО, что стало важным шагом в присоединении Польши к Западному миру [8, с. 68]. 21 декабря 2007 года Польша вступила в Шенгенское пространство. С этого момента граждане Польши могут пересекать границу со странами ЕС без таможенного и полицейского контроля.

Заместитель министра иностранных дел Польши Катажина Пелчиньска-Наленч и посол Российской Федерации Александр Алексеев 27 июня 2012 года обменялись нотами, сообщающими об окончании процесса ратификации Соглашения между Правительством Республики Польша и Правительством Российской Федерации, о порядке местного приграничного передвижения, подписанного в Москве 14 декабря 2011 года. Соглашение между правительствами РФ и Польши о безвизовом местном приграничном передвижении (сокращённо МПП) вступило в силу 27 июля 2012 года. Местное приграничное передвижение, действующее в рамках российско-польского межправительственного Соглашения, являлось своего рода репетицией на пути к безвизовому режиму между Россией и Евросоюзом.

В результате переговоров удалось договориться о том, чтобы в сферу МПП была включена вся Калининградская область и соответствующая по размерам территория Республики Польша с населением около трёх миллионов человек. Приграничные воеводства Польши при этом выходили с инициативами расширения зоны местного приграничного передвижения с Россией [3]. Интересно, что МПП активно использовалось польской стороной, в том числе и в непредусмотренных коммерческих целях (так называемые «бензовозчики»). Соотношение польских участников МПП и калининградцев в 2012 году оценивалось как 90:10 [1].

Местное приграничное передвижение (МПП) с Россией было приостановлено польской стороной в 2016 году в связи с двумя международными мероприятиями, организованными Польшей: саммит НАТО и Всемирный день молодёжи. Это решение было обосновано, в частности, необходимостью минимизировать потенциальные угрозы национальной безопасности, поскольку в Калининградской области растёт мили-

таризация и активность российских спецслужб, которая сопровождается процессом расселения военнослужащих в этом районе и другими, потенциально опасными видами деятельности, в том числе разведывательной активностью, кибератаками и экономическим давлением.

По данным Министерства внутренних дел и администрации Польши, приостановка действия соглашения с Россией имеет положительный аспект и в сфере экономики: снижение контрабанды алкоголя, топлива и сигарет.

Вразрез с этой позицией парламентарии и представители местных органов власти приграничного Варминьско-Мазурского воеводства собирают подписи за возобновление МПП на границе с Россией. Яцек Протас из партии «Гражданская платформа» наиболее активно ратует за его восстановление. Депутат ещё раз обратился к министру внутренних дел и администрации президента с запросом по этому поводу.

Яцек Протас не сомневается в том, что программа МПП не будет возобновлена в рамках правительства, сформированного партией «Право и справедливость» (ПиС). Он уже объявил, что когда «Гражданская платформа» придёт к власти, ограничение будет снято.

«Когда мы отодвинем ПиС от власти, правительство, в котором будет домини-

ровать Гражданская платформа, восстановит МПП для нашего региона, – пообещал он. – Это решение, которое выгодно для экономического развития Варминьского и Мазурского воеводства, а также для добрососедских отношений с Калининградской областью» [7].

13 января 2019 года было совершено покушение на мэра (президента) Гданьска Павла Адамовича (партия «Гражданская Платформа»), русофила и также сторонника МПП с Калининградской областью Российской Федерации. Днём позже он умер от ранения в больнице. Это нанесло ощутимый удар по сторонникам МПП с Россией в Польше [4].

Легко заметить, возвращаясь от конкретного примера к теории, что необходимость и характер границы являются не абсолютными, а политически и экономически релятивными категориями. В этом смысле гораздо продуктивнее представляется интерпретация границ и приграничных регионов не как зон отчуждения и дистанцирования от угрозы, а в позитивном смысле как областей сближения, интеграции и взаимного обогащения культур с задействованием таких релевантных компонентов, как изучение языка, коммуникация и сотрудничество в сфере науки и искусства, совместные экологические проекты и многое другое.

Источники и литература

1. Безбрежьев С. Без шероховатостей не обходится // Bezformata. – URL: <http://www.kaliningrad.bezformata.com/listnews/sherohovatoj-ne-obhoditsya/9427541> (дата обращения: 17.04.2019). – Текст: электронный.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
3. Ньюс Балт. Воеводство, граничащее с Калининградом, просит Варшаву расширить зону льготного передвижения россиян // Newsbalt.ru. – URL: <http://www.newsbalt.ru/news/2014/10/15/voevodstvo-granichashhee-s-kaliningrad> (дата обращения: 17.04.2019). – Текст: электронный.
4. Радио Гданьск. Выступал за возврат МПП и добрые отношения с Калининградом: чем запомнится мэр Гданьска Павел Адамович // Bezformata. – URL: <http://www.kaliningrad.bezformata.com/listnews/mer-gdanska-pavel-adamovich/72175656> (дата обращения: 17.04.2019). – Текст: электронный.
5. Ромашенко С. Кэтрин Эштон: России и ЕС еще далеко до отмены виз // Deutsche Welle. – URL: <https://www.dw.com/ru/кэтрин-эштон-россии-и-ес-еще-далеко-до-отмены-виз/a-5282844> (дата обращения: 14.04.2019). – Текст: электронный.
6. Kleinschmidt C. Semantik der Grenze // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2014. – № 4–5. – Pp. 3–8.
7. Podolski M. Do Kaliningradu bez wizy? PiS ostrzega przed militaryzacją obwodu // Olsztyn. – URL: <https://www.olsztyn.onet.pl/do-kaliningradu-bez-wizy-pis-ostrzega-przed-militaryzacja-obwodu/ge0wv4I> (дата обращения: 17.04.2019). – Текст: электронный.
8. Stawowiak M. Der Weg Polens in die EU und die Auswirkungen des EU-Beitritts mit besonderer Berücksichtigung der Integrationsbereiche "Landwirtschaft", "Umwelt" und "Umsetzung der Freizügigkeit": Inaugural-Dissertation. – Münster: Westfälische Wilhelms-Universität, 2004. – 657 p.

УДК 330(571:476)

ББК У248.5(2Рос:4Бел)

Виктор Николаевич Блохин,

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия,

г. Горки, Беларусь,

e-mail: vik-1987@bk.ru

Приграничный регион в условиях глобализации

Статья рассматривает особенности социально-экономического развития сельских сообществ в российско-белорусском приграничье. Сельские сообщества России и Беларуси испытали значительные трансформации в постсоветский период. Однако масштабы и направления социально-экономических изменений в двух странах были неодинаковы. В настоящее время на динамику сельских сообществ приграничья значительное влияние, как позитивное, так и негативное, оказывает глобализация

Ключевые слова: российско-белорусское приграничье, сельские сообщества, глобализация, социально-экономическое развитие, трансформации

Viktor N. Blokhin,

Belarusian State Agricultural Academy,

Gorki, Belarus,

e-mail: vik-1987@bk.ru

Border Region in the Conditions of Globalization

The article considers the features of socio-economic development of rural communities in the Russian-Belarusian borderland. Rural communities in Russia and Belarus have experienced significant transformations in the post-Soviet period. However, the scale and direction of socio-economic changes in the two countries were not the same. Currently, globalization has a significant impact on the dynamics of the rural communities of the borderlands, both positive and negative.

Keywords: Russian-Belarusian borderland, rural communities, globalization, socio-economic development, transformations

С конца XX века наблюдаются изменения тенденций регионального развития под воздействием глобализации. Глобализация представляет собой интеграцию стран и народов мира посредством развития науки, техники, инфраструктуры, торговли. Происходит унификация сферы культуры, системы жизненных ценностей и моделей поведения. Унификация, вызванная глобализацией, особенно проявляется в мегаполисах и агломерациях. В то же время воздействию глобализации подвергаются и сельские сообщества. Роль глобализации в развитии села не столь очевидна и относительно мало изучена, однако недооценка такого воздействия угрожает нарастанием негативных, кризисных явлений в сельских сообществах.

Для рассмотрения воздействия глобализации на региональное развитие нами

были выбраны сельские сообщества российско-белорусского приграничья. Как и в большинстве постсоветских государств, сельские сообщества России и Беларуси столкнулись со множеством социально-экономических проблем: депопуляция, усиление урбанизационных процессов, снижение престижности сельского образа жизни, распространение социальной апатии. Распространённым явлением в сельской социальной среде стало девиантное поведение (пьянство, иждивенчество, маргинальность, преступность). Деградация социальных и экономических отношений в сельских сообществах связана с кардинальными трансформациями, произошедшими после распада Советского Союза. Многие социальные институты перестали соответствовать новым экономическим условиям, начали

выполнять дезинтегрирующую функцию, что обусловило сложность включения в глобальные процессы.

По мнению Л. В. Никифорова, глобализация оказывает неоднозначное воздействие на сельское развитие. Наиболее важные аспекты этого воздействия следующие:

- открытие аграрных рынков, расширение конкурентной борьбы местных и иностранных производителей, что играет как положительную, так и отрицательную роль;
- технологическое перевооружение, трансформация производства и социальной динамики села, в то же время возрастает вероятность роста зависимости от транснациональных корпораций;
- сверхэксплуатация природных, трудовых и иных ресурсов, что может быть чревато дестабилизацией устоявшейся системы сельских и региональных взаимосвязей [1, с. 161].

К числу позитивных возможностей глобализации относится заимствование международного опыта, импорт инновационных технологий, сельскохозяйственной техники, пород скота, доступ к зарубежным грантам и льготным кредитам в целях устойчивого развития.

Глобализация влияет на сельское развитие посредством распространения компьютерно-коммуникационных технологий (мобильная связь, интернет, мессенджеры). По мнению Э. Гидденса, электронная связь – это не просто средство передачи информации, а инструмент трансформации жизни человека, независимо от уровня доходов и социального положения.

Данные Института аграрных проблем РАН, полученные в 2015 году в ходе социологических опросов, показывают, что около 72 % сельчан имеют собственный компьютер, а интернет является важнейшим источником информации почти для 35 % сельских жителей [2, с. 34]. Сегодня сельские жители России и Беларуси живут в едином информационном поле с городом, им доступна разнообразная информация. Проблемой является низкий уровень использования этой информации, недостаточные умения владения компьютерной техникой. Решение этой проблемы возможно посредством информационно-просветительской работы, которую могут выполнять местные учреждения образования путём организации курсов и специальных занятий. Информационные технологии позволяют преодолеть периферийность,

приобщиться к достижениям науки и культуры, поддерживать связь с родственниками и друзьями.

Расширение доступа сельского населения российско-белорусского приграничья к компьютерным технологиям было зафиксировано диссертантом в 2015 году во время проведения социологических исследований.

Результаты опроса показывают, что абсолютное большинство сельчан в приграничном регионе уже имеют компьютерную технику (69 % белорусских и 64 % российских респондентов), однако немногим более трети респондентов (38 % белорусских и 36 % российских сельских жителей) регулярно используют сеть Интернет. Это можно объяснить особенностями сельского быта, характерными для всего российско-белорусского приграничья: постоянная занятость (на работе и в домашнем хозяйстве), консерватизм и нежелание осваивать новую технику и связанные с ней возможности. При непосредственном общении сельчане часто отмечали, что компьютеры приобрели для детей, либо сами взрослые дети купили эту технику. Соответственно значительный процент сельских жителей, имея в домашнем хозяйстве компьютер и выход в интернет, не пользуются этой возможностью, потребителями данных услуг являются в большинстве своём люди молодого и среднего возраста.

По данным 6-й волны мониторинга Института социологии РАН (апрель 2017 г.), сельские сообщества России по уровню использования сети Интернет (46,6 %) уже мало отстают от аналогичного городского показателя (51,5–53,8 % в зависимости от типа города). Распространение доступа в интернет компенсирует сельским жителям их слабую включённость в сферу культурного потребления.

Глобализация влияет на сельские сообщества не только на макроуровне (законы мирового рынка и международных политических институтов), но и на микроуровне (изменение повседневных практик сельских жителей). Распространение глобальных тенденций в повседневной жизни так называемых периферийных обществ, российский социолог Н. Е. Покровский назвал «клеточной» глобализацией. В свою очередь У. Бек предлагает термин «глобализация изнутри» (*globalization from within*).

Наиболее существенными особенностями «клеточной» глобализации, по мнению Н. Е. Покровского, являются:

– комплексность трансформаций (изменения структуры занятости, ведущих секторов экономики);

– постоянные изменения социальных практик (приспособления к многочисленным социальным новациям);

– расширение восприятия пространства (большая географическая мобильность, интернет, мобильная связь);

– культурное разнообразие (часто проявляется среди молодёжи и дачников);

– возникновение статусного потребления;

– распространение индивидуализма [3].

Описанные тенденции совпадают с трансформациями в регионах России и Беларуси.

Таким образом, глобализация всё больше воздействует на образ жизни и соци-

ально-экономическое поведение сельских жителей. Важной управленческой задачей является обеспечение успешной адаптации сельских сообществ к социальным и экономическим новациям, которые выступают проявлением глобальности. Позитивные возможности глобализации необходимо использовать во благо сельских сообществ, что возможно при разработке локальных стратегий устойчивого развития, которые учитывают социально-экономическую и социокультурную специфику сельчан. До сих пор в сельских сообществах особое значение играют неформальные социальные институты (традиции, местные нормы, семейные и соседские связи), через которые воспринимаются социально-экономические взаимоотношения.

Источники и литература

1. Никифоров Л. В. Состояние и развитие российского села в условиях вызовов глобализации // Труды вольного экономического общества России. – 2010. – Т. 99. – С. 161–173.

2. Смирнов А. Н. Сельский социум как адаптивная педагогическая среда // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 1. – С. 34–41.

3. Тощенко Ж. Т. Что представляет собой современное российское село? // Социс. – 2017. – № 12. – С. 89–98.

УДК 330(571:476)

ББК У248.5(2Рос:4Бел)

Владимир Владимирович Линьков,

Витебская ордена «Знак Почёта»

государственная академия ветеринарной медицины,

г. Витебск, Беларусь,

e-mail: linkovvitebsk@mail.ru

Исторический и социокультурный аспекты взаимодействия пограничных территорий

Представленные исследования последних лет свидетельствуют о сложности взаимодействия пограничных территорий, важности происходящих процессов всемирной глобализации, исторических и социокультурных аспектах движения средств производства, капиталов, предметов труда и готовой к реализации, востребованной на рынке агропродукции. Расчёты безусловной оптимизации показали высокий уровень взаимодействия Российской Федерации и Беларуси в данном направлении.

Ключевые слова: социокультурное взаимодействие, глобализация, производство продукции, пограничные территории

Vladimir V. Linkov,
Vitebsk Order of the “Badge of Honor”,
State Academy of Veterinary Medicine,
Vitebsk, Belarus,
e-mail: linkovvitebsk@mail.ru

Historical and Socio-Cultural Aspects of the Interaction a Border Territories

The presented studies of recent years demonstrate the complexity of the interaction of border areas, the importance of the ongoing processes of globalization, historical and sociocultural aspects of the movement of means of production, capital, objects of labor and ready for sale, demanded in the market of agricultural products. The calculations of unconditional optimization showed a high level of interaction between the Russian Federation and Belarus in this direction.

Keywords: sociocultural interaction, globalization, production, border areas

История развития мировых цивилизаций в контексте культурно-исторического овеществлённого наследия (прошлого труда и трудового наследия духовной и материальной культуры) показывает, что разные компоненты мироздания (страны и континенты) развивались крайне неравномерно [6], демонстрируя тем самым различные возможности ускоренного поступательного развития одних сообществ – в противовес другим [1–3; 5; 7; 9–11; 13–16; 23–25; 28]. Примерами новых, инновационных подходов совершен-

ствования процессов развития общества и его пограничных территорий – как важного мерного механизма общих динамических тенденций устойчивого развития – являются отдельные территориальные образования Российского государства и всего государства в целом. Однако для достижения лучших показателей динамики такого развития в государственном устройстве управленческой деятельности приходится поступаться определёнными понятиями централизации власти – в пользу децентрализации (рис. 1).

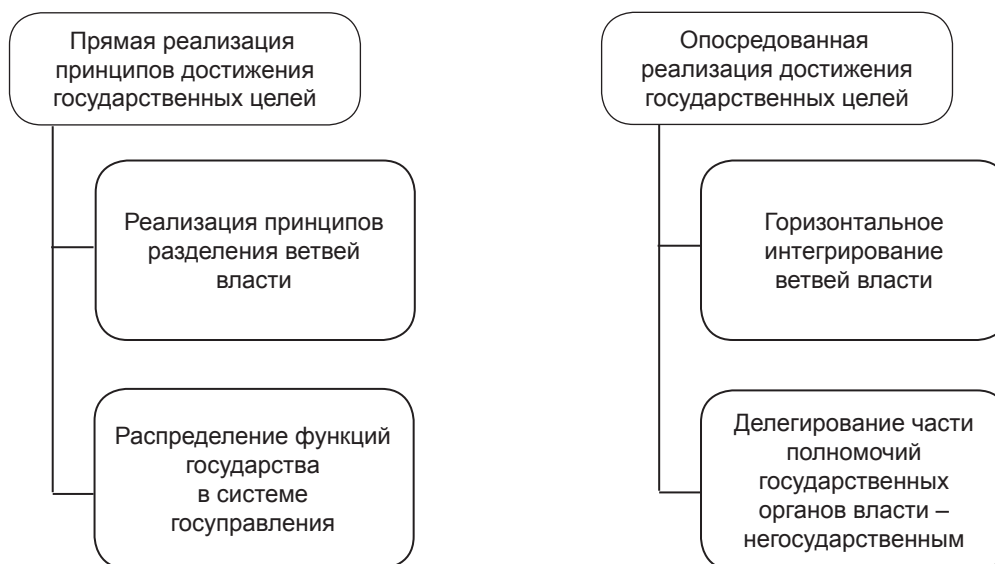

Рис. 1. Реформирование государственного устройства по пути децентрализации (интерпретировано по: [25])

В результате подобных подходов взаимодействия централизационного и децентрализационного механизмов системы го-

сударственного управления и устройства появляются новые точки интенсивного роста и развития общества [11; 13; 15; 23]. При

этом таких крупных точек (территориальных образований) интенсивного развития в современном мире насчитывается только три, две из которых находятся в самой России: Республика Крым и Чеченская Республика, а третья – Шанхай в Китае [19].

Вместе с тем унификационный подход в оценочных критериях достижения высоких показателей развития отдельной территории проходит через понимание механизма повышения конкурентоспособности приграничной агломерации [27], когда тенденциозные действия глобализации приводят к более интенсивному росту лучше развитых кластерных территорий, менее интенсивному росту среднеразвитых территорий и, в особенности в начальный период такого взаимодействия, – к резкому замедлению темпов роста и развития слаборазвитых территорий [28]. В связи с этим представленная для обсуждения работа анализа исторического и социокультурного аспектов взаимодействия пограничных территорий является актуальной и важной, затрагивающей большое количество народонаселения отдельных территориальных образований, а по большому счёту – многих государств в целом.

Исследования проводились в 2013–2019 годах с целью изучения отдельных

аспектов историко-социокультурного взаимодействия приграничных территорий. Для достижения данной цели решались следующие задачи: изучался большой массив специальной научной литературы; осуществлялась выборка данных государственной статистики по товародвижению широко распространённых видов продовольственной продукции (твёрдых жирных сыров); проводился математический анализ оптимизации такого товародвижения (при добровольном любезном содействии заведующего кафедрой компьютерного образования УО ВГАВМ, действительного члена и профессора Оксфордского университета, действительного члена Шведской (королевской) академии наук М. Н. Борисевича); осуществлялась интерпретация полученных данных для прикладного использования в научных и социокультурных целях. В исследованиях использовались методы анализа, синтеза, сравнений, логический, прикладной математики.

Всем известна экспортная ориентация производства пищевой продукции Республики Беларусь [3; 4; 6; 7; 22; 26], что в настоящее время, в век всемирной глобализации, является одним из следующих аспектов эффективного, по большому счёту – даже творческого взаимодействия многих стран мира (рис. 2).

Рис. 2. Социокультурное интегративное влияние основных элементов пограничного взаимодействия

Характерной особенностью такого взаимодействия (рис. 2) является разное влияние отмеченных блоков (элементов пограничного взаимодействия) в различные периоды исторической общности отдельных

территорий. Примерами таких колебательных движений служат производство и как в зеркале отображающая его реализация произведённой продукции твёрдых жирных сыров Беларуси, что отражено в таблице.

Реализация твёрдых жирных сыров в Беларуси, тыс. т [4]

Анализируемые показатели	2013	2014	2015	2016	2017
	Использование				
Потреблено в Республике	46 290	57 419	58 048	54 915	66 712
Экспорт	99 276	120 845	129 651	146 806	132 477

Окончание таблицы

Анализируемые показатели	2013	2014	2015	2016	2017
	Использование				
Страны СНГ	99 226	120 843	129 649	146 790	132 277
Россия	96 287	118 824	127 995	143 637	126 320
Страны вне СНГ	50	2	2	16	200
Запасы на конец года	4398	6951	9522	7893	10 887

Несмотря на то, что производство (и реализация) представленных твёрдых жирных сыров налажено на должном уровне в Российской Федерации [8; 12], тем не менее, Белорусское сельскохозяйственное производство в целом намеренно участвует в отмеченных процессах интегративного разделения труда, когда именно рынок самостоятельно реагирует и голосует за качество, ассортимент реализуемой пищевой продукции в связи со своими собственными представлениями и предпочтениями [17–21].

Расчёты безусловной оптимизации товарной реализации представленной продукции, согласно данным таблицы, показали, что самым высоким коэффициентом оптимального использования ресурсов положительно выделяется Россия ($K = 0,96$), до-

статочно высоким – страны СНГ ($K = 0,83$) и чрезвычайно низкими значениями данного показателя – страны вне СНГ (т. е. другие страны мира) с $K = 0,12$. Объяснений данному феномену достаточно много, но главный фактор кроется в традиционно-исторической общности народонаселения пограничных территорий Беларуси и Российской Федерации.

Таким образом, представленные исследования свидетельствуют о сложности взаимодействия пограничных территорий, важности неизбежно происходящих процессов всемирной глобализации, исторических и социокультурных аспектах движения средств производства, капиталов, предметов труда и готовой к реализации, востребованной на рынке продукции.

Источники и литература

1. Адаптация агроэкосферы к условиям техногенеза = Agroecosphere adaptation to technogenesis conditions / Академия наук Республики Татарстан; ред. Р. Г. Ильязов. – Казань: Фэн: Академия наук Республики Татарстан, 2006. – 664 с.
2. Акбердина В. В., Смирнова О. П. Концепция сетевых сопряжённых производств в контексте четвёртой промышленной революции // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2017. – Т. 23, № 7. – С. 104–113.
3. Базылев М. В., Лёвкин Е. А., Линьков В. В. Социокультурная глобализация сельскохозяйственного производства // Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: материалы междунар. науч.-практ. конф. (22 дек. 2017 г.). – М.: АПКППРО, 2017. – С. 11–14.
4. Балансы товарных ресурсов Республики Беларусь: стат. сб. 2018 г. / ред. И. В. Медведева. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. – 60 с.
5. Бергсон А. Длительность и одновременность. – М.: Добросвет, КДУ, 2013. – 160 с.
6. Борзова Е. П. История мировой культуры. – СПб.: Лань; М.: Омега-Л., 2004. – 672 с.
7. Глазьев С. Ю. Мировые хозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52, № 2. – С. 3–29.
8. Грязина Ф. И., Данилова О. А., Гуляева А. Ю. Производство твёрдых и мягких сыров в России. Ассортимент и технологические особенности // Вестник Марийского государственного университета. – 2016. – Т. 2, № 3. – С. 15–18.
9. Джуря С. Г., Левшов А. В., Чурсинов В. И. Особенности смены технологического уклада в XXI веке // Этика и наука будущего, 2015. – URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/osobennosti-smeny-tehnologicheskogo-uklada-v-xxi-veke> (дата обращения: 24.02.2019). – Текст: электронный.
10. Ефимов В. Курс эпохи водолея апокалипсис или преобразование. – СПб.: Весь, 2011. – 400 с.
11. Каранцева А. Е., Масюк Н. Н., Бушуева М. А. Создание «точек экономического роста» как базовая стратегия формирования инновационной среды Приморья // Фундаментальные исследования. – 2016. – Ч. 5, № 12. – С. 1100–1104.
12. Кузина Е. Ю., Острецов В. Н. Состояние и перспективы производства сыра в России // Молочно-хозяйственный вестник. – 2016. – № 1. – С. 115–123.

13. Кузьмин В. В России появятся 19 новых территорий опережающего развития. – URL: <https://www.rg.ru/2018/03/16/reg-sibfo/v-rossii-poiaviatsia-19-novyh-territorij-operezhaiushchego-razvitiia.html> (дата обращения: 17.04.2019). – Текст: электронный.
14. Кундиус В. А. Проблемы и перспективы формирования базиса инновационного развития региона // Вестник Алтайской науки. – 2013. – № 2. – С. 21–25.
15. Ларченко О. В. Территории опережающего социально-экономического развития как новая организационная форма развития региона (на примере Республики Карелия) // StudiaHumanitatisBorealis: науч. электрон. журн. – 2017. – № 2. – С. 30–35.
16. Линьков В. В. Духовные основы создания высокоэффективных агросистем: прогрессивная агрономия // Вестник Донского ГАУ. – 2018. – Ч. 2, № 3. – С. 68–83.
17. Линьков В. В. Закономерность в духовно-нравственном воспитании тружеников сельскохозяйственного производства // Православие и общество: грани взаимодействия: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. – Чита: ЗабГУ, 2018. – С. 136–140.
18. Линьков В. В. Новая концепция теории и практики агроменеджмента // Актуальные проблемы менеджмента в АПК: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. кафедры управления / гл. ред. И. В. Шафранская. – Горки: Белорус. гос. с.-х. акад., 2018. – С. 8–84.
19. Линьков В. В. Основы прогрессивной агрономии (посвящение). – Riga (EU) Mauritius: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. – 360 с.
20. Линьков В. В. Теоретические и практико-ориентированные аспекты восприятия знаний // Наука и инновации. – 2017. – № 12. – С. 45–49.
21. Матюнина М. В., Столяренко А. В., Чумак А. Н. Мотивация трудовой деятельности персонала: функции и принципы формирования // Novainfo.RU. – 2016. – № 48. – С. 216–223.
22. Обзор рынка сыров Республики Беларусь / В. Е. Садоху [и др.]. – URL: <https://www.infobaza.by/article/agro/obzorsyrov> (дата обращения: 18.03.2019). – Текст: электронный.
23. Орлов С. Л. Создание территорий опережающего развития в России – важнейший фактор укрепления Евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. – 2017. – URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/v/sozдание-territorij-operezhayuschego-razvitiya-v-rossii-vazhneyshiy-faktor-ukrepleniya-evraziyskoy-integratsii> (дата обращения: 20.03.2019). – Текст: электронный.
24. Поломошнов П. А., Горбенко Е. О. Социокультурные и психологические предпосылки общества потребления // Вестник Донского ГАУ. – 2017. – Ч. 2, № 4. – С. 25–29.
25. Романова И. В., Булах Е. В., Васильева Т. А. Институциональное развитие политической и экономической сфер в условиях процессов децентрализации государственного управления // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2017. – Т. 23, № 2. – С. 76–85.
26. Семков А. Сыр – в авангарде экспорта // Белорусское сельское хозяйство. – 2014. – № 10. – URL: <http://www.agriculture.by/articles/agrarnaja-politika/syr---v-avangarde-jeksporta> (дата обращения: 18.03.2019). – Текст: электронный.
27. Угрюмова А. А. Конкурентоспособность приграничных агломераций Российской Федерации: состояние и перспективы // Особенности культурного развития «пограничных» территорий: исследования и стратегическое управление: материалы междунар. науч.-практ. семинара (г. Минск, 30–31 мая 2017 г.). – Минск: Право и экономика, 2017. – С. 161–165.
28. Samimi P., Jenatabadi H. S. Globalization and Economic Growth: Empirical Evidence on the Role of Complementarities // PloSOne. – 2014. – No. 9. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3982958> (дата обращения: 30.03.2019). – Текст: электронный.

УДК 008
ББК 410

Наталья Демьяновна Тертешникова,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: terteshnikova-n@mail.ru*

Методология исследований факторов влияния регионального культурного пространства на становление личности человека в контексте интегрального подхода

Статья посвящена изучению влияния культуры регионального культурного пространства на становление личности человека. Рассмотрены различные способы и методы исследования личности. Проанализирована методология изменения понятия личности в различных культурных регионах.

Ключевые слова: личность, культурное пространство, регион, региональная культура, человек культуры

Natalya D. Terteshnikova,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: terteshnikova-n@mail.ru*

Methodology of Researches of Factors of Influence of Regional Cultural Space on Formation of the Identity of the Person in the Context of Integrated Approach

Article is devoted to studying of influence of culture of regional cultural space on formation of the identity of the person. Various ways and methods of a research of the personality are considered. The methodology of change of a concept of the personality of various cultural regions is analysed.

Keywords: personality, cultural space, region, regional culture, person of culture

Вопрос о сущности и динамике культурных трансформаций, оказывающих влияние на становление личности, в различных культурных регионах возник в связи с осознанием того, что население мира состоит из людей, относящихся к разным культурам, которые встречаются в пространстве конкретных регионов, где происходит процесс становления личности, подверженный влиянию не абстрактных и трансцендентных сил, а реальных и более того – локальных условий [7]. Исследователи феномена личности, такие как И. С. Кон [14], Дж. Келли [13], В. А. Ядов [31], отмечают, что понятие это многозначно и многоаспектно. Как пишет И. С. Кон, личность можно понимать в качестве социального свойства индивидов, проявляющегося через совокупность социально значимых характеристик, интегрированных в нём в процессе взаимодействия человека с окружающими его людьми, что делает его субъектом общения, познания и труда [14].

Вместе с этим важно учитывать, что личность может признаваться сверхчувственным качеством, возникающим в контексте социальных связей, как представления об общественном статусе и положении человека, обусловленном местом, функциями и ролями, которые он выполняет в групповом взаимодействии. Таким образом, сущность личности человека составляет комплекс явлений, рассматриваемых в исследовательской литературе как «жизненный мир», в систему которого входят общечеловеческие, особенные (индивидуальные), определяемые спецификой культуры, и частные, зависящие от субъективных оснований каждой личности.

Личностные основания определяются такими исследователями, как К. Н. Поливанова [18], В. И. Слободчиков [23], Г. А. Цукерман [28], Д. Б. Эльконин [29] и другими как стержень мировоззрения, выражающий отношение человека к себе и окружающему

его миру. При этом личностные основания всегда касаются того типа знания, которое выступает в ярко окрашенных ценностных формах, для чего важным является не мир сам по себе, а отношение человека к своей жизни в этом мире, смысл человеческого бытия. При этом личность отличают не просто её внешние характеристики, например, признаваемое многими культурологами отличие «человека культуры» от «культурного человека», но и то, что личность понимается в психологической литературе такими авторами, как С. Л. Рубинштейн [21], К. А. Абульханова-Славская [1], А. В. Брушлинский [5], А. В. Петровский [16] и другими как субъект, способный к изменению мира и самого себя. Внимание к субъективным аспектам личности, как подчёркивается, должно обеспечить исследования человека выход за пределы только внутринаучной рефлексии, обратить внимание на уникальность каждого человека, присущую только ему и никому более. Здесь на первый план выходит аксиологическая интерпретация личностных качеств и деятельности [10].

Многоаспектность подразумевает и возможность использования различных способов и методов исследования личности, что предполагает привлечение широкого набора методов гуманитарных наук, таких как социальная, психологическая наука, философия, где появились концепции, предлагающие анализ признаваемых значимыми для этих наук факторов, влияющих на становление личности. Однако каждая из этих наук стала перед необходимостью выбирать среди различных автономных факторов, влияющих на становление личности какой-либо абсолютный базис, что вело к определённой редукции. Например, с точки зрения социологического подхода, представленного Э. Дюркгеймом [30], М. Вебером, П. Сорокиным [18], становление личности рассматривается как результат социализации, понимаемой как процесс накопления личностью опыта и социальных установок, влияющий на формирование способности личности к жизнедеятельности в обществе на основе усвоения ею социальных ценностей и способов социального поведения.

В психологической теории развития личности, представленной трудами З. Фрейда [27], К. Г. Юнга [30], Э. Фромма, А. Адлера [2], Г. Олпорта [15], К. Роджерса [19], Дж. Келли [13], Л. Колберга [32], процесс становления личности человека описывается как его вну-

треннее стремление к самоактуализации. Классический философский подход, представляемой Платоном [17], И. Кантом [12], Г. Гегелем [8], предлагал сущностное понимание природы личности, согласно которому личность есть онтологически завершённая субстанциональная данность, процесс становления которой зависит от влияния только универсальных, метафизических факторов.

В целом в названных концепциях личность выступает как реализация оптимальных возможностей индивида эффективно выполнять свои роли и задачи, для которых он социализирован, которая отражается в соответствующем социальным нормам и способствующем приспособлению к изменяющимся социальным условиям поведению человека [24]. Однако помимо развитости жизненных сил значительное влияние на личность человека оказывает его жизненное пространство – культурная среда обитания, позволяющая человеку так или иначе воспроизводить свою личность, которая во многом зависит от развитости и организации жизненного пространства. Поэтому существенно дополнить положения перечисленных подходов и преодолеть влияние редукционизма, связанного с поиском оснований только в одном теоретическом основании, помогает культуроориентированный подход, основой которого является восприятие культуры как целого. Разрабатывая методологию исследований проблемы культуры и личности, культурологические концепции сходятся в том, что становление личности происходит в пространстве культуры, которое создаётся в процессе коммуникаций и совместных действий. Например, теоретические разработки М. Бубера [6], М. Бахтина, В. Библера [4] акцентируют внимание на том, что культура не может существовать вне человека, а человек – вне культуры [20]. Вступая во взаимодействие с культурой, каждый человек изменяется не только сам, но меняет культуру в целом, поэтому культура всегда ориентируется на человека [26].

Таким образом, каждая региональная культура представляет своё относительно самостоятельное, но всегда уникальное культурное пространство, которое проистекает из сущности региональной культуры, благодаря чему приобретает качества культурности, но находится в тесном взаимодействии с иными культурными пространствами [22]. Вместе с тем исследователи отмечают, что пространство региональной культуры

является необходимым условием и особой формой существования общей культуры, содержание которой складывается из сочетания множества культур, сформированных различными культурными регионами планеты. Причиной этого является то, что в каждом региональном культурном пространстве фиксируется наличие общечеловеческих, универсальных и национальных,

частных духовных, интеллектуальных характеристик. Таким образом, можно заключить, что мировая культура существует в каждом конкретном культурном пространстве как её неповторимая региональная форма, развитие которой находится в зависимости от влияния географического, исторического, этнического, религиозного, социально-экономического, политического факторов [7].

Источники и литература

1. Абульханова К. А. Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30, № 1. – С. 32–41.
2. Адлер А. Понять природу человека. – СПб.: Акад. проект, 1997. – 256 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 258 с.
4. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
5. Брушлинский А. В. Культурно-историческая теория мышления. – М.: Высш. шк., 1968. – 124 с.
6. Бубер М. Изречённое слово // Философия языка и семиотика. – Иваново: ИвГУ, 1995. – С. 203–213.
7. Букин А. Г. Культурное пространство и пространства культур (региональный аспект): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Чита, 2006. – 150 с.
8. Гегель Г. Феноменология Духа. Философия истории. – М.: Эксмо, 2007. – 880 с.
9. Герасимов И. П. Предбайкалье и Забайкалье. Природные условия и естественные условия СССР. – М.: Наука, 1965. – 492 с.
10. Григорович М. В. Личностная рефлексия как фактор развития личности подростка // Молодой учёный. – 2011. – Т. 2, № 6. – С. 92–94.
11. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
12. Кант И. М. Лекции по этике. – М.: Республика, 2000. – 431 с.
13. Келли Дж. Теория личности (теория личных конструктов). – СПб.: Речь, 2000. – 248 с.
14. Кон И. С. Социология личности. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
15. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
16. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М.: Политиздат, 1982. – 255 с.
17. Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – 605 с.
18. Поливанова К. Н. Психологический анализ кризисов возрастного развития // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 61–69.
19. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 480 с.
20. Розин В. М. Философия образования: этюды-исследования. – М.: Модэк, 2007. – 574 с.
21. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. – СПб.: Питер, 2017. – 288 с.
22. Сараф М. Я. Культурное пространство как предмет исследования // Пространство и время. – 2011. – № 4. – С. 15–19.
23. Слободчиков В. И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии. – 1986. – № 6. – С. 14–23.
24. Соколов Е. А. Методология культурного самоопределения формирующейся личности специалиста-гуманитария. Опыт философского осмысления. – М.: Университетская книга. 2011. – 230 с.
25. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
26. Туровский М. Б. Культурная сущность образования. – М.: Наука, 1990. – 298 с.
27. Фрейд З. Психоаналитические этюды. – Минск: Поппури, 2010. – 608 с.
28. Цукерман Г. А. Обыкновенный гуманизм // Вопросы психологии. – 1990. – № 6. – С. 174–179.
29. Эльконин Д. Б. Развитие устной и письменной речи. – М.: Интор, 1998. – 112 с.
30. Юнг К. Г. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 2017. – 352 с.
31. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35–52.
32. Kohlberg L. Education, Moral Development and Faith // Journal of Moral Education. – 1974. – No. 4. – Pp. 5–16.

УДК 94(477)
ББК ТЗ(Укр)

Алексей Станиславович Тимощук,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний России,
г. Владимир, Россия,
e-mail: ys@abhinanda.elcom.ru

Украина как фронтальный регион в историческом развитии

Древняя столица славянской государственности не была безопасным местом в силу близости степи. Усиление Залесской Руси и постоянные угрозы Киеву со стороны западных и южных соседей постепенно сформировали образ фронтальной зоны, места встречи с чужим, инородным. Пограничье – это значит быть на рубеже между разными мирами, отстаивать свои интересы между крупными империями.

Ключевые слова: Киевская Русь, Залесье, Украина, вольница, фронт, пограничье

Alexey S. Timoschuk,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir, Russia,
e-mail: ys@abhinanda.elcom.ru

Ukraine as a Frontier Region in the Historical Development

The ancient capital of Slavic statehood was not a safe place due to the proximity of the steppe. The strengthening of Zaleskaya Rus and the constant threats to Kiev from its western and southern neighbors gradually formed the image of a frontier zone, a meeting place with someone alien, the Other. To be a borderland means to be at the turn of the world between different worlds, to defend one's interests between large empires.

Keywords: Kievan Rus, Zalesye, Ukraine, freemen, frontier, borderline

Легендарная столица славянской государственности формировалась как полиэтнический центр. Первое поселение полян, существовавшее, вероятно, уже в VI веке н. э., привлекало венгров и хазар, новгородцев и варягов. Знатные представители чуди жили не только в Новгороде (Чудинцева улица), но и в Киеве (двор Чудин, куда переселил «лучших мужей» из кривичей, вятичей, новгородцев и чуди в 982 году Владимир Святославич). В Киеве была расположена большая еврейская диаспора.

В постордынский период южнорусская территория пришла в упадок и стала предметом споров между Литвой, Польшей, Москвией и Крымским ханством. Пограничье привлекало беглых крестьян из регионов с установившимися феодальными отношениями. Они стали основой мобильной казацкой государственности. «Козацька вольница» – это и есть политический менталитет современной Украины, архетип украинской государственности, воспроизводимый в разных циклах.

Исторически, Украина – это редкий образец реализации безгосударственного властного управления. Казацкая вольница, возникшая как фронтальный феномен, до сих пор является пример сменяемой власти. Пока только один президент, Л. Д. Кучма, был избран дважды президентом, на выборах 1994 и 1999 годов. В 2014 году восходящая украинской государственности совпала с планами Запада. Симбиоз казацкой вольницы и НАТО привёл к расколу непрочной украинской идентичности, обострив отношения Севера и Юга, Запада и Востока гибридного государства.

Украинская идея – это политическая конструкция украинского народа как обособленной и непрерывной державной сущности – от антов к запорожцам, от казаков – к правому сектору, от Руси – к Украине. В этой модели история творится не царскими династиями, а народной самоорганизацией.

Где пределы украинской государственности? Фрактальность сепаратизма усили-

вается современным экономическим ростом и одобрением агентов МВФ. Есть ли место для галицкой политической обособленности? Прикарпатской государственности? Проектов ДНР и ЛНР?

Мы живём в мире нарастающей сложности. Этническое и национальное могут выступать как генераторами смысла, так и угрозой безопасности государства. Необходимо понять, кто устанавливает границы процессов индивидуации и ценностно-смыслового расслоения, которые имеют место в политических образованиях [2].

Цели государства – безопасность и благосостояние граждан. Если они ставятся под угрозу, систематически нарушаются, можно говорить о кризисе государственного управления. Некоторые причины кризиса были обозначены самими протестующими на киевском Майдане 2014 года – коррупция, безработица, несправедливое распределение доходов, отчуждённость правящей элиты от народа. В результате произошла смена верхнего эшелона элит. Клиодинамика украинского общества такова, что в результате перепроизводства и невозможности занять элиты в обществе активизируется конкуренция внутри этого класса.

Помимо соперничества элит была вскрыта такая социально-политическая проблема, как воинствующий национализм при слабой надэтнической идентичности. Последняя в соседнем государстве проектируется как «россиянин», в США как «американец», в Индии – как «индус». В частности, Индия на первом этапе своей суперэтнической государственности создавалась внешними завоевателями, как и Русь, а затем британцы расширили её до современных границ Индии, Пакистана и Бангладеша. При национально-освободительной борьбе британское правление было свергнуто, однако это обострило конфликт между индусами и мусульманами и привело к нескольким миллионам жертв среди местного населения при переделе Британской империи. Несколько похожая ситуация сейчас и на Украине, где амбициозные националисты мечтают создать новый формат государства на ходу, когда ещё не создана новая унифицирующая социальная идентичность [4].

Исторически сложилось так, что Украина в СССР была самой многоконфессиональной республикой, более 70 % всех религиозных организаций приходилось на

УССР. Однако в условиях политического кризиса ни одна религиозная организация существенным образом не смогла повлиять на разрешение конфликтов, успокоить противоборствующие стороны, сформировать ясную позицию по общественно важным вопросам. Таким образом, мы получаем вывод о закате инструментальной роли религии в обществе, секулярном состоянии государства и общества [1].

Украинские политические партии («Батькивщина», «Удар», «Свобода») ориентируются на европейскую модель моноэтнического государства, в то время как Украина формировалась в СССР как многонациональное образование и его гомогенизация требует смены 2–3 поколений. Вопреки публично артикулируемой ненависти к советскому этапу развития Украины, современным националистам следовало бы быть благодарным Ленину и Сталину за имперское увеличение границ. В этом смысле антисоветская риторика угнетает своей узостью. Да, Российская империя виновата в том, что у Украины такие большие границы. Так их сохранить нужно! Опирайтесь в вопросе укрепления украинской государственной целостности на бандеровцев, неонацистов и хулиганов – это, как минимум, наивно.

Самый грандиозный проект государственной украинизации был осуществлён Лениным, Сталиным, Хрущёвым, которые, потворствуя местным элитам, шли на значительные территориальные и языковые уступки. Результаты последней украинизации гораздо скромнее, они ограничиваются административным сужением сферы использования русского языка. К сожалению, был проигнорирован опыт Беларуси и Казахстана, которые пошли по пути двуязычия и постепенного формирования национальной идентичности.

В Великобритании увековечены Кромвель и Чарльз, монументы палачу и жертве находятся друг от друга в 500 метрах. В США стоят памятники полководцам гражданской войны как Севера, так и Юга. Сепаратные потоки памяти гражданской войны, южный поток забвения и прощения и северный равенства и изменения объединяются в культе погибшего солдата. В важнейшем для Юго-Восточной Азии эпосе Рамаяна предводитель ванаров Рама проводит тризну по всем павшим воинам – «сейчас они уже все равны». Мир возрастающей сложности учит

нас примирять непримиримое, жить в противоречиях, когда вчерашние яростные враги могут жить в одном многообразном мире.

На Украине было уничтожено порядка 1,5 тысячи памятников В. И. Ленину, переименовано в рамках программы декоммунизации более 50 тысяч урбанонимов и ойкономов, фиксировались попытки сноса мемориалов военачальникам Великой отечественной войны. Это непрекращающаяся война с общероссийской памятью славянского сообщества, два этноса которого, Польша и Украина, вследствие фронтальной идентичности, артикулируют самость и амбиции. Фронтальная идентичность – это значит быть на границе между разными мирами, отстаивать свои интересы между крупными империями.

У каждого народа есть свои национальные наработки, родовая память, помогающая им сохранять свою целостность. Например, у тюркоязычных и монгольских народов – крепкие семейные связи; народы Кавказа славятся своим гостеприимством. У русских национальная черта – впрягаться в сложные неразрешимые проекты, а также умение примирять этносы, за что их так ценили в многонациональных регионах. Украинский этнос помимо созидательного творческого начала имеет родовую характеристику казацкой вольницы, доходящей до анархизма [3].

Средняя Азия, Беларусь, Россия рассматриваются украинской национальной элитой как негативный пример в силу авторитарного правления. Украина же, напротив, являет пример частой смены президентской власти. С другой стороны, только она подверглась такому систематическому и бесконтрольному вывозу капитала и ресурсов и только

она из сравниваемых государств находится в наибольшей политической зависимости от НАТО, готового воевать до последнего украинского солдата.

Для политической антиномии Украины есть в целом два решения, но оба они сложные. Первое решение реализует национальная украинская элита. Оно заключается в ускоренной украинизации и совмещении её с европеизацией. Сложность этого гибрида заключается в том, что украинизация осуществляется не европейскими методами. Второе решение, неприемлемое для правящей элиты, заключается в признании Украины многонациональным и поликонфессиональным государством с разными политическими силами. Тогда не нужна война, одна церковь и один язык. Решение очень даже современное. В мире нарастает движение билингвизма и мультикультурализма. Украина, как любая фронтальная культура, – это амальгама, возникшая на стыке польского, русского, литовского, турецкого, еврейского миров. Несомненно, ядро составляет собственно древнеславянская украинская идентичность. Правильное позиционирование в мире и есть секрет успеха Украины. Не закрываться в унитаризме и монолингвизме, а создать условия для диалога и миграции. Первое, что нужно сделать двум сторонам, признать инаковость друг друга и прекратить риторику ненависти, примирить Ленина и Бандеру, Донбасс и Ивано-Франковск.

Завершим призывом к миру и порядку словами тверского купца Афанасия Никитина, который недоумевал в XV веке: «Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья! Пусть устроится Русская земля, а то мало в ней справедливости» [5, с. 53].

Источники и литература

1. Тимошук А. С. Духовные и культурные связи русских и украинцев: дискурс, идентичность, геополитика // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование: материалы VI Междунар. науч. конф. (20–24 мая 2014 г.) / ред. Е. И. Аринин, С. Н. Минин, Н. М. Маркова, В. А. Медведева. – Владимир: ВлГУ, 2014. – Т. 10. – С. 170–174.
2. Тимошук А. С. Мемориальные войны и пролиферирующая самоиндивидуация // Проблемы региональной и глобальной безопасности в современном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов (г. Владимир, 26 апреля 2018 г.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Юрид. ин-т; ред. О. Д. Третьякова [и др.]. – Владимир: Шерлок-пресс, 2018. – С. 109–115.
3. Тимошук А. С. Украинская этничность и идентичность в контексте социокультурных трансформаций // Люди, культуры, пространство: социокультурная динамика мира Евразии: Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Р. З. Янгузина (15–16 нояб. 2016 г.). – Уфа: БГУ, 2016. – С. 356–365.
4. Тимошук А. С. Этносоциальная память и идентичность традиционной культуры // Проблемы межэтнической толерантности и этноконфессиональных отношений в Центральной России: материалы науч.-практ. конф. – Владимир: Администрация Владимирской области, 2010. – С. 63–67.
5. Хожение за три моря Афанасия Никитина / под ред. Я. С. Лурье, Л. С. Семенова. – Л.: Наука, 1986. – 213 с.

УДК 323.1(581)
ББК ФЗ(4/8)(5Афг)

Елена Геннадьевна Гарбузарова,

*Кыргызско-Российский Славянский университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Бишкек, Киргизия*

Стратегия России в Афганистане и безопасность Центральной Азии

Статья посвящена активному участию России в урегулировании внутривосточной ситуации в Афганистане. Акцентируется внимание на особенностях модели внешнеполитического поведения России в афганском вопросе, просматриваются контуры формирующейся гибкой стратегии в отношении Афганистана. Отмечается необходимость решения афганской проблемы коллективными усилиями с учётом интересов всех участников налаживания мирного процесса в данной стране.

Ключевые слова: Афганистан, Россия, афганское урегулирование, Центральноазиатские государства, безопасность

Elena G. Garbuzarova,

*Kyrgyz-Russian Slavic University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Bishkek, Kyrgyzstan*

Russia's Strategy in Afghanistan and Security of Central Asia

The article is devoted to Russia's active participation in resolving of the internal political situation in Afghanistan. Attention is focused on the features of the model of Russia's foreign policy behavior in the Afghan issue. The contours of the Russian emerging flexible strategy towards Afghanistan are analyzed. There is a need to solve the Afghan problem by collective efforts, taking into account the interests of all participants in the peace process in the state.

Keywords: Afghanistan, Russia, Afghan settlement, Central Asian States, security

Сложная и напряжённая внутривосточная ситуация в Афганистане диктует мировому сообществу необходимость поиска оптимальных путей решения афганской проблемы. Ведущие геополитические акторы мировой политики предлагают свои подходы к урегулированию ситуации в Афганистане. После вывода в 2014 году военной коалиции НАТО из Афганистана новое руководство страны взяло курс на тесное взаимодействие с международным сообществом с целью поиска эффективных путей выхода из экономического кризиса и обеспечения стабильности и безопасности в стране. В процесс урегулирования афганского кризиса активно включилась Россия, организовав свои форматы взаимодействия между конфликтующими сторонами.

Находясь в фарватере геополитических интересов, Россия стремится обеспечить безопасность Центральной Азии, что пред-

полагает её участие в решении внутривосточных проблем в Афганистане. У многих государств регионального и международного значения участие России в афганском вопросе не вызывает особого оптимизма в силу тех неудач, с которыми в XX веке столкнулся СССР в этой стране. По мнению американского эксперта по Афганистану Б. Р. Рубина, с 1979 года, когда СССР ввёл свой военный контингент в Афганистан, развернулась борьба за эту территорию между глобальными и региональными державами (США, Саудовская Аравия, Китай, Иран, Пакистан). Последние в свою очередь, поставляли вооружение формированиям афганских моджахедов. Именно с тех пор соперничающие державы не могут «прийти к взаимопониманию в отношении Афганистана, и страна продолжает страдать как от внутренних разногласий, так и от геополитического соперничества» [9].

События того периода показали, что успеха в Афганистане невозможно добиться военными силами. Требуются новые подходы, в их основе должен лежать переговорный процесс, механизмы которого будут содействовать примирению всех противостоящих сторон. С учётом новой геополитической конфигурации, сложившейся после вывода в 2014 году западной коалиции из Афганистана и возрастающей роли Китая в Афганистане и в Центральной Азии, Россия переосмыслила модель своего внешнеполитического поведения в отношении Афганистана и продемонстрировала своё желание принять активное участие в урегулировании афганской проблемы. Решая её, Россия делает ставку на политическое урегулирование кризиса, так как «силовое решение афганской проблемы и грубые просчёты американского руководства» стали причиной сложной ситуации в Афганистане [5].

В конце 2015 года Россия стала менять своё отношение к проблеме Афганистана, продвигая процесс налаживания диалога с движением «Талибан». Такой поворот во внешней политике России в отношении Афганистана наметился после того, как стало известно об активизации группировки «Исламское государство» в Центральной Азии и их намерении дестабилизировать ситуацию в регионе [1]. Тогда спецпредставитель Президента России по Афганистану и директор департамента МИД З. Кабулов заявил, что интересы России и движения «Талибан» в борьбе с Исламским государством (ИГ) [6] совпадают; было подчёркнуто, что Москва поддерживает контакты с талибами. По словам эксперта из Центра изучения современного Афганистана (ЦИСА) А. Серенко, впервые Россия установила контакты с умеренными представителями движения «Талибан» в 2010 году, и по настоящее время эти контакты развиваются по линии МИДа России [3]. Эксперт также считает, что контакты с талибами поддерживают спецслужбы Туркменистана и Кыргызстана, на территории которых имеются специальные «контактные пункты» [Там же].

Активное участие России в урегулировании афганского кризиса является частью внешнеполитической стратегии России, начало реализации которой было положено на Ближнем Востоке. Именно в 2015 году Россия переосмыслила цели своей ближневосточной политики, приняв решение ока-

зать военную поддержку президенту Сирии Б. Асаду. С этого момента Ближний Восток стал одним из приоритетных векторов внешней политики России, где она стремилась укрепить свои позиции в качестве ключевого игрока в регионе. Целью формирующейся стратегии России в Афганистане является не только отражение серьёзного вызова национальной безопасности России, но и укрепление позиций Москвы как в регионе, так и на международной арене.

Москва сориентировалась на политическое урегулирование афганской проблемы, выразив готовность к конструктивному сотрудничеству с движением «Талибан», которое ещё в 2006 году было признано в России террористическим. С одной стороны, Россия предприняла упреждающие действия, направленные на установление сотрудничества с талибами против ИГ. С другой стороны, для России создаётся возможность взять на себя решающую роль в урегулировании кризиса в Афганистане, чего не смогли сделать США на протяжении нескольких десятилетий пребывания в этой стране.

Первый старт участия России в афганском урегулировании был дан 15 февраля 2017 года, когда в Москве состоялась консультативная встреча по Афганистану с участием высокопоставленных полномочных представителей России, Афганистана, Пакистана, Китая, Ирана и Индии. На встрече руководством России была предпринята попытка наладить кооперацию между Афганистаном и странами-участницами ШОС и ОДКБ. По мнению российского эксперта А. Фененко, процесс привлечения Афганистана к взаимодействию с евразийскими интеграционными структурами займёт минимум два года, во время которых США «будут играть против такого формата» [7].

Эксперты считают, что одна из задач центральноазиатского турне В. Путина в марте 2017 года была направлена на привлечение государств региона к мирным инициативам России по Афганистану [8]. Главы государств Центральноазиатского региона не раз проявляли озабоченность угрозами и вызовами, идущими со стороны Афганистана, и показывали свою заинтересованность в укреплении сотрудничества в сфере обеспечения региональной безопасности. Тесное сотрудничество с Центральноазиатскими государствами может стать залогом успешного решения афганского кризиса. По

мнению российского эксперта Ш. Д. Содикова, «благодаря применению челночной дипломатии таджикских и узбекских переговорщиков удастся усадить за стол переговоров представителей движения «Талибан», при достижении мирного консенсуса с которыми Афганистан вполне может перестать быть источником наркотрафика, экстремизма и нестабильности в мире» [2].

В октябре 2017 года по инициативе России была возобновлена работа контактной группы «ШОС-Афганистан», которая была приостановлена в 2009 году. На современном этапе Афганистан является государством-наблюдателем в ШОС [4]. Россия и Китай как государства-члены ШОС заинтересованы в стабилизации обстановки в Афганистане и совместно иницируют процесс вхождения Афганистана в ШОС на правах полноценного участника организации.

В ноябре 2018 года Россия вновь предложила свою площадку для решения афганского вопроса. Конференция проходила под эгидой министра иностранных дел России С. В. Лаврова и спецпредставителя Президента России по Афганистану З. Кабулова. В конференции приняли участие представители «неофициального» Кабула (афганскую делегацию представлял консультативный орган – Высший совет мира), движения «Талибан», стран Центральной Азии, Ирана, Китая, Индии и Пакистана. Представитель США на конференцию не приехал. Конференция не была результативной, но позволила участникам обменяться мнениями. В ходе конференции представители движения «Талибан» озвучили своё желание добиться вывода американских войск из Афганистана и начать прямые переговоры с США.

Попытки, предпринимаемые Россией, стабилизировать ситуацию в Афганистане напрямую связаны с интересами Центральноазиатских государств по обеспечению национальной и региональной безопасности. Афганистан является для государств региона прямым источником угроз, особенно для тех государств региона, которые имеют с Афганистаном общую границу: Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. Наиболее уязвимым государством перед террористической угрозой является Таджикистан, у которого протяжённость общей границы с Афганистаном составляет около 1344 км. Разделяет Таджикистан и Афганистан река Пяндж. На афганской стороне реки наблю-

дается напряжённая обстановка: именно здесь сконцентрировались боевики таких террористических и экстремистских группировок, как «Аль-Каида», «Талибан» и Исламское движение Узбекистана (ИДУ). На сегодняшний день своё влияние на правом афганском берегу реки Пяндж пытается укрепить Исламское государство (ИГ). В борьбе с радикальными исламистами Таджикистан использует все инструменты: от национальных пограничных отрядов до помощи своих союзников по ОДКБ. Несмотря на все усилия участников ОДКБ снизить напряжённость обстановки в данном регионе, существует вероятность проникновения террористических группировок через афгано-таджикскую границу в Центральную Азию.

Все участники афганского процесса понимают, что в одиночку решить данную проблему невозможно. Ввиду этого в марте 2019 года З. Кабулов заявил, что Россия и Китай готовы оказать содействие США в переговорах с движением «Талибан». Необходимо понимать, что в стабилизации внутриполитической ситуации в Афганистане заинтересован широкий круг стран. Но ключевыми государствами в решении афганского кризиса являются США и Россия. Однако со стороны США наблюдается отстранённость от решения афганской проблемы совместными с Россией усилиями в силу господствующих в американском правящем классе антироссийских настроений. Попытки Вашингтона блокировать участие России в урегулировании афганского кризиса заведомо окажутся неэффективными. Афганская проблема ставит перед глобальными и региональными государствами следующие задачи: 1) настроиться на конструктивный диалог; 2) совместными усилиями осуществить социально-экономические преобразования в Афганистане.

Афганистан при самых неблагоприятных обстоятельствах может пошатнуть хрупкую стабильность Центральноазиатского региона и стать катализатором региональных и глобальных угроз. Урегулирование ситуации в Афганистане и безопасность Центральной Азии во многом будут зависеть от региональной структурированности и степени вовлечённости в эти процессы всех заинтересованных сторон. В Центральной Азии, пестрящей множеством политических, экономических, социальных, этнических и региональных проблем, необходимо учитывать

комплекс факторов и условий, которые могут оказать решающее воздействие на безопасность и стабильность региона. В процесс формирования системы Центральноазиатской безопасности вовлечены Россия, США, Китай, ЕС, а также страны Ближнего Востока и Южной Азии. Для эффективного взаимодействия по вопросам обеспечения безопасности в регионе необходимо выработать последовательную и скоординированную политику между всеми вовлечёнными в этот процесс сторонами.

Участие России в решении афганской проблемы позволит повысить авторитет и укрепить позиции Москвы в Центральной Азии. Главы государств региона демонстрируют опасения относительно возможной дестабилизации обстановки в Центральной Азии, следовательно, проявляют особую заинтересованность в вопросах обеспечения безопасности. Кроме того, участие России в стабилизации внутривнутриполитической обстановки в Афганистане позволит снизить растущую мощь Китая в Центральной Азии.

Источники и литература

1. Откроет ли ИГИЛ второй фронт в Центральной Азии? // Ислам в СНГ. – URL: <http://www.islamsng.com/sng/analytics/8591> (дата обращения: 13.03.2019). – Текст: электронный.
2. Роль таджикских и узбекских народов в урегулировании афганского конфликта // МГИМО. – URL: <https://www.mgimo.ru/about/news/experts/rol-tadzhikskikh-i-uzbekskikh-narodov-v-uregulirovanii-afganskogo-konflikta> (дата обращения: 19.03.2019). – Текст: электронный.
3. Россия и Центральная Азия устанавливают контакты с талибами // Центральная Азия – события и оценки. – URL: <https://www.dw.com/ru/россия-и-центральная-азия-устанавливают-контакты-с-талибами/a-18815244> (дата обращения: 18.03.2019). – Текст: электронный.
4. Россия поможет Афганистану стать членом ШОС // Военное обозрение. – URL: <https://www.topwar.ru/127499-rossiya-pomozhet-afganistanu-stat-chlenom-shos.html> (дата обращения: 19.03.2019). – Текст: электронный.
5. Ставки США на силовое решение проблем Афганистана ошибочны – МИД РФ // ИА REGNUM. – URL: <https://www.regnum.ru/news/polit/2490048.html> (дата обращения: 19.03.2019). – Текст: электронный.
6. У России и «Талибана» обнаружились общие интересы. – URL: <https://www.vz.ru/politics/2015/12/23/785620.print.html> (дата обращения: 19.03.2019). – Текст: электронный.
7. Фененко А. Шестисторонняя конференция в Москве по Афганистану: без США и НАТО? // Взгляд. Деловая газета. – URL: <http://www.ru.valdaiclub.com/a/highlights/konferentsiya-afganinistan-ssha-nato> (дата обращения: 19.03.2019). – Текст: электронный.
8. Эксперт: Путин приезжал за поддержкой инициативы России в урегулировании афганского кризиса // Новости Таджикистана. ASIA-Plus. – URL: <https://www.news.tj/ru/news/tajikistan/politics/20170302/ekspert-putin-priezzhal-za-podderzhkoi-initsiatiivi-rossii-v-uregulirovanii-afganskogo-krizisa> (дата обращения: 19.03.2019). – Текст: электронный.
9. Rubin B. R. Is Afghanistan Ready for Peace? // FOREIGN AFFAIRS. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2018-07-30/afghanistan-ready-peace> (дата обращения: 19.03.2019). – Текст: электронный.

УДК 327(510)
ББК Ф49(5Кит)

Анна Александровна Маркелова,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: markelova9292@inbox.ru

Панда-дипломатия как инструмент народной дипломатии КНР

Панда-дипломатия является инструментом народной дипломатии, применяемым Китайской Народной Республикой для установления прочных и дружеских отношений с иностранными государствами. Дарение панд можно понимать как проявление гуанси в двусторонних торговых соглашениях с участием Китая. Гуанси выражает глубину взаимоотношений, когда участники переходят во внутренний круг, характеризующийся доверием, взаимностью, лояльностью и долгим сотрудничеством.

Ключевые слова: панда, дипломатия, гуанси, народная дипломатия, КНР, панда-дипломатия

Anna A. Markelova,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia,
e-mail: markelova9292@inbox.ru

Panda-Diplomacy as People's Diplomacy Tool of People's Republic of China

Panda diplomacy is a tool of people's diplomacy, used by the People's Republic of China to establish strong and friendly relations with foreign countries. The giving of pandas can be understood as a manifestation of Guangxi in bilateral trade agreements with the participation of China. Guangxi expresses the depth of relationships when participants move to an inner circle characterized by trust, reciprocity, loyalty and long-term cooperation.

Keywords: panda, diplomacy, guangxi, people's diplomacy, PRC, panda-diplomacy

«Народная дипломатия» представляет собой специфическую особенность внешней политики Китайской Народной Республики и неразрывно связана с деятельностью Коммунистической Партии Китая. Появление и развитие народной дипломатии соотносят с именем первого Премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлаем, эффективно использовавшим её для продвижения интересов китайского государства [4, с. 285]. Согласно Чжоу Эньлаю, дипломатия Китая состоит из «официальной, полуофициальной и народной дипломатии» [5, с. 42]. Сам термин «народная дипломатия» служил в качестве определения взаимодействий КНР с другими государствами в условиях отсутствия дипломатических отношений. Специфика китайской народной дипломатии состоит в том, что она ориентирована не только на интересы государства, но и на нужды народа, следовательно, вся дипломатия КНР является «народной».

Среди специфических элементов китайской народной дипломатии следует отметить так называемую «дипломатию панд», подразумевающую использование больших панд – животных, занесённых в Красную книгу и являющихся национальным символом КНР, – в качестве дипломатических подарков народам других государств для установления с ними дружеских отношений [6, с. 116]. Первый случай применения «дипломатии панд» в китайской истории произошёл на рубеже VII–VIII веков, когда правительница Китая У Цзэтянь подарила двух бамбуковых панд императору Японии [8, с. 164]. Однако после смерти У Цзэтянь и вплоть до второй половины XX века к подобной практике дарения прибегали лишь пару раз. На

регулярной основе «дипломатия панд» как инструмент внешней политики стала использоваться Китаем с 1950-х годов. В 1980-е годы значительно вырос спрос на бамбуковых медведей, в связи с чем правительство Китая стало сдавать панд в аренду на 10 лет иностранным зоопаркам за весьма внушительную сумму – от 250 тыс. до 1 млн долл. за пару особей. Вырученные от аренды бамбуковых медведей средства идут на сохранение этого уязвимого в дикой природе вида животных и развитие специализированных питомников, что характеризует Китай как ответственную державу, вносящую свой вклад в сохранение биологического разнообразия на планете [6, с. 116].

В настоящее время среда обитания большой панды ограничена шестью горными цепями на юго-западе Китая. Согласно последним официальным оценкам, дикая популяция составляет около 2060 панд, а общее количество содержащихся в неволе особей – 548 [7]. Исчезновение естественной среды обитания, вызванное антропогенными факторами, является главной угрозой для дикой популяции бамбуковых медведей. По прогнозам, в ближайшие 80 лет пропадёт около 35 % бамбуковых лесов, и это приведёт к новому витку снижения численности популяции [1]. Особую проблему представляет то, что размножение панд в неволе происходит крайне редко. Всё это делает деятельность по сохранению панд значимой и трудной.

Как уже было сказано, «дипломатия панд» имеет долгую историю, однако современная практика дарения таких экзотических подарков началась в конце 1950-х годов как часть внешнеполитической стратегии пред-

седателя ЦК Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуна. Признавая дипломатическую ценность панды, официальный Пекин начал дарить их в знак надежды на долгие и плодотворные отношения. Первые подарки в виде больших панд были вручены коммунистическим странам-союзникам СССР и КНДР. Позднее китайское руководство подарило президенту США Ричарду Никсону и премьер-министру Великобритании Эдварду Хиту несколько панд во время их исторических государственных визитов в Китай в 1972 и 1974 годах соответственно [2].

После прихода к власти Дэна Сяопина в 1978 году Китай приступил к осуществлению программы экономических реформ, целью которых было построение государственного капитализма, характеризующегося «политикой открытых дверей» (для западных инвестиций) и созданием особых экономических зон, действующих на основе капиталистических принципов. Такие принципы были распространены и на панд, и после 1984 года бамбуковые медведи стали своего рода подарочными займами, совершенными с использованием капиталистической модели аренды. «Дипломатия панд» перешла от акцента на геополитику к акценту на рынок: престижным зоопаркам в государствах, которые считаются важными рынками для китайских товаров, была предложена возможность арендовать панд за шестизначные суммы плюс процент от продаж товаров. В 1984 году Международный союз охраны природы назвал большую панду вымирающим видом. Программа «аренды панд» стала предметом острых споров. Под давлением зоозащитников китайские власти отказались от краткосрочных займов в 1991 году в пользу разработанной китайскими и западными специалистами по охране природы системы передачи бамбуковых медведей на правах длительной аренды.

Землетрясение с магнитудой 8,0 по шкале Рихтера в Сычуани в 2008 году уничтожило приблизительно 5,9 % (656 км²) мест обитания и затронуло 67 % естественной среды обитания панд в целом. В результате Сычуаньского землетрясения был нанесён серьёзный ущерб инфраструктуре и строениям резервата большой панды Вэньчуань-Улун [3]. Первоначально большинство панд были перевезены в Ясанский центр охраны природы в Национальном заповеднике Бифэнся. Однако ограниченные возможности центра

и других мест в Китае для размещения и содержания панд-беженцев стали чем-то вроде кризиса для китайских властей.

С целью выхода из кризиса, вызванного землетрясением в Сычуани, Китай пролонгировал существующие подарочные ссуды, срок действия которых должен был истечь в 2010, 2015 и 2013 годах, с двумя американскими зоопарками и одним тайским зоопарком, соответственно, после чего панды должны были быть возвращены в Китай. Помимо этого, официальный Пекин предложил ссуды в виде подарков панды новой группе стран, с которыми вел переговоры по важным торговым соглашениям. Япония получила пару больших панд в марте 2011 года, Шотландия – в декабре 2011 года, а Франция и Сингапур – в 2012 году.

Соглашение об аренде панды с Шотландией, находившееся под личным контролем заместителя Главы правительства КНР, стало ключевым элементом реализации китайско-британского сотрудничества в области защиты и исследования больших панд. Более того, были заключены контракты на сумму 4 млрд долл. на поставку в Китай мяса лосося, автомобилей Land Rover, а также технологий возобновляемой энергии. Примечательно, что Норвегия снабжала Китай лососем в течение двух десятилетий, пока отношения между двумя странами не омрачились после присуждения Нобелевской премии мира в 2010 году заключённому в тюрьму китайскому диссиденту Лю Сяобо. Передача панд Канаде на правах длительной аренды повлекла за собой заключение долгосрочных контрактов на поставку Китаю оксида урана (до 2025 г.), приобретение нефтеносных песков OPTI Canada Inc, стоимостью 2,1 млрд долл., китайской государственной нефтяной компанией и закупкой мяса тюленя. Связь между пандами и ураном в этой новой «дипломатии панд» представляется существенной. Китай приступает к значительному расширению ядерной энергетики: он строит 25 электростанций и планирует увеличить ядерную мощность в 5–6 раз к 2050 году. Более того, к 2020 году спрос Китая на уран превысит внутренние ресурсы.

Таким образом, для современной «дипломатии панд» характерным является то, что официальный Пекин передаёт больших панд на правах длительной аренды тем странам, которые снабжают Китай ценными

ресурсами и технологиями. На наш взгляд, дарение панд можно понимать как проявление гуанси в двусторонних торговых соглашениях с участием Китая [9]. К гуанси относится целый комплекс социальных практик, стратегий и привычек взаимного обмена подарками, услугами и угощениями. Гуанси выражает глубину взаимоотношений, когда участники переходят во внутренний круг, ха-

рактеризующийся доверием, взаимностью, лояльностью и долгим сотрудничеством. С точки зрения Китая, разделение заботы о таком драгоценном животном, как большая панда, укрепляет эти связи. Передача панды в аренду не просто часть более крупной сделки: это «печать» одобрения, предполагающая длительные и плодотворные рабочие отношения.

Источники и литература

1. Большая панда исключена из списка исчезающих видов животных // National Geographic Россия. 05.09.2016. — URL: <http://www.nat-geo.ru/nature/901277-bolshaya-panda-isklyuchena-iz-spiska-ischazayushchikh-vidov-zhivotnykh> (дата обращения: 11.04.2019). — Текст: электронный.
2. Власть панды // Российская Газета. — 2016. 12 сент. — URL: <https://www.rg.ru/2016/09/12/kitaj-ot-pravil-v-drugie-strany-v-diplomaticheskikh-velich-bole-60-pand.html> (дата обращения: 12.04.2019). — Текст: электронный.
3. Вывезенные из Сычуани после землетрясения панды вернутся в 2012 г. // РИА Новости. — 2009. — URL: <https://www.ria.ru/20090923/186105850.html> (дата обращения: 12.04.2019). — Текст: электронный.
4. Евдокимов Е. В. «Народная дипломатия» КНР. Массовость как феномен китайской внешнеполитической пропаганды // Вестник МГИМО Университета. — 2011. — № 3. — С. 285–289.
5. Кривохиж С. В. Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. — СПб., 2014. — 165 с.
6. Наумов А. О., Положевич Р. С. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Китайской Народной Республики на современном этапе // Новая и новейшая история. — 2018. — № 5. — С. 105–118.
7. Общее количество содержащихся в неволе больших панд в мире составляет 548 особей // СИНЬХУА Новости. — 2018. — URL: http://www.russian.news.cn/2018-11/09/c_137594454.htm (дата обращения: 13.04.2019). — Текст: электронный.
8. Стрижакова Е. Е. Внешняя политика императрицы У // Платоновские чтения: материалы и доклады XXII Всерос. конф. молодых историков (г. Самара, 9–10 дек. 2016 г.) / отв. ред. П. С. Кабытов. — Самара: Самар. гум. акад., 2017. — С. 163–165.
9. Buckingham K. C., David J. N. W., Jepson P. Diplomats and Refugees: Panda Diplomacy, Soft “Cuddly” Power, and the New Trajectory in Panda Conservation // Environmental Practice. — 2013. — No. 15. — Pp. 262–270. — URL: <https://www.doi.org/10.1017/S1466046613000185> (дата обращения: 13.04.2019). — Текст: электронный.

УДК327
ББК 66.4

Игорь Викторович Халанский,
Кыргызско-Российский Славянский университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Бишкек, Киргизия

О некоторых аспектах проявления «мягкой силы» Китая в постсоветских странах Центральноазиатского региона

В статье рассматриваются тенденции продвижения КНР в сфере образования и культуры в постсоветских странах Центральной Азии. Открывающиеся китайские центры в долгосрочном плане обеспечивают беспрепятственное проникновение китайской экономической мощи в Центральную Азию. Всё это создаст принципиально иную платформу для продвижения китайских интересов в этом регионе. Нацеленность Пекина на улучшение имиджа Китая в Центральной Азии свидетельствует о росте потребностей Поднебесной к доступу на рынки стран этого региона.

Ключевые слова: «мягкая сила», Китай, Центральная Азия, Институт Конфуция

Igor V. Khalansky,
*Kyrgyz-Russian Slavic University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Bishkek, Kyrgyzstan*

About Some Aspects of China's "Soft Force" in the Post-Soviet Countries of the Central Asian Region

The article deals with the trends of China's promotion in the sphere of education and culture in the post-Soviet countries of Central Asia. The opening of Chinese centers in the long term ensure the unimpeded penetration of Chinese economic power in Central Asia. All this will create a fundamentally different platform for promoting Chinese interests in the region. Beijing's focus on improving the image of China in Central Asia indicates the growing needs of China for access to the markets of the countries of this region.

Keywords: "soft power", China, Central Asia, Confucius Institute

12 июля 2018 года Исследовательский центр дипломатии Университета Южной Калифорнии совместно с британской компанией "Portland communications" опубликовали «Доклад по изучению "мягкой силы" в мире», в котором Китай попал в первую тридцатку стран с самой влиятельной мягкой силой, разместившись на 27-м месте. Значительно увеличились показатели КНР в сфере международного участия и образования. Помимо этого, китайская культура, в качестве традиционного преимущества страны, привлекает особое внимание мира, по показателю культурного влияния Китай попал в первую десятку [4].

Неуклонный рост экономики позволил Китаю из стороннего наблюдателя за политическими процессами в Центрально-Азиатском регионе в 90-е годы эволюционировать в сторону равноправного партнёра и конкурента мировых держав уже к середине первого десятилетия 2000-х годов. Этот регион рассматривается в Пекине не только как источник сырья, но и как рынок сбыта китайской продукции, транзитный маршрут доставки китайских грузов в Россию, Иран и Европу.

Центральная Азия для Китая – один из ключевых приграничных регионов, имеющих особое значение в плане обеспечения безопасности и снабжения энергоресурсами. Не располагая собственными запасами углеводородов, КНР в случае гипотетического конфликта с США и перекрытия ими Малаккского пролива, через который доставляется нефть из района Персидского залива, рассчитывает обеспечить свою энергетическую безопасность за счёт поставок из Централь-

ной Азии и России. Причём если российский газопровод «Сила Сибири» ещё строится и будет готов к 2019 году, то трансконтинентальный газопровод «Туркмения – Китай» действует с 2009 года.

Значение Центральной Азии для обеспечения безопасности КНР связано с её близостью к беспокойному Синьцзян-Уйгурскому автономному району, а также с возможной дестабилизацией региона в результате экспансии из Афганистана или действий «внутренних» исламистов. Возникновение нестабильности на западных границах чревато её экспортом на территорию самого Китая и может создать очаг напряжённости на долгие годы. Поэтому в интересах Пекина не допустить обрушения местных политико-управленческих структур, что может ввергнуть регион в состояние хаоса.

Значимость Центральной Азии для КНР определяют и другие факторы, такие как наличие рынков сбыта, запасов рудных полезных ископаемых, развитие транспортных проектов и т. п. В сентябре 2013 г. во время визита в Астану председатель КНР Си Цзиньпин озвучил идею «Экономического пояса Шелкового пути», направленную на экономическое развитие расположенных вдоль транспортных коридоров между Китаем и Европой стран.

Однако для успешной конкуренции в регионе с такими игроками, как Россия и США, ЕС и Япония, Турция и Иран, Китай столкнулся с необходимостью создания суверенной «мягкой силы», способной сформировать позитивный имидж Поднебесной перед населением и политическими элитами региона.

Начало реализации Китаем политики «мягкой силы» связано с приходом к власти Ху Цзиньтао, избранного в ноябре 2002 г. генеральным секретарём ЦК КПК, а в марте 2003 года – председателем КНР. Во внешней политике Китая этого периода появились новые акценты, связанные с использованием традиционных инструментов «мягкой силы». В октябре 2007 года на XVII съезде Компартии Китая политика «культурной мягкой силы» была озвучена в качестве отдельного направления внешней политики страны.

На шестом пленуме ЦК КПК 17-го созыва, который состоялся в октябре 2011 года, был принят документ под названием «Решение ЦК КПК о некоторых важных вопросах углубления реформы культурной системы, содействия развитию и процветанию социалистической культуры». В нём говорилось о растущем значении «мягкой силы» в соперничестве между странами, а также о необходимости «осуществлять стратегию выхода культуры вовне, повышать международное влияние китайской культуры, демонстрировать миру новый образ реформ и открытости Китая» [7].

Иными словами, Пекин, достигнув высокого уровня экономической мощи, задумался над улучшением своего имиджа в глазах зарубежных стран при помощи культуры. Именно с этой целью Коммунистической партией Китая была поставлена задача повышения роли культурной составляющей «мягкой силы». Одним из способов реализации этой задачи стало открытие во всех странах мира центров по продвижению китайского языка и культуры, которые стали называть институтами Конфуция. Как наиболее предпочтительные направления для проведения «мягкой силы» Китая в его внешнеполитической концепции были обозначены Азиатско-Тихоокеанский регион, Африка, Латинская Америка и Центральная Азия.

Проект по созданию за рубежом Институтов Конфуция курируется правительственной Канцелярией КНР по распространению китайского языка в мире. По официальным данным за 2011 год, в 96 странах и регионах мира действовало 358 институтов и 500 классов Конфуция, в том числе в Азии – 65, Европе – 73, Америке – 51, Африке – 16, Океании – 6, в России – 12.

На сентябрь 2017 года, по данным агентства Синьхуа, в мире насчитывалось 516 институтов и 1076 классов Конфуция,

действовавших в 142 странах и регионах мира, общее количество их слушателей достигло 7 млн чел. [8].

К 2020 году планируется довести общее число Институтов Конфуция в мире до 1000. При этом Китай уделяет пристальное внимание своему «ближнему зарубежью». В 51 стране, расположенной вдоль «Пояса и пути», созданы 135 институтов и 129 классов Конфуция [6].

Институты Конфуция открываются при действующих за рубежом учебных заведениях. Благодаря широкой финансовой и кадровой поддержке из Пекина Институты Конфуция способны предложить привлекательные условия для желающих изучать китайский язык. Как правило, обучение там стоит недорого. Ежегодно выделяют около 100 тыс. долл. на финансирование деятельности каждого Института Конфуция.

Казахстанские аналитики выделяют в концепции китайской «мягкой силы» три основных направления. Первым из них является проведение политики безопасности, направленной на предотвращение обострения международной обстановки. В соответствии с ним Китай стремится дистанцироваться от любых военных конфликтов, если они не затрагивают напрямую его территориальные интересы. Вторым направлением является оказание помощи в экономической и социальной области, здравоохранении, образовании, гуманитарной сфере. В отличие от Запада, Пекин при этом не связывает предоставление помощи с политическими и идеологическими вопросами. Третьим направлением являются собственно мероприятия культурного характера, призванные продемонстрировать всему миру современные достижения КНР [5].

Для продвижения своего влияния КНР активно использует различные международные мероприятия и выставки. Крупнейшими из них стали Летние Олимпийские игры 2008 года в Пекине, а также Всемирная выставка «Экспо-2010», проходившая с 1 мая по 31 октября 2010 года в Шанхае. Эти мероприятия, которые посетили миллионы зарубежных туристов, улучшили имидж Китая, представив его сильным, современным и технологичным государством. В КНР регулярно проводятся дни национальных культур государств Центральной Азии, а также самые различные деловые и культурные мероприятия, способствующие развитию

торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества. В странах региона ежегодно проводятся выставки национальных товаров Китая, в Пекине – Кашгарская выставка, а в Урумчи – ярмарка и экономический форум с участием республик Центральной Азии.

Для культурного продвижения Китая в Центральную Азию создаются новые ведомства. В 2010 году в городе Урумчи открылась база государственной категории по распространению китайского языка в Центральной Азии, главные задачи которой заключаются в оказании помощи в создании институтов Конфуция, прежде всего в странах-членах Шанхайской организации сотрудничества, издании новых учебных материалов по китайскому языку, поощрении китайских преподавателей к работе за рубежом и привлечении иностранцев в Китай для изучения китайского языка.

В данных институтах помимо изучения китайского языка спонсируются программы по обмену студентов в Китай за счёт принимающей стороны, а также повышают квалификацию местным преподавателям. Огромное количество студентов из стран Центральной Азии в основном обучаются на территории Синьцзян-Уйгурского автономного округа при Синьцзянском педагогическом университете, который предлагает студентам все необходимые условия, вплоть до двухразового питания [1].

Согласно китайской прессе, ссылающейся на «Канцелярию государственной руководящей группы по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань)», на 2013 год в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане действуют 10 Институтов Конфуция и открыты 12 Классов Конфуция. В них обучаются около 23 тыс. студентов. На территории России насчитывается 18 Институтов Конфуция, а также 4 Класса Конфуция.

В феврале 2009 года состоялось открытие Института Конфуция при Казахском национальном университете им. аль-Фараби при посредничестве Ланьчжоуского университета (КНР). Первые два института Конфуция были созданы в Астане и Алматы. Третий открылся на базе Актюбинского государственного пединститута. Согласно казахстанской прессе, в стране на декабрь 2014 г. существовало 4 института Конфуция. Институты Конфуция созданы при КазНУ им. аль-Фараби (Алматы), ЕНУ им. Л. Н. Гу-

милёва (Астана), Актюбинском государственном пединституте (Актобе) и КарГТУ (Караганда). По данным Министерства образования КНР на 2015 год, численность казахстанских студентов в Китае достигла 13,2 тыс. чел., увеличившись за предыдущие 10 лет в 3,5 раза.

Открываются институты Конфуция и в Узбекистане. Первый был открыт в 2005 году в Ташкенте, второй – в Самарканде летом 2014 года. Учредителями первого Института Конфуция стали Ташкентский государственный институт востоковедения и Ланьчжоуский университет (провинция Гансу). Второй Институт Конфуция открыт в Самаркандском государственном институте иностранных языков представителями Шанхайского университета иностранных языков [3].

Китай продвигает культурное влияние в Таджикистане, где функционируют два центра Конфуция. В первом из них, открывшемся в 2009 году при Таджикском национальном университете, за 10 лет прошли обучение 10 тыс. чел. Второй центр открылся 21 августа 2015 года в Чкаловске Согдийской области и готовит специалистов для горно-металлургической и нефтяной промышленности.

Число таджикских студентов в Китае составляет несколько сот человек. По данным Минобрнауки Таджикистана, в 2013–2014 учебном году в китайских вузах по выделенным КНР квотам обучались 122 таджикских студента, а следующем году их число удвоилось. В 2015–2016 учебном году Китай выделил для граждан Таджикистана 64 места для обучения на языковых курсах, 105 мест для обучения по программе бакалавриата и 20 – магистратуры. Всего возможность обучения в КНР за счёт бюджета, как сообщают таджикские СМИ, в прошлом году получили 189, а в этом году – 298 чел. Упор при обучении в КНР делается на изучении китайского языка и культуры. Тем самым Пекин готовит профессиональных переводчиков для того, чтобы обеспечить ими работающие в регионе китайские компании.

По данным Министерства образования и науки Кыргызской Республики, китайский язык преподаётся в 8 крупнейших вузах страны: БГУ им. К. Карасаева, КНУ им. Ж. Баласагына, КГУ им. И. Арабаева, КРСУ им. Б. Н. Ельцина, Нарынском госуниверситете, Ошском государственном университете, Ошском технологическом университете,

а также в Ошском гуманитарно-педагогическом институте и лицее «Билим» при ОшГУ.

В сфере образования краеугольным камнем выступают Институты Конфуция при Бишкекском гуманитарном университете и при Кыргызском национальном университете. Они основаны в 2007 и 2008 годах соответственно и финансируются Пекином. Также с 2013 года функционирует Институт Конфуция в городе Ош. Институт Конфуция ОшГУ признан лучшим институтом в 2017 году за плодотворную и творческую работу.

КНУ им. Ж. Баласагына является крупнейшим вузом страны, где на кыргызско-китайском факультете учатся 1300 студентов. В 2017 году 100 из них поехали учиться в Китай на грантовой основе. Сегодня в 146 странах создано 525 институтов Конфуция и 1113 классов Конфуция в начальных и средних школах. В КНУ работают 24 преподавателя из Китая, приехавших в Кыргызстан по взаимному обмену.

Институт Конфуция при КНУ им. Ж. Баласагына в республике открыл 8 классов (стоимость оборудования одного класса составляет 30 тыс. долл.) и 18 мультимедийных аудиторий (стоимость оборудования одной мультимедийной аудитории составляет 3,5 тыс. долл.). В 2013 году Институт отправил в Китай более 600 кыргызстанцев, организовал курсы повышения квалификации для 800 преподавателей китайского языка. Также были открыты классы по изучению китайского языка в городах Джалал-Абад и Каракол.

В Ошском госуниверситете для Института Конфуция был построен отдельный учебный корпус на 600 чел. На строительство китайской стороной был выделен грант в размере 800 тыс. долл. Новое пятиэтажное здание кыргызско-китайского факультета также включает общежитие на 160 мест. Сегодня ОшГУ напрямую сотрудничает с 52 университетами Китая. Более 250 студентов и 100 преподавателей ОшГУ проходят обучение и стажировку в Китае в вузах Шанхая, Пекина, Ланьчжоу, Сучжоу, Даляня и Урумчи [2].

В 2012 году в средних и высших учебных заведениях республики работали 38 носителей китайского языка. В сентябре 2014 года Академия госуправления при президенте Кыргызской Республики подписала меморандум о сотрудничестве с Государственной административной академией Китая. Также Пекин финансирует ещё две программы по линии ШОС, которые дают возможность 50 учащимся в Кыргызстане в течение года проходить обучение на территории Китая (при условии, что они владеют китайским языком).

С 2016 года в Центральной научной библиотеке Национальной академии наук при поддержке Института Конфуция работают восьмимесячные бесплатные курсы китайского языка. Они ориентированы на школьников старших классов, студентов и молодых учёных. Также в октябре в столице был открыт первый в Центральной Азии китайский книжный магазин «Шанс».

За последние три года лицензию на право обучать по специальности «Китаеведение» получили 4 высших учебных заведения, а за три месяца 2017 года – 9 организаций. В Бишкеке функционируют 37 курсов, а на всей территории республики – 65. Планируется строительство Института Шёлкового пути Китай – Кыргызстан.

Деятельность китайских СМИ также играет немаловажную роль в политике «мягкой силы». Журналисты готовят многочисленные репортажи, телепередачи и другие мероприятия только с одной целью – показать достижения и положительные стороны Китая.

Открывающиеся китайские центры в долгосрочном плане призваны обеспечить беспрепятственное проникновение китайской экономической мощи в Центральную Азию вследствие чего регион будет «привязан» к Пекину сетью экономических и культурных нитей. Всё это создаст принципиально новую платформу для продвижения китайских интересов в этом регионе. Нацеленность Пекина на улучшение имиджа Китая в Центральной Азии свидетельствует о росте потребностей Поднебесной к доступу на рынки стран этого региона.

Источники и литература

1. Амири З. «Мягкая сила» Китая в Центральной Азии. – URL: <http://www.mirperemen.net/2017/06/myagkaya-sila-kitaya-v-centralnoj-azii/> (дата обращения: 12.02.2019). – Текст: электронный.
2. Бердаков Д. Механизмы «мягкой силы» Китая в Кыргызстане. – URL: <http://www.eurasia.Expert/mechanizmu-myagkoy-sily-kitaya-v-kyrgyzstane/> (дата обращения: 28.02.2019). – Текст: электронный.

3. В Самарканде открылся институт Конфуция. – URL: <http://www.china-uz-friendship.com/?p=2700> (дата обращения: 03.12.2019). – Текст: электронный.

4. Глобальный доклад о «мягкой силе» 2018 года: выросло участие Китая в международных делах. – URL: <http://www.russian.people.com.cn/n3/2018/0713/c95181-9480791> (дата обращения: 13.03.2019). – Текст: электронный.

5. Изимов Р. «Мягкая сила» Китая – на прицеле Центральная Азия // REGNUM. Информационное агентство. – URL: <https://www.regnum.ru/news/1759411.html> (дата обращения: 24.03.2019). – Текст: электронный.

6. «Мягкая сила» Китая в Центральной Азии. – URL: <https://www.camonitor.kz/20740-myagkaya-sila-kitaya-v-centralnoy-azii.html> (дата обращения: 24.03.2019). – Текст: электронный.

7. Шустов А. Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии. – URL: <http://www.eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 09.01.2019). – Текст: электронный.

8. 516 Институтов Конфуция созданы в 142 странах мира. – URL: http://www.russian.news.cn/2017-09/30/c_136650568.htm (дата обращения: 30.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 32(510)
ББК Ф02(5Кит)

Олег Николаевич Забужов,

Московский государственный лингвистический университет,

г. Москва, Россия,

e-mail: zabuzov@mail.ru

Китайский Макао: специфика политической урбанизации

Прослежено изменение правового статуса частично-зависимого высоко урбанизированного города-государства Макао. Рассмотрены трансформации в особенностях осуществления политической власти на территории Макао после вхождения в состав КНР. Отражены аспекты организации деятельности исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти после вхождения Макао под юрисдикцию КНР.

Ключевые слова: администрация, Аомэнь, власть, Китай, конституция, Макао, особый статус, политика, политическая урбанизация, Португалия, правительство

Oleg N. Zabuzov,

Moscow State Linguistic University,

Moscow, Russia,

e-mail: zabuzov@mail.ru

Chinese Macau: Specificity of Political Urbanization

The change in the legal status of a partially-dependent, highly urbanized city-state of Macau is traced. The transformations in the peculiarities of the implementation of political power in the territory of Macau after joining the PRC are considered. Reflects aspects of the organization of the executive, legislative and judicial branches of government after the entry of Macao under the jurisdiction of the PRC.

Keywords: administration, Macao, power, China, constitution, special status, politics, political urbanization, Portugal, government

В общей сложности государство Макао просуществовало под протекторатом Португалии около 400 лет. В конце XX века наблю-

далась сильная зависимость Макао от Китая. Зависимость от Португалии, напротив, почти исчезла в 60–70-е годы XX столетия [3].

После установления в 1979 году дипломатических отношений Португалии и КНР Португалия неоднократно ставила вопрос о необходимости решения вопроса Макао. Уже 15 декабря 1988 года в Пекине стороны обменялись ратификационными грамотами по этому вопросу. 22 сентября 1996 года состоялись выборы Законодательного совета шестого созыва, был сформирован состав последнего законодательного органа Аомэня при португальской администрации. Будущий статус португальской колонии определили в качестве «особого административного района», 20 декабря 1999 года стороны назвали день возвращения Макао в состав КНР.

31 марта 1993 года на Первой сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) восьмого созыва был принят Основной закон Макао, предварительно опубликованный 17 марта 1992 года после проведения многочисленных дискуссий. Текст основных законов Гонконга и Макао имеет особенности, хотя главные формулировки по вопросам статуса Макао определены на основе Основного закона Гонконга, но не дословно. Так, в Основном законе Макао нет положения о статусе вооружённых сил КНР (ст. 93, 94 Конституции КНР) на его территории, хотя последняя и несёт ответственность за оборону, нет положений о прецедентном праве, так как оно на территории бывшей Португалии не применялось [2].

Новый статус Макао основывается на Конституции КНР (ст. 31). Он характеризуется тем, что на 50 лет сохранён политический строй, отличный от материкового Китая, определён состав правительства Макао из местных жителей, являющихся китайскими гражданами, проживающими на территории не менее 15 лет. Глава администрации Макао был назначен Госсоветом КНР на «основе выборов и консультаций на месте» в рамках процедуры отбора кандидатуры специальной комиссией. Руководство Макао подчиняется Центральному народному правительству (ЦНП) КНР. При этом пользуется «автономией высокой степени», что включает осуществление законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, а также выдачу виз для выезда и въезда. Вне компетенции властей Макао находятся только вопросы внешней политики и обороны, как и у Гонконга.

Таким образом, при изначальном одинаковом статусе особых автономных регионов

Гонконга и Макао внутренний Основной закон Макао относительно состава правительства выглядит более жёстким по сравнению с Гонконгом, исключающим вхождение в состав правительства негражданина Китая, да ещё и вводящим ценз оседлости.

Организация публичной власти в Гонконге и Макао происходила с учётом специфики этих территорий, которые ранее были придатками колониальных администраций с зачатками функционального представительства [4].

Различия имеются в судебной и правовой системах районов, в формировании законодательных органов, в полномочиях глав администраций. Например, в Макао ст. 49 Основного закона устанавливается, что глава администрации в период срока полномочий не может вести частной деятельности с целью извлечения прибыли.

Отметим, что в этом вопросе законодательство Макао по сравнению с законодательством Гонконга выглядит наиболее приближенным к законодательству ведущих стран мира, в том числе и России, где занятие лицом государственных должностей исключает им коммерческую деятельность.

Базисом в организации политического управления служит лозунг «Макао управляет Макао», который определяет, что глава администрации, высшие должностные лица – граждане Макао или китайские граждане, постоянно проживающие в районе. К этим руководящим лицам предъявляются высокие моральные требования (ст. 101 Основного закона): они должны полностью посвящать себя своим обязанностям, честно выполнять возложенные на них функции, приносить присягу на верность закону.

К полномочиям главы администрации Макао добавлено представление на утверждение Госсовета КНР кандидатуры Главного прокурора Макао и некоторые другие полномочия [5]. Отдельными постановлениями устанавливался порядок формирования руководящих органов и судов районов. ВСНП учредило подготовительные комитеты Макао, которые были ответственны за формирование первых правительств, законодательных советов первого созыва и первых судов. Формирование персонального состава законодательных советов было возложено на ПК ВСНП. Подготовительный комитет автономных районов был ответственен за формирование коллегии выборщиков пер-

вого правительства района, которая должна была избрать главу администрации путём консультаций и избирательных процедур и предоставить её на утверждение Центрального народного правительства КНР.

Правовая система Макао относится к континентальной правовой семье – совокупность правовых систем, сформировавшихся в результате рецепции (заимствования) римского права (в этом её отличие от правовой англо-саксонской системы Гонконга [6]), и строится на принципах верховенства права и независимости судебной власти. Все официальные документы Макао публикуются на китайском и португальском языках. В Макао действует отдельная от КНР правовая система.

Законодательными полномочиями обладает Законодательный совет, члены которого избираются на четыре года, в его составе 33 человека. Его возглавляет президент, который избирается вместе с вице-президентом из числа членов Законодательного совета.

Законодательный совет обладает также полномочиями в области издания, изменения и отмены законов, принятия бюджета, заслушивания докладов правительства. Члены Законодательного совета, согласно Основному закону, обладают иммунитетом и не могут быть задержаны и арестованы без согласия Совета. Члены парламента имеют право выдвинуть импичмент главе администрации квалифицированным большинством (2/3) и направить своё решение в ВСНП для дальнейшего рассмотрения. При этом создаётся комиссия, которая проводит независимое расследование по поводу законности действий главы Макао.

Таким образом, такой правовой механизм выдвижения импичмента руководителю администрации Макао с дальнейшим направлением такого решения в ВСНП подразумевает латентную интеграцию законодательства и как следствие дальнейшую интеграцию Макао с материковым Китаем. Из отведённых 50 лет так называемого невмешательства большого Китая в дела Макао 20 лет уже прошли. В преамбуле к конституции КНР чётко обозначено: «Китай последовательно проводит независимую и самостоятельную внешнюю политику, твёрдо придерживается пяти принципов», – где первым стоит – взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности [2].

В рамках Законодательного совета функционируют различные структурные элементы: постоянные и чрезвычайные комитеты, Исполнительный совет (осуществляет полномочия парламента в перерывах между сессиями). Для повышения эффективности своей деятельности парламент Макао создал систему «обратной связи», благодаря которой граждане района могут оставлять свои замечания и предложения по почте и телефону или обращаться лично к членам Законодательного совета.

Судебная система Макао стремится сохранять в себе черты, привнесённые португальскими властями. Суды вправе взаимодействовать с судебными органами других государств, оказывать взаимную поддержку с помощью ВСНП, назначать судей из других стран. Высший судебный орган – Апелляционный суд последней инстанции (состоит из 3 судей). Их назначает главный министр по рекомендациям независимой комиссии, состоящей из судей и авторитетных юристов.

Таким образом, организация судебной системы в этом городе-государстве организуется на принципах европейского права, явно не англо-саксонской модели и в то же время с обширным взаимодействием между судебной системой материкового Китая и назначением судей из других стран, что, на наш взгляд, является верхом либерализма и независимости судебной ветви власти.

Характерной чертой традиционного государственного управления в азиатских странах является отсутствие института, уполномоченного по правам человека (омбудсмен), однако в Макао создана Комиссия по борьбе с коррупцией, которая формируется китайским правительством и докладывает о результатах своей деятельности главе администрации Макао. Комиссия обладает также и функциями уполномоченного по правам: специализируется на защите прав и свобод граждан, обеспечивает юридические гарантии защиты прав и справедливое правосудие. Комиссия также подтверждает законность итогов выборов, борется с мошенничеством в ходе избирательного процесса, следит за законностью в сфере исполнительной власти и эффективностью деятельности должностных лиц. Таким образом, в отличие от практики КНР, борьба с коррупцией в Макао осуществляется комиссией, действующей в соответствии с предписаниями закона [1].

Отметим, что многовековая история колонизации этого города-государства Макао, пусть никогда не являвшегося абсолютно суверенным, впитывает в себя черты управления, администрирования, права как За-

падной Европы, так и Китая. Причём дальнейшая ассимиляция Макао в материковом социалистическом Китае не является уже сточением ни законодательства, ни системы власти, по крайней мере, пока.

Источники и литература

1. Балгабаева Г. Б., Новакова О. В. Конституционно-правовой статус Гонконга и Макао после присоединения к КНР // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 10. – С. 26–33.
2. Конституция КНР // CHINALAW.CENTER. – URL: https://www.chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian (дата обращения: 17.04.2019). – Текст: электронный.
3. Магдалюк А. В., Медовкина Л. Ю. Современные отношения между Макао и Пекином // Научный поиск в современном мире: сб. материалов XII Междунар. науч.-практ. конф. (29 мая 2016 г.). – Махачкала, 2016. – С. 196–197.
4. Манько В. А. Организация публичной власти в Гонконге и Макао – «особых административных районах» Китайской Народной Республики // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 110–114.
5. Lei básica da Região administrativa especial de Macau da República Popular da China. – URL: <https://www.bo.io.gov.mo/bo/i/1999/leibasica/index.asp> (дата обращения: 17.04.2019). – Текст: электронный.
6. The basic law of the Hong Kong special administrative region of the People's Republic of China. – URL: https://www.basiclaw.gov.hk/en/basiclawtext/images/basiclaw_full_text_en.pdf (дата обращения: 17.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 316.736(571.55)
ББК Ю953.1(2Рос-4Чит)

Замира Доржиевна Бардаханова,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: zamira7777@mail.ru*

Проблемы процесса инкультурации

Данная статья посвящена проблемам процесса инкультурации китайских студентов в российском вузе. Иностранные студенты в течение нескольких лет изучают русский язык в родном университете, осваивают его в России, но, тем не менее, сталкиваются с фонетическими, лексико-грамматическими трудностями, а также с трудностями в аспекте межкультурной коммуникации. Китайские студенты воспринимают российскую культуру через призму своей культуры, поэтому их наблюдения и заключения ограничены её рамками. Различия в культурах влияют на адаптацию, создают культурно-языковой барьер. Иностранным студентам, прежде всего, необходимо приобретать новые культурные знания, развивать способность к межкультурному пониманию.

Ключевые слова: инкультурация, фонетические и лексико-грамматические ошибки, межкультурная коммуникация, китайские студенты

Zamira D. Bardakhanova,
*Transbaikial State University,
Chita, Russia,
e-mail: zamira7777@mail.ru*

Problems of the Enculturation Process

This article is devoted to the problems of the process of enculturation of Chinese students in a Russian university. For several years, foreign students study Russian at their native university, master it in Russia, but nevertheless face phonetic, lexical and grammatical difficulties, as well as difficulties in the aspect of

intercultural communication. Chinese students perceive Russian culture through the prism of their culture, so their observations and conclusions are limited to its scope. Differences in cultures affect adaptation, creates a cultural-language barrier. Foreign students, first of all, need to acquire new cultural knowledge, to develop the ability to intercultural understanding.

Keywords: inculturation, phonetic, lexical and grammatical errors, intercultural communication, Chinese students

В настоящее время российские университеты всё больше приобретают интернациональный характер, студенты из других стран поступают, учатся, получают дипломы российского образца. Стремительно развиваются международные связи, университеты обмениваются студентами на семестр, на учебный год.

Геополитический фактор и экономическая ситуация территорий субъектов Федерации, в частности Забайкальского края, позволяют развивать двустороннее сотрудничество с пограничным Китаем, стратегическим партнёром. Данный фактор требует знания языка и специфики культуры.

Стажировка студентов в университете другого государства не только предполагает освоение языка, но и подразумевает приобщение к иной культуре, активное взаимодействие с её представителями.

Культура каждого народа уникальна. Каждой из них присущи свои обычаи, традиции, национальные особенности, нормы поведения, ценностные ориентации, мировосприятие. Язык является проводником культуры. Изучение иностранного языка открывает доступ к духовному богатству народа, знакомит с историей и литературой, позволяет понять собственную культуру.

Китайские студенты, обучающиеся в Забайкальском государственном университете, подразделяются на две категории: студенты, обучающиеся на бакалавриате совместно с русскими студентами, и студенты, приехавшие на языковую стажировку на семестр.

Для китайских студентов, оказавшихся в российском культурном пространстве, неизбежны проблемы инкультурации. Инкультурация – процесс приобщения человека к определённой этнической культуре и обретения им необходимых для жизни культурных навыков [3, с. 277].

На первых порах своей адаптации китайские студенты не поддерживают тесных контактов с русскими студентами, не имеют общих тем для обсуждения, и коммуникация между ними проходит на уровне приветствия.

Однако китайские студенты бакалавриата, проводя много времени в российском культурном пространстве, постепенно увеличивают своё общение с одноклассниками, участвуют в мероприятиях, связанных с внеучебной деятельностью, в отличие от студентов, приехавших учиться по обмену по линии русского языка как иностранного.

Студенты, приехавшие по обмену изучать русский язык, впервые погружаются в языковую среду, с интересом наблюдают образ жизни местного населения. Интерференция родного языка и культуры влияет на восприятие иной культуры, на освоение учебного материала.

Трудностью для китайских студентов является фонетика русского языка. Особую сложность представляет звук [р], отсутствующий в китайском языке. Студенты заменяют его на звук [л] и, наоборот, слова со звуком [л] произносят с [р]. Студенты не чувствуют разницы между звонкими и глухими согласными, поскольку в китайском языке согласные делятся на придыхательные и не-придыхательные.

Китайцы отчётливо слышат разницу между своими придыхательными **p, t, k** и русскими непридыхательными, но для них несущественно различие взрывных по звонкости, и они его не слышат: в русских словах как **п, т, к**, так и **б, д, г** одинаково воспринимаются ими как эквиваленты китайских **b, d, g**; например, *там* и *дам*, *год* и *кот* звучат для них, по существу, одинаково [1, с. 47].

В китайском языке каждый значимый слог передаётся отдельным иероглифом. Для записи слова требуется столько иероглифов, сколько в нём слогов. На начальном этапе изучения языка, чтобы запомнить слова, китайские студенты транслитерируют русские лексемы китайскими иероглифами: *девочка* 借我七个 jiè wǒ qī gè «займи мне семь», *девушка* 借我十个 jiè wǒ shí gè «займи мне десять», *молодец* 麻辣鸡丝 má là jī sī «острое куриное мясо», *воскресенье* 袜子搁鞋里 wàzi gē xié lǐ «положить носки в ботинки», часто 掐死他 qiā sǐ tā «задуши его,

рейтузы», 勒肚子 lēi dùzi «натирать живот», хорошо 哈喇少 hāláshǎo «мало слюней», до свидания 打死你大娘 dǎsǐ nǐ dàniáng «забью насмерть твою тётушку».

Студентам, привыкшим воспринимать иероглифы, трудно читать длинные русские слова: лингвистический, достопримечательности, путешествовать и т. д. Даже имена русских людей, состоящих из фамилии, имени, отчества представляют сложность, кажутся очень длинными, поскольку полное имя китайцев состоит из фамилии и имени. Фамилии большинства китайцев являются односложными, некоторые – двусложными. Находясь в российском вузе, китайские студенты обращаются к преподавателю, называя его «преподаватель», избегая называть по имени и отчеству, следуя своей культуре уважительного отношения к старшим. К китайским преподавателям обращаются как 张教授 Zhāng jiàoshòu «профессор Чжан», 王老师 Wáng lǎo shī «учитель Ван» и т. д.

Графическое восприятие рукописного текста также представляет большую трудность, студенты не могут различить на письме слоги с «и»: «ши», «ми», «ли», «ци».

Грамматическая система русского языка также вызывает трудности, поскольку в китайском языке строгий порядок слов в предложении, грамматические связи определены. Слова не изменяются морфологически. Отсутствует категория лица, числа, рода, падежа. Тогда как в русском языке по своему морфологическому строю преимущественно флективный, синтетический синтаксис характеризуется относительно свободным порядком слов.

Встречаются и лексические трудности. Так, очень часто при воспроизведении диалогической речи начинают обращение на «Вы», а заканчивают на «ты», или, наоборот, не замечают разницы, поскольку в китайском языке очень уважительная форма на 您 nín, в остальных случаях можно использовать 你 nǐ – «ты», «Вы».

Студенты воспринимают российскую культуру через призму своей культуры, поэтому их наблюдения и заключения ограничены её рамками.

В диалогах о покупке продуктов и одежды китайские студенты всегда просят сделать скидку или просят продать подешевле. Это связано с тем, что в Китае принято торговаться.

При чтении русской литературы наблюдаем яркий пример различия культур. Так,

прочитав «Метель» А. С. Пушкина, китайские студенты написали, что всегда надо слушаться родителей. Марья Гавриловна, а в некоторых случаях написали просто Гавриловна, должна была послушать родителей и не сбежать из дома. Уважать и слушаться своих родителей – неукоснительное правило китайцев, вплоть до того, за кого выходить замуж или жениться. Тем более, пишут студенты, в таком юном возрасте, в возрасте 17 лет, когда молодые люди интересуются покупкой красивых тетрадей и ручек. «Метель» была написана в XIX веке, когда в русском обществе было принято рано выходить замуж. В сочинении некоторые студенты написали, что Марья Гавриловна хотела выйти замуж за бедного официанта, вероятно, поняв, что если бедный, то официант, а не офицер.

Прочитав текст «На даче» (по рассказу Антона Павловича Чехова) студенты написали, что женатому человеку не следует увлекаться другими женщинами.

Описание сюжетных картинок, где изображались муж и жена за завтраком, где муж читал газету, не обращая внимания на свою жену, в результате чего жена обиделась, собрала вещи и уехала к маме, как и бывает в российской действительности, привело в негодование всех студентов, которые написали, что надо ценить, любить, баловать свою жену. Нельзя игнорировать, читая газету, надо уделять как можно больше внимания своей половинке. Это связано с тем, что в Китае мужчины по численности преобладают, поэтому женщин очень ценят.

Просмотрев фильм «Михайло Ломоносов», студенты при пересказе использовали «дядя Ломоносова», хотя там Михайло называл своего отца тятя. В этом случае сказалось незнание архаичных слов.

Следовательно, для правильного понимания текста необходимо не только знать правильное значение слов, но и реалии, традиции того языка, на котором ведётся повествование.

При наблюдении китайские студенты весело, громко и бойко говорят на своём языке, тогда как на русском говорят медленно, с ошибками, тихо, используя самые простую лексику и грамматику.

Для китайских студентов российское образование является престижным, чтобы преодолеть проблемы инкультурации, студентам необходимо теоретические знания по языку приложить к практическому использованию, изучать значения слов в контексте,

знать ценности и нравственные принципы страны проживания, знать реалии языка, а также при адаптации в иной лингвокультурной среде важно эффективное межкультурное взаимодействие с российскими студентами для развития чувства идентичности, меньшего отчуждения, удовлетворения от процесса обучения.

Е. И. Пассов считал, что «языку никогда никого невозможно обучить, ему можно только научиться» [2]. Через призму чужой культуры можно понять самобытность своей культуры. Китайским студентам, прежде всего, необходимо приобретать новые культурные знания, развивать способность к межкультурному пониманию.

Источники и литература

1. Задоев Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. Изд. 3-е. – М.: Муравей, 2006. – Ч. 1. – 288 с.
2. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: метод. пособие для преподавателей русского языка как иностранного. – М.: Русский язык: Курсы, 2010. – 568 с.
3. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Альфа-М; Инфра-М, 2006. – 288 с.

**УДК 314
ББК С74**

Ирина Александровна Кунаковская,
*Краснодарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации,
г. Краснодар, Россия,
e-mail: kamnevagp@gmail.com*

Галина Петровна Камнева,
*Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия,
e-mail: kamnevagp@gmail.com*

Определение демографической политики государства

В статье анализируются основы демографической политики. Выделяется понятие демографической политики, сущность, методы и принципы государственного регулирования демографических процессов, которые основываются на специфике потребности государства в запрещении либо поощрении рождаемости, уровне экономического развития и потенциала, уровне жизни и качестве жизни населения, а также на приоритетной системе ценностных ориентаций и модели общественного устройства.

Ключевые слова: демографическая политика, социальная политика, сущность, методы, принципы, демографический оптимум

Irina A. Kunakovskaya,
*Krasnodar Cooperative Institute (branch)
Russian University of Cooperation,
Krasnodar, Russia,
e-mail: kamnevagp@gmail.com*

Galina P. Kamneva,
*Moscow Region State University,
Moscow, Russia,
e-mail: kamnevagp@gmail.com*

Determination of Demographic Policy of the State

The article analyzes the basics of demographic policy. The concept of demographic policy, the essence, methods and principles of state regulation of demographic processes. Which are based on the specific needs of the state in the

prohibition or promotion of fertility, the level of economic development and potential, standard of living and quality of life of the population, as well as the priority system of value orientations and models of social structure.

Keywords: demographic policy, social policy, essence, methods, principles, demographic optimum

Демографическая составляющая является одной из значимых составляющих внутренней политики всех развитых стран, что обуславливает изучение данного понятия и выделение отдельного направления науки, изучающей демографические процессы.

Д. И. Валентей в своём кратком определении рассматривал демографическую политику как управление воспроизводством населения [1, с. 118].

Методологически важными обстоятельствами в определении понятия являются:

- предмет демографической политики (режим воспроизводства населения);

- акцент именно на естественном (демографическом), а не на каком-либо ином (миграционном, социальном и т. д.) аспекте воспроизводства населения.

Таким образом, демографическая политика имеет прямое отношение к процессам рождаемости и смертности населения, а также брачности и разводимости – как к процессам, непосредственно влияющим на рождаемость и, в определённой степени, на смертность.

Особо отметим, что миграционные процессы не имеют отношения к демографическому воспроизводству, являясь в данном контексте внешней переменной.

Несмотря на поверхностную схожесть семейной и демографической политики (из-за чего нередко происходит их смешение), между ними всё-таки имеется принципиальное отличие. Семейная политика в отличие от демографической не нацелена на изменение показателей демографического воспроизводства и достижение конкретных демографических результатов.

Аргументированным обоснованием самостоятельности демографической политики представляется позиция А. И. Антонова и В. А. Борисова: «Системная демографическая политика, решающая стратегические задачи сохранения целостности государства, охватывает все сферы народного хозяйства, но не передоверяет выполнение ряда задач отдельным министерствам и ведомствам».

Подобный подход обуславливает существующие проблемы в области развития демографических процессов, в частности, процесса естественной убыли населения отдельных стран и замещения коренного населения мигрантами.

Демографический кризис становится оправдывающим фактором развития моделей принятия жёстких мер, нацеленных на стабилизацию демографических процессов. В приоритете данные меры в первую очередь ориентированы на семью. Процесс рождаемости и социализации по-прежнему связан именно с этим институтом, в результате такого воздействия на семейные взаимоотношения даёт наиболее высокую результативность в демографической политике.

В этой связи ряд авторов (В. А. Борисов, В. М. Медков, М. А. Клупт) считают целесообразным использование термина «семейно-демографическая политика».

Так, М. А. Клупт полагает, что в российских условиях демографическая политика в области рождаемости в значительной своей части должна совпадать с политикой семейной, так как необходимым условием повышения рождаемости является улучшение условий жизни семей с детьми.

Для реализации эффективной демографической политики необходимо множество условий. Принципиально важные из них, без которых говорить о демографической политике нецелесообразно, следующие: политическая воля, научное обоснование, адекватное финансирование, информационное сопровождение, субъектность (наличие системы органов власти (управленческой структуры), отвечающей за реализацию данной политики на федеральном и региональном уровнях).

Политическая воля определяется одним из первостепенных факторов развития демографической политики и формирования её приоритетов. В частности, за счёт регулирования на уровне политических структур развивается и регулируется современная демографическая политика в РФ.

Аспекты демографической политики РФ были ясно выражены:

- в известном послании Президента В. В. Путина (от 10.05.2006 г.);
- в принятой впоследствии Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года;
- в создании специального Совета при Президенте по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики (впоследствии преобразован в комиссию);
- в принятии целого ряда нормативных актов, направленных на повышение уровня жизни российских семей;
- в последнем «революционном» послании президента Д. А. Медведева (от 30.11.2010 г.).

Последнее президентское послание особенно важно, так как именно с него берёт начало собственно демографическая политика в России. Все предыдущие инициативы, включая «материнский капитал», повышение детских пособий, проведение «Года семьи», компенсацию родительских расходов за пребывание ребёнка в дошкольных учреждениях и т. д., справедливо отнести к проявлениям социальной и семейной политики.

Перечисленные выше управленческие решения в лучшем случае стимулировали увеличение доли двухдетных семей, что, при условии успешности данных мер, лишь замедляло темпы депопуляции, но отнюдь не способствовало даже простому воспроизводству населения, т. е. элементарному замещению поколений.

С момента оглашения последнего президентского послания можно говорить о первых инициативах в рамках непосредственно демографической политики:

- предложение о выделении земельных участков семьям, начиная с третьего ребёнка;
- дополнительные налоговые преференции многодетным семьям;
- поддержка просемейной социальной рекламы, популяризирующей позитивный образ трёхдетной семьи.

Принципиальное отличие последнего президентского послания – акцент на стимулировании рождения третьего и последующих детей.

Именно среднедетная модель рождаемости (3–4 детей) является минимально необходимой для расширенного воспроизводства населения.

Таким образом, озабоченность власти демографическими проблемами была неоднократно и однозначно продемонстрирована. Более того, из всех вышеперечисленных условий это, пожалуй, единственное, которое столь последовательно соблюдается на протяжении последних нескольких лет.

Значительно отстаёт в данном вопросе научный потенциал, от которого зависит экспертное обоснование и разработка направлений и конкретных практических мер антидепопуляционной демографической политики.

Демографическая политика является составляющей не только России, на мировом уровне демографические процессы и их изучение представляют не меньший интерес.

В целом демографическая политика является частью социальной политики каждого современного государства и включает в себя рассмотрение таких сфер общественной жизни, как процесс воздействия на воспроизводство населения и изучение процессов воспроизводства населения; процессы социализации подрастающего поколения и успешность процессов социализации; регулирование рынка труда; особенности миграционных процессов.

При этом, объектом демографической политики считаются как страна в целом, так и её отдельные регионы, населённые пункты, семьи и т. д. В качестве цели демографической политики государства определяется процесс регулирования численности населения и долгосрочные перспективы относительно желаемых процессов и темпов воспроизводства населения, сохранения динамики численности населения, преобладания отдельных национальностей и др. Идеальная модель называется демографическим оптимумом и для каждой страны представляет собой собственную модель.

Направления демографической политики включают в себя такие компоненты, как создание условий для рождаемости и социализации, для выполнения родителями их обязанностей, регулирование процессов смертности и ограничение заболеваемости, влияние на процессы продолжительности жизни, обеспечение условий для выживания слабо защищённых категорий населения и т. д.

Меры демографической политики объединяются в три группы:

– экономические меры: оплачиваемые отпуска и различные пособия при рождении детей; пособия на детей в зависимости от их числа, возраста, типа семьи; ссуды, кредиты, налоговые и жилищные льготы и т. д.;

– административно-правовые: законодательные акты, регламентирующие браки, разводы, положение детей в семьях, алиментные обязанности, охрану материнства и детства, аборт и использование средств контрацепции, социальное обеспечение нетрудоспособных, условия занятости и режим труда работающих женщин-матерей, внутреннюю и внешнюю миграцию и т. п.;

– воспитательные и пропагандистские меры, призванные формировать общественное мнение, нормы и стандарты демографического поведения, определённый демографический климат в обществе.

На современном этапе происходит не прямое воздействие на демографические процессы, а опосредованное, в том числе формирование приоритетной модели демографического поведения при помощи формирования приоритетной модели поведения и системы ценностей. В связи с этим наблюдаются неоднородные демографические процессы в разных регионах Земли, а также в различных социальных группах. Это происходит в связи с тем, что меры демографической политики определяются разные демографические потребности для разных социальных групп.

В качестве составляющего элемента демографической политики также определяется и её эффективность, которая выявляет результативность отдельных составляющих социальной политики правительства. Эффективность определяется успешностью и периодом достижения поставленных целей, расходами, которые были заточены на реализацию демографических программ, их итоговую окупаемость. Фактически же оценка итогов демографической политики – длительный процесс, так как сам по себе процесс регулирования прироста населения ещё не является результатом. Помимо количественных показателей не менее актуальными представляются показатели качественные.

При этом необходимо отметить, что демографическая информация позволяет принять управленческие решения при поставленных задачах демографической и социальной политики: оптимизировать тип

воспроизводства населения; обеспечить управление репродуктивным поведением («родовые сертификаты», «материнский капитал», национальный проект «доступное жильё»); контролировать сальдо миграции, формировать адекватные экономическим потребностям страны миграционные потоки; эффективно распределять и использовать рабочую силу; своевременно обеспечивать реформу образования в соответствии с вызовами современного информационного общества и запросами инновационного развития страны; планировать структуру рынка товаров и услуг; обеспечивать социальную стабильность административных территорий.

Сущность, методы и принципы государственного регулирования демографических процессов. Регулирование демографических процессов является частью государственной демографической политики и в целом зависит от ситуации в каждой отдельной стране, включая модели и резервы её развития. Во многом принципы государственного регулирования демографических процессов основываются именно исходя из существующих критериев уровня и качества жизни.

В западной науке термин «качество жизни» появляется ещё в середине XX века, тогда как в России в этом направлении работа начиналась только с 90-х годов. На современном этапе в демографической политике в большей мере актуальным представляется повышение уровня, а не качества жизни. При этом, чтобы узнать, насколько общество приблизилось к цели улучшения качества жизни, нужны адекватные механизмы оценки улучшения/ухудшения качества жизни, при этом, прежде всего, следует дать определение категории качества жизни.

Качество жизни можно рассматривать как понятие, используемое в социологии, медицине, политике, экономике для обозначения некоторого набора условий и характеристик жизни человека, основанного на его собственной удовлетворённости – как жизнью в целом, так и данными условиями и характеристиками жизни. Понятие «качество жизни» – более широкое чем понятие «уровень жизни», поскольку в основе последнего лежит в основном параметр материальной обеспеченности, а в основе понятия «качество жизни» лежат такие объективные (и субъективные) параметры, как продолжи-

тельность жизни, состояние здоровья, бытовой комфорт, уровень питания, условия окружающей среды, социальное окружение, политическая обстановка и уровень политических прав и свобод, удовлетворённость духовных и культурных потребностей, психологический комфорт и т. д.

Современная практика социального управления ориентирует социальную политику государства и отдельных административных единиц на обеспечение роста уровня и качества жизни населения. В научном плане это ставит задачу разработки адекватного инструментария для измерения и мониторинга качества жизни населения. Сегодня общепринятым стало мнение, что для формирования основных направлений социальной политики в кратко- и долгосрочной перспективе важно комплексное использование статистических показателей и индикаторов субъективного качества жизни, фиксируемого в социологических исследованиях и выраженного в понятии «индекс качества жизни».

Определение критериев качества жизни представляется основополагающим в определении принципов регулирования государственной демографической политики, так как определяет приоритетные сферы воздействия. Среди них возможно выделить следующие:

1. Здоровье и продолжительность жизни населения.
2. Состояние сохранения семейных ценностей, уровень брачности и разводимости.
3. Общественно-культурную жизнь и приоритетную систему ценностей.
4. Уровень материального благополучия населения и потребительскую способность.
5. Политическую стабильность и безопасность.
6. Географическую среду.
7. Занятость и безработицу.
8. Уровень политической свободы и систему государственного устройства.
9. Гендерное равенство и дискриминацию.

Традиция отождествлять качество жизни с характеристиками условий жизни сохранилась и в современной исследовательской практике. Под качеством жизни понимается «комплексная характеристика уровня, а также объективных и субъективных условий жизни населения, определяющих физическое, ментальное, социокультурное развитие человека, группы и сообщества людей».

Если тщательно в концептуальном плане подходить к выбору номенклатуры показателей, то оценка качества жизни через изучение условий жизни вполне адекватна при объективном измерении. Однако при субъективном измерении, особенно в терминах непосредственной удовлетворённости условиями жизни, такой подход упрощает понимание феномена и его особенностей в данный исторический момент в конкретном обществе.

Исторически сложились два способа измерения качества жизни: изучение объективных условий и изучение субъективных оценок жизни. Их называют «объективным» качеством жизни или «глобальным моделированием» и «субъективным» или «ощущаемым» качеством жизни. «Объективный» подход предполагает оценку через систему объективных показателей (индикаторов) или через конструирование единого обобщающего индекса. Первая международная система показателей, отражающих качество жизни населения, появилась в 1960 году при Организации Объединённых Наций. Её окончательный вариант, разработанный в 1978 году, включает уже около 186 индикаторов, объединённых в 12 основных групп: демографические характеристики населения; санитарно-гигиенические условия жизни; потребление продуктов питания; жилищные условия и обеспеченность потребительскими благами длительного пользования; образование и культура; занятость и условия труда; доходы и расходы населения; стоимость жизни и потребительские цены; транспортные средства; организация отдыха, физкультура и спорт; социальное обеспечение; свобода человека.

Кроме названных групп Статистической комиссией ООН был выделен общий раздел, охватывающий ряд информационных показателей, необходимых для оценки качества жизни, но не являющихся, по мнению экспертов, непосредственными его характеристиками. Сюда включены следующие показатели: национальный доход, внутренний валовой продукт (ВВП) на душу населения и среднегодовой коэффициент его роста; объём и виды социального обслуживания; расходы на личное потребление населения, их структура и средний годовой коэффициент роста, плотность населения; транспортное обслуживание населения; работа средств связи, печать и др.

Бесспорно, «объективный» подход обладает рядом достоинств: во-первых, индикаторы легко квалифицируются, это облегчает сравнение между различными социальными группами, регионами, промежутками времени; во-вторых, такие системы дают комплексное описание различных сфер жизнедеятельности общества и, соответственно, могут использоваться в социальной политике для определения так называемых очагов неблагополучия в обществе.

К минусам «глобального моделирования» можно отнести следующие: во-первых, учитывается только официальная статистика; во-вторых, невозможно избежать субъективизма исследователя в отборе индикаторов для анализа; в-третьих, есть сложность в определении того, какие переменные отражают детерминирующие факторы, а какие – само явление; в-четвёртых, объективные показатели не дают возможности получить информацию о том, как сам человек оценивает собственную жизнь.

При этом уровень и качество жизни определяют демографические показатели только опосредованно, как и саму демографическую политику. Фактически же демографическая политика является приоритетом стран именно с высоким уровнем жизни и фактически отсутствует в странах с низким уровнем, где рождаемость в противовес развитым странам гораздо выше. В результате процесс государственного регулирования обуславливается такими специфическими составляющими, как прирост населения.

В результате демографами отмечается, что на современном этапе развития между уровнем жизни и уровнем рождаемости прямой зависимости нет. Уровень рождаемости, демографические процессы и демографическая политика обуславливаются исходя из совокупности социальных, культурных и экономических процессов. В результате в странах с высоким уровнем жизни может наблюдаться высокий уровень рождаемости при наличии ряда условий, а именно – сохранения традиционных ценностей и дискриминации женщин. Фактически же, чем более демократичным и придерживающимся принципов гендерного равноправия является общество, тем более низкая рождаемость в нём наблюдается и тем выше продолжительность жизни и уровень здоровья населения.

Причинами подобных моделей является тот факт, что в развитых обществах с

процессом деторождения, как областью деятельности женщины, конкурирует целый ряд других занятий и социально-биологических потребностей. Значительную роль также играет и уровень образования женщины, приоритеты деятельности мужчины, который в обществах с высоким уровнем жизни несёт за воспитание детей равную ответственность, в связи с чем регулирование семейно-брачных отношений также заключается и в модели определения реализации репродуктивной функции либо отказа от её реализации, что является допустимым при современном уровне развития медицины.

При этом в ряде стран высокая рождаемость является результатом совокупности низкого уровня жизни, соответственно, низкого уровня образования и потребностей, высокой рождаемости. Подобные негативные демографические процессы регулируются при помощи ориентированной на данный процесс демографической политики, которая направлена на ограничение реализации репродуктивной функции с одновременным поощрением поддержки модели соответствия проводимой государственной политики. Примером подобной сдерживающей политики является Китай, где представителям преобладающей нации (ханьцы) запрещается иметь на семью более, чем одного ребёнка.

В результате в современном мире исходя из существующих потребностей государства и действующей модели демографического поведения населения выделяются два типа демографической политики: стимулирующая и сдерживающая рождаемость. При стимулировании политика ориентирована на увеличение прироста населения в стране, в результате чего вводятся различного рода стимулирующие меры в виде поощрений, льгот, обеспечения возможности повышения уровня и качества жизни [2, с. 80].

Сдерживающая политика при поддержке её курса использует те же модели поощрения, что и стимулирующая. Однако при нарушении вводятся санкции, которые чаще всего носят финансовый характер и ведут к снижению уровня и качества жизни.

Стремление к высокому уровню и повышению качества жизни само по себе является фактором, сдерживающим рождаемость в связи с тем, что рождение и воспитание детей в современном мире связано со значительными тратами, а также с отказом со

стороны матери и даже отца от ряда направлений в саморазвитии. В результате всё более приоритетной при высоком уровне жизни становится модель, при которой, ограничивая число детей в семье или отказываясь от деторождения, граждане тем самым сохраняют свои интересы и повышают возможности своей самореализации в обществе.

В результате процесс планирования является принципом регулирования демографических процессов со стороны населения и основополагающим ориентиром в построении соответствующей государственной демографической политики, которая учитывает существующую систему ценностей в обществе.

Основополагающим же аспектом необходимости разработки демографической политики является наличие в стране демографического кризиса. При этом кризис может быть связан как со снижением количества населения, так и с его чрезмерным ростом.

Фактически выход из демографического кризиса оценивается как необходимость в связи с поддержанием национальной безопасности страны и сохранением устойчивого социально-экономического развития. Среди принимаемых в данном направлении мер,

как правило, присутствуют следующие: создание или изменения принципов правовых основ государства; использование рычагов экономического давления; использование СМИ для формирования и изменения системы ценностных ориентаций; научные исследования в приоритетной области с целью выявления механизмов и причин негативных демографических процессов; реализация программ, ориентированных на повышение уровня и качества жизни населения; разработка оптимальной миграционной политики; разработка системы социальной защиты, ориентированной на незащищённые категории населения.

Таким образом, методы и принципы государственного регулирования демографической политики основываются на таких составляющих, как:

- специфика потребности государства в запрещении либо поощрении рождаемости;
- уровень экономического развития и потенциала;
- уровень жизни и качество жизни населения;
- приоритетная система ценностных ориентаций и модели общественного устройства.

Источники и литература

1. Демографический энциклопедический словарь / под ред. Д. И. Валентей. – М.: Сов. энцикл., 1985. – 607 с.
2. Ярошенко И. С. Право социального обеспечения. – М.: Финансы, 2005. – 232 с.

УДК 332
ББК У012.4

Виктор Иванович Мерцалов,
г. Чита, Россия,
e-mail: mercalov47@mail.ru

Байкальский регион в 2012–2018 годы (геоэкономические и исторические аспекты)

В статье рассматриваются геоэкономические отношения в Байкальском регионе, выделяются этапы консолидации региональных интересов, объясняется падение значения Байкальского международного экономического форума и появление форума «Байкальский диалог». Автор связал перевод Забайкалья в состав Дальневосточного федерального округа с отсутствием влиятельного лидера среди субъектов РФ в Байкальском регионе.

Ключевые слова: Байкальский регион, Забайкалье, Дальневосточный федеральный округ, Иркутская область, Сибирский федеральный округ, Байкальский диалог

Victor I. Mertsalov,

Chita, Russia,

e-mail: mercialov47@mail.ru

Baikal Region in 2012–2018 (Geo-Economical and Historical Aspects)

The article deals with geo-economic relations in the Baikal region, identifies the stages of consolidation of regional interests, explains the decline in the value of the Baikal international economic forum and the emergence of the forum "Baikal dialogue". The author linked the transfer of Transbaikalia to the far Eastern Federal district with the lack of an influential leader among the subjects of the Russian Federation in the Baikal region.

Keywords: Baikal Region, Transbaikalia, Far Eastern Federal District, Irkutsk region, Siberian Federal District, Baikal dialogue

Под регионом мы понимаем не только его природные и экономические характеристики, но и совокупность общих устойчивых свойств естественно-природного, экономического, социального, культурно-исторического и политического характера, выделяющих крупную территорию в определённую целостность нередко с наличием у неё той или иной разновидности общей субъектности, формирующейся на основе общих для региона интересов. Неотъемлемым свойством Байкальского региона в современных условиях является общий для него геополитический и геоэкономический вектор развития [4, с. 196–197].

В экономической науке советского периода одним из распространённых понятий было понятие «экономический район», а также – «крупный экономический район». Понятие «регион» стало закрепляться в 1960–1970-е годы. Оно легло в основу концепции региональной экономики, разработанной академиком Н. Н. Некрасовым [6]. В целом при решении проблем экономического районирования продолжалось использование уже сложившегося понятийного аппарата, хотя экономическое районирование страны, так или иначе, корректировалось под влиянием жизни.

Такая корректировка была проведена в 1963 году при укрупнении совнархозов. В составе крупного Восточно-Сибирского экономического района выделили Красноярский экономический район, который включал кроме Красноярского края и Тувы, а также Восточно-Сибирский экономический район с Иркутской, Читинской областями и Бурятской АССР. Якутию выделили из состава Восточной Сибири и включили в крупный

Дальневосточный экономический район. Появление Якутии в его составе обнаруживает едва заметный поворот Восточной Сибири на Восток [5, с. 142]. Вместе с Магаданской областью Якутия составила Северо-Восточный экономический район, на территории которого был образован Северо-Восточный совнархоз с центром в Магадане [1, с. 176].

Характерно, что корректировка наметилась под влиянием общественно-политического обсуждения совнархозовской реформы, прошедшего ещё в 1957 году, в ходе которого впервые открыто и подчас резко столкнулись региональные интересы. Они и были учтены при корректировке экономического районирования в 1963 году [3, с. 92, 93, 95–99].

Столкновение региональных интересов и их учёт государственной властью в то время были проявлением регионализации. Одновременно отметим, что если экономические районы Восточной Сибири ориентировались на внутри региональное развитие производительных сил, то Дальний Восток под влиянием разработок СОПСа СССР в 1960–1970-е годы стал усиливать экспортную составляющую со странами АТР [7, с. 69–70, 77, 78].

В постсоветский период, уже на новом уровне исторического развития России, продолжением процесса регионализации общенационального масштаба было превращение бывших административно-территориальных образований краёв и областей в субъекты РФ и даже их дробление. Дальнейший процесс регионализации проявлялся уже в их укрупнении. Объединение Иркутской области с Усть-Ордынским Бурятским автономным округом не изменило названия

нового образования – Иркутская область, слияние Читинской области с Агинским Бурятским автономным округом привело к появлению Забайкальского края.

Важнейшим политическим фактором «укрупнения» было создание федеральных округов с полномочными представителями Президента. В результате не только произошло восстановление бывших административно-территориальных границ, но и стал развиваться процесс консолидации субъектов РФ в крупные территориально-экономические образования, как, например, Байкальский регион.

Процесс консолидации субъектов РФ в Байкальском регионе носил длительный характер. Можно выделить три его этапа. С 1991 по 2010 год сложились предпосылки для сближения Забайкальского края и Республики Бурятия. В 2010–2012 годах уже Иркутская область вошла в Дальневосточное соглашение и Координационный Совет по привлечению инвестиций. Характерно, что в 2000–2011 годах. Иркутск занимал при поддержке Совета Федерации лидирующие позиции в проведении Байкальского международного экономического форума. Его влияние выходило за пределы Восточной Сибири, распространяясь на Сибирь и Дальний Восток. Но в 2012 году Байкальский международный экономический форум был заменён иным форматом – международным экономическим форумом «Байкальский диалог».

Его сфера функционирования охватывала только три субъекта РФ – Иркутскую область, Республику Бурятия и Забайкальский край. Именно в этом формате стал быстро развиваться в сфере политических отношений процесс формирования Байкальского региона. В 2014 году появился при полномочном представителе Президента в Сибирском федеральном округе Координационный Совет по их социально-экономическому развитию. Это означало, что Байкальский регион появился не только как объект целенаправленной экономической деятельности, он к тому же приобрёл определённые признаки общей субъектности. Поэтому с 2014 года третий этап консолидации Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края можно рассматривать как начало формирования Байкальского региона [5, с. 142, 144].

Он как продукт развития политических отношений появился в результате двух встречных влияний. Во-первых, под влия-

нием превращения Дальнего Востока в достаточно целостный регион со сложившейся новой системой управления – создание министерства, фонда, корпорации по развитию Дальнего Востока, а во-вторых, под влиянием резко возросшего статуса Красноярского международного экономического форума, получившего твёрдую поддержку Правительства [Там же, с. 141]. В этих условиях Байкальский международный экономический форум утратил своё значение. Его заменил международный экономический форум «Байкальский диалог».

Всё это отразило одновременно новую конфигурацию региональных сил в Восточной Сибири. Красноярский экономический район оказался в складывающихся геоэкономических отношениях в более выгодном положении. Он занимает центр Сибири с территорией, вытянутой по линии енисейского меридиана, начиная с заполярной её окраины и заканчивая югом с Тувой. Располагая экономической мощью, созданной со второй половины 1950-х годов, он в современных условиях имеет возможность превратиться в источник резонансного влияния на огромную сибирскую территорию [Там же, с. 142].

В сравнении с Дальним Востоком и Красноярским краем статус Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края сильно просел, что угрожало оказаться вне поля приоритетного внимания и прямой активной поддержки Правительства. «Байкальский диалог» стал площадкой обсуждения проблемы выхода из создавшегося положения.

В 2012–2015 годах состоялись четыре его форума. На двух первых из них (2012, 2013) была сформулирована идея о разработке межрегионального соглашения «Байкальский Диалог» «с участием руководителей исполнительных, законодательных органов власти всех уровней». В рамках III форума провели 22 августа 2014 года межрегиональное совещание по теме «Стратегия развития Байкальского региона». На совещании его участники поддержали идею полномочного представителя Президента в Сибирском федеральном округе Н. Е. Рогожкина о необходимости особого подхода к развитию Байкальского региона и о разработке подпрограммы «Социально-экономическое развитие Байкальского региона» в составе соответствующей ФЦП по Дальнему Востоку и Забайкалью вплоть до 2018 года.

Одновременно участники совещания выступили с инициативой преобразовать Координационный Совет по реализации инвестиционных проектов в Байкальском регионе в Координационный Совет по его социально-экономическому развитию, что и было сделано. Для решения задач перспективного развития региона на IV форуме (2015 г.) была выдвинута идея создания некоммерческой организации «Стратегическое партнёрство Байкальского региона».

Центральная власть внимательно прислушивалась к рекомендациям всех форумов «Байкальского диалога». На последнем, IV форуме, было отмечено, что Правительство РФ приняло решение о выделении в ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» отдельной подпрограммы по развитию Байкальского региона. Предусматривалось установление доли финансирования проектов Байкальского региона в размере 25 % от общего объёма средств данной ФЦП.

Однако положение Забайкалья и особенно Забайкальского края оставалось тяжелым. Президент В. Путин взял под свой непосредственный контроль ситуацию в регионе. В 2016 году губернатором Забайкаль-

ского края стала Н. Н. Жданова. В крае развернулась работа по составлению программы социально-экономического развития до 2030 года. В конечном итоге весь последний политический цикл развития в Байкальском регионе завершился указом Президента от 3 ноября 2018 года о переводе Забайкалья в состав Дальневосточного федерального округа. Байкальский регион оказался разорванным между Сибирью и Дальним Востоком. Причина – слабость интеграции «субфедеральных экономик» региона и недостаточность развития его «трансформационных институтов» [8, с. 55, 58, 65–70], что не создавало условий для появления региона-лидера, способного взять на себя ведущую роль.

Однако отметим, что основные объективные условия, которые привели к появлению Байкальского региона как нового территориально-экономического образования [4, с. 196–198], сохраняются, и процесс формирования Байкальского региона на современном этапе следует рассматривать как отложенное развитие. Новое появление Байкальского региона, скорее всего, будет связано с появлением в нём региона-лидера, роль которого по всем признакам сыграет Иркутск.

Источники и литература

1. Зеляк В. Г. «Валютный цех страны»: история развития горно-промышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2015. – 466 с.
2. Мерцалов В. И. Забайкалье в геополитическом пространстве Дальнего Востока (1851–1991 гг.) // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: история и современность: материалы междунар. науч. конф. (г. Чита, 11–15 окт. 2011 г.) / отв. ред. М. В. Константинов. – Чита: ЗабГУ, 2011. – С. 48–57.
3. Мерцалов В. И. Эволюция совнархозовской реформы 1957–1965 гг. и вопросы районирования в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2013. – № 1. – С. 86–100.
4. Мерцалов В. И. Байкальский регион: исторические, геополитические и геоэкономические аспекты формирования // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. научн. конф.: в 3 ч. Ч. 1 / гл. ред. Е. В. Дроботушенко. – Чита: ЗабГУ, 2017. – С. 196–200.
5. Мерцалов В. И. Региональные интересы и процесс формирования Байкальского региона // Забайкалье историческое: материалы VII Межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. Н. Беспалько. – Чита: ЗабГУ, 2018. – С. 139–145.
6. Некрасов Н. Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. – М.: Экономика, 1978. – 344 с.
7. Платонова Н. М. Промышленно-гражданский комплекс Дальнего Востока РСФСР (1965–1985 гг.). Опыт исторического развития. – М.: Этносоциум, 2013. – 414 с.
8. Сысоева Н. М. Институциональные проблемы развития Байкальского региона // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 1. – С. 55–72.

УДК 339 (510:470+571)
ББК У2/4(5Кит:2Рос)

Ни Цзаоцзао,

Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии,
г. Маньчжурия, Китай

Позиционирование и построение региональных брендов в регионе Внутренняя Монголия при китайско-российском региональном сотрудничестве

Постоянное углубление торгового сотрудничества между Китаем и Россией привело к тому, что для торговли Внутренней Монголии открылись новые возможности. В статье рассматривается стратегия построения бренда межрегионального сотрудничества между регионом Внутренняя Монголия и Россией как создание именно регионального бренда. Анализируются преимущества и значимость создания регионального бренда, предлагаются способы его создания в сфере энергетики, туризма и транспорта.

Ключевые слова: региональный бренд, сопутствующие факторы, позиционирование, региональный бренд-билдинг

Ni Jiaojiao,

The Manchurian Institute of Inner Mongolia University,
Manchuria, China

Positioning and Building Regional Brands in the Regions of Inner Mongolia and the Sino-Russian Regional Cooperation

The constant deepening of trade cooperation between China and Russia has led to the opening of new opportunities for trade in Inner Mongolia. The article discusses the strategy of building a brand of interregional cooperation between the region of Inner Mongolia and Russia as the creation of a regional brand. The advantages and importance of the regional brand creation are analyzed, the ways of its creation in the sphere of energy, tourism and transport are offered.

Keywords: regional brand, accompanying factors, positioning, regional brand building

中俄区域合作中内蒙古地区区域品牌的定位与
建设
(倪娇娇, 内蒙大学满洲里学院)

摘要: 随着中俄两国贸易合作的不断加深, 内蒙古对俄贸易发展迎来了新的发展机遇。本文从区域品牌建设角度研究内蒙古与俄罗斯跨区域合作中的品牌建设战略。分析探讨了建设区域合作品牌的优势和重要性, 并提出了建设能源合作品牌、旅游合作品牌和交通合作品牌的措施和建议。

关键词: 区域品牌, 内涵, 定位, 区域品牌建设

随着区域一体化进程的加快, 在中俄两国战略合作伙伴关系不断深化的背景下, 中俄跨区域的合作与交流不断发展扩大。在此过程中, 区域发展要想提高竞争力, 走向世界,

就必然要通过树立区域品牌, 占领国内国外市场。可见, 区域品牌建设是中俄区域合作中的重要内容。近几年, 内蒙古不断深化与俄罗斯的经贸合作与交流, 发挥了内引外联的枢纽作用。在中俄合作中, 如何增强内蒙古地区产业的价值外延力, 提高区域竞争优势, 使其产生巨大的经济、文化和社会价值, 强化区域品牌塑造具有较高的现实意义。

一、区域品牌的内涵与定位。

区域品牌是一系列内在价值的总和, 反映了该地区不可重复的原始消费者的特征, 赢得了公众的认可和声誉, 享受着消费者的稳定需求。它是在清晰表达区域正面形象的基础上形成的, 是消费者情感偏好的最高表现形式, 同时也是地区竞争优势的重要因素, 也是活跃的区域潜力。从经济学角度来讲, 区域品牌是区域经济发展的必然结果, 区域品牌的建设也促

进了区域经济和升级,伴随着区域产业集群的发展与壮大,区域产业在广大消费者中的知名度与美誉度不断提高。区域品牌如同企业品牌以及产品品牌一样,能够改变消费者的心理偏好,影响消费者的行为,使消费者倾向于消费区域的产品,为区域产业的发展提供有利条件,从而促进了区域经济水平的提高。

从功能的角度来看,区域品牌功能主要体现在两个方面:一方面,区域品牌对各类生产要素具有较强的聚集能力。能够凭借自身特有的产业集群效应的发挥在短期内吸引大量企业经销商、供应商、专业技术人才、中介机构的关注,以为其大量发展资金、资源、人才的获取提供相应的便利,为区域经济的创新式发展提供必要的基础性保障。另一方面,区域品牌的树立能够通过品牌导向作用的发挥,来对当地企业的销售业绩起到一定的促进功能[1]。

区域定位是一个地区具有吸引力的形象的再创造,目的是增强地区的竞争力。而区域品牌定位的主旨是突出该地区的主要特征,制定明确的发展方向,指明该地区的地域特性,并确定其有前景的区域品牌。也就是说,区域品牌定位要符合并满足区域战略目标的要求。2011年6月,根据国务院下发的《关于进一步促进内蒙古经济社会又好又快发展的若干意见》,对内蒙古的战略地位是“我国向北开放的重要桥头堡”,希望内蒙古“依托重点口岸和合作园区,加快国际通道、对外窗口及延边开发开放试验区建设。深化与俄罗斯、蒙古等国家的经贸合作与交流,发挥内引外联的枢纽作用,努力构建面向北方、服务内地的对外开放新格局”。2013年习近平总书记提出了“丝绸之路经济带”建设,同时,把“草原丝绸之路”置于重要发展战略,并把加强同俄罗斯远东地区的跨境经济合作作为一个重要的内容。在中俄区域经济圈中,俄罗斯后贝加尔边疆区对于内蒙古来说,从能源、旅游、交通等领域都具有极高的战略合作价值,能够有效地实现经济互补和资源配置,这为中俄跨境区域合作中内蒙古区域品牌的打造指明了方向。

二、区域品牌建设。

区域品牌建设是形成该地区品牌形象的过程,具有复杂性和持久性。品牌不是自然创造的,它是有意识和有控制的反思的产物,是人工组织的公众反思和设计的产物。品牌建设的过程中要考虑历史文化和自然空间的条件,人口和宗教的结构,以及和外部和内部环境相互作用的需要。品牌建设是积极定位区域形象的最有效工具,是建立、发展和管理区域品牌的过程,其目的是创建一个强大且具有竞争力的区域。区域品牌建设确保了区域品牌在信息交流空间中的存在性,并且确保了它的知名度,使区域本身产生一定的作用力,吸引资源流入区域。

而在中俄经贸合作中,内蒙古区域品牌个性不强,品牌定位不清晰,导致产品同质化严

重。这主要体现在品牌形象上,缺少个性和差异化的符号识别。品牌的形象就像是一个符号,具有鲜明个性的才能易于传播和识记,一旦缺少个性很容易被淹没;体现在产品开发上,创新性不强,产品结构雷同。鉴于以上情况,如何整合和发挥中俄各自的优势,如何凸显内蒙古区域品牌的形象,如何打造创新性区域品牌,这关系到内蒙古与俄罗斯区域经济合作能否真正实现。

三、中俄跨境合作中内蒙古区域品牌建设。

(一) 能源合作品牌。

在与内蒙古的能源合作中,俄罗斯后贝加尔边疆区具有显著的优势,体现在地理位置和丰富的自然资源方面。内蒙古与后贝加尔接壤的边界总长度为1095.3公里。该地区有利的地缘政治地位是区域间合作的基本保障,使得后贝加尔成为“俄中合作的跨境走廊”。与此同时,后贝加尔边疆区拥有独特的自然和经济潜力,主要是自然资源潜力(黑色金属、有色金属、稀有金属和贵金属,铀、莹石、沸石、建筑材料、装饰石材、森林、农田和牧场)。根据2017年工业产值信息数据,在后贝加尔边疆区地区生产总量中,采矿业占据领先的地位(55.6%)。

根据《后贝加尔边疆区至2025年的发展战略方针》法律草案,该地区发展的主要方向是缩小与西伯利亚联邦区和俄罗斯其他主体在社会经济发展水平上的差距,达到这一目的主要手段是通过发展采矿业。预计在后贝加尔边疆区的北部开发具有前景的投资项目,具体开发的项目有:阿普萨茨煤田(Апсатское угольное месторождение),乌多坎矿区(Удоканское медное месторождение),奇涅钛磁铁矿区(Чинейское титано-магнетитовое месторождение)和卡杜金稀有金属矿区(Катугинское редкометалльное месторождение)。继续投资工业生产,在奥洛维扬宁(Оловянинский район)地区和莫高图伊地区(Могойтуйский район)的临界区建设水泥厂,并实施建设城市工业区的项目,发展木材加工企业。在实施这些项目的过程中要加强对跨境合作项目的投入。计划建立多达40个工业、农业、建筑和贸易类型的区域,其中有外资投入的区域有13个[2]。

在内蒙古与俄罗斯能源合作上,传统的合作模式是支持企业扩大原油、燃料油、铁矿石、煤炭、木材等国内短缺资源性商品的进口,保持对以边贸方式进口部分资源性商品贴息支持政策的稳定性和连续性。以往的合作方式已经不能满足当今中俄合作的需求,不利于打造能源合作品牌。作为跨境能源中转站,内蒙古要利用“技术+能源”以拉长产业链条、提高能源产业附加值,要向着“跨境能源加工输出基地”而努力。例如:包头稀土高新区,位于中国稀土重要产地包头,这座成立于1990年的科技新区多年致力于稀土新材料的技术产业化、知名品牌创建等项

目,发展至今园区不仅有类似于上海交大包头材料研究院这样的科研机构,也有包头稀土交易所这样的大宗商品现货电子交易所,也有于近日启动、鼓励创新创业的包头“互联网+”创新创业服务基地等。

(二) 旅游合作品牌。

内蒙古与俄罗斯相邻,地域狭长且旅游资源丰富,悠久的历史 and 少数民族风情具备了发展边境旅游的良好条件,同时内蒙古交通日益便捷,国际化度假产品逐步增加、重大节庆活动异常丰富。内蒙古早已将跨境旅游产业视为未来发展对外经贸的重点,如室韦口岸对俄方温尔琴斯克札沃德、额尔古纳口岸对俄方普里阿尔贡斯克、满洲里口岸对俄方后贝加尔。据统计,2015年,内蒙古接待俄罗斯旅游者51万次,占中国接待俄罗斯旅游者的32%。而中方从内蒙古口岸出境的人数有81万次,可见俄罗斯是中国古游客非常喜欢的目的地。但是,在内蒙古与俄罗斯的旅游合作中,还没有形成一定的品牌效应,旅游企业经营规模小,旅游产品同质化严重,跨境旅游点接待设施滞后等等。

跨境旅游合作是一个区域性强、综合性强、涉及面广的领域。因此,跨境旅游合作品牌的打造需要来自经济、政治、文化等方面多支持,来克服品牌发展中的障碍。内蒙古监管部门与跨境旅游企业联手,加大提升跨境旅游企业的品牌效应。旅游企业应整合现有的旅游资源,开发特色旅游产品,丰富旅游线路,着重打造文化差异大、互补性强的旅游项目,将中俄两国区域旅游资源禀赋值达到最大,来吸引更多的边境居民过境旅游。

(三) 交通合作品牌。

改革开放至2018年止,内蒙古对俄陆路边境口岸6个:满洲里铁路口岸、满洲里公路口岸、黑山水运口岸、室韦水运口岸、二卡公路口岸、胡列也吐水运口岸;航空口岸3个:呼和浩特航空口岸、海拉尔航空口岸、满洲里航空口岸,前者承载着中俄陆路运输65%的货运量。有百年历史的中国最大边境陆路口岸——满洲里口岸处于中俄蒙三角地带,北街俄罗斯,西邻蒙古国,是第一欧亚大陆桥的交通要冲,是中国通往俄罗斯等独联体国家和欧洲各国重要的国际大通道。

为了建设区域交通品牌,要充分利用满洲里重点开发开放试验区,创新关税、税贸、财贸等贸易管理优势,进一步打造内蒙古对俄罗斯开放的制度性改革试验平台,构建外连俄蒙、辐射中亚和东北亚,内联国内腹地和沿海地区的安全便捷的国际大通道。支持满洲里——后贝加尔斯克口岸、室韦——奥洛契口岸通道建设;海拉尔——黑山头铁路建设项目;争取把呼和浩特国际航口岸打造成国内到俄罗斯的主要中转站。

总体来看,面对日趋激烈的世界贸易竞争,在中俄跨境合作中区域品牌更具持久性,是一种无形资产。因此对于内蒙古企业来说,利用特色资源和地域优势打造区域合作品牌是一种更现实的选择。在内蒙古与俄罗斯的跨境合作中,区域品牌的塑造能促进双方在能源、旅游和交通等合作方面的潜能的有效开发,可以产生巨大经济、文化和社会价值,从而提高区域竞争力。

参考文献

1. 隋玥. 浅谈区域品牌对区域经济发展的带动作用[J]. 商业研究. 2017. № 13.
2. На Дальнем Востоке и Забайкалье создадут зоны опережающего экономического роста // ZABINFO.RU. Новый взгляд на Забайкалье. — URL: <http://www.zabinfo.ru/modules.php?op=mod-load&name=News&file=article&sid=59211&mode=thread&o> (дата обращения: 12.04.2019). — Текст: электронный.
3. 李洋. 中蒙俄跨境区域合作中的定位与分工布局[J]. 呼伦贝尔学院学报. 2017. № 5.
4. 史智, 黄小葵. 基于内蒙古产业集群的区域品牌建设战略[J]. 中国市场. 2012. № 22.
5. 蒋璟萍. 论品牌的本质、类型和特征[J]. 浑南商学院学报. 2010. № 1.

УДК 37(470+571:510)
ББК Ч40(2Рос+5Кит)

Янина Владимировна Кальницкая,
Амурский государственный университет,
г. Благовещенск, Россия,
e-mail: trudogolik206@mail.ru

Роль образовательных обменов в российско-китайских отношениях

В статье рассматривается роль в китайско-российских отношениях и укрепления российско-китайского партнёрства в области образования. Представлен обзор наиболее распространённых факторов, которые приводят к укреплению российско-китайского сотрудничества в последние десятилетия.

Ключевые слова: Россия, Китай, трансграничное сотрудничество, образовательные обмены, социальные контакты, российско-китайское партнёрство

Yanina V. Kalnitskaya,
Amur State University,
Blagoveshchensk, Russia,
e-mail: trudogolik206@mail.ru

The Role of Educational Exchanges in Russian-Chinese Relations

The article discusses the role of educational exchanges in Chinese-Russian relations and the strengthening of the Russian-Chinese partnership in the field of education. An overview of the most common factors that lead to the strengthening of Russian-Chinese cooperation in recent decades is presented.

Keywords: Russia, China, cross-border cooperation, educational exchanges, social contacts, Russian-Chinese partnership

Сотрудничество в сфере образования и культуры является фундаментом развития российско-китайских отношений. Нормализация политических контактов между двумя странами в конце 1980-х годов стала предпосылкой для развития отношений двух стран на новом уровне [3].

Основные события межрегиональных отношений развиваются на всём протяжении российско-китайской границы и во всё большей степени принимают форму трансграничного сотрудничества.

Межправительственные планы образовательных обменов, а также программа сотрудничества между министерствами образования Российской Федерации и Китайской Народной Республики стали основой развития межгосударственных образовательных связей. Важный итог двусторонних отношений – образовательный и культурный обме-

ны. Сформированы межгосударственные, региональные и ведомственные уровни сотрудничества между двумя странами.

На международном уровне Россия и Китай отдают приоритет науке, образованию, технологиям и инновациям. Как в России, так и в Китае, двустороннее сотрудничество в области науки и образования приобретает всё большее значение.

Современные российско-китайские образовательные обмены и социальные контакты становятся важным фактором в обеспечении общих интересов двух народов и внесении значительного вклада в содействие миру, безопасности и стабильности в регионе и мире в целом.

Правительство КНР поощряет обучение молодёжи за рубежом, рассматривая подготовку высококвалифицированных кадров как одно из приоритетных стратегических на-

правлений модернизации своей страны. Всё больше граждан КНР выбирают Россию для получения высшего образования. Принимая во внимание интенсивное двустороннее экономическое сотрудничество, которое порождает потребность в хорошо подготовленных кадрах, а также тот факт, что правительства обеих стран продолжают развивать тесное партнёрство, Китай намерен шире использовать услуги российских университетов. В ближайшее время планируется увеличить количество граждан Китая, обучающихся в России, до 100 000 чел. ежегодно [4].

Для интенсификации российско-китайских образовательных связей необходимо:

- перенести акцент с количества студентов на качество обучения;
- сосредоточиться на привлечении студентов на программы естественных, технических, инженерных специальностей;
- уделять больше внимания расширению карьерных возможностей для выпускников, постепенно открывая им рынок труда.

Для привлечения квалифицированных специалистов из Китая в Россию и обратно целесообразно:

- поощрять учёных из обеих стран к установлению рабочих контактов с целью проведения совместных исследований и разработок;
- расширять возможности постоянной и временной занятости для российских и ки-

тайских специалистов в научных и образовательных учреждениях;

- организовать поддержку программ для преподавателей и исследователей;
- поддерживать существующие проекты в приоритетном порядке;
- проявлять гибкость с точки зрения учебных программ и стандартов, учитывая культурные различия между Россией и Китаем [1].

Таким образом, укрепление российско-китайского партнёрства в области образования является стратегически важным для экономической стабильности и устойчивого развития стран в ближайшем и отдалённом будущем.

Формы международной научной и образовательной совместной деятельности Китая и России становятся всё более разнообразными. Однако потенциал развития дружественных отношений между двумя государствами в области образования и культуры далеко не исчерпан. Поиск дополнительных возможностей необходим для дальнейшего совершенствования механизмов интеллектуального обмена и повышения его эффективности. Чтобы повысить статус образовательных обменов как приоритетного сектора сотрудничества между Россией и Китаем, было бы целесообразно объявить серию перекрёстных лет быть «годами науки, образования и инноваций».

Источники и литература

1. Гревцева Г. Я., Рушанин В. Я. Россия и Китай: диалог в сфере культуры и образования // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 3. – URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kitay-dialog-v-sfere-kultury-i-obrazovaniya> (дата обращения: 30.04.2019). – Текст: электронный.
2. Ефремова Л. И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. – 2017. – URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/o-rossiysko-kitayskom-sotrudnichestve-v-oblasti-obrazovaniya> (дата обращения: 25.04.2019). – Текст: электронный.
3. Китайцы в России // Эксперт-online. – URL: <http://www.expert.ru/expert/2000/27/27ex-china123149> (дата обращения: 25.04.2019). – Текст: электронный.
4. Стратегия Китая по привлечению иностранных студентов // Аккредитация в образовании. – URL: http://www.akvobr.ru/strategiya_kitaya_po_privlecheniu_inostrannih_studentov.html (дата обращения: 22.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 004
ББК 32.97

Айнура Майрамбековна Акматалиева,
*Кыргызско-Российский Славянский университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Бишкек, Киргизия*

Цифровизация в государствах Центральной Азии и проекты «умных городов»

Увлечённость проектами так называемых «умных городов», частью которых становятся проекты «безопасных городов» для решения отдельных проблем в крупных мегаполисах мира, не обошла стороной столицы Центральноазиатских республик. Если столица Казахстана ставит целью вхождение в топ-50 «умных городов» мира, то в Кыргызстане говорят о цифровой трансформации как возможности преодолеть отставание в развитии республики; в Узбекистане утверждена Концепция «Умный город»; в Таджикистане и Туркменистане речь пока идёт о создании «безопасных столиц». Вместе с тем в публичном пространстве всех государств присутствуют преимущественно позитивные стороны создания «умных городов», с игнорированием потенциальных рисков и угроз.

Ключевые слова: Центральная Азия, умный город, безопасный город, городская инфраструктура, ИКТ

Ainura M. Akmatallieva,
*Kyrgyz-Russian Slavic University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Bishkek, Kyrgyzstan*

Digitalization in Central Asia and Projects of “Smart Cities”

Passion for the projects of so-called “smart cities”, which include projects of “safe cities” to solve individual problems in major megacities of the world, did not pass by the capital of the Central Asian republics. If the capital of Kazakhstan sets a goal to enter the top 50 smart cities of the world, in Kyrgyzstan they speak about digital transformation as an opportunity to overcome the lag in the development of the republic; and in Uzbekistan, the concept of “smart city” was approved; in Tajikistan and Turkmenistan, the talk is about creating “safe capitals”. At the same time, in the public space of all states there are predominantly positive aspects of creating “smart cities”, while ignoring potential risks and threats.

Keywords: Central Asia, smart city, safe city, urban infrastructure, ICT

Согласно отчёту Фонда народонаселения ООН за 2017 год, население планеты составило 7,5 млрд чел., где традиционно лидируют Китай (1,5 млрд чел.) и Индия (1,3 млрд чел.). По прогнозам уже к 2030 население Земли составит 8,5 млрд чел.; в 2050 году – 9,7 млрд чел., а к 2100 году – 11,2 млрд чел. [1]. Показательным является рост количества городских жителей. Так, уже к 2030 году до 80 % населения будут проживать в городах. Развитие мегаполисов, расширение границ городов приводят к обьективному усложнению не только системы

управления, но и повышают необходимость в дополнительных ресурсах – электроэнергии, водоснабжении, новых транспортных и дорожных развязках, необходимости создания дополнительных детских садов, школ, медицинских учреждений, торговых точек, парков и т. д.

Увеличение населения уже существующих городов создаёт новые вызовы и угрозы также связанные с экологией, например, загрязнённость воздуха. Только в Бишкеке из-за загрязнённости воздуха и образования смога над городом горожанам не рекомен-

дуют открывать окна, гулять на улице из-за превышения нормы показателей загрязнённости воздуха, особенно в зимнее время. Если среднесуточный уровень, согласно рекомендациям ВОЗ, составляет PM_{2.5} не больше 25 мкг/м³, то в некоторых районах Бишкека этот уровень превышал 400 мкг/м³, по различным данным на 2018–2019 годов. Необходимость расширения транспортных дорог и вырубка деревьев, бурное строительство новых многоэтажных домов, близко расположенных друг к другу, отопление каменным углём не только ТЭЦ города, но и частных домов, в совокупности приводят к загрязнению воздуха, считают экологи. Это вызывает учащённые случаи онкологических заболеваний и заболеваний верхних дыхательных путей, таких как туберкулёз. Количество больных активным туберкулёзом снижается лишь незначительно, если в 2013 году цифра составляла – 5839 чел., то в 2018 году – 5616 человек, а количество больных именно в крупных городах, таких как Бишкек, Ош и Джал-Абад составляет большинство [6].

Серьёзной проблемой для Бишкека стали случаи ДТП со смертельным исходом из-за увеличения количества в целом автомобилей, а также праворульных автомобилей в частности, вопреки широкой представленности автомобилей класса люкс, они приобретаются на вторичных рынках, с уже имеющимися проблемами для экологии; узких дорог, не рассчитанных на такое количество автотранспорта; отсутствия безопасного общественного транспорта, т. к. город переполнен маршрутками из частных компаний, заинтересованных в получении выгоды; несоблюдения дорожных правил всеми участниками движения и т. д. Количество ДТП в Бишкеке если в 2013 году составляло 2898, то в 2017 году отмечено 2269 случаев, при этом количество погибших увеличилось [3].

Популярными на сегодняшний день среди футурологов для решения проблем городов являются разработки летающих машин и полностью беспилотных машин; системы умных парковок; аэротакси с вертикальным взлётом и посадкой; пассажирский дрон и др. Сычуань является на сегодняшний день одним из самых «умных городов» мира, где граждане расплачиваются за покупки с помощью биометрических данных, привязанных к банковским счетам – сканер распознаёт лицо граж-

данина; с наличием голографических фигур, ориентирующих население; мусорные урны, сообщающие о наполненности, и т. д.

Увлечённость проектами так называемых «умных городов», частью которых являются проекты «безопасных городов», для решения проблем в крупных мегаполисах мира не обошла стороной столицы Центральноазиатских республик. Если столица Казахстана ставит цель вхождения в топ-50 умных городов мира [4], то в Кыргызстане говорят о цифровой трансформации как возможности преодолеть отставание в развитии республики; в Узбекистане утверждена Концепция «Умный город»; в Таджикистане и Туркменистане речь пока идёт о создании «безопасных столиц». Создание «умных городов» на сегодняшний день осуществляется только в столицах региона, с перспективой расширения на всю территорию.

«Умный город» в Кыргызстане является частью Программы общенациональной цифровой трансформации «Таза Коом», предполагающей создание «открытого и прозрачного города» посредством использования «повсеместного, сквозного, межсекторального использования ИКТ».

Программа включает отдельные проекты, частично уже внедрённые в городскую жизнь:

- «Гибридная почта», позволяющая горожанам получать одну квитанцию на все коммунальные услуги, прошла пока пилотную стадию;

- Центры обслуживания населения (ЦОН) – электронные базы данных, электронные очереди (пока в детские сады), консультации для граждан;

- Портал госуслуг – получение информации о штрафах, проверка подлинности дипломов, семейного статуса, в перспективе подача документов на паспорт и другие услуги;

- «Единый облик города» – единые стандарты благоустройства города;

- «Умная школа» – обеспечение школ интернетом и т. д.

«Умный город» является только одним из проектов «Таза коом», имеющих амбициозные задачи «кардинального реформирования системы государственного управления» через цифровую трансформацию [5]. Тем не менее, среди проектов «умного города» в Бишкеке пока активное развитие получает проект «безопасного города», предполагающий фотовидеофиксацию нарушений

на дорогах, с отправкой письменного отчёта водителям. Сам проект «безопасного Бишкека» начал приравняться к панацее от ДТП и коррупции со стороны ГАИ. Нарушение правил дорожного движения происходит по вине водителей (до 80 % случаев) согласно различным оценкам. Начиная с 1 января 2019 года, подобное стало караться большими суммами штрафов. Нарушители начали получать «письма счастья», т. е. выписки отчётов о нарушении, с предписанием оплатить – если оплатить в первые 15 дней после получения, можно рассчитывать на 50 % скидки на штраф. Если раньше за незастёгнутый ремень полагалось 300 сомов, то теперь – 1 тыс. сомов, вне населённых пунктов – 3 тыс. сомов; за нарушение правил проезда перекрёстков, обгона, выезд на запрещающий сигнал светофора, разговор по мобильнику за рулём то же карается штрафом в 3 тыс. сомов; за езду в состоянии алкогольного, наркотического или токсикоманического опьянения предусмотрен штраф для физических лиц в размере 17,5 тыс., а юридических лиц 55 тыс. сомов. С одной стороны, повышение штрафов воспринимается как действенная мера против нарушителей, а с другой – воспринимается, как стремление правительства пополнить бюджет за счёт самих же граждан. Учитывая размер среднемесячной зарплаты (16 тыс. 218 сомов, по данным Национального статистического комитета на 2018 г.), то практически 1/5 часть должна уходить на оплату единичного нарушения, не говоря уже о повторных нарушениях.

В перспективе планируется включение функций распознавания лица и «нестандартное поведение людей» для общественной безопасности, уже в тестовом режиме запущены эти функции. Например, при запуске фотографии нужного гражданина программа может обнаружить его месторасположение в городе, что может облегчить задачи поиска преступников или пропавших людей. Пока в публичном пространстве государств Центральной Азии активно присутствуют позитивные факторы создания «умных» и «безопасных городов» – быстрое предоставление государственных услуг – сокращение времени на получение государственной услуги; сокращение очередей и возможность в электронном виде записаться на приём; принципы одного окна – централизованное управление базами данных; обеспечение

транспарентности как залога устранить коррупционные схемы; улучшение самой системы управления различными службами города за счёт экономии и эффективного распределения ресурсов и получения отчётов и отзывов т. д.

Прослеживается явный дефицит негативных импликаций новых проектов «умных городов» и анализ рисков их осуществления в публичном пространстве. Так, простое несоблюдение правил дорожного движения может стать для населения региона началом «тотального контроля» со стороны не только государства, но и авторов технологий, которые потенциально могут передавать данные своим правительствам или другим акторам, включая радикальные группы. Например, в регионе ЦА компании трёх государств имеют отношение к строительству «умных городов» – КНР (Huawei), США (IBM и Cisco), Россия (VOCORD). КНР ставит своим приоритетом стремление стать лидером искусственного интеллекта до 2030 года, планомерно поддерживая по три компании в 17 направлениях искусственного интеллекта, в перспективе учитывая по сравнению с другими компаниями цены на услуги и оборудование, а также возможность получить в кредит, именно китайские компании будут активны в регионе. Проект «умного Душанбе» был осуществлён Huawei, с выплатой Таджикистаном 20,9 млн долл., взятых в кредит; проект умного города в Бишкеке осуществляется за счёт бюджетных средств, предполагаемая стоимость должна составить 60 млн долл.; в Узбекистане – IBM; в Казахстане и Туркменистане – VOCORD [2].

Huawei уже имеет 60 программ «умного города» в 20 государствах мира. Основателем компании является бывший инженер Народной освободительной армии Китая (НОАК) Жэн Чжэнфей. В США на уровне национальной безопасности установлен запрет на покупку и эксплуатацию оборудования и услуг от Huawei и ZTE; в Великобритании с осторожностью относятся к деятельности компании из-за подозрений в шпионаже; периодически в разных странах ловят китайцев – работников этой компании – за шпионаж (Польша, 2019). Если одни обвиняют китайские компании в техническом шпионаже, то другие считают это элементом конкуренции компаний на рынке, а призывы государств – стремлением обезопасить свои компании за счёт протекционистских мер [7].

Помимо «тотального контроля» серьёзным вызовом для республик Центральной Азии могут стать кибератаки и кибертерроризм, от которых в результате могут произойти сбои от выведения из строя отдельных элементов до коллапса всей системы стратегически важных объектов. Это предполагает развитие и эксплуатацию ещё более дорогостоящей системы по обеспечению безопасности функционирования «умных городов», что в условиях государств Центральной Азии вынуждает их обращаться к компаниям-лидерам IT-индустрии и искусственного интеллекта в развитии потенци-

ала собственных специалистов. Безопасность «умных городов» требует не только программы по поддержанию деятельности платформ, но и специалистов, обслуживающих систему в целом.

Таким образом, государства Центральной Азии с 2009 года с переменным успехом осуществляют переход к развитию «умных городов», частью которых уже стали проекты «безопасных городов». В перспективе, акцент на обслуживание и обеспечение безопасности может иметь критическое значение для безопасности платформ и самой системы «умных городов».

Источники и литература

1. Доклад UNFPA за 2017 год. Жизнь в разных странах: репродуктивное здоровье и соответствующие права в эпоху неравенства // ООН. Официальный сайт. – URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2017.pdf> (дата обращения: 10.04.2019). – Текст: электронный.
2. История компании ЗАО «Вокорд». – URL: https://www.vocord.ru/our_company (дата обращения: 04.04.2019).
3. Количество дорожно-транспортных происшествий // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/109> (дата обращения: 10.03.2019). – Текст: электронный.
4. Официальный сайт «Smart Astana». – URL: <http://smart.astana.kz> (дата обращения: 10.04.2019). – Текст: электронный.
5. Официальный сайт Программы «Таза коом». – URL: <http://tazakoom.kg> (дата обращения: 10.04.2019). – Текст: электронный.
6. Число заболеваний активным туберкулёзом // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/485> (дата обращения: 10.04.2019). – Текст: электронный.
7. Bershidsky L. The masters' case against Huawei is flimsy. – URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-02-15/huawei-warning-from-u-s-intelligence-agencies-is-flimsy> (дата обращения: 04.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 39:316.4.063.3

ББК Т521(=611.2):С524.126

Артём Александрович Фоменков,
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия,
e-mail: artjom2310@inbox.ru

Еврейская община в реалиях российского областного центра: этапы интеграции

В статье анализируется история нижегородской еврейской общины и особенности её интеграции в принимающее сообщество. Выявлено 5 этапов в истории данной проблематики. Нижегородская история еврейской общины может быть во многом признана типичной для нестоличного региона европейской России, а этапы интеграции нижегородских евреев в принимающее сообщество в целом возможно экстраполировать на еврейские общины многих других российских регионов.

Ключевые слова: евреи, черта оседлости, интеграция, российское общество, антисемитизм, идиш, СССР, возрождение, эмиграция

Artjom A. Fomenkov,
*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia,
e-mail: artjom2310@inbox.ru*

The Jewish Community in the Realities of the Russian Regional Center: Stages of Integration

The article analyzes the history of the Nizhny Novgorod Jewish community and the peculiarities of its integration into the host community. 5 stages in the history of this problem are revealed. Nizhny Novgorod history of the Jewish community can be largely recognized as typical for the non-capital region of European Russia. And the stages of integration of Nizhny Novgorod Jews into the host community as a whole can be extrapolated to the Jewish communities of many other Russian regions.

Keywords: Jews, pale of settlement, integration, Russian society, anti-semitism, Yiddish, USSR, Renaissance, emigration

Общеизвестно, что еврейский этнос обладает многовековой историей проживания в условиях диаспоры. Как следствие, именно еврейский опыт интеграции в принимающем сообществе является едва ли не наиболее ценным и поучительным в современных реалиях. В данной статье нами проанализированы этапы интеграции еврейской общины в региональный социум на примере Нижегородской области. В основном при этом мы обращались к событиям в самом Нижнем Новгороде, основная масса нижегородских евреев всегда проживала именно в этом населённом пункте.

Необходимо отметить несколько следующих немаловажных обстоятельств. Во-первых, Нижегородская губерния не входила в черту оседлости, а потому лицам иудейского вероисповедания было запрещено там селиться – за исключением отдельных, специально оговорённых законодательно категорий [6]. Во-вторых, нижегородская история еврейской общины может быть во многом признана типичной для нестоличного региона европейской России. В-третьих, этапы интеграции нижегородских евреев в принимающее сообщество в целом экстраполировать на еврейские общины многих других российских регионов.

Итак, как нами уже отмечалось выше, Нижегородская губерния не входила в черту оседлости. Как следствие, евреи появились в Нижегородской губернии только в 1820-х годах [8, с. 14–15]. Именно с этого времени уместно отсчитывать первый этап существования нижегородской еврейской общины. Продлился он до начала Первой

мировой войны. Для этого периода характерно следующее: во-первых, сравнительно небольшое число евреев в губернии (в основном не более 3000 чел.), во-вторых, в целом меньшую религиозность сравнительно с жителями черты оседлости (это было характерно для многих российских регионов [10]) и, в-третьих, активное участие евреев в бизнесе и политических партиях (последнее было характерно уже для начала XX в., причём в основном евреи были активистами левых партий).

Важно также, подчеркнуть, что нижегородское еврейское население не стремилось эмигрировать. «В жандармских документах и частной переписке зафиксировано равнодушное или негативное отношение нижегородских евреев к сионизму» [9, с. 167]. То есть, часть нижегородских евреев стремилась к ассимиляции, наглядным свидетельством чего было их активное участие в деятельности общероссийских политических партий, и практически все считали Нижегородскую губернию если уж не своим домом, то, по крайней мере, вполне удобным местом жительства.

Второй этап начался в 1914 году. Произошло существенное увеличение числа еврейского населения в годы Первой мировой войны за счёт беженцев из западных губерний Российской империи. Вновь прибывшие, в отличие от нижегородских евреев, хуже знали русский язык, были беднее и меньше интегрированы в российский социум. Среди них имелось немало как сионистов, так и сторонников других еврейских, а не общероссийских партий – в первую очередь Бунда.

Не случайно, что весьма активно проявляли себя в 1917 году как бундовцы, так и сионисты [11, с. 179, 185] – то есть те политические силы, которые ещё пять лет назад напроць отсутствовали в регионе. Важно также подчеркнуть, что наплыв нового еврейского населения дал импульс развитию еврейской культуры в регионе. Впрочем, обозначим при этом же, что после 1922 года сионистское движение сошло на нет [9, с. 168]. Судя по всему, означенное обстоятельство было связано с эмиграцией наиболее активных нижегородских сионистов.

Так или иначе, но в 1920-х годах евреи были весьма значимым этническим меньшинством в Нижегородской губернии. Не случайно, что среди существовавших среди специальных губернских национальных бюро при Нижегородском губкоме РКП(б) было еврейское [12]. Следует отметить, что несмотря на большое число нижегородских евреев, ещё недостаточно интегрированных в местный социум, стремление к этому у основной массы евреев в 1920-е годы наличествовало. Не случайно, что еврейская школа была закрыта в 1929 году. «Не нужно искать в этом проявлений антисемитизма, их не было. Просто стало некого учить. Менялось время. Родители предпочитали отдавать своих детей в обычные школы, а не в национальные» [3, с. 19]. Судя по всему, именно концом 1920-х годов и можно завершить второй период в истории нижегородской еврейской общины.

Третий этап нами обозначен как 1930-е – конец 1980-х годов. В чём-то этот длительный период был неоднороден, однако, по нашему мнению, имелись общие черты и позволяющие выделить его именно в таких хронологических рамках. Во-первых, горьковские (Нижний Новгород с 1932 по 1990 г. назывался Горьким) евреи в массе своей стремились получить хорошее образование и делать карьеру (прежде всего в науке, образовании, торговле), во-вторых, еврейские культурные традиции соблюдались выборочно. Наконец, в-третьих, отметим, что достаточно долго – до 1960-х годов – в Нижнем Новгороде были люди, которые владели идиш лучше, нежели русским. Так, например, один из лидеров нижегородской еврейской общины конца 1980-х – 1990-х годов Л. Грузман в своей автобиографической работе вложил в уста своего отца следующие слова: «Я прожил жизнь безгра-

мотным.... По-еврейски я умею и читать, и писать, даже на древнееврейском...» [Там же, с. 49]. Кстати, как это похоже на парижскую ситуацию того же времени, описанную французским литератором еврейского происхождения С. Флейшманом – один из героев его книги – некий собирательный образ, основанный на реальных событиях, говорил, что умел читать на идиш, а не на французском [13, с. 48]. То есть, в г. Горьком, как и в Париже (а также многих других советских и европейских городах) жили люди, во многом ментально остававшиеся в Идишланде, уничтоженном Холокостом. Однако при этом же признаём, что по большей части эти хранители еврейской культуры и традиции, скорее, воспринимались как маргиналы.

Укажем также, что горьковские евреи несмотря ни на что часто сталкивались с проявлениями бытового антисемитизма. Последний был довольно распространён в СССР в советские годы [15, с. 57]. Уже в 1980-х годах евреи наряду с армянами вызывали наибольшее недовольство у части жителей РСФСР. Судя по всему, эти обстоятельства объясняются наличием достаточно большого количества представителей данных этносов на территории регионов РСФСР, компактно заселённых русскими, а также более высоким (в среднем!) уровнем их благосостояния. Некоторые русские этнорадикалы даже мечтали о погромах, слухи о предстоящих датах каковых иногда просачивались в массы [16, с. 45].

Четвёртый этап можно отсчитывать с 1989 года. Именно тогда в г. Горьком началось возрождение еврейского общественного движения. В данном случае, прежде всего, имеется в виду проведение 16 апреля 1989 года учредительного собрания «Клуб еврейской культуры» [3, с. 14]. Важно подчеркнуть, что в конце 1980-х годов и особенно в начале 1990-х годов было сделано очень много в плане просветительской работы – в частности, активно велись лекции по еврейской истории и культуре [2, л. 2, 3]. Важнейшим событием стало воссоздание синагоги и полноценное возрождение после этого еврейской религиозной жизни. Однако нельзя не указать, что, во-первых, в эти же годы очень многие евреи уехали из Горького, а затем и из Нижнего Новгорода в Израиль, США и ФРГ, а, во-вторых, многие представители старшего поколения, хорошо знавшие еврейские традиции, умерли как раз в это же время. Как следствие, знатоков

идиш, читавших в том числе и журнал «Советише геймланд», в Нижнем Новгороде не осталось.

Укажем также, что развитие еврейской общественной жизни в Нижегородском регионе началось раньше, нежели в других регионах – в том числе и соседних [14, с. 132] и даже раньше, нежели было создано в Горьком русское патриотическое общество «Отчизна» [1].

И, наконец, последний – пятый этап в истории нижегородской еврейской общины связан с XXI столетием. Для него характерен, прежде всего, крайне низкий уровень антисемитизма – он, кстати, характерен для России в целом [7, с. 41]. Кроме того, следует признать, что члены еврейской общины полностью интегрированы в окружающий социум.

Источники и литература

1. Владимир Калентьев: быть полезным Отечеству // Отчизна (Нижний Новгород). – 1999. – № 14. – С. 2.
2. ГОПАНО (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области). – Ф. 3. – Оп. 24. – Д. 4847.
3. Грузман Л. Еврейские тетради: в 2 т. Т. 1. – Н. Новгород: Книги, 2006. – 512 с.
4. Грузман Л. Еврейские тетради: в 2 т. Т. 2. – Н. Новгород: Книги, 2006. – 496 с.
5. Деречинская Е., Крацер Е., Горнушенкова Ю. О чём молчат дома. Евреи в истории Нижнего Новгорода. – Н. Новгород: Нижегородская Радиолaborатория, 2010. – 77 с.
6. Егоров В. В. Правовое положение еврейского населения как предмет регулирования российского законодательства XVIII – начала XX веков. – Н. Новгород: Пламя, 2013. – 233 с.
7. Носенко-Штейн Е. Э. Ещё раз о еврейской исторической памяти и антисемитизме // Диаспоры. – 2011. – № 2. – С. 40–63.
8. Пудалов Б. М. Евреи в Нижнем Новгороде: XIX – начало XX века. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1998. – 164 с.
9. Пудалов Б. М. Сионистское движение в Н. Новгороде (1917–1922 гг.) // Российская провинция в годы революций и Гражданской войны 1917–1922 гг.: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (27–28 нояб. 1997 г.) / под общ. ред. Г. В. Набатова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. – С. 167–169.
10. Пулькин М. В. Провинциальные еврейские общины в XIX – начале XX в.: Иудаизм как оплот идентичности // Studia Humanitatis. – 2018. – № 1. – С. 1.
11. Сапон В. П. Нижегородская губерния в 1916–1917 гг.: от «феврализма» к большевизму. – Н. Новгород, 2017. – 310 с.
12. Титко А. В. Практическая работа отдела агитации и пропаганды среди национальных меньшинств при Нижегородском губернском комитете РКП(б) в период 1920-х гг. // История и политика. Антикризисная стратегия: опыт и современность: материалы X Междунар. симп. – Н. Новгород: Нижегородский институт управления, 2016. – С. 68–69.
13. Флейшман С. Встречи у метро «Сен-Поль»: рассказы / пер. с фр. Н. Мавлевич. – М.: Текст: Книжкини, 2009. – 190 с.
14. Фомин А. В. Национальные общественные организации и власть в Мордовии в конце 1980-х – середине 2010-х гг.: дис. канд. ист. наук: 07.00.02. – Саранск, 2018. – 187 с.
15. Цихоцкий А. В. «Еврейский вопрос» как фактор развития межэтнических отношений в российском государстве // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Право. – 2006. – Т. 2, № 2. – С. 54–61.
16. Юхнёва Н. В. Антисемитизм эпохи перестройки (из доклада, подготовленного для слушаний в Верховном Совете Российской Федерации) // 20 лет тому назад в Ленинграде, 1988 год: учёные Института этнографии против ксенофобии и антисемитизма: документальное повествование. – СПб.: Наука, 2008. – С. 43–54.

УДК 7.011(510)
ББК 87.815(5Кит)

Чжао Цяньвэнь,
Российский исследовательский центр,
Маньчжурский институт
Университета Внутренней Монголии,
г. Маньчжурия, Китай

Эстетика окружающей среды Маньчжурии, выраженная через проникновение русского народного творчества «резьба по дереву»

Эстетика окружающей среды исследует взаимосвязь между человеком, средой обитания и окружающей природой. Маньчжурская «русская деревня» (дома русского стиля) находится в среде сочетания естественного, искусственного и социального, выражая естественную природную красоту, архитектурный образ и художественную концепцию. Резьба по дереву – это основа архитектуры созданных русских домов Маньчжурии, в ней хранится многовековая память, она является выражением музея живой истории, неся значительную культурную, экономическую и художественную ценность.

Ключевые слова: «резьба по дереву», экология, эстетика окружающей среды

Zhao Qianwen,
Russian Research Center
at the Manchurian Institute of Inner Mongolia University,
Manchuria, China

The Aesthetics of the Environment Manchuria, in Terms of Penetration Russian Folk Art “Wood Carving”

The aesthetics of the environment explores the relationship between man, the environment and the surrounding nature. Russian village (house of Russian style) is located in the environment of a combination of natural, artificial and social, expressing the natural beauty, architectural image and artistic concept. Wood carving is the basis of the architecture of the Manchurian Russian houses, it keeps centuries-old memory, it is an expression of the Museum of living history, carrying a significant cultural, economic and artistic value.

Keywords: “wood carving”, ecology, aesthetics of the environment

满洲里俄式民居“木刻楞”中环境美学的渗透

赵彩雯

内蒙古大学满洲里学院 俄罗斯研究中心
021400

摘 要: 环境美学研究的是人, 人居环境和自然环境的关系。满洲里俄式民居“木刻楞”从自然环境、建筑环境、社会环境等方面渗透出环境美学思想中的点滴, 如自然生态美、建筑环境美和意境美等。“木刻楞”是满洲里民

[基金项目]: 2016年内蒙古大学满洲里学院科学研究基金项目, 项目计划编号: MYKZ1601。

2017年内蒙古自治区高等学校科学研究项目, 项目计划编号: NJSY17621。

[作者简介]: 赵彩雯, (1985-), 女, 讲师, 住内蒙古满洲里市, 内蒙古大学满洲里学院俄罗斯研究中心成员。

居建筑艺术之根, 承载了城市的百年记忆, 是极具文化价值、经济价值和艺术价值的活的历史博物馆。

关键词: “木刻楞”、自然生态、环境美学

环境美学是后现代文明中人对自然过渡索取后被重新重视的一种美学思想。早在中国先秦时期, 庄子就提出崇尚自然, 反对人为和用“物化”的观念来作为审美标准和指导艺术的创作原则, 物化即要求主体和客体完美默契统一, 物我不分, 庄子主张强调尊重事物存在的客观规律, 而不应当以人的主观意志去违背它。十八世纪, 西方卢梭热爱自然, 尊重自然, 提出了回归自然的美学思想, 一方面回归外部的自然, 即自然界、原始的大自然; 另一

方面,回归人性的内心情感世界。20世纪存在主义创始人海德格尔以存在论哲学为其理论基础,提出诗意的栖居这一命题,即从属于大地,依赖于大地,接受大地的恩典,保护大地等方面解释“人——自然——社会”全面发展的美学观。我国当代景观大师俞孔坚提倡“天地——人——神”和谐的美学观,提出生存的艺术,并以此为依据,解决人与土地的关系,倡导基于生态和伦理的新美学——大脚美学,低碳的美学,环境的美学。

满洲里俄式民居“木刻楞”从自然环境、社会环境、建筑环境等方面渗透出环境美学思想中的点滴。“木刻楞”是一种重型木屋,建筑主体材料为可再生的松木,取材天然,绿色,低碳,在我国建筑类型中属于井干式建筑,中国的东北部和西南部等林业资源丰富的地区都有分布。西汉时期刘安及其门客编著《淮南子》中就有“延楼栈道,鸡栖井干”的描述。满洲里的俄式“木刻楞”和我国东北、西南部的井干式建筑主体结构相同,都是用粗壮的树干纵横交错搭建完成,墙体坚固,稳定性较好,可以防止野兽袭击。它既能提供舒适的空间小环境,即健康宜人的温度、湿度、清洁的空气、好的光环境、声环境等物理环境;同时又能保护好周围的大环境——自然环境,即对自然界的索取更少,且对自然环境的负面影响更小。自然环境有其自身和谐稳定的结构和功能,人为的设计要以自然环境优先为原则,并且适应自然环境,既要为人类需要而设计,也要为动植物需要而设计,还要为美而设计。“木刻楞”这种建筑形式因其材料的可再生性和极少的建筑废弃物,源于自然,顺应自然,渗透出如下的环境美学思想。

一、自然生态美。

自然生态美是自然本身历经沧海桑田演变过程中自然状态的美。自然是环境的基础,动植物无法生存的环境人也难以生存,虽然在环境设计中,不光要考虑人的因素,还有动植物的生存条件、物种延续也是必要因素,但是人依旧是环境的主体,那环境就必然具有亲人性。从本质上来说,是指自然适合于人的生存,适合于人居住的属性。

自然生态美的核心价值在于自然——人——建筑——环境的和谐共生。因此,自然生态美首先是自然本身的生境之美,即主体风貌美,其次即存在于自然中的客体的和谐美。

(一) 主体风貌美。

自然生态美保持着自然本身的原初风貌。满洲里深处呼伦贝尔大草原腹地,东依大兴安岭、南濒呼伦湖、西临蒙古国、北接俄罗斯。植被资源、水资源、矿产资源以及有无数生物在生存、繁衍和成长。就美学角度而言,呼伦贝尔大草原地域辽阔,属温带大陆性气候。大部分的原生态自然景观保持着原始的生机活力和状貌:冬季,茫茫白雪,万籁沉静,一方纯净世界;春季小草顶着雪尖儿生命勃发,展现

了“天籁”般的生命力之美;夏末初秋天高气爽,湛蓝的天空、天际的白云,肥美的水草、有机形态的清澈湖泊,吃百草长大的成群的牛羊……都可以使人从中感受到自然本有的原始形态和生命魅力,在天苍苍,野茫茫,风吹草低见牛羊的自然景象中体味到自然乃是一切美的源泉。自然美是自然的一种自在之美,是一种天然美。先秦道家的庄子的《齐物论》开篇提到三个概念:人籁,地籁和天籁。三籁虽是指三个不同层次的音乐美境界,但也适用于评价更为宽泛的艺术境界。人籁为人工之美,属于最低级别的人为造作的美;地籁虽是自然界中的美,但离不开人为的因素;而天籁则是“自鸣”之美,自然界最高的美。明代造园家计成在《园冶》中提出的造园原则“虽由人作,宛自天开”即追求天籁之美。清代美学家叶燮说:“美本乎天者也,本乎天自有之美也。”他讲的就是原生态的主体风貌美。主体风貌美是未经人类实践改造的自然本身和谐本质的一种显现。

(二) 客体和谐美。

生态美学的基础即为主客体的和谐统一。一部分原生态的自然由于人的繁衍、生息、生产等实践改造后成为人化态的自然,“木刻楞”的轮廓与自然非常协调,像是和深林中粗壮的树木一同长出来似的。满洲里的俄式民居“木刻楞”即是人化态自然的客体呈现。原生态的呼伦贝尔大草原的主体风貌美和作为客体的“木刻楞”的建筑美、材料美、装饰美、色彩美、线条美、形体美、肌理美、空间美、光影美,意境美等和谐共生。达到了“人籁”与“天籁”的神妙融合。就物与物之间的关系看,和谐美体现为人造的客体事物与自然环境本身的和谐浑融。先秦时期以孔子思想为代表的先秦儒家美学思想崇尚“和”。“和”的本义是指一种中正之美,一种人与生存环境、人与自然环境、生存环境和自然环境间的和谐观。中国古典园林是世界三大园林发展源头之一,其主要风格特征:本于自然,高于自然;建筑美与自然美的融糅;诗画的情趣;意境的含蕴。正因如此,中国古典园林才能达到“虽由人作,宛自天开”的境界,中国古典园林才能在这个世界上独树一帜,这正是人对自然环境美的感受以及在感知客体事物时产生的一种天然契合,是原生态自然本质与客体事物本质的一致而达成的和谐。海德格尔晚年批评了技术对人的统治和对自然的破坏,提出了“诗意的栖居”的理想,“栖居本身必须始终是和万物同时逗留的理想”,主张自然万物处在一个相互和谐共存的动态变化中,使整个生态环境充满生命力的美。满洲里俄式民居“木刻楞”正符合“建筑美与自然美的融糅”、其主体结构的木材从属于自然,取材于自然,建造于自然,与自然共生,接受大地的恩典,依赖于大地,即使到生命的终结,废弃后,依然可以为动植物提供庇护,滋养大地,保护大地。

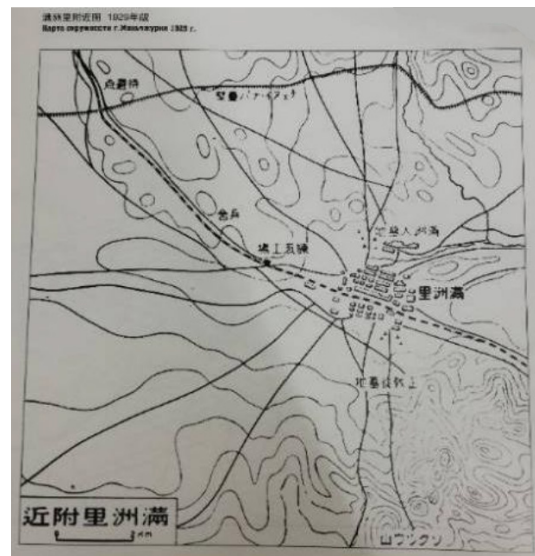
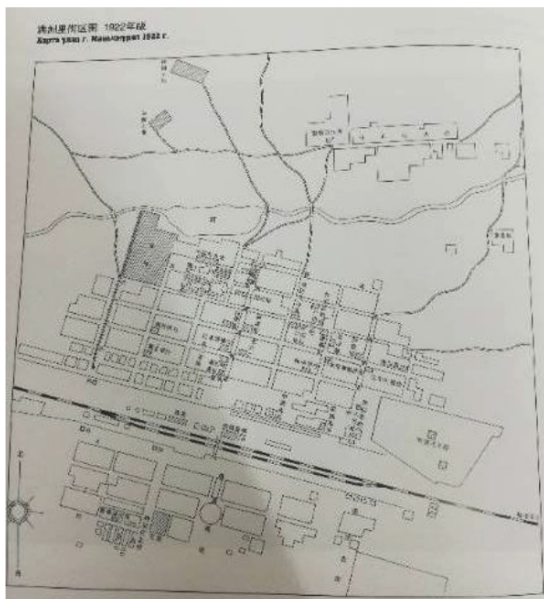
自然生态美标志着自然生命最高的生存境域。柏拉图说，美是一种自然优势，满洲里俄式民居“木刻楞”的客体和谐美和呼伦贝尔大草原的原生态风貌美相应成趣，构成一个和谐有序的有机整体世界，彰显一种自存自在的自然生态美。

二、建筑环境美。

满洲里俄式民居“木刻楞”因其特殊的建造历史背景，地理条件，在中国的土地上形成别样的建筑风格，成为见证历史和满洲里城市风貌的活着的历史博物馆，具有历史价值、文化价值和艺术价值。俄罗盛产木材，据编年史的片段记载和民间歌谣提示，“木刻楞”产生的年代比俄罗斯的石建筑更早一些，直到现在，在中俄接壤的地方依旧散布着大量的优秀“木刻楞”作品。有精美的门斗，户外的楼梯，雕花的檐口窗口和山花板。粗狂的外轮廓和精美的装饰使其散发独特的艺术魅力。

（一）有机统一的整体规划美。

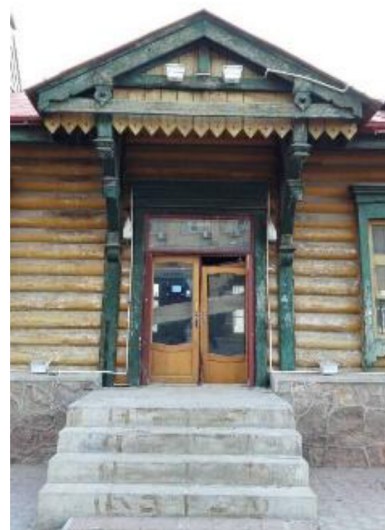
有机统一的整体秩序美是满洲里城市规划的根本法则，呈现出整体规划、统一布局、多元复合、物质与精神并举的城市美学。这座位于中俄蒙毗邻之地，东北亚与俄罗斯与东欧陆地的联接点的城市，1901年沙俄为其政治目的和经济利益修筑东清铁路，设立满洲里站。随后俄国人把现在的满洲里市火车站附近场所设为建设用地，在此建造了大量的俄式砖石建筑和俄式“木刻楞”作为教堂、商店、职工住房和附属设施。城市整体规划吸收当时西方几何规整方式，呈方格网状布局，以车站为中心，在车站附近优先规划教堂和医院，用道路把城市分为若干个规整的方形用地，在道南地块中建造司令部、教堂、警署、监狱、杂市；过天桥，在道北地块中建造医院、学校、银行、戏院、杂市、居住区，居住区又分为俄国人居住区，中国人居住区，日本人居住区。车站、教堂、医院为城市的

核心节点，这种采用简洁单纯的几何形状、平整、对称、有序的规划方式，即是按照生活的实际需要，也是地域属性与精神象征表现的特殊表达。教堂位于中心铁路的不远处，处于鲜明的节点位置上，这点在各国的城市规划中均有体现，例如中国先秦时期的《周礼·考工记》提到的城市规划：“匠人营国，方九里，旁三门。国中九经九纬，经涂九轨。左祖右社，面朝后市，市朝一夫。”这段话主要介绍王城的营建方法，王城的形制为方形，宫城位于都城中心，占突出位置，王城的宗庙和社稷分别位于都城轴线的左右两侧；佛教的窣堵波被设想为“世界的轴心”。同样利用核心节点使中心与方位，宗法与礼仪空间充分体现，强化秩序感，体现多样统一的有机整体美。

（二）自然朴素的建筑形态美

满洲里俄式民居“木刻楞”朴素匀称的轮廓线和北方的自然非常的协调，就像从森林中和粗壮的树木一起长出来的。“木刻楞”的建

筑形态美首先体现在建筑物总体轮廓上，北方的森林里，树木是最好的资源，斧子是主要的工具，原木从被砍伐到制板，到后期装饰图案的雕刻，都留有分明的斧痕，用原木堆叠的承重墙，在墙角处用如同中式榫卯结构的咬合方式搭接起来，原木间缝隙用苔藓嵌合，密不透风，更突显“木刻楞”自然朴素之美；“木刻楞”的建筑形态美其次体现在外部体块、门窗洞口、墙面分割等本身的比例以及互相之间对比产生的比例关系，建造“木刻楞”所用的简单的工具和北部林区唯一的建筑材料——木材，使得建造者不得不在外部体积的组合上寻求形态上的变化，同时受木材自身高度和技术条件的限制，“木刻楞”的开间跨度不大，于是就把墙面和顶面升高，坡状屋顶便于清除积雪，也加强了竖向空间的视觉延伸。例如从满洲里现存的建造于1900年前后的“木刻楞”的分析来看，用于防风防寒的小体量的门斗和大体量的建筑主体形成鲜明的对比，在轮廓的美和匀称方面也做了很好的推敲，例如点状的装饰纹样，线形的户外楼梯，面状的窗扇和山花板以及体块大小不一前后错落的建筑主体，经过建造者精心的安排，在视觉的纵向上传递出错落有致的匀称的轮廓美；“木刻楞”的建筑形态美最后体现在用斧子雕刻出来的墙面装饰和陈设中，例如门、窗、檐口、三角山花和檐下装饰的形式美感，突出强调主体部分和细节部分的装饰，赋予这些部位新的美学特征。例如现存的位于满洲里火车站侧前方的一栋“木刻楞”，正门上方的太阳形图案装饰，是俄罗斯北方居民所喜欢的图案，圆形的太阳，从中心向四周辐射状的光芒，体现了俄罗斯民族的自然世界观。如同中国建筑纹样中的蝙蝠、枪挑梅花、万字纹等纹样，一方面传递具有韵律的形式美，另一方面折射图案纹样背后的文化内涵。

总结

满洲里俄式民居“木刻楞”渗透出的自然美、建筑美、环境美的生成都离不开人的审美，或外观造型、或空间组合、或体块造型、或感性材料、或抽象色彩、或细部装饰，引发的是主体生命情感的体验和关照，也呈现出朴素的意境美。“木刻楞”源于自然，高于自然，重视自然，顺应自然，与自然亲和与共的自适应性，以及因地制宜，力求与自然融合、协调的环境美学意识。营建了从属于大地，依赖于大地，接受大地的恩典并保护大地的诗意的栖居。

参考文献

1. 陈志华.外国建筑史 [M]. 北京: 中国建筑工业出版社, 2011. 238-244.
2. 王发堂.建筑审美学 [M]. 南京: 东南大学出版社, 2009. 57-69.
3. 何颖.哈尔滨近代建筑外装饰的审美研究 [D].哈尔滨:建筑设计及其理论, 2012.
4. 叶芑. 中国北方俄式民居建筑“木刻楞”探析[J]. 辽宁经济管理干部学院学报, 2009. 118-124.

УДК 316
ББК С5

Дмитрий Анатольевич Крылов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: dmdak@yandex.ru

Обретение и сохранение принципов: дискурсивные практики в России и Китае¹

В статье рассматривается дилемма, связанная с пониманием метальных различий и поиска возможных точек соприкосновения разных культур. Обретение и сохранение принципов предполагает наличие целей, которые формируют устойчивый интерес к совместной деятельности. Устойчивое развитие невозможно без вовлечённости людей в стремление по достижению успеха. Принципы выполняют роль стрелы, наличия качества и свойств, призванных структурировать ментальные структуры в соответствии с духом времени.

Ключевые слова: дискурс, социальные практики, принципы, традиции, инновации, ментальные особенности

Dmitry A. Krylov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: dmdak@yandex.ru

Finding and Maintaining Principles: Discursive Practices in Russia and China

The article deals with the dilemma associated with the understanding of metal differences and the search for possible points of contact between different cultures. The acquisition and preservation of principles presupposes the existence of objectives that form a sustained interest in joint activities. Sustainable development is impossible without the involvement of people in the pursuit of success. Principles play the role of a rod, the presence of quality and properties designed to structure mental structures in accordance with the spirit of the time.

Keywords: discourse, social practices, principles, traditions, innovations, mental features

Дискурсивные практики в системе социальных отношений или коммуникаций играют непреходящую роль, поддерживая в первую очередь прежние связи. На них как бы накладываются новые представления, которые со временем переходят во внутренние дискурсивные практики, получая собственное содержание. Сам дискурс, если следовать за рассуждениями Мишеля Фуко, выступает здесь как пространство «взаимодействий внешнего характера, где разворачивается сеть отдельных местоположений» [4, с. 121].

Мыслитель говорит о множественных высказываниях, принадлежащих той или иной исторически сложившейся формации.

Поле сосуществования предполагает взаимодействие и отношение к своему и иному на основании принятых в качестве нормы оценок. Погружённость в жизнь детерминирует поведение индивидуумов и социальных групп, заставляя вести себя соответственно с существующими практиками и ролями.

Успехи в сфере экономики в КНР и противостояние с Западом заставили руковод-

¹ Работа выполнена в рамках реализации научного гранта № 266-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по теме «Нормативное регулирование конфессиональных отношений на приграничных территориях Забайкалья, Северного Китая и Монголии: история и современность (компаративный анализ)».

ство и интеллектуалов в России обратить своё внимание на восточного соседа. Особенностью Китая стало то, что он идёт своим путём, отличным от предлагаемого либерально ориентированным Западом или пути вестернизации на американский манер. И хотя речь идёт, скорее всего, о неких механизмах управления экономикой страны без соответствующих изменений политического режима, возможные заимствования не исключаются.

Российский опыт дискурсивных практик связан с эмоциональными оценками, которые имеют приоритет перед осознанием интересов. Поэтому здесь основной упор делается на обуздание страстей, что создаёт мощное противоречие с ментальной природой. Задача сдерживания выполняется государством. Не случайно Ицхак Адизес делает наблюдение, согласно которому авторитарный стиль управления находится в противоречии со стремлением к естественному отрицанию дисциплины [1, с. 32]. Нравственные оценки связаны здесь не с утверждением этически оправданных норм, а с эмоциональным переживанием несправедливости.

В китайской традиции, как известно, также присутствует мощный пласт этических установок, исторически зафиксированный системой ритуалов – ли. Авторитарное правление здесь также является нормой для политического устройства, но базируется оно на иных основаниях, нормах конфуцианства, призванного гармонизировать общественные отношения. Поэтому в современном Китае, где действует партийная программа, направленная на построение «социализма с китайской спецификой», возвращение к нормам конфуцианской этики и идее появления общества великого единения (Да тун) было принято народом наравне с политикой открытых дверей. По сути, речь шла об обретении прежних принципов ради проведения в жизнь идей в новом их качестве. При этом здесь с очевидностью проявляется, как отмечал М. Фуко, «новое не в том, что сказано, а в событии его возвращения» [5, с. 62].

Цель модернизации предполагает соединение разнородных начал, в основу которых и закладывается традиционная культура, тесно связанная «с культурной идентичностью страны или народа, что делает её важным источником культурных индустрии и

инноваций» [3, с. 210]. Отметим также, что рассуждения о функциональной значимости ценности прошлого имеют прикладное значение. Они позволяют определить не только духовные источники для современного развития общества, но и выявить, идёт ли оно в направлении социокультурной модернизации. Ведь ментальные устои могут не только способствовать развитию нации, но и активно этому противодействовать.

На фоне рассуждений об актуализации идей конфуцианства в Китае мы можем указать на довольно странную попытку фрагментарного обращения к прошлому, предпринятую консервативной властью в России. Регулирующим началом здесь выступает патриотизм по отношению к государству. В Китае таким началом выступает национализм, призванный обеспечить единство нации и процветание всего народа. Патриотизм не может существовать в условиях недостаточности идей воодушевляющего характера. Тем более что на общественном сознании лежит груз отказа от построения светлого коммунистического общества в эпоху СССР, и несостоявшееся построение свободного и эгалитарного общества в постсоветскую эпоху. Идея «симфонии властей» по С. С. Уварову, будучи искусственного происхождения, как раз и лишена исторической преемственности. Доктрина официальной народности строилась на признании особой религиозности у русского народа и определения его как уже достигшего вершин цивилизационного развития.

Признание своего цивилизационного превосходства по факту самоутверждения способствует лишь росту пассивного самомнения, нежели желанию превзойти другие народы качеством своего существования. Именно пассивность здесь начинает детерминировать социальные процессы и превращается в устойчивую позицию для патерналистски ориентированных масс. Здесь нет ничего подобного тому, что мы наблюдаем в КНР, где духовно-цивилизационная трансформация китайского общества представляет собой движение к процветанию нации. Скорее всего, речь в России идёт даже не о движении, а о стоянии на месте с головой, повернутой в прошлое.

Даже если речь идёт о некоем циклическом восприятии мира, различия всегда должны присутствовать. Эссенциальные скрепы находятся в конфликте с экзистенци-

ей бытия. Закрепощаемое сознание обречено на копание в себе и покорное переживание трудных времён. Не случайно, что в Китае, приступая к реформам поставили цель направленного изменения сознания. Инициатор нового курса Дэн Сяопин обратился к проблеме «раскрепощения сознания», предлагая во всём исходить из реальности и основываться на реалистическом подходе. В основание данного подхода были положены приоритет общих целей и понимание особенностей мировосприятия китайского народа, чьё традиционное мышление ориентировано на восприятие проблем через морально-нравственные оценки. При этом важная роль отводилась наличию коммуникативного центра [2].

Понимание ментальных особенностей способно вывести эмоционально ориентированное сознание на прагматику интересов. Во всяком случае, если принять во внимание ориентированность и российского, и

китайского общества на коллективные ценности, то возможный путь по формированию ценностной картины мира и собственных принципов будет зависеть от просвещения (не промывания) ума и обновления моральных устоев. Адекватное восприятие «духа времени» означает не только соответствие новому естеству, но и поддержание представлений об энтропийности закрывающихся от мира систем. «Старые песни о главном» едва ли способны породить новое, если их не адаптировать к идее совершенствования и развития.

Собственно говоря, речь должна идти о формировании нового дискурс-повествования. Так или иначе, метанарративы не исчезли в современном мире, оставаясь востребованными в обществах с коллективным сознанием. Изменения коснулись лишь внешних форм, где уже нет места для прежней тотальности, но остается место для «мягкой силы».

Источники и литература

1. Адизес И. Новые размышления о политике: пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фебер, 2017. – 256 с.
2. Дэн Сяопин. Вэньсюань = 邓小平文选 (Избранные работы Дэн Сяопина). – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1994. – Т. 2.
3. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010): пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.
4. Фуко М. Археология знания: пер. с фр. – СПб.: Гуманитарная Академия: Университетская книга, 2004. – 416 с.
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: пер. с фр. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

УДК 316:1(510)
ББК С52:ЮЗ(5Кит)3-206

Ли Ваньли,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: 9144596000@mail.ru

Ценностная парадигма современного китайского общества¹

В статье анализируются процессы, происходящие в современном китайском обществе, где традиционные воззрения и философские учения прошлого соединяются с установкой на формирование современного развитого государства. Преемственность идей выступает в качестве исходного кода, помогающего в сохранении идентичности и определяющего будущее страны.

Ключевые слова: социокультурные ценности, парадигма, традиции, конфуцианство, китайское общество

¹ Работа выполнена в рамках реализации научного гранта № 266-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по теме «Нормативное регулирование конфессиональных отношений на приграничных территориях Забайкалья, Северного Китая и Монголии: история и современность (компаративный анализ)».

Li Vanli,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: 9144596000@mail.ru

Value Paradigm of Modern Chinese Society

The article analyzes the processes taking place in modern Chinese society, where the traditional views and philosophical teachings of the past are combined with the installation on the formation of the modern developed state. Continuity of ideas serves as a source code that helps to preserve the identity and determine the future of the country.

Keywords: socio-cultural values, paradigm, traditions, Confucianism, Chinese society

Ценностная парадигма в первую очередь выступает как набор аксиологических шаблонов, принятых в рамках той или иной культуры. Принадлежность к культуре предопределяет ментальные основы мировосприятия, формируя условия для воспроизводства идентичности. Присутствие традиций при этом играют важную роль, выступая в качестве ключа для принятия или отрицания новых идей и представлений. Именно для китайской цивилизации ценностная парадигма, заданная традициями, имеет непреходящее значение.

Понять современную ситуацию в стране можно через углублённое проникновение в китайское мировоззрение, истоки, стиль и способ мышления, интеллектуальные конструкции, заложенные в древнекитайской философии. Такое исследование может быть представлено как работа по раскрытию социально-философской теории деятельности (деятельность рассматривается как субстанциональная основа общественной жизни людей), а также через социально-философский анализ культуры как взаимосоотнесённых символических программ мышления, чувствования и поведения людей. Изучая источники и механизмы социокультурного изменения, мы получаем объективное представление о социальной эволюции китайского общества в новом тысячелетии. Обратим внимание на такие важные для китайской философии понятия, как естественность и социальность [3, с. 172].

Здесь мы обращаем внимание на то, что процессы, происходящие в Китае, являются одновременно и мировой тенденцией, и практикой национального возрождения. Речь идёт о культурной модернизации, где востребованы идеи как прошлого, так и бо-

лее позднего времени. На этот тренд современности было указано, в частности, в «Обзорном докладе о модернизации в мире и Китае (2001–2010)», подготовленном группой исследования стратегической модернизации Китая Китайским центром исследований модернизации Китайской академии наук [2, с. 247, 248]. Основной упор здесь делается на развитие человеческого потенциала и сохранение национальных особенностей. Раскрыть эту особенность развития китайского общества представляется актуальной темой для самостоятельного исследования, призванного показать, как в современных условиях происходит модернизация и поддерживаются традиции, служащие залогом для сохранения идентичности в Китае.

Пространственно-временные изменения, несомненно, оказывают своё влияние на устойчивость идентичности, заявляя о себе как о конфликте традиции и модернизации. Этот процесс в определённой степени исключает простое повторение, несущее в себе накопление статических погрешностей, связанных с переносом из прошлого в настоящее прежних ошибок. В то же время сохраняется естественная связь с прошлым, как с «высокой древностью», хотя в нашем случае есть различия в трактовке ушедших времён: в китайской культуре – установка на возвращение к гармонии с дао. Осознание здесь принадлежности к историческому сообществу и обнаружение внутренней предзаданности собственного бытия предполагают устойчивое и длительное взаимодействие внутри социума. При этом внешние воздействия поглощаются и деформируются в соответствии с внутренними установками и предпочтениями, а не становятся всё определяющими трендами. По сути речь должна

идти о формировании максимально непротиворечивой, но в то же время способной к приемлемому синкретизму модели поведения.

Так, в китайской традиции конфуцианские идеи и требование морального воздействия с дополнением практики легистов сформировали некую исходную модель общеобязательных норм поведения. Сегодня в Китае идеи порядка и гармонии не утратили своей актуальности, выступая в качестве регуляторов государственной и общественной жизни. В контексте модернизации идеи конфуцианства выполняют необходимую роль по поддержанию внутренней идентичности и, как полагает Ду Вэймин, «даже если рыночная экономика и важна для развития государства, если страна стала рыночной и семейные ценности, и общественные идеи расцениваются критериями функционирования в рыночной экономике, этого не достаточно для здорового развития идентичности. В данном смысле конфуцианство может стать полезным для понимания того, что означает быть китайцем» [1].

Подчеркнём важное концептуальное значение культурной самобытности и интеллектуальной традиции, их влияние на формирование условий для процветания нации. Переосмысливаемая традиция выступает в качестве внутреннего стержня, с помощью

которого формируются современные требования к качествам народа, стремящегося к гармоническим отношениям. Среди этих качеств выделяются следующие: высокая оценка своей цивилизации, уважение к предкам, самоуважение, желание лидировать, амбиции и практичность.

Духовно-цивилизационная трансформация китайского общества представляет собой движение к процветанию нации. Разумеется, здесь должен обязательно учитываться ситуационный контекст, связанный с ожиданием быстрого роста благополучия. Но такой контекст едва ли может проявить себя там, где для этого нет соответствующих традиционных установок. Процессы обновления должны принимать определённые культурные формы, соответствовать пониманию естественного. Так поддерживается необходимая связь и преемственность между прежней и новой идентичностью. Ментальные модели могут как способствовать, так и препятствовать переменам. Естественно, что установка на принципы социального порядка и всеобщей гармонии способствует принимаемой в обществе направленности духовно-цивилизационной трансформации китайского народа, детерминируя в равной мере и сложившиеся многовековые традиции, и процессы модернизации.

Источники и литература

1. Гэн Хайтянь. Конфуцианство и политическое руководство в современном Китае // Алтайская школа политических исследований. – URL: <http://www.ashpi.asu.ru/ic/?p=1988> (дата обращения: 29.02.2019). – Текст: электронный.
2. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.
3. Ся Цзисун. Человек и природа: Исходная точка логики диалога философий современного Китая и Запада // Россия и АТР. – 2006. – № 3. – С. 168–173.

УДК 316.4

ББК 60.53;54

Марина Григорьевна Назарова,

Владимирский юридический институт

Федеральной службы исполнения наказаний России,

г. Владимир, Россия,

e-mail: nmg1972@mail.ru

Проблема толерантности: понятие, сущность и пути решения

Статья посвящена рассмотрению понятия «толерантность» в традиционном и современном аспектах, анализу конфликтов на национальной и религиозной почве и поиску путей выхода. Особого внимания заслуживает система образования и воспитания как важнейший канал не только передачи знаний и опыта, но и формирования установки на выстраивание толерантных отношений личности обучающегося по отношению к другим.

Ключевые слова: толерантность, глобализация, межэтнические конфликты, воспитание

Marina G. Nazarova,

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

Vladimir, Russia,

e-mail: nmg1972@mail.ru

The Problem of Tolerance: the Concept, Nature and Solutions

The article is devoted to the concept of “tolerance” in traditional and modern aspects, the analysis of conflicts on national and religious grounds and the search for ways out. Special attention should be paid to the system of education and upbringing as an important channel not only for the transfer of knowledge and experience, but also for the formation of an attitude to building tolerant relations of the student’s personality towards others.

Keywords: tolerance, globalization, ethnic conflicts, education

Проблема межэтнических и межконфессиональных отношений или как зачастую её называют – проблема толерантности – является одной из актуальнейших и связана с целым комплексом глобальных проблем современного мира: проблемой экстремизма и терроризма, поражающих нынешнее общество.

В преамбуле к Конституции Российской Федерации отражены основные идеи государственности и толерантного существования: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединённый общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, ... исходя из ответственности за свою Родину

перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации» [2]. Эти идеи, на которых основана Конституция РФ, являются сегодня самыми актуальными и злободневными в современном российском обществе, так как мы зачастую сталкиваемся с проявлениями национализма в межэтнических отношениях, вандализма по отношению к памятникам исторического и культурного прошлого страны.

Для развития современной России является необходимым: сохранение культурного единства и государственности, учитывая исторически сложившиеся черты многонациональности и многоконфессиональности [7].

В. В. Путин отметил, что Россия «не раз доказывала свою способность к развитию, обновлению. Эта постоянная устремлённость в будущее, сплав традиций и ценно-

стей обеспечили преемственность нашей тысячелетней истории» [6]. И главное «чудо заключается в том, что на этом долгом тысячелетнем пути мы с вами не утратили самое главное, чем мы дорожим, – мы не утратили наши языки, культуру и наши традиции. И приезжая с разных уголков России, видим, что мы все очень разные. Но только тогда, когда мы вместе, мы – Россия», – обратился к собравшимся на праздник в Саранске Президент России В. В. Путин [7].

К сожалению, в последнее время, прикрываясь лозунгом демократии и свободы, активизировались разные националистические группы. Они мелькают и в «митингах, и ведут работу в интернете, и в подростковых клубах, в студенческих сообществах, выступают с лозунгами то русского, то татарского, то кавказского, то какого-то другого регионального национализма. Все они провоцируют сепаратистские разъединительные тенденции в нашей стране. Необходимо остановить эти опасные тенденции. Мы вместе должны добиться того, чтобы одним из ключевых понятий в жизни нашего общества стала толерантность», – поставил задачу глава государства российского ещё в 2012 году.

Игнорировать любые негативные тенденции в области межнациональных отношений слишком опасно. В. В. Путин потребовал начать рассматривать их на муниципальном уровне, чтобы предотвращать конфликты в самом их зарождении. «Зачастую в основе возникающих конфликтов на этнической, казалось бы, почве лежит совсем другое, лежит недоверие граждан к органам власти и управления. Известные события в Кондопоге, Сагре, на Манежной площади в Москве стали проявлением бездействия правоохранительных органов и безответственности чиновников. Коррупция, предвзятость представителей госорганов, их неспособность обеспечить справедливость, защитить интересы людей становятся базой для межнациональных столкновений, а кому-то и прямо выгодно перевести возмущение граждан по конкретным фактам несправедливости к формам межэтнического конфликта», – подчеркнул В. В. Путин [Там же]. «Главную роль русского народа и русского языка под сомнение никто не ставит. При этом ни вера, ни национальность не должны разделять народы России и ущемлять кого-то в правах» [Там же].

В научной литературе понятие «толерантность» рассматривается, прежде всего, как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многообразия человеческой культуры, норм, верований и отказ от сведения этого многообразия к доминированию одной точки зрения. Толерантность предполагает готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия, взаимного уважения и равенства.

В философской энциклопедии указывается, что это слово имеет латинское происхождение: *tolerantia* – «терпение» – терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам. Исходя из этого, межэтническая толерантность сегодня рассматривается как терпимость к людям других этносов, имеющим свои национальные духовно-нравственные традиции [10, с. 378].

При этом нельзя отрицать или игнорировать продолжающийся процесс глобализации, в который вовлечены многие сферы общественной жизни, прежде всего экономика, политика и культура.

Проблема толерантности связана с глобальными изменениями, происходящими в современном мире и затрагивающими этническую и религиозную сферы [4].

Для разрешения конфликтов на этнической и религиозной почве необходимо развитие правового и морального сознания граждан, в первую очередь, важно развивать правосознание молодёжи, т. к. мораль, право и религия являются регуляторами общественных отношений.

В современном российском обществе всё чаще говорят о принципе толерантности или в последнее время заменяют это слово, пришедшее из других культур, знакомым всем словосочетанием – «гармонизация национальных и межконфессиональных отношений» и рассматривают данную проблему в рамках государственной национальной политики и на региональном уровне.

Сравнивая уровень нравственности российского общества 90-х годов XX века и современного, можно отметить, что если в 90-х годах в России были смещены «моральные ценности, размыта грань между добром и злом, нравственные ориентиры диктовались одним социальным слоем для других слоёв общества» [9], то в настоящее время принципы гуманности и справедливости, а также законности и патриотизма вышли на первый план.

Гораздо хуже обстоит с нравственно-стью в цивилизованных западных странах. Анализ основных черт культурного и цивилизационного развития современного западного общества показывает наличие целого спектра социальных болезней: алкоголизм, наркоманию, нищету, проституцию, а также коррупцию и снисходительное отношение общества к ней. Это состояние общества ещё полвека назад Х. Ортега-и-Гассет называл аномией, то есть такое состояние индивидуального и общественного сознания, для которого характерно разложение системы ценностей, отход от общепринятых моральных норм, расшатывание и дестабилизация социальных основ [5].

Философы и психологи отмечают в последнее время, что проблема толерантности и формирования межнациональной и межконфессиональной гармонии приобретает всё большую остроту. Об этом говорят названия проводимых недавно конференций. Так, в январе 2017 года в Смольном институте Российской академии образования в Санкт-Петербурге проходила видеоконференция «Россия и Турция: ценностные основания стратегического партнерства» [8]. Мероприятие объединило идеологов евразийской интеграции, представителей народной дипломатии, участвующих в развитии славяно-тюркских, российско-турецких отношений, диалога православных и мусульман. Участники конференции пришли к выводу, что на первый план должна выступить идея интеграции; без взаимодействия России и Турции невозможно достичь мира и согласия на евразийских просторах.

В рамках решения данной проблемы выделяют важнейшую социальную категорию – молодёжь, которая и будет реализовывать идеи, будет организатором их и исполнителем. В то же время психологи и педагоги отмечают, что подрастающее поколение России оказалось самой незащищённой в культурном отношении категорией населения. Опасную тенденцию несёт увеличение количества молодёжных неформальных объединений экстремистской направленности [1].

Формирование межэтнической толерантности и развитие толерантного сознания в современном обществе возможно осуществить, благодаря системе образования и воспитания [3]. Развитие такого нравственного качества, как межэтническая толерантность, является необходимым условием

развития гармоничной личности в современном поликультурном и образовательном пространстве. При этом обучение межкультурному диалогу должно быть заложено в современной системе образования.

В связи с вышесказанным необходимо отметить важность преподавания таких дисциплин в вузе, как «Культурология» (отмечённая в последнее время в целом ряде программ по разным специальностям), «Религиоведение», а также «Основы религиозных культур и светской этики» в школах РФ. Последний предмет вызвал несколько лет назад бурные обсуждения в СМИ и в аудиториях на разных уровнях о том, какие знания даёт данная дисциплина в школы: религиозную пропаганду или нравственность? Большинство согласилось с тем, что это необходимый предмет, так как знакомство с особенностями разных религий и культур, а также знание этики и этикета является важнейшей чертой современного человека, его мировоззрения.

Толерантность, таким образом, становится фактором, необходимость которого чрезвычайно важна в современной общественной жизни.

Наиболее значимым фактором, обуславливающим распространённость этнической неприязни и интолерантности, является возраст – именно молодёжь и подростков в силу их ещё не сформированного мировоззрения стараются втянуть в межэтнические и межрелигиозные конфликты. Поэтому родители, старшие члены семьи должны своим поведением служить примером толерантного общения, в таком случае дети будут воспитываться в атмосфере естественной толерантности и воспроизводить эту модель в общении с людьми, а также учитывать её при создании собственной семьи.

В качестве путей разрешения проблемы межэтнических и межконфессиональных конфликтов можно предложить следующие методы в системе школьного и вузовского образования: проведение нравственных бесед, организация и проведение различных национальных праздников, уроки-презентации культурных национальных памятников и достопримечательностей разных городов России, знакомство с национальной кухней разных народов, рассказы о религиозных вероисповеданиях, об обычаях и обрядах. Всё это способствует культурному общению между представителями разных национальностей, знакомству с различными религиоз-

ными вероисповеданиями, а также развивает у молодёжи чувство патриотизма, любви к Родине, гордости за её прошлое, тем самым формируя высокий уровень морального и

правового сознания граждан Российской Федерации. А главная цель для необходимого дальнейшего развития государства – сплочённость общества.

Источники и литература

1. Бимбаева Э. В. Толерантность в политических процессах // Общество и этнополитика: материалы III Междунар. науч.-практ. интернет-конф. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2010.
2. Конституция Российской Федерации: прин. всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 2009. – № 7. – 21 янв.
3. Назарова М. Г. Актуальные проблемы образования и воспитания в современном обществе // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 4. – С. 196–198.
4. Назарова М. Г., Масальская Е. А. Современная Россия и идеи глобализации // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 3. – С. 137–139.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания: пер. с исп. – М.: АСТ: СТ МОСКВА, 2008. – 347 с.
6. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию // Российская газета. – 2018. – 1 марта.
7. Путин В. В. О толерантности на празднике в Саранске 24 августа 2012 года. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=7&id=888571> (дата обращения: 12.04.2019). – Текст: электронный.
8. Рушин Д. А. Славяно-тюркское единение и православно-исламский диалог // Вестник Российского философского общества. – 2017. – № 1. – С. 43–45.
9. Тишков В. А. О толерантности // Толерантность, взаимопонимание и согласие: материалы международного конф. (г. Якутск, июнь 1995 г.) / отв. ред. В. А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 1997. – С. 21.
10. Философский энциклопедический словарь / под ред. С. С. Аверинцева, Л. Ф. Ильичева. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

РАЗДЕЛ 2. Проблемы экономического сотрудничества России и Китая

SECTION 2. Problems of Economic Cooperation Russia and China

УДК 339(517.4:571)
ББК У5(5Кит-6Вну:2Рос)

Цзи Цзяньцюань,
*Российский исследовательский центр,
Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии,
г. Маньчжурия, Китай*

Вопросы и предложения по торгово-экономическому сотрудничеству между Внутренней Монголией и Забайкальским краем

Региональное развитие России, внешняя политика сотрудничества и недостатки национального управления ведут к экономическому спаду и застою внешнеэкономического и торгового сотрудничества. Контраст развития между Внутренней Монголией и Забайкальем значителен, что привело к огромному экономическому разрыву. На основе всестороннего анализа различных условий сотрудничества между двумя сторонами появляется возможность достижения новых результатов в расширении сотрудничества в области лесного и сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, Россия, Внешний Байкал, торгово-экономическое сотрудничество, внешний Байкальский регион

Ji Jian-quan,
*Russian Research Center
at the Manchurian Institute of Inner Mongolia University,
Manchuria, China*

Issues and Proposals for Trade and Economic Cooperation between Inner Mongolia and the Transbaikal Krai

Regional development of Russia, foreign policy of cooperation and shortcomings of national governance lead to economic recession and stagnation of foreign economic and trade cooperation. The development contrast between Inner Mongolia and the Outer Baikal region (Transbaikal) is huge, which has led to a huge economic gap. On the basis of a comprehensive analysis of the various conditions of cooperation between the two sides, it is possible to achieve new results in expanding cooperation in the field of forestry, agriculture and mining.

Keywords: Inner Mongolia, Russia, Outer Baikal, economic and trade cooperation, Outer Baikal Territory

内蒙古与俄外贝加尔地区经贸合作问题及建议 纪建全

(内蒙古大学满洲里学院俄罗斯研究中心, 内蒙古 满洲里021400)

摘要: 长期以来, 俄地区发展与对外合作政策以及国家经济管理上的缺陷是导致外贝加尔地区经济衰落和对外经贸合作发展缓慢的根本原因。内蒙古与该地区至今已形成了巨大的经济落差。综合各方面条件分析, 双方只有在扩大林业、农业和采矿业合作的基础上, 才有可能使今后的合作上规模上水平, 从而带动该地区经济的发展。

关键词: 内蒙古 俄罗斯 外贝加尔 经贸合作 外贝加尔边疆区

一、内蒙古对外贸易及对俄经贸总体情况。

内蒙古经济发展及对俄经贸合作简况

单位: 亿元人民币

除GDP项外括弧内为同比增长值

	2015年	2016年	2017年
GDP	17831,5	18632,6	16103,2*
第一产业(占比)	1617,4 (9,07 %)	1628,7 (8,74%)	1647,2 (10,23 %)
第二产业(占比)	9000,6 (50,48 %)	9078,9 (48,73 %)	6408,6 (39,80 %)
第三产业(占比)	7213,5 (40,45 %)	7925,1 (42,53 %)	8047,4 (49,97 %)
外贸总额	792,5 (-11,6 %)	772,8 (-2,1 %)	942,42 (22,8 %)
其中: 出口	351,5 (-10,8 %)	295,3 (-15,7 %)	334,75 (15,8 %)
进口	441,0 (-12,2 %)	477,5 (8,7 %)	607,67 (27,8 %)
贸易平衡(顺逆差)	-90	-189,2	-272,92
外贸额占中国外贸总额比重	0,323 %	0,318 %	0,339 %
外贸额占本省GDP比重	4,44 %	4,15 %	5,85 %
对俄贸易额	166,41	183,2 (10 %)	205,9 (12,4 %)
其中: 出口	37,7	41,3 (8,8 %)	
进口	128,71	141,9 (10,4 %)	
贸易平衡(顺逆差)	-91,01	-100,6	
对俄贸易额占本省外外贸总额比重	21 %	23,9 %	21,8 %
对俄贸易占中国对俄贸易比重	3,94 %	4 %	3,63 %

对俄投资备案企业数	45家	27家 (上半年)	
对俄直接投资额(协议投资额)	2,23亿美元	2,79亿美元 (上半年)	

资料来源: 商务部、中国海关总署、内蒙古自治区统计局、内蒙古海关官方公布数据及2017年、2018年自治区政府工作报告内容

* 由于经济统计数据“挤水分”的结果, 2017年内蒙古的第二产业增加值与GDP的数值较前两年有大幅下降。

虽然2017年内蒙古将规模以上工业企业的增加值压减了2000多亿元, 使得其第三产业增加值首次超过第二产业而成为最大规模产业, 但内蒙古的对外贸易仍主要是进口主导型的、为重化工业提供原料的贸易。2016年和2017年内蒙古对俄贸易都获得了10%以上的增长, 但也主要是依靠增加矿产品进口实现的。2017年自治区进出口大幅增长的主要因素是增加了初级原料产品的进口, 部分得益于出口的增长。当年进口初级产品527,9亿元, 同比增长了41,8%, 初级产品进口占整个自治区对外贸易的56%。2015年到2017年内蒙古外贸逆差持续快速增加, 从91亿元人民币扩大至273亿元人民币。到2017年对外贸易逆差额升至其对外贸易总额的近29%。

2017年, 内蒙古进口煤炭143,7亿元, 增长1,3倍; 进口锯材99,4亿元, 增长27,4%; 进口铜矿砂75,3亿元, 下降21,6%; 进口铁矿砂49,3亿元, 增长65,9%; 进口原油32,4亿元, 增长12,6倍。此外, 进口纸浆10,2亿元, 增长81,3%。上述六项合计占2017年自治区进口总值的67,5%^[1]。

2017年自治区对蒙古和俄罗斯两国贸易总值合计达470,4亿元, 占同期自治区外贸总值的一半。随着俄罗斯经济的逐渐恢复和主要能源资源性产品进口量价齐升, 2017年内蒙古对俄罗斯进出口增长了12,4%, 达205,9亿元, 但对俄贸易占自治区对外贸易的比重却由上年的23,9%下降了到21,8%。由此可见, 虽然俄罗斯仍保持着内蒙古第二大贸易伙伴的地位, 但内蒙古对外贸易的增长的主要源泉并非来自对俄贸易。

同时, 内蒙古经济的内向型特点也比较明显。尽管2017年外贸额有了比较大的增长而GDP做了大幅调减, 但其对外贸易仍仅占GDP的5,85%, 占中国对外贸易的0,34%。而内蒙古对俄贸易在中俄双边贸易中的占比也较前两年更低, 2017年仅为3,63%, 说明其毗邻俄罗斯的区位优势未能得到充分发挥, 双边贸易额也与内蒙古自身的经济实力不相称。

内蒙古与俄罗斯的投资合作是双边合作中的短板。2015年内蒙古新增对俄罗斯投资备案

企业45家,协议投资额为2.23亿美元。投资领域主要涉及森林采伐、木材加工、矿产资源开采、农业种植、农产品销售、进出口贸易等。对俄投资目的地主要在俄贝加尔和远东地区。2016年上半年新增对俄投资备案企业27家,协议投资额为2.79亿美元^[2]。投资领域主要涉及森林采伐、木材加工、制造业、住宿业、批发零售业、采矿业、农业种植等。

二、限制内蒙古与俄外贝加尔地区经贸关系发展的因素。

(一) 宏观经济社会环境与政策因素。

总体来说,内蒙古与俄罗斯的经贸合作规模相对较小,贸易结构比较单一,合作水平有待提高。从短期看,随着俄罗斯经济的缓慢回升,内蒙古与俄罗斯的进出口规模将继续得到恢复性增长。

俄罗斯虽然是中国的重要投资对象国,但除了政策环境、执法环境、治安等传统问题,俄罗斯的外贸、投资及资源开发政策因素,以及经济的波动,都是制约中俄贸易顺利发展的长期负面因素。近几年的汇率波动问题也是影响中企扩大对俄投资的重要因素。

企业融资难问题也是困扰中资企业对俄投资的一大因素。前不久中国贸促会发展研究部调研组在一份题为《中资企业在俄经营的主要问题》的调查报告中指出,在俄中资企业融资难问题突出,企业融资渠道少和融资成本居高不下的情况至今未得到改善。反映出中俄之间的贸易和投资缺乏长期的金融避险产品^[3]。

(二) 内蒙古自身存在的问题。

内蒙古经济长期以来以工业为主,工业经济一度占整个地区总产值的一半以上,而在工业领域又以煤炭、冶金、有色、建材、石化等重化工业为主。与东部发达省市相比,内蒙古与俄罗斯的产业经济互补性相对较弱,产业同质化情况较为明显,对俄出口能力较弱,对俄出口对经济增长的拉动作用不明显。

2017年内蒙古的服务业增加值超过工业跃居首位,这并不能说明内蒙古服务业的竞争力和影响力超过了工业。在“去产能”压力下,经济结构和发展方式的转变必然要求对外贸易的进出口结构和发展方式产生相应的转变。

近年来内蒙古积极发展科技型产业,机电产品和高新技术产品出口增长较快,但由于长

期以来地区科技发展水平和技术密集型制造业基础相对薄弱,未形成集群优势,总体来讲,出口商品结构层次较低,科技含量不够高,竞争力欠缺,产品出口规模有待扩大。内蒙古是经济后发地区,缺少现代化、国际化、科技型的大型农林牧、建筑施工和服务业企业和金融机构,对外开拓意识和合作能力不足。此外,内蒙古企业和人才的国际化水平,企业经营管理能力,政府对扶持企业发展的政策措施、精准服务,金融保险的配套服务等都有待于提高和完善。

另外,内蒙古仅以经济结构较为单一、相对位置处于边缘地带的满洲里市与俄罗斯经济比较落后的外贝加尔边疆区接壤,而经济发展比较活跃的西部地区与俄境并不相接。外贝加尔边疆区和布里亚特共和国地处内陆,与俄经济较为发达的欧洲部分相距遥远,而内蒙古也与人口较多、经济发展最具活力的俄远东滨海地区距离较远,区位上与黑龙江省相比劣势较大。

(三) 外贝加尔地区的发展条件限制。

内蒙古对俄经贸合作中遇到的困难也基本反映了整体中俄地方和民间合作的状况,那就是两国合作发展的制约性因素更多地来自俄方。

俄罗斯外贝加尔地区包括外贝加尔边疆区、布里亚特自治共和国和伊尔库茨克州的东北部,本文主要指外贝加尔边疆区和布里亚特共和国。外贝加尔地区原属西伯利亚联邦区,人口稀少,是俄经济发展相对落后的地区。该地区的经济结构比较单一,外贝加尔边疆区以采矿业为主,布里亚特共和国以食品加工和机械制造业为主。该地区基础设施、科技水平比较落后,人口稀少,在近些年俄经济衰退背景下,经济发展遇到很大困难,经济衰退严重,出现企业大量倒闭、财政入不敷出、贫困人口增加,社会矛盾激化等问题。

俄罗斯外贝加尔地区的基础设施,经济社会发展状况,产业结构缺陷,人口、地理限制,经济的封闭性,以及区域发展失衡等因素,是制约内蒙古与该地区经贸合作发展的长期性因素和难以克服的现实障碍。近几年来该地区经济衰退严重,进出口贸易萎缩,双边经贸合作形势不如人意。

与中国毗邻部分俄联邦主体经济发展状况

	外贝加尔边疆区		布里亚特共和国		滨海边疆区		哈巴罗夫斯克边疆区	
	2014年	2015年	2014年	2015年	2014年	2015年	2014年	2015年
地区生产总值 (亿卢布)	2275,8	2488,48	1848,16	2041,56	6434,66	7166,50	5492,89	5715,25
	2015年	2016年	2015年	2016年	2015年	2016年	2015年	2016年
采掘业	602,72	756,88	195,43	211,29	157,14	171,86	620,20	715,53
加工业	211,52	234,99	851,22	612,05	1831,79	1896,63	2001,13	2050,33

Раздел 2. Проблемы экономического сотрудничества России и Китая

农业	196,88	214,13	177,53	173,14	409,51	423,67	226,87	223,08
商品零售额	1469,41	1537,47	1625,61	1679	3417,43	3539,85	2715,62	2910,98
固定资产存量 (亿卢布)	8507,79	9236,39	5658,71	6091,33	27399,43	31257,96	14584,97	15890,42
人口(万人)	108,3 (2016,1,1)	107,9 (2017,1,1)	98,2 (2016,1,1)	98,4 (2017,1,1)	192,9 (2016,1,1)	192,3 (2017,1,1)	133,5 (2016,1,1)	133,3 (2017,1,1)
人均月收入(卢布)	23 023	22 846	25 486	25 165	33 018	32 446	36 666	37 461
人均名义工资 (卢布)	30 931	32 654	28 386	29 969	33 807	35 677	38 041	40 109
人均月消费 (卢布)	15 159	15 870	18 258	18 835	21 769	22 419	26 212	28 203
企业财务平衡表 (亿卢布)	-9,16	143,54	269,20	157,32	334,23	494,18	-187,65	658,05
固定资产投资 (亿卢布)	733,80	840,16	362,91	308,12	1160,68	1235,00	1090,02	1150,78
企业组织数量	16 585	15 959	20 933	20 062	70 873	70 816	46 136	45 405
外资参股企业数量	85	119	40	178	503	571	88	302
外资企业数量	42	303	51	263	207	1326	29	548
地区预算收入 (亿卢布)	531,88	555,72	528,44	515,35	1079,74	1128,70	909,25	1017,95
亏损企业数占比	47,1 %	42,2 %	30,8 %	33,7 %	33,1 %	30,8 %	40,4 %	33,5 %
外商直接投资平衡 表余额(亿美元)	- 0,78	0,96	0,25	0,27	1,12	4,36	-2,29	3,10
进出口(亿美元)	6,69	6,27	16,81	10,19	63,40	53,64	16,19	19,65
其中:出口	2,04	2,15	15,68	9,60	27,08	21,76	11,45	15,46
进口	4,65	4,12	1,13	0,59	36,32	31,88	4,74	4,19

资料来源: 俄联邦国家统计局《各地区社会经济发展指标-2016年版》^[4]。《各地区社会经济发展指标-2017年版》^[5]。

以西伯利亚联邦区的外贝加尔边疆区、布里亚特共和国与黑龙江省相邻的滨海边疆区和哈巴罗夫斯克边疆区作比较可以看出, 综合以上各种指标, 与内蒙古毗邻的外贝加尔边疆区经济实力最弱, 产业中只有矿产开发算是亮点, 其余各项均属弱项, 说明其经济和社会发展十分落后, 经济发展动能严重不足, 加工业、商品零售额、人均收入、进出口等数据均落后于其他地区。其外贸主要进口食品、农业原料和机器设备, 外贸进出口规模极小, 2016年进出口进一步萎缩。该边疆区近几年陷入了深刻的财政危机, 并在近期引发了比较严重的社会动荡。

布里亚特共和国发展水平与前者差不多。加工业和出口规模略大于前者, 但固定资产投资严重不足, 对今后发展将产生不利影响。2015年其能源燃料、机械设备和交通工具的出口超过15亿美元, 占其外贸总额的绝大部分, 进口极少。2016年, 在全俄对外贸易止跌回升的背景下, 布里亚特共和国的对外贸易却继续雪崩式下跌, 出口下降了38%, 进口下跌了48%

, 仅为5900万美元。2016年固定资产投资比上年减少了15%, 加工业也萎缩了28%, 这对以加工业为主要支撑的地区经济来说是一个警示。

而滨海边疆区和哈巴罗夫斯克边疆区的经济规模远大于上述两地区, 尤其是滨海边疆区, 多项指标都遥遥领先, 对外贸易几乎是外贝加尔边疆区的10倍, 地区生产总值也是前者的两三倍。

从以上两表数字可以计算出, 外贝加尔边疆区和布里亚特共和国两个联邦主体的地区生产总值的总和还不到内蒙古的3%, 而外贝加尔边疆区的地区生产总值仅为内蒙古的1.5%。人口稀少、资金匮乏、交通基础设施薄弱、区位优势不佳、产业陈旧、教育落后、技术水平低下等等因素使外贝加尔边疆区和布里亚特共和国的经济发展面临困境, 巨大的经济落差也使内蒙古与俄周边地区和经贸合作难以取得规模性进展。

世界各国的发展实践证明, 一国或一地区初始发展的条件一是自然资源, 二是具有一定规模、密度以及具有一定受教育水平和生产技能的人口。显然, 俄罗斯外贝加尔地区人口稀少, 科技落后, 具备的最好条件是资源禀赋,

发展的突破口首先应该是自然资源的开发与出口,以此积累发展资金,并在此基础上增加财政收入,改善财政和投资能力,提高居民的收入和消费能力,进而在经济社会发展状况有所改善的基础上实现人口和产业的扩大再生产,提升产业的技术水平,走上良性发展的轨道。然而长期以来,俄罗斯相对保守的外资和资源开发政策,以及对地区资源开发过于保守僵化的管理方式阻碍了外资进入俄资源开发领域。与此同时,高度集中的经济管理权限与地方政府行政权限的失衡抑制了地方政府发展经济的能动性,经济无法积聚发展动能。此外,一些地区政府官员的经济管理水平和国际视野也跟不上现实的发展要求。

俄罗斯在财政与税收制度设计上也存在缺陷,导致地方财权与事权的不匹配,财政能力薄弱,经济发展受限严重。俄联邦投资基金设定的州级投资项目最低限为5亿卢布,边穷地区地广人稀,科技人力资源匮乏,难以获得项目扶持资金^[6]。投资不足产业破落,经济萧条人口流失,形成恶性循环。

内蒙古毗邻地区俄居民的消费受制于相对低下的收入水平,使中方难以扩大对其消费品的出口。而俄外贝加尔地区很多企业财务状况不良,资金紧张,地区加工制造企业少,规模小,水平低,产业种类不齐全,缺乏出口渠道,企业配套能力也差,中方工业原料和中间品也难以找到出口市场和投资生产场所。

目前内蒙古与俄外贝加尔地区的农业林业资源开发合作主要在民间进行,缺少省州政府间的指导细则。长期以来,俄方在土地租赁,设备、资料进口,签证,人员出入境管理等相关政策不稳定且在执行上随意性较大,中方投资者在考虑企业设立、基建、设备更新、扩大再生产等方面进行投资时十分谨慎。

外贝加尔地区无论是与俄欧洲部分还是与远东地区的经济发展水平的差距还在继续拉大。俄罗斯如不对这一地区制定有针对性的特殊发展政策,使之与邻近的中国建立紧密的经济联系,培育产业和市场,光靠中央政府补贴,该地区的经济和社会发展困境将很难得到改变。

三、结论与建议。

外贝加尔地区除去矿产、林业和农业资源外没有其他的优势资源,科技含量较高的加工制造和高科技企业较少。无论从人口、经济发展水平、产业状况、对外经贸状况,还是从居民收入水平和整体经济体量看,该地区内部经济和对外合作的发展都面临重重困难。然而要改变这一切首先只能从改善国家管理和对外经济政策上开始。内蒙古与该地区经贸合作能否深化与扩大,主要取决于俄方的合作意愿和政策取向。俄罗斯尤其是外贝加尔地区属于资源型经济,资源出口是其财政收入的主要来源,在目前俄国内的经济与政策环境下,外贝加尔地区的经济发展也很难另辟蹊径。

值得注意的是,俄政府已开始关注并着手解决外贝加尔地区的发展困境问题。2016年末俄政府将外贝加尔边疆区及布里亚特共和国纳入了远东地区发展方案,提出将给予其相应的国家扶持政策。但此后俄中央政府给予远东地区的众多特殊的优惠政策鲜有惠及外贝加尔地区,导致该地区既没有设立经济特区,也没有跨越式发展区或自贸区之类的优惠待遇。

2017年7月26日,俄罗斯总统普京签署了《关于边境合作基础》(编号179-Ф3)的联邦法律,这是俄为适应国际化和开放合作新形势,调节和规范俄边境地区与有关国家毗邻地区对外经济合作的基础性法律。

俄之前的有关对外合作的法律较少考虑边境地区的特点,而该法明确了边境地区合作的基本概念、任务和原则,指出边境合作系“俄联邦国际关系的一部分,也是俄边境地区联邦主体及其市政组织与相邻国家边境合作主体间国际联系和对外经济联系的一部分”^[7]。该法同时规定了边境地区国家权力机关在与相邻国家有关地区合作中签订协议的权限。对市政组织在边境合作中的地位也做了规定,并赋予了其在进行边境合作时签订相应协议的权力。

该法明确,边境合作包括经济、交通和通讯、能源、科学与教育、文化与艺术、体育与旅游、卫生、环境和自然资源、农业、林业、渔业和社会领域的合作,并将紧急情况预防、减灾、流行病防治等列入了边境合作清单。上述措施的出台为增强俄边疆地区政府在对外合作中的主体意识和主动性,加强对外合作提供了新的动力。

终于,2018年11月初,普京总统签署了关于将布里亚特共和国和外贝加尔斯克边疆区从西伯利亚联邦区划归远东联邦区的总统令,并要求俄政府在三个月内完成有关的法律程序与行政转移工作。我们期待,这一重大举措将为外贝加尔地区经济社会与对外经贸合作加速发展注入新动能。

外贝加尔边疆区政府历来重视与中国在矿业、林业、农业、旅游、文化交流等方面的全方位合作。目前该区内多个中俄合作项目正在稳步推进。由中方投资30多亿元人民币的北极星林木加工综合体项目进展顺利。包括已经投产的木材加工厂、建设中的纸浆厂和水利枢纽以及规划建设的5平方公里“林-浆一体化”工业园区,是迄今中方在该边疆区最大的投资-项目^[8]。

2017年12月,北京中珉聚霖集团与外贝加尔发展集团股份公司在赤塔市成立了合资公司“外贝加尔煤化工有限责任公司”。该项目位于外贝加尔额尔古纳区与中国边境相接处,项目总投资额预计为230亿元人民币^[9]。俄联邦政府及外贝加尔边疆区政府对该项目表示支持,并希望项目的启动对拉动地区经济产生积极作用。

2015年12月,内蒙古自治区与俄外贝加尔边疆区签署了《中华人民共和国内蒙古自治区人民政府与俄罗斯外贝加尔边疆区政府关于建立地方政府间定期会晤机制协议》和《中国内蒙古自治区人民政府与俄罗斯外贝加尔边疆区政府农业合作协议》。这两项协议的签署,为内蒙古与外贝加尔地区加强合作提供了基础。2017年4月,内蒙古自治区与外贝加尔边疆区举行政府间定期会晤机制第一次会议。自治区主席布小林指出,内蒙古有40多家企业在外贝加尔边疆区投资,两地合作空间广阔。日丹诺娃表示希望双方以此次会晤为契机,深入推进农业、矿产资源开发、木材加工、跨境旅游、基础设施、医疗卫生、文化等领域的务实合作,将两地的友好合作关系提升到一个新的水平。中国是一个巨大的市场,兼顾外向型的合作生产应是内蒙古与该地区合作的突破口。除矿产开发外,农业林业合作应是重点,在此基础上发展农畜产品加工、食品、建材、机电制造、木材加工、家具、制浆造纸等产业应是内蒙古与该地区合作的方向。

2015年12月中俄两国总理发表的联合公报中明确提出了提升农业合作水平,扩大农产品贸易的合作目标,同时声明支持两国毗邻地区深化农业开发合作,推进实施在俄农业合作项目。内蒙古应积极利用俄政府已有的和即将出台的俄远东开发特殊优惠政策,并在与该地区签署的政府间定期会晤机制和有关协议的基础上,积极推动该地区

向俄中央政府申请优惠政策,并制定切合实际的双边合作项目,深化和扩大合作规模。

建议自治区政府加大对满洲里俄语职业学院等面向俄罗斯的高、中等职业学院的扶持力度,培养更多的俄语专业技术人才,为内蒙古与俄毗邻地区的合作提供更多的人才支持,同时推动政府、学校、社会和企业的相互协作,搭建平台,疏通对外合作渠道。

2017年3月,中国国务院出台了《东北地区与东部地区部分省市对口合作工作方案》,鼓励东北地区与东部地区部分省市建立对口合作机制,开展对口合作。综合考虑相关省市资源禀赋、产业基础、发展水平以及合作现状等因素,明确辽宁省与江苏省,吉林省与浙江省,黑龙江省与广东省;沈阳市与北京市,大连市与上海市,长春市与天津市,哈尔滨市与深圳市建立对口合作关系。《方案》还提出,支持内蒙古自治区主动对接东部省市,探索建立相应合作机制^[10]。

内蒙古应积极响应这一政策,根据区内产业特点和短板,找准合作伙伴,打破地域界限,加强与东部省市对口合作,推动农业、建筑、矿山、建材、农畜产品加工、林业及木材加工领域的企业与技术资源的协作和整合,展开各种形式的合作,扬长补短,发展相关产业,提高企业的竞争力和国际化水平,积极支持有技术有实力的企业走出去,在助推区内经济发展的同时,增强与俄罗斯开展各领域、各层次、各类形式合作的能力。

参考文献

1. 内蒙古自治区政府门户网站. — URL: http://www.nmg.gov.cn/fabu/xwfbh/201801/t20180119_657634.html (дата обращения: 27.04.2019). — Текст: электронный.
2. 2016年上半年我区对俄投资情况. 2017: 3–21. — URL: <http://www.nmgswt.gov.cn/news-b4998388-520b-4af0-889d-f32933cd8e5d.shtml> (дата обращения: 29.04.2019). — Текст: электронный.
3. 赵爱玲. 中企对俄投资整体表现谨慎的难题待解. 中国对外贸易. 2017:01:20.
4. 俄联邦国家统计局《各地区社会经济发展指标-2016年》= Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономические показатели-2016 г. — С. 18, 37, 228, 230, 268, 514, 538, 541, 545, 568, 620, 622.
5. 俄联邦国家统计局《各地区社会经济发展指标-2016年》. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-pok17.pdf (дата обращения: 23.04.2019). — Текст: электронный.
6. 高际香. 俄罗斯区域经济社会发展: 失衡与政策选择. 俄罗斯东欧中亚研究. 2016:6:78.
7. 银行文件. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42132>. 2017: 08-03 (дата обращения: 29.04.2019). — Текст: электронный.
8. 专访: “释放边境潜力, 加强中俄合作”——访俄罗斯后贝加尔边疆区行政长官日丹诺娃-新华网. — URL: http://www.news.xinhuanet.com/2017-11/24/c_1122004110.ht. 2017: 11-24 (дата обращения: 29.04.2019). — Текст: электронный.
9. 当前事件. 外贝加尔地区. — URL: <https://www.chita.ru/news/109979> (2017–12-4) (дата обращения: 19.04.2019). — Текст: электронный.
10. 东北地区与东部地区部分省市对口合作工作方案. 2017: 3-22. — URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/17/content_5178294.htm (дата обращения: 29.04.2019). — Текст: электронный.

УДК 339.5(510:571)
ББК У428.9(5Кит:2Рос)

Сунь Дэчжун,

Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии,
г. Маньчжурия, Китай

Анализ возможностей развития кластеров деревообрабатывающей промышленности в приграничных районах

Кластер импортной деревообрабатывающей промышленности является новой тенденцией экономического развития на приграничных территориях Внутренней Монголии и провинции Хэйлунцзян. Он важен для корректировки региональной промышленной структуры и повышения конкурентоспособности экономики региона. На примере Маньчжурии, крупнейшего сухопутного перехода севера страны, анализируются уникальные преимущества развития промышленных кластеров по переработке импортного древесного сырья, даются рекомендации по дальнейшему развитию такого промышленного кластера.

Ключевые слова: пограничные переходы, импортная древесина, обработка древесины, промышленный кластер

Sun De-zhong,

The Manchurian Institute of Inner Mongolia University,
Manchuria, China

The Analysis of Possibilities of Clusters Development of Woodworking Industry in Border Areas

The cluster of imported woodworking industry is a new trend of economic development in the border areas of Inner Mongolia and Heilongjiang province. It is important to adjust the regional industrial structure and improve the competitiveness of the region's economy. On the example of Manchuria, the largest land transition of the North of the country, the unique advantages of the development of industrial clusters for the processing of imported wood raw materials are analyzed, recommendations for the further development of such an industrial cluster are given.

Keywords: border crossings; imported wood; wood processing; industrial cluster

沿边口岸地区木材落地加工产业集群发展机遇分析 孙德忠

(内蒙古大学满洲里学院 中国·内蒙古满洲里 021400)

摘要: 进口木材落地加工产业集群是内蒙古、黑龙江省等沿边口岸经济发展的新趋势,已成为调整区域产业结构和提升地区经济竞争力的重要力量。以全国最大陆路口岸——满洲里为例,分析其发展进口木材落地加工产业集群具备的独特优势,给出了进一步发展该产业集群的相关建议。

关键词: 沿边口岸地区; 进口木材; 落地加工; 产业集群

引言

产业集群现象是区域内产业的一种组织形式,因地区经济明显的拉动作用和地区竞争优

势的形成功效而成为当前的一个研究热点,也是地方政府产业布局、调整产业结构以提升地方经济竞争力的重要战略。近年来,内蒙古自治区及黑龙江省等沿边口岸地区出现了众多依托进口木材发展起来的加工企业,并呈现一定集聚现象。相对于过境贸易而言,“减重增值”的落地加工对于地区的经济发展具有更大的带动作用。因此,深入系统地探讨沿边口岸地区木材落地加工产业集群问题具有重要的现实意义。

1. 满洲里进口木材落地加工产业集群发展历史及现状。

满洲里木材加工业始于上世纪90年代,1992年满洲里被国家确定为首批沿边开放城市,俄罗斯原木进口规模逐渐增大,当地木

材加工业应运而生。当时的加工厂工艺简单，主要就是把原木破开加工成锯材，因此工厂也被称为是“锯木房”，1999年由政府引导下建立了企业投资经营的满洲里市第一家木材加工市场，并吸纳木材加工企业到该区落户经营生产。2003年满洲里口岸被批准为进口原木加工出口锯材试点口岸，配套的相关政策激发了木材加工业的热情，企业数量急剧增加，同年自治区政府批准设立满洲里进口资源加工园区，以此作为集聚和培育木材加工产业的基地，2007年，全市的木材加工企业超过100家，木材加工量达350万立方米，木材加工产业集群初步形成。2008年，金融危机及俄罗斯提高原木关税等因素作用下满洲里市木材进口量和落地加工量同比下降，行业迅猛发展的势头回落。不利的环境遏制了行业的量的粗放发展，迫使企业寻求质的突破，整合后的产业在规模、结构和质量等方面都得到优化，深加工产能不断提升，产业链条不断延长，品牌建设有所突破，木材加工产业集群步入稳量提质的调整阶段。

目前，满洲里木材加工产业集群效应日益明显，产业规模持续扩大，目前，全市拥有木材加工企业110多家，从业人员超过万人，锯材年加工能力700万立方米，年干燥能力190万立方米；工业总产值逐年攀升，已接近百亿元，已经成为全国最大的锯材集成材加工集散地。产业集群趋势日渐明显，无论在空间布局，还是在产业配套上都呈现出一定的集群化趋势，越来越多的企业集聚在一起，产业链不断延伸，综合配套服务设施逐渐完善。支柱产业作用已经显现，经济贡献度逐渐增大，并带动了木材商贸、仓储业、工程机械销售、运输业及相关业态的快速发展，有力推动了地方经济的快速发展。

2. 满洲里进口木材落地加工产业集群机遇分析。

2.1. 中俄贸易发展的新形势。

中俄两国的政治、经济、文化等全方位的交流不断向深度与广度拓展，中俄战略协作伙伴关系不断得到深化。两国经贸合作水平不断升级，2018年，中俄贸易额首次突破1000亿美元，增速在中国主要贸易伙伴中位列第一，中国继续保持俄罗斯第一大贸易伙伴国的地位。自2013年3月以来，习近平主席同普京总统已多次会晤，两国共同发表了关于将“一带一路”、“欧亚经济联盟”两个经济战略连接起来的联合声明，将对两国全面战略协作伙伴关系发展进行战略引领和顶层设计，推动双边关系进入新的发展阶段。作为俄罗斯毗邻的满洲里口岸城市，承担着较大的进出口贸易量，在木材、纸浆、多种矿产品方面的合作将进一步加大，双方基于经济社会发展的共同需要，凭借两国在森林资源、劳动力、森林采伐技术、设备等生产要素上的互补性来实现我国在木材资源供给与俄罗斯东部地区森林资源的开发和利用方面的双赢，已经成为两国间的共识。

2.2. 综合保税区的设立。

2015年3月，国务院正式批复设立的满洲里综合保税区，综合保税区的政策功能优于保税物流中心、出口加工区等其他类型海关特殊监管区。满洲里综合保税区规划面积1.44平方公里，地理位置设置在铁路口岸、公路口岸和航空口岸三大口岸的中心交汇处。作为内蒙古自治区的重点建设项目类别涵盖食品、保健品、建材、轻工产品等。满洲里综合保税区的建成使满洲里的口岸功能、进出口加工业、对外贸易全面升级，进一步凸显外贸优势，满洲里口岸将凭借“内陆口岸”功能，在“一带一路”及“中蒙俄经济走廊”建设的大背景下，充分发挥政策和口岸优势，逐步打造成为内蒙古乃至全国重要的生产服务基地、国际物流集散地、大宗商品交易地、制造业加工出口基地和国际会展展示中心，成为服务全国、面向俄蒙、辐射东北亚的重要载体和平台，能够为进口木材及其落地加工提供有力保障。

2.3. 相关优惠新政策的引导。

国家级经济技术开发区和边境经济合作区“十二五”发展规划（2011-2015年）重点任务中特意强调要加快培育特色产业集群，提高产业集中度，鼓励同类企业向特色产业园区集聚，创建国家新型工业化产业示范基地。这一规划必将有力促进满洲里进口资源加工园区的木材加工产业集群的发展。2015年6月中韩自贸协定已经正式签署，以商品种类数计算，中韩之间90%以上的商品将实现零关税，这一利好消息，有助于推动内蒙古沿边口岸城市落地加工再出口，拉动沿边口岸城市的经济发展。以满洲里口岸为例，满洲里口岸的进口木材落地加工再出口是满洲里地区对外贸易的重要组成部分，制成品出口日本、韩国、德国、英国、法国、意大利、印度、南非等多个国家。如果能充分利用自贸协定政策，加上满洲里口岸区位优势，做大“俄-中-韩”进口木材加工再出口贸易通道，将会更进一步促进满洲里市木材加工产业的发展。《满洲里市关于鼓励支持和引导木材加工产业发展的若干意见（试行）》等政策出台，对新建和扩建的木材精深加工项目给出了众多税收优惠政策。

2.4. 跨境电商发展开辟新契机。

自2015年始，满洲里市把发展跨境电子商务列为全市经济工作重心，成立专项推进领导工作小组，制定了一系列引导和鼓励政策，从硬件建设、扶持政策、宣传推广和人才引进等方面，为吸引更多电子商务企业入驻开启了大门。满洲里以建设跨境电子商务产业园、跨境电子商务信息平台和综合保税区为契机，从跨境电子商务平台、经营主体、边境仓储、物流配送、售后服务等环节入手，逐步完善跨境电子商务业务体系，被内蒙古商务厅列为跨境电子商务重点城市。跨境电子商务产业园内企业商品对外销售到俄罗斯、蒙古、欧美等地。满

洲里国际物流园区与天津电交所筹建的“木材在线”项目就旨在充分利用“互联网+”思维,运用电子商务这一新兴贸易模式开展木材进口业务,进口木材贸易和加工企业可以充分利用跨境电商优惠政策,创新与俄罗斯木材供应商合作方式,打造木材进口及落地加工产品销售的跨境电子商务平台,进一步提升产业集群的竞争优势。

3. 沿边口岸地区进口木材落地加工产业集群发展建议。

3.1. 积极拓宽原木供应市场、鼓励企业“走出去”,抵御进口原料的市场风险。

积极拓宽原料供应市场、使加工企业能通过更多的渠道获得生产所需的原始资源。面对俄罗斯频繁的政策多变性,要培育多元化的原料来源市场,转换从俄罗斯单一进口思路,可以考虑在国内探索新的木材来源,还可以考虑进口国从单一的俄罗斯扩大到加拿大、美国、新西兰、澳大利亚,并逐步伸展到世界木材资源丰富的国家和地区。要鼓励木材企业“走出去”,到俄罗斯与内蒙古毗邻的西伯利亚和远东地区的克拉斯诺亚尔斯克、伊尔库茨克、后贝加尔边疆区等主要森林经济区建立林木采伐场或开办木材加工业务。尤其是顺应俄罗斯欢迎外国企业来俄投资从事木材加工业务政策,促进企业到俄罗斯投资建厂,从而建立安全、可靠、长效的原材料供应保障体系。

3.2. 大力培植上规模、大型的龙头企业,发挥其对中小企业的带动作用。

培育和扶持一批龙头企业。加大招商引资力度,在政策、资源、市场特许、产业扶持、金融支持等方面给予支持和帮助,创造良好的投资环境,吸引生产规模大、技术含量高、带动能力强的成熟企业入驻,引进产业关联度高、辐射力大、带动性强的龙头型、基地型项目,创造有利条件推动具有发展潜力的优质中小企业向龙头企业迈进。不仅要全方位支持龙头企业自身发展,更为重要的是充分发挥龙头

企业的辐射带动作用,拉动和催生相关配套企业,通过滚动发展扩大产业集聚规模。立足边境口岸的地缘优势,充分利用与毗邻俄蒙地区政府的良好关系,尤其是与俄罗斯外贝加尔边疆区地方政府定期会晤机制,积极为木业龙头企业寻找、创造跨国合作机会,推动龙头企业开拓新的国际市场。

3.3. 延长整合产业链条,实施差异化战略,构建高效的分工协作体系。

解决满洲里木材加工产业集群“形聚而神散”及“集而不和”的问题,首先是要改变企业的经营观念,必须让企业充分认识到只有分工与合作才能发挥集群优势,才能在激烈的市场竞争中找到自己的生存发展之路。改变“零和”博弈的传统竞争观念,培育“合作共赢”意识,使企业积极主动地参与集群内的分工与合作当中。引导各类企业对自己准确定位,清晰企业在集群产业链条中的位置和作用,实施差异化发展。龙头企业把重点放在技术改造、市场开发和品牌创新上,而把一些非核心生产环节外包给其他中小企业,形成以大企业为中心,专业配套中小企业为支撑的有机结构,发挥集群高效分工协作的优势。

3.4. 加大引进和培养人才力度,建立留住、用好人才机制。

政府、行业和企业共同努力,扎实推进人才队伍建设,为满洲里木材加工业的发展,提供坚强的人才支撑和智力保障。加大人才引进和培养力度,科学制定满洲里木产业人才发展规划,将人才战略与产业需求有效对接,以人才战略带动木产业经济的发展。要从硬人才、软人才、本土人才三种途径加快人才建设步伐。吸引满洲里籍的大学生、研究生、留学生,在外创业者回家乡工作。要加注重本土人才培养,充分利用当地高校教育资源,积极开展家具设计、金融、国际贸易、应用俄语等专业建设,深化校企合作模式,不断输送各类专业技能人才。

参考文献

1. 迈克尔·波特. 国家竞争优势[M]. 北京: 华夏出版社, 2002: 148.
2. 王兆君. 我国木材加工产业集群演进动力机制实证分析[J]. 经济问题探索, 2014 (4).
3. 满洲里市合作区木材产业覆盖全国挺进境外[EB/OL]. - URL: <http://www.mzlnews.com.cn/article.asp?articleid=30946> (дата обращения: 29.04.2019). - Текст: электронный.
4. 杨红强, 摄影. 中国木材需求矛盾与原木进口结构分析[J]. 世界农业, 2008 (07): 53.
5. 刘晓红, 陈宝光. 高新和. 浙江家具行业的发展现状和问题探讨 [J]. 木材工业, 2006 (7): 27—28.
6. 孙德忠. 满洲里木材加工产业集群发展现状及建议[J]. 木材工业, 2015 (6): 46—48.
7. 2014年中俄贸易总值突破950亿美元增长6.8%[EB/OL]. - URL: <http://www.world.huanqiu.com/hot/2015-01/5406782.html> (дата обращения: 29.04.2019). - Текст: электронный.
8. 郭普松. 产业集群企业衍生的文献综述[J]. 中国商贸, 2014 (11): 168.

УДК 339.5(510:517:571)
ББК У 428.9(5Кит:5Мон:2Рос)

Яо Кун,

*Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии,
г. Маньчжурия, Китай*

Исследование развития трансграничной электронной коммерции в Китае, Монголии и России

Являясь важной частью стратегии Китая «Один пояс, один путь», экономический коридор «Китай – Россия – Монголия» является каналом углубления сотрудничества между странами. С развитием интернет-экономики трансграничная электронная коммерция стала продуктом времени, с момента строительства коридора экономического сотрудничества между Китаем, Монголией и Россией трансграничная электронная торговля быстро набирает темп. В статье рассматривается ситуация с развитием трансграничной электронной коммерции между Китаем, Монголией и Россией, а также указываются её особенности. Это таможенное оформление, налогообложение и возврат налогов, длительный платёжный цикл, отсутствие специалистов со знанием китайского, русского и монгольского языков в области электронной коммерции и другие вопросы для упрощения процедур. Необходимо создать китайско-монгольскую, китайско-русскую системы расчётов для удобства приграничных платежей. Стимулирование строительства инфраструктуры, углубление сотрудничества в транспортно-логистической системе – всё это способствует здоровому развитию трансграничному сотрудничеству в области электронной коммерции.

Ключевые слова: Китай, Монголия, Россия, трансграничная электронная коммерция

Yao Kun,

*The Manchurian Institute of Inner Mongolia University,
Manchuria, China*

A Study of the Development of Cross-Border e-Commerce in China, Mongolia and Russia

As an important part of China's one belt, one road strategy, the China – Russia – Mongolia economic corridor is a channel for deepening cooperation between the countries. With the development of the Internet economy, cross-border e-Commerce has become a product of the time, since the construction of the economic cooperation corridor between China, Mongolia and Russia, cross-border e-Commerce is rapidly gaining momentum. The article deals with the situation with the development of cross-border e-Commerce between China, Mongolia and Russia, as well as the main points in it. These are customs clearance, taxation and tax refund, long payment cycle, the absence of specialists with knowledge of Chinese, Russian and Mongolian languages in the field of e-Commerce and other issues to simplify procedures. It is necessary to create a Chinese-Mongolian, Chinese-Russian settlement system for the convenience of cross-border payments. Stimulating the construction of infrastructure, deepening cooperation in the transport and logistics system, all contribute to the healthy development of cross-border cooperation in the field of e-Commerce.

中蒙俄跨境电子商务发展研究

姚琨

(内蒙古大学满洲里学院 内蒙古 满洲里 021400)

摘要: 中蒙俄经济走廊作为我国“一带一路”战略的重要内容, 是全方位深化与俄罗

斯、蒙古国合作的重要通道。随着互联网经济的发展, 跨境电商已经成为的时代产物, 自中蒙俄经济合作走廊建设以来, 中蒙俄跨境电商贸易迅速发展。本文主要介绍中蒙、中俄跨境电商发展的基本情况, 指出我国对蒙、对俄跨境电商发展中存在的主要问题, 如通关、结

税、退税难,物流成本高效率慢,支付周期长和缺少蒙语、俄语电商人才等问题提出简化通关手续,建立中蒙、中俄跨境支付结算便利体系,推动基础设施建设深化交通物流体系合作和加强培养蒙语和俄语电商人才技能的应对措施,以促进中蒙俄跨境电商合作健康发展。

关键字:中国;蒙古国;俄罗斯;跨境电子商务

中、蒙、俄三国互为邻国,近年来,经贸合作不断升级。2014年9月11日中蒙俄三国元首首次会晤时,国家主席习近平提出倡议把我国丝绸之路经济带同俄罗斯跨欧亚大铁路、蒙古国“草原之路”进行对接,打造中俄蒙经济走廊的倡议,获得俄罗斯和蒙古国的积极响应。随着我国信息技术和“互联网+”的不断发展,带来我国跨境电子商务的迅猛发展,跨境电商作为“互联网+外贸”时代下的国际贸易新方式,跨境电商具有低成本、高效率、数字化和全球性等方面的特点,特别是与传统国际贸易相比,跨境电商通过扁平化供应链,简化中间环节,缩短价值链,减少利润让渡,最终实现节约交易成本,提高贸易效率的目标,成为增长疲软的国际贸易新增长点。与此同时,跨境电商也是推动中蒙俄贸易增长的新引擎,并逐渐成为中蒙俄三国经贸合作的新模式。

一、中蒙俄跨境电商发展现状。

(一) 中俄跨境电子商务现状。

中俄跨境电商平台数量增加,功能趋于完善。目前,受理俄罗斯在线用户订单的外国跨境电商平台主要有速卖通、eBay和亚马逊,这三者市场总份额约占俄罗斯跨境电商贸易总额的72.5%,其中速卖通排名第一,是最受俄罗斯消费者喜爱的外国跨境电商平台;而eBay和亚马逊分别位居第二和第三。此外,从2010年开始中国电子商务企业陆续进入俄罗斯电商市场,纷纷开设了面对俄罗斯消费者的跨境电商购物平台,如速卖通、阿里巴巴、淘宝、京东商城、敦煌网、兰亭集势等战绩辉煌。

1. 跨境支付。

中国与俄罗斯跨境电商采取与第三方支付平台合作的方式,实现线上和线下多种方式进行跨境支付。目前,中国跨境电商已与俄罗斯主流跨境支付公司合作,共同建立便于俄罗斯消费者进行在线跨境支付的电子商务支付平台。例如,阿里巴巴已经与Qiwi Wallet签署了战略合作协议,Qiwi Wallet服务与中国的支付宝相类似,是俄罗斯最大的第三方支付平台,也是最受俄罗斯消费者信任的支付工具之一,不仅支持线上付款,同时也支持线下付款,十分适用于习惯用现金交易的俄罗斯消费者。此外,速卖通还开通了手机支付业务,为俄罗斯庞大的移动购物消费者群体提供更为便捷地支付方式。Yandex. Money也和中国的40家大中型在线商家达成了合作,其中包括阿里全球速卖

通,京东商城等,以上对中俄跨境电商发展的推动作用不可小觑。

2. 跨境物流。

中国目前从事对俄罗斯物流运输的企业数量已有百余家,如中俄快递、中俄国际、俄速通等物流企业对俄罗斯跨境物流运输都已初具规模。中国对俄跨境物流运输模式主要有中俄国际快递、中俄航空专线运输、在国内边境建立边境仓或者在俄罗斯境内设立海外仓等方式。首先是由邮政系统运营的“邮政系”对俄罗斯跨境物流运输服务是近两年中俄跨境物流运输的主要方式,专供面向俄罗斯的中小型跨境电商,特点是成本低但运输周期长,俄速通是国内对俄罗斯邮政货运代理中的佼佼者。其次是国内部分面向俄罗斯的跨境电商平台企业拥有俄罗斯跨境物流运输专线,特点是运输速度快周期短但费用高昂。目前国内大约有十余家拥有俄罗斯专线的跨境电商物流企业,典型代表为出口易、递四方。此外,由于俄罗斯跨境电商市场市场潜力巨大,中国跨境电商企业正积极探索新型的跨境物流模式,尝试在中国边境设立边境仓或在俄罗斯境内设立海外仓以提高对俄的跨境物流运输效率。

3. 产品结构。

中俄跨境电商产品结构主要以轻工产品为主。俄罗斯经济结构单一,其经济发展高度依赖于本国石油、天然气等能源的出口,是典型的资源依赖型国家,其本土制造业基础十分落后,无法满足本国消费需求,因而俄罗斯不得不从国外大量进口机电产品、木材、农副产品等。俄罗斯消费者通过中国跨境电商平台最常购买的商品主要为服装鞋帽、儿童用品、消费类电子产品、家居用品、美容化妆品等。

(二) 中蒙跨境电子商务现状。

目前蒙古国信息化指标达到亚洲前十强,人均电脑拥有率达到70%,蒙古国对网络购物的需求日益迫切,蒙古国市场对中国产品的需求,发展对蒙的跨境电子商务必将对我国对外贸易额与贸易值起到有力的拉升作用,中蒙跨境电商发展势头良好。当前,首个中蒙跨境电商一站式购物平台“城市商店”蓬勃发展,平台国内合作企业已超过1000家,与蒙古国多家银行签订了金融支付协议,成为蒙古国的全方位购物网站,该平台为中蒙跨境贸易开拓新的渠道,对中蒙的贸易往来也起到积极的作用。

1. 支付情况。

“城市商店”现已与蒙古国的郭勒了蒙特银行、罕银行、TDB 银行、肯特银行、乌兰巴托银行等各大银行签订在线支付协议,蒙古国全境银行卡可以在“城市商店”便捷支付购买商品。支付方式主要是网银,并且“城市商店”已与蒙古国国家银行签订战略合作协议,一起研发蒙古国网上交易担保平台,类似我国支付宝,建成后将填补蒙古国没有网上金融的空白。

2. 物流配送情况。

在国内物流主要走第三方物流公司，如邮政、EMS、中铁快运等，在蒙古国有自己的物流体系，在乌兰巴托市有自己的物流公司，城市商店90%的订单在乌兰巴托市，可以通过配送系统把货物送达到我国二连口岸。

3. 产品结构。

中蒙跨境“城市商店”电子商务平台，该跨境平台用新蒙文为文字载体在蒙古国上线使用，属于出口跨境电商企业。主营产品各类有：数码、服装、家电、母婴用品、时尚、家居、工程机械、建材，是蒙古国目前最大的全方位购物网站。

二、中蒙跨境电子商务发展存在的问题。

目前，中、蒙、俄跨境电商平台正处于初期阶段，小部分企业开展跨境电商服务平台，但基础还很薄弱，在通关、支付结汇、退税、物流速度、以及跨境电商专业人才等服务制度体系仍不完善。

（一）中蒙俄跨境电商服务制度体系不完善。

1. 通关、结汇、退税难

随着跨境电商贸易向小批量方向发展，货物出口难以快速通关、规范结汇，享受退税等问题更加的明显。据调查显示，跨境电商小额零售通常以网上下单、邮寄私人物品的方式运送，因此很有可能出现不能正常报关、结汇和退税的现象。

俄罗斯海关人员配备不足和口岸基础设施落后，因此通关时间长，大量包裹积压在海关。在进口过程中，存在以非法进口渠道逃避海关监管，以及进口商品品质难以鉴别和消费者权益得不到保障等问题。

中蒙跨境电商平台由于通过该跨境平台的出口货物报关以货物方式，即货物需要通过在海关监管场所进行安检、申报、查验，给海关带来了较大的工作量，而且通关时间较长。该平台没有直接接入地方海关、税务和人民银行外汇监管系统，使该平台出口数据不能直接在这些部门中反映出来，所以通关手续较为繁琐，不能简化通关手续和享受相关的税收减免政策，遏止了出口企业出口的积极性。

2. 跨境支付速度慢、周期长。

目前，俄罗斯仍然是一个主要使用现金交易的国家，信用卡的使用频率较低。而且，还有许多俄罗斯人的信用卡不能用于网上支付。即使用户愿意办理信用卡网上支付功能，也必须通过银行复杂繁琐的安检程序。目前，资金回笼慢、周期长已成为困扰中俄跨境电商的主要问题，增加了跨境电商的运营困难。

目前，中蒙两国贸易结算体系仍不畅通、金融服务滞后是一直成为区域经济合作加深的制约因素和瓶颈。虽然近几年两国在金融合作方面一定的努力，如2009年，中国二连浩特市的4家银行和蒙古国的14家商业银行建立了24个

账户行关系；2011年中国人民银行和蒙古国中央银行签署了首个双边本币互换协议，但是双方支付结算业务开展仍然滞后，无法满足两国贸易结算需求。

3. 跨境物流成本高、配送速度慢。

在对俄罗斯跨境电商业发展中的物流是基础条件。跨境物流的配送在运输和存储方面比国内要复杂。因此，配送费用会高出商品成本约20%。俄罗斯国土面积较大，基础设施建设不完善、网络物流信息、邮政分检以及投送等发展滞后，导致货物经常大量积压，包裹的运送时间较长，配送人员匮乏，因此也就限制了跨境电子商务在俄罗斯的发展。

中蒙边境地区的基础设施建设比较薄弱，交通设施“通而不畅”现象直接制约中蒙跨境电商的合作发展。蒙古国自然环境较差，大部分矿物开发区没有现代意义上的水电系统，基础设施（如公路、铁路等）无法与我国相比。目前，中国和蒙古之间只有一条单轨铁路承担双方的所有贸易运输量，这条铁路从中国二连浩特出发经过蒙古国首都乌兰巴托。因此，运输问题是蒙中边境贸易物流面临的一个大问题。

（二）中蒙俄跨境电商专业人才匮乏。

在俄罗斯近年来的经济发展过程中，电子商务类的人才匮乏导致了俄罗斯电子商务行业发展缓慢。大多数俄罗斯群众不能正确的认识电子商务，使得对俄跨境电商发展受到限制。一些发展电子商务的俄罗斯企业也因缺少这方面的人才而错失了许多的机会和发展空间。同时，电商人才缺少定期的培训课程和学习，信息不对称等情况时有发生。

由于中蒙跨境电商平台是专门对蒙古国的出口跨境电商，客服需要即会蒙语还得具备蒙文文字书写能力的人才，目前当地会蒙语的人员较多，但会写新蒙文的人员较少，且会书写蒙文的人才中懂电商知识的人才几乎没有。

三、加快中蒙俄跨境电商发展的应对措施。

近几年，随着俄罗斯和蒙古国跨境电商市场不断扩大，中国、蒙古国和俄罗斯的跨境贸易也从传统模式转变为电商模式，为三国企业发展提供新的销售方式。目前，中蒙俄跨境电商还存在着一些制约因素，因此我国对蒙对俄跨境电商企业应短期规避风险，长期布局经营，不断完善，培养对蒙和对俄跨境电商专业人才以补市场的空缺和不足，促进中蒙俄跨境电商经济快速发展。

（一）完善服务制度体系。

传统企业的成功转型，不仅能推动企业经济的增长，还能更好的推动我国自主跨境电商平台的成长。通关手续的简化，使货物在短时间内更好的流通，加强监管力度有利于保障消费者的权益。物流配送时间缩短，和免税政策有利于增加消费者的购买欲。

1. 简化通关手续, 加强监管力度。

落实大通关政策, 要依托电子信息化的发展, 加速我国电子口岸平台的建设和完善, 推进国际贸易的“单一窗口”促进通关便利化。数据平台的建设同样能够大幅度提升我国对于整体贸易过关数据的掌握和有效利用, 推动数据在服务与监管方面自由流转。三国边境地区海关方面的合作也会进一步促进通关便利化。应当积极落实三国签署的框架协议, 开展三方的海关合作, 共同监管, 信息互换, 执法互助, 统一推进数据电子的传输。

2. 建立中蒙、中俄跨境支付结算便利体系。

为中蒙俄三国跨境电商在中蒙俄贸易中获得更大的发展, 必须加快中蒙俄跨境支付结算体系向便利化方向的推进。首先, 提高我国跨境支付的对外开放度, 放宽外汇账号的申请, 提高外汇结算额度, 简化外汇结算程序, 降低跨境支付和结算难度。其次, 加强中蒙俄电商企业、金融机构以及第三方支付服务机构的合作, 积极开拓跨境电商在线支付服务功能; 针对蒙古和俄罗斯消费习惯用现金支付的情况, 中蒙、中俄应积极向蒙古国和俄罗斯消费者大力宣传推广线上支付或信用卡支付便捷的特点, 推广电子支付。

3. 推动基础设施建设, 深化交通物流体系合作。

为解决物流对中俄跨境电商的阻碍, 加强中俄跨境物流基础设施建设迫在眉睫。中蒙俄三方应从交通物流合作做起, 规范跨境运输相关协定和原则, 加强监管力度, 减少运输过程中非物理障碍, 提高检查核实技术水平, 从而提升两国运输能力。一方面, 可以利用大数据和物联网技术, 搭建现代化的跨境物流信息平台, 对通过跨境电商出口到蒙古和俄罗斯产品的物流信息进行统一管理和跟踪, 从而可以实时掌握产品在运输途中全程的物流信息。另一方面, 要加强跨境物流模式的创新, 通过设立“海外仓”和“边境仓”等新型跨境物流模式, 为我国跨境电商出口企业提供境外仓储管理服务, 加快通关速度, 提高物流效率。

(二) 培养对蒙、对俄跨境电商专业人才。

随着互联网经济的快速发展, 时代的更替和独特的地理优势, 我国对蒙和对俄跨境电商业迅速发展, 蒙语、俄语电商人才的极度短缺已开始影响跨境电商企业的发展。如何把握机遇, 改革人才培养方案与策略, 达到满足市场需求已是当务之急。

1. 加强语言能力, 培养电商技能。

在俄语实践教学, 应增加电子商务类课程, 加强培养学生对网络营销和跨境电商平台操作的能力。对蒙古族学生和蒙授的学生教授电子商务及电商技能相关课程, 培养电商技能就是加强学生对网络运营平台、平台的规则、客服服务、运营程序和用户习惯等方面的了解与掌握。学生们可以通过蒙语和俄语网站获取需要的信息, 有利于语言应用能力的提升。

2. 建设校内外实习基地。

校内外实习基地是学校实践教学最佳途径之一。学校通过考察与校企合作企业签订实习协议, 实习生到企业参加整体培训, 了解和掌握有关跨境电商平台的基本操作、网络营销技巧和客户服务等。现如今, 我国大多数高校所使用的蒙语和俄语教学课本还以统编的教材为主, 教学内容古板、缺乏灵活性与企业要求脱节, 所学的蒙语和俄语不能真正作为一种实践工具。因此, 在教学中应注重培养学生实践能力并建设实习基地。

五、结语。

跨境电商是对传统国际贸易的一种创新, 具有节约交易成本、提高贸易效率、不受地域限制等传统外贸无法比拟的优势, 现正以无法阻挡的强劲态势高速发展, 成为外贸领域新增长点。于消费者而言, 可通过跨境电商平台随时随地进行跨境消费而不受地域限制, 使得蒙古国和俄罗斯消费者的消费需求得以满足; 于国家而言, 跨境电商是加深中蒙俄三国经济与贸易合作的有效途径, 通过推动跨境电商在国际贸易中的应用可带动中俄、中蒙双边贸易的增长。因此, 跨境电商对中蒙俄经贸长远发展具有深远意义, 中蒙俄三国政府和电商企业必须牢牢把握住“一带一路”战略为中蒙俄跨境电商发展带来的机遇, 三国共同克服跨境电商在通关服务、支付、物流和人才匮乏等方面的困难, 打造相关跨境电商产业, 推动三国经济关系不断深化。通过改革监管体制, 改善中蒙俄跨境电商发展环境, 加强跨境电商专业蒙语和跨境电商专业俄语复合型人才培养等措施, 提高中蒙俄三国贸易质量, 中蒙俄跨境电商必将迎来新一轮的发展高峰。

参考文献

1. 米军, 李娜. 中蒙俄经济走廊建设: 基础、挑战及路径[J]. 亚太经济, 2018(05): 5-12+149.
2. 汤晓丹. 中蒙俄经济合作走廊建设的现状及前景分析[J]. 对外经贸实务, 2017(06): 18-21.
3. 肖文辉, 赵明. 对二连浩特口岸跨境电子商务产业发展探析[J]. 北方金融, 2017(05): 55-58.
4. 吴彦艳. 中俄跨境电子商务发展现状及SWOT分析[J]. 对外经贸, 2016(10): 40-43.
5. 陈晨. 中俄跨境电子商务发展研究[J]. 中国商论, 2016(25): 91-92.
6. 红梅. 二连浩特跨境电子商务现状的调查与分析[J]. 北方金融, 2016(07): 90-91.
7. 隋昕禹. 中俄蒙跨境电子商务发展策略分析[J]. 商场现代化, 2016(16): 36-37.

发言稿

尊敬的各位专家、各位学者、各位同仁:

大家好! 我是内蒙古大学满洲里学院姚琨, 今天我很高兴也很荣幸能够在这里和大家一起交流经验和心得。下面我汇报一下我论文的写作背景、写作的基本思路和写作意义。

写作背景。中、蒙、俄三国互为邻国, 近

年来, 经贸合作不断升级。2014年9月11日中蒙俄三国元首首次会晤时, 国家主席习近平提出倡议把我国丝绸之路经济带同俄罗斯跨欧亚大铁路、蒙古国“草原之路”进行对接, 打造中蒙俄经济走廊的倡议, 这个倡议获得俄罗斯和蒙古国的积极响应。随着我国信息技术和“互联网+”的不断发展, 带来中蒙俄跨境电子商务的发展。本论文通过对中蒙、中俄跨境电商发展的基本情况, 存在的问题进行全面深入的分析, 提出应对措施, 以促进中蒙俄跨境电健康发展。

论文思路和内容。论文先从跨境支付、跨境物流和产品结构三个方面分别介绍中蒙、中俄跨境电商发展的基本情况, 随后分析总结了我国对蒙、对俄跨境电商发展中存在的通关难、结税难、退税难, 物流成本高效率慢, 支付周期长和缺少蒙语、俄语电商人才等主要问题, 最后针对存在的问题提出简化通关手续, 建立中蒙、中俄跨境支付结算便利体系, 推动基础设施建设深化交通物流体系合

作和加强培养蒙语、俄语电商人才技能的应对措施, 以推进中蒙俄跨境电子商务产业发展。

论文的研究意义。跨境电商是对传统国际贸易的一种创新, 具有节约交易成本、提高贸易效率、不受地域限制等传统外贸无法比拟的优势, 现正以无法阻挡的强劲态势高速发展, 成为外贸领域新增长点。对于蒙古国和俄罗斯的消费者个人而言, 可通过跨境电商平台随时随地进行跨境消费而不受地域限制, 使得自身消费需求得以满足; 对于国家而言, 跨境电商是加深中俄蒙三国经济与贸易合作的有效途径, 通过推动跨境电商在国际贸易中的应用可以带动中俄、中蒙双边贸易的增长。因此, 跨境电商对中蒙俄经贸长远发展具有深远意义, 中蒙俄三国政府和电商企业应该牢牢把握住“一带一路”战略为中蒙俄跨境电商发展带来的机遇, 三国共同克服跨境电商在通关服务、支付、物流和人才匮乏等方面的困难, 打造相关跨境电商产业, 推动三国经济关系不断深化。

УДК 339.5(510:571)
ББК У428.9(5Кит:2Рос)

Ли Пин,

Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии,
г. Маньчжурия, Китай;
Институт экономики и управления, Юго-Восточный Университет,
г. Нанкин, Китай,
e-mail: ipod_apple@qq.com

Анализ китайско-российской двусторонней торговли с точки зрения Экономического пояса Шёлкового пути на примере торгового города Маньчжурии

Китай и Россия имеют длительную торговлю. В последние годы торговые отношения становятся всё более тесными. Товарооборот между двумя странами растёт из года в год, экономические и торговые отношения продолжают расширяться. Китай и Россия в политической сфере создали механизм регулярных встреч премьер-министров, страны отметили год России в Китае и год Китая в России, создали Шанхайскую организацию сотрудничества, обменялись визитами руководителей высокого уровня. Китайско-российское экономическое и торговое сотрудничество в целом развивалось хорошо, обмены и сотрудничество постоянно растут. В условиях экономического пояса Шёлкового пути мы хотим, чтобы экономическое сотрудничество между двумя странами достигло нового уровня, требуется достичь консенсуса в отношении структуры торговли, информационных коммуникаций, обмена ресурсами, правил торговли и обмена талантами между двумя странами, создать надёжную систему предотвращения рисков.

Ключевые слова: китайско-российская торговля, торговая интеграция, город Маньчжурии, особенности торговли

Li Ping,

The Manchurian Institute of Inner Mongolia University,

Manchuria, China;

Institute of Economics and management, Southeast University,

Nanjing, China,

e-mail: ipod_apple@qq.com

Analysis of the Sino-Russian Bilateral Trade from the Point of View of Economic Belt of the Silk Road for Example, of the Commercial City of Manchuria

China and Russia have long-term trade. In recent years, trade relations have become increasingly close. Trade between the two countries is growing from year to year, economic and trade relations continue to expand. China and Russia in the political sphere created a mechanism of regular meetings of Prime Ministers, the countries celebrated the year of Russia in China and the year of China in Russia, created the Shanghai cooperation organization, exchanged visits of high-level leaders. China – Russia economic and trade cooperation in General developed well, exchanges and cooperation are constantly growing. In the context of the silk road economic belt, we want the economic cooperation between the two countries to reach a new level, it is necessary to reach a consensus on the structure of trade, information communications, exchange of resources, rules of trade and exchange of talents between the two countries, to create a reliable risk prevention system.

Keywords: Chinese-Russian trade, trade integration, city of Manchuria, features of trade

丝绸之路经济带视角下中俄十年双边贸易分析 ——以满洲里口岸为例 李萍¹

摘 要: 中俄两国交往历史悠久, 情谊深厚, 近些年互贸关系日益紧密, 两国的贸易额在逐年攀升, 经贸关系不断深化, 经济开始升温。中俄两国在政治上建立总理定期会晤机制, 互办国家年, 建立上海合作组织, 高层领导人互访频繁, 中俄经济贸易合作总体发展态势良好, 交流合作频繁活跃。在丝绸之路经济带建设环境下, 想要两国经济合作上新台阶, 要在两国贸易结构、信息沟通、资源共享、贸易规则、人才交流等方面达成共识, 辅以完善的贸易服务体系和健全的风险防范体系保障。

关键词: 中俄贸易, 贸易结合度, 满洲里口岸, 贸易特点

引言

1949年10月2日, 苏联与中国建交, 是世界上第一个与新中国建交的国家。苏联解体后, 1991年12月27日, 中俄两国在莫斯科签署《会谈纪要》, 确认俄罗斯联邦继承苏联与中国的

外交关系, 是我国的重要政治伙伴。俄罗斯联邦是中国最大的邻邦——双方拥有的共同边界线达四千三百多千米, 也是我国的重要贸易伙伴。中俄边境贸易历史悠久, 但是由于贸易关系中存在着固有的一些差异与问题, 随着丝绸之路经济带的建设, 中俄两国的贸易发展均存在着较大的发展空间, 双方经贸还需要进一步加深。

一、世界经济十年发展分析

金融危机过后的十年, 世界经济向好的趋势发展, 但是仍然缺乏稳固基础, 经济回暖程度低, 经济活力不强, 未呈现强势的增长姿态等问题, 世界贸易的恢复将是一个长期的工作^[1]。世界经济将长时间处于一种低速增长的新常态下^[2]。通过表1数据, 分析1991年到2017年世界经济发展状况, 尤其2008年以后, 世界产出平均增长率在2.5%左右, 也印证了薛安伟^[1], 陈文玲^[2]等人的论述——世界经济在缓慢中复苏。

近十年中国经济在世界范围内产生越来越重要的影响。2008年以来中国占世界GDP比重平均在7%左右, 中国对世界经济增长的贡献率均在30%以上。尤其是“一带一路”国际合作的开展, 迄今为止带动了世界上100多个国家和地区的经济发展, 更会给中俄经济发展提供更一大契机。

¹ 内蒙古大学满洲里学院 俄罗斯研究中心 内蒙古自治区 满洲里市 021400。东南大学 经济与管理学院 江苏省 南京市 211189。

表1 世界产出增长率变化1991-2017年¹

单位: (%)

国家或地区	1991-2000	2001-2008	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
世界	2,9	3,2	1,5	-2,1	4,1	2,8	2,2	2,3	2,6	2,6	2,2	2,6
美国	3,6	2,5	-0,3	-2,8	2,5	1,6	2,2	1,7	2,4	2,6	1,6	2,1
俄罗斯	-4,7	6,8	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,5	1,3	0,7	-2,8	-0,2	1,5
中国	10,6	10,9	9,7	9,4	10,6	9,5	7,9	7,8	7,3	6,9	6,7	6,7

俄罗斯经济在1998年金融危机后到2008年出现了一个复苏到繁荣的增长时期, 2008年的世界金融危机结束了这个增长阶段, 随后几年走出了“V”形趋势, 如图1所示。经历2009年谷底之后的三年经济保持增长势头。不过好景不长, 2013年开始俄罗斯经济出现衰退迹象。2015年又出现一个小“V”, 使得俄罗斯经济萧条迹象明显^[3]。2016年下半年以来, 俄经济好转, 2017年出现了1.5 %左右的小幅增长。

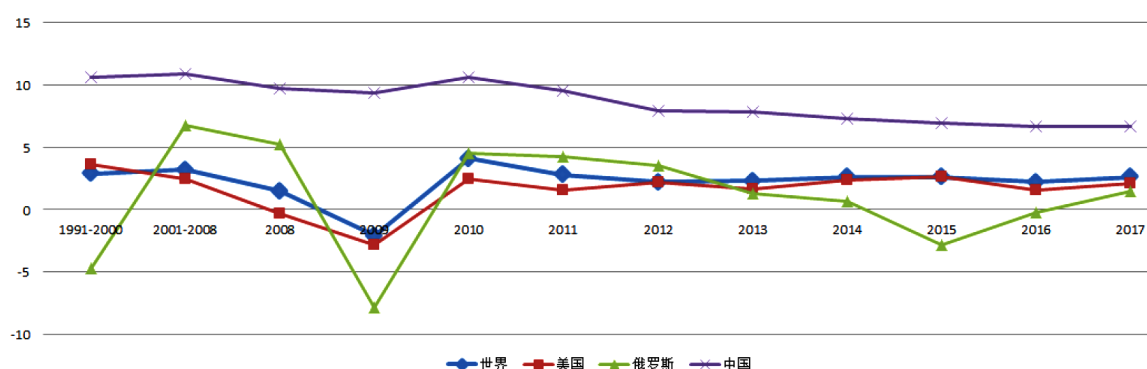

图1 世界产出生产率变化 (Fig. 1. World productivity change)

二、中国与俄罗斯联邦十年贸易总量与关系变化

近十年来, 中俄两国互为双方最重要的贸易伙伴之一。2015年中国对俄罗斯进出口总量在中国对外贸易的世界地区中排名16位; 2016年上升3名, 为13位; 2017年又上升为11位。中国在俄对外贸易中的比重也在上升, 已然成为俄罗斯第一大贸易伙伴。

表2 2008-2017年中俄货物进出口情况²

单位: 亿美元

年份	进出口合计		出口		进口	
	进出口金额	同比增长	出口金额	同比增长	进口金额	同比增长
2008	568,305	18,02	330,054	--	238,251	--
2009	387,967	-31,83	175,138	-46,9	212,830	-10,7
2010	554,488	43,12	296,125	69,1	258,363	21,4
2011	792,656	42,75	352,400	23,9	440,256	73,3
2012	881,580	11,26	440,575	13,4	441,005	9,9
2013	892,127	1,21	495,945	11,2	396,179	-11,3
2014	952,945	6,76	536,958	8,27	418,994	5,76
2015	680,265	-28,61	347,966	-35,20	332,298	-20,7
2016	691,251	1,6	370,835	6,57	320,416	-3,58
2017	843,423	22,0	430,154	16,0	413,270	28,98

¹ 数据来源: 联合国贸易和发展会议 (UNCTAD) 贸易和发展数据库, 由笔者整理。

² 数据来源: 联合国贸易和发展会议 (UNCTAD) 国际贸易数据库和中华人民共和国海关总署统计数字。由笔者整理计算。其中美元对人民币平均汇率以2014年1美元=6.1408人民币, 2015年1美元=6.2141人民币, 2016年1美元=6.6423人民币, 2017年1美元=6.7518人民币计算。

从进出口总量来看,根据中华人民共和国海关总署和联合国贸易和发展会议(UNCTAD)发布的统计数据分析可以看出近十年来中俄贸易经历了三个时期的发展。

第一阶段为2008-2012年,全球金融危机,经济动荡时期。通过图1可以看出,在2008年之前,虽然世界经济总体走势不甚良好,但是俄罗斯本国经济发展一直在世界平均水平之上,中俄贸易增长迅速,到2008年中俄两国贸易规模已经达到了568,305亿美元,在中国对外贸易总额中占到了2,22%。受金融危机影响,2009年两国贸易额骤降到387,967。但仅仅经过一年的负增长,2010年两国贸易就基本恢复到了金融危机之前。之后的两年两国贸易增速都在两位数以上,2011年两国贸易额同比增长42,75%,2012年同比增长11,26%。2012年中国对俄贸易总额占中国对外贸易总额的2,28%,远超金融危机之前两国的贸易规模。

第二阶段为2013-2015年,两国贸易增速放缓,再次动荡时期。在这个时期前两年两国贸易在稳定中缓慢增长。但是2014年下半年卢布被血洗,2015年国际经济不景气,国际油价跌破40美元,俄罗斯本国经济十年来首次出现负增长等诸多因素影响,2015年中俄进出口贸易总量下跌28,61%,为680,265亿美元。

第三阶段为2016年-2017年,俄经济复苏,两国互贸形势乐观阶段。通过表2数据分析,2016年虽然两国贸易总量只增加了10,986亿美元,也看到了两国互贸的向好势头,中国

向俄罗斯出口同比增加了6,57%。2017年两国贸易又进入两位数字时代,增速达22,0%。2018年前两月中俄两国进出口总量累计为157,651亿美元,同比增长为36,85%,势头良好。

三、 中俄贸易结合度实证分析。

贸易结合度是一个比较综合性的指标,用来衡量两国在贸易方面的相互依存度。贸易结合度是指一国对某一贸易伙伴国的出口占该国出口总额的比重,与该贸易伙伴国进口总额占世界进口总额的比重之比。其数值越大,表明两国在贸易方面的联系越紧密。贸易结合度的计算公式如下:

$$TCDab = (Xab/Xa) / (Mb/Mw) \quad (1)$$

式(1)中,TCDab表示a国对b国的贸易结合度,Xab表示a国对b国的出口额,Xa表示a国出口总额;Mb表示b国进口总额;MW表示世界进口总额。如果TCDab>1,表明a,b两国在贸易方面的联系紧密,如果TCDab<1,表明a,b两国在贸易方面的联系松散。根据式(1),以及需要的数据,计算中国对俄罗斯的贸易结合度指数,如图2所示。中国对俄罗斯的贸易结合度在2007年的时候一度增长到1,66,但2009年跌至1,08。之后几年中中俄两国贸易结合度一直在波动中缓慢增长,到2017年增长到1,41。虽然期间有起起伏伏,在波动中上升,但是中国对俄罗斯贸易结合度指数一直>1,通过指数可以看出中国对俄罗斯在贸易方面联系密切,是俄罗斯经济上重要的战略合作伙伴。

图2 中俄十年贸易结合度

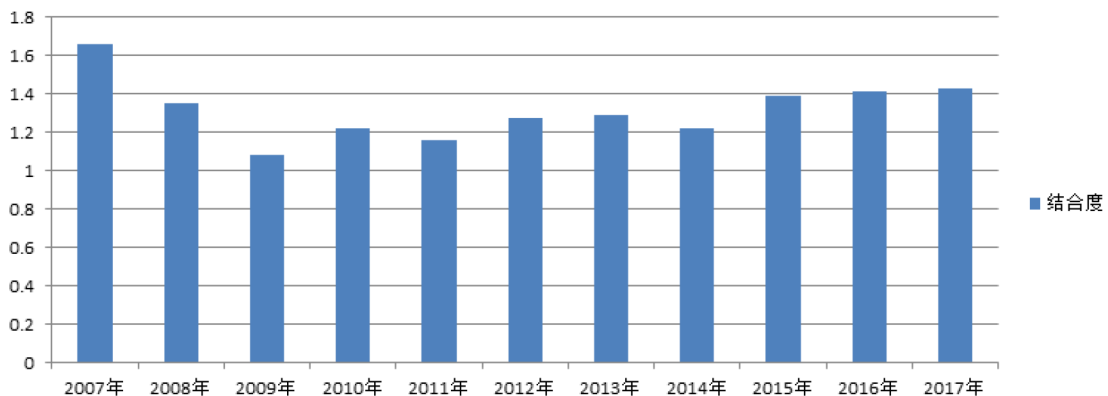

图2 中俄十年贸易结合度 (Fig. 2. Ten-Year Trade Integration between China and Russia)

中国自2001年加入世贸组织以来,中国进口来源国变多,国别的选择更广泛,选择的空間也更大,所以俄罗斯对中国的贸易结合度比较松散,一直贸易结合度指标都在1以下。但随着近两年两国贸易加深,指标有小幅反弹,中国成为俄罗斯很有潜力的出口伙伴国家。

四、 满洲里海关中俄边贸易进出口总量分析。

中国和俄罗斯贸易基本上是以陆路口岸为主。满洲里口岸成立于1992年,是目前我国对俄贸易规模最大的陆路口岸。满洲里海关地处亚欧大陆桥的要冲,是中国陆路口岸最早成立的海关之一,通过对满洲里海关进出口情况分析,也可以看出中俄贸易的趋势。

表2数据看出中俄贸易在波动中不断提升,通过对满洲里口岸的进出口货物总值数据分

析，近五年来，俄罗斯仍为最大贸易伙伴，但贸易国趋于多元化，但满洲里口岸表现不尽如人意，如表3所示。究其原因一是满洲里最大陆路口岸地位受到威胁，黑龙江对俄口岸的崛起对满洲里口岸是不小的冲击，黑龙江与俄罗斯有3045公里的边境线，有25个开放口岸，其中

绥芬河、黑河、东宁、抚远和珲春五个口岸绝对算上后起之秀，在近几年中俄互贸关系中扮演越来越重要的作用。二是呼伦贝尔地区现除了满洲里口岸还有二卡的阿巴该图口岸，室韦的奥洛契口岸和额尔古纳铁路口岸等，也分散了满洲里口岸的部分货运任务。

表3 满洲里海关进出口情况¹

单位：亿元人民币

年份	进出口货物总值	同比增长 (%)	出口总值	同比增长 (%)	进口总值	同比增长 (%)
2017	333,4	23,2	110,5	-1,6	222,9	23,5
2016	318,7	5,8	112,3	8,2	206,4	4,5
2015	301,2	-2,1	103,8	-1,0	197,4	-2,6
2014	306,8	-5,3	104,8	8,0	202,0	-12,4
2013	332,7	-10	96,6	-3,9	236,1	--

表4 中国出口俄罗斯增速较快商品

2017年出口增速最快的五种商品			2016年出口增速最快的五种商品		
序号	品种	增速百分比	序号	品种	增速百分比
1	汽车	252,7	1	汽车零配件	97,3
2	机电产品	80,2	2	纺织纱线、织物及制品	60,1
3	蔬菜	46,0	3	鲜、干水果总价	41,1
4	含有菱铁矿、白云石或铬铁矿的制品	36,1	4	钢材	30,8
5	钢材	9,0	5	服装及衣着附件	13,2
2015年出口增速最快的五种商品			2014年出口增速最快的五种商品		
序号	品种	增速百分比	序号	品种	增速百分比
1	通断保护电路装置及零件	3,5倍	1	箱包及类似容器	6倍
2	体育用品及设备	119,7	2	服装及衣着附近	172,1
3	鲜、干水果总价	28,2	3	纺织纱线、织物及制品	10,6,5
4	塑料编织袋	19,4	4	汽车零件	102,6
5	变压器	12,1倍	5	蔬菜	42,9

对满洲里口岸过境商品具体分析，可以看出中俄互贸有以下几个特点：

1. 我国对于俄罗斯出口的商品大多还是劳动密集型产品和农副产品为主，从俄罗斯进口的商品多为资源类商品。

表4可以清楚看出，包含蔬菜和水果在内的农产品出口近几年增速普遍比较快。近两年来蔬菜出口的数量有所下降，但是出口总价值在上升，通过这一点也可以看出我国出口商品质量在不断提高。纺织纱线、织物及制品、服装及衣着附件等劳动密集型产品增速明显。我国从中国制造到中国创造之路必将艰难而曲折。

通过表5数据，也可以清晰的看出，我国从俄罗斯进口多是原木，原油，锯材等资源类商品。值得一提的是，2017年，满洲里口岸中俄互市贸易进口1,8亿元，增长1倍，占同期关区进口总值的0,7 %。这让我们对两国的互市贸易活动有更多的期待。

2. 从出口货物方式上来说：一般贸易方式占主导地位，边境小额、进料对口、物流中心进出境货物等增速明显。2017年满洲里口岸出口总额为110,5亿人民币，其中一般贸易方式为76,9亿元人民币；2016年满洲里口岸出口总额为112,3亿人民币，其中一般贸易方式为65,3亿人民币；2015年满洲里口岸出口总额为103,8亿人民币，其中一般贸易方式为65,6亿人民币；2014年满洲里口岸出口总额为104,8亿人民币，其中一般贸易方式为63,1亿人民币。一般贸易方式的主导地位在一段时间内不可撼动。

3. 从出产终国看，俄罗斯为最主要的贸易国家，但是趋于贸易国多元化。2017年满洲里海关与世界上85个国家和地区开展进出口贸易活动，其中对蒙古、英国、巴西、泰国等国家的贸易增速明显。

¹ 数据来源：中华人民共和国海关总署统计数字和满洲里海关统计数字。由笔者整理计算。

表5 中国从俄罗斯进口增速较快商品¹

2017年进口增速最快的五种商品			2016年进口增速最快的五种商品		
序号	品种	增速百分比	序号	品种	增速百分比
1	煤炭	7,6倍	1	未锻轧铝及铝材	1,8倍
2	汽车	43,1	2	汽车	1,3倍
3	锯材	24,7	3	纸浆	50
4	铅矿	19,5	4	原油	30,7
5	原木	4,5	5	锯材	30,1
2015年进口增速最快的五种商品			2014年进口增速最快的五种商品（1-6月）		
序号	品种	增速百分比	序号	品种	增速百分比
1	粮食	125倍	1	初级形状的塑料	17,4倍
2	汽车	70,7倍	2	原油	45,8
3	食用植物油	25,2倍	3	铅矿砂及其精矿	24,2
4	铜矿砂及其精矿	6,1倍	4	原木	19,8
5	原油	136,8	5	锯材	14,28

五、中俄贸易关系的挑战与机遇。

2017年两国领导人签署了《中俄关于进一步深化全面战略协作伙伴关系的联合声明》，批准了《中俄睦邻友好合作条约》的实施细则。无论是政治环境还是经济环境对两国的双边贸易都是向好的。通过以上数据我们不难看出，中俄贸易事态向好，两国贸易量逐年增加，贸易结合度不断深化，随着贸易不断深入，以下问题也凸显出来。

（一）不合理的贸易结构影响健康中俄贸易。

国内学者万永坤通过贸易潜力指数进行实证分析得出近十年中双方贸易存在过度贸易状态，说明双方贸易合作中长期存在结构性失调问题^[4]。通过本文上面的图表也可以分析出，我国对俄罗斯出口的大部分是农副产品或劳动密集型产品等初级产品，这些产品的出口依赖于俄罗斯本国的经济状况，并且随着我国劳动力价值的上升，初级产品的竞争力与东南亚的某些国家相比在下降。表4、表5中发现我国从俄罗斯进口的商品大多是资源类商品。这类商品有一个特点就是不可再生，这使得俄罗斯以能源产品为主要出口的贸易方式难以持久，加上我国近年奉行节能减排，开发使用新能源等措施，对俄的原燃料需求呈下降趋势。两国要在互贸活动中有更积极的表现，现阶段的贸易结构势必要进行调整。

（二）繁琐的办事流程，不一致的贸易规则制约着中俄贸易的发展。

中俄签订的“欧亚经济联盟”与“一带一路”合作宣言给两国的互贸活动指明了方向。但是两国在关税政策、通关流程、检验检疫标准、贸易规则等方面不一致，审批手续繁琐，税收制度不同等原因，使两国互贸活动效率低下，尤其在对俄项目投资方面表现更是明显，增加了投资风险和投资成本。

（三）不完善的法律保障及不健全的风险防范体系使得中俄贸易安全环境存在威胁。

2013年乌克兰危机加上欧美国家对俄罗斯的经济制裁，使得卢布汇率大幅度波动，致使2015年俄罗斯进出口贸易受到重创，中俄互贸也没有幸免。中俄双边贸易摩擦中大部分都与互贸结算问题有关。这些问题的产生均指向一个原因，两国之间没有建立健全经济风险防范体系。中国法律体系已经初步建成，但是仍然需要发展和完善，加上两国法律体系不同，使得互贸活动产生分歧时无法可依的情况产生。

虽然中俄在互贸活动中还有诸多问题，值得欣慰的是，两国都在不断努力，积极进行“转型”。通过丝绸之路建设大环境，在简化贸易流程，完善贸易服务体系，提高服务效率，完善法律保障，健全风险防范体系，加强仲裁管理，减小文化阻力，促进边贸合作，加强沟通协作等诸多方面进行着有益尝试。

参考文献

1. 上海社会科学院世界经济研究所宏观分析组，薛安伟. 复苏向好的世界经济：新格局、新风险、新动力——2018年世界经济分析报告[J]. 世界经济研究, 2018(01):3-19+134.
2. 陈文玲，颜少君. 2015—2016年世界经济形势分析与展望[J]. 全球化, 2016(01):6-27+133.
3. 2017年：俄罗斯经济能否走出危机[J]. 欧亚经济, 2017(01):1-65+125+127.
4. 万永坤. “丝绸之路经济带”建设视域下的中俄贸易合作潜力分析[J]. 兰州大学学报(社会科学版), 2017, 45(02):139-145.

¹ 数据来源：中华人民共和国海关总署统计数字和满洲里海关统计数字。由笔者整理计算。

УДК 339.5
ББК У5

Шао Инцзе,

Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии,
г. Маньчжурия, Китай

Анализ развития торговой зоны «Маньчжурия – Забайкальск»

Для того чтобы углубить соответствующие взгляды государства на развитие открытой экспериментальной торговой зоны, перенявшей Яньбянь-Корейского автономного округа, мы будем продолжать углублять строительство экономического пояса Шёлкового пути, опираясь при этом на статус-кво развития Маньчжурско-Забайкальской китайско-российской приграничной торговой зоны. Для этого важно пользоваться историческими возможностями, постоянно внедрять инновации в экспортные пути приграничных районов, учитывать особенности регионального экономического развития, проводить исследования в китайско-российской Маньчжурско-Забайкальской приграничной торговой зоне для дальнейшего содействия политико-экономическому и культурному развитию приграничных районов.

Ключевые слова: китайско-российская приграничная торгово-промышленная зона, развитие экспортных возможностей

Shao Yingjie,

The Manchurian Institute of Inner Mongolia University,
Manchuria, China

Analysis of the Development of Shopping Areas “Manzhouli – Zabaikalsk”

In order to deepen the relevant views of the state on the development of an open experimental trade zone based on the experience of the Yanbian-Korean Autonomous district, we will continue to deepen the construction of the silk road economic belt, while relying on the status quo of the development of the Chinese-Russian Manchurian-Transbaikal border trade zone. To do this, it is important to use historical opportunities, constantly introduce innovations in the export routes of border areas, take into account the peculiarities of regional economic development, conduct research in the Chinese-Russian Manchurian-Transbaikal border trade zone to further promote political, economic and cultural development of border areas.

Keywords: Chinese-Russian border Trade and industrial zone, development of export opportunities

浅谈中俄满洲里—后贝加尔斯克边民互市贸易区的发展

邵迎捷 内蒙古大学满洲里学院 俄语系

摘 要: 为深入落实国家关于延边重点开发开放试验区的有关意见, 不断深化丝绸之路经济带建设, 立足中俄满洲里—后贝加尔斯克边民互市贸易区的发展现状, 抓住历史机遇, 不断创新边境地区出口方式, 结合区域经济发展特点, 开展中俄满洲里—后贝加尔斯克边民互市贸易区研究, 以进一步促进边境地区政治经济文化往来, 助力边境地区经济建设。

关键词: 中俄边民互市贸易区 出口 机遇发展

一、边民互市贸易区概述。

边民互市贸易地区边民在我国陆路边境20公里以内, 经政府批准的开放点或指定的集市上、在不超过规定的金额或数量范围内进行的商品交换活动。开展边民互市贸易应符合以下条件: 一是互市地点应设在陆路、界河边境线附近; 二是互市地点应由边境省、自治区人民政府批准; 三是边民互市贸易区(点)应有明确的界线; 四是边民互市贸易区(点)的海关监管设施符合海关要求。这种经批准的开放点或指定的集市即为边民互相贸易区(点)。

我国边境地区的居民和对方国家边民可进入边民互市贸易区(点)从事互市贸易。边境地区居民携带物品进出边民互市贸易区(点)或从边境口岸进出境时, 应向海关如实申报物

品的品种、数量和金额,并接受海关监管和检查。我国边境地区的商店、供销社等企业,如在边民互市贸易区(点)设立摊位,从事商品交换活动的,按照边境贸易(包含边民互市贸易、边境小额贸易)进行管理。

自1992年以来,国务院相继在满洲里市、东兴市、东宁县、黑河市等地区批准建立了边民互市贸易区,对活跃地方经济、兴边富民起到了积极作用。由于各地边境地区的实际情况不同,其发展具有各自的特点。例如,东兴边民互市贸易区辟建海产品绿色通道,致力于高新科技产业的发展;东宁边民互市贸易区出台优惠政策,积极吸引港商入驻贸易区;黑河边民互市贸易区扩大区域范围,吸引人流、物流,推动“两国一城”建设实现互利双赢。

二、中俄满洲里—后贝加尔斯克边民互市贸易区发展

(一) 中方一侧。

满洲里—后贝加尔斯克互市贸易区(以下简称“互贸区”)是国务院1992年批准建立的,位于中国内蒙古自治区满洲里市与后贝加尔斯克市镇(俄罗斯后贝加尔边疆区后贝加尔斯克区的行政中心)交界处,批准总面积为20.96万平方米,是首家国家级边民互市贸易区。互贸区中方一侧于1996年建成并试行单方面运营。

互贸区中设立专门的俄方边民进境商品交易区,并建有从事交易的摊位、超市等,封闭式管理;实行边民互市贸易进出商品清单管理制度,制定《边民互市商品目录》,并由内蒙古商务厅或其授权的机关(单位)与满洲里海关适时进行调整。

互贸区从事边民互市贸易的主体为中方边民和俄籍公民(俄方无明确边民定义,中方无法界定俄方边民):俄籍公民可凭有效证件免办签证进入边民互市贸易区;中方边民在互贸区每人每日可进行多次交易,每人每日价值在人民币8000元以下的,免征进口关税和进口环节税;国内旅客经边检和当地公安机关同意,进出边互贸区的,海关可按边境居民携带物品限量掌握。

根据国函〔1996〕32号(国务院关于同意建立中俄满洲里—后贝加尔斯克边民互市贸易区的批复)规定,满洲里市作为边境城市,满洲里市常住人口均应纳入边民管理,凭身份证从事边民互市贸易。目前,俄罗斯尚无针对互贸区的“边民”概念,其边民一般泛指边疆区的居民。在俄罗斯海关署2007年7月25日第895号令(关于批准使用ATA单证册方法建议的命令)中,基于关境的范畴,为区分“边境运输”与其他运输方式,将“边境地区居民”(жители пограничной зоны)界定为“定居或居住在国家法律规定的长度及范围的、毗邻陆地边界地带的居民”。

目前,除传统边民互市贸易模式,互贸区正积极发展和推广自驾车载运互市贸易商品、

货车载运互市贸易商品的进口模式;出口模式主要为以俄方公民在中国国内或互贸区内采购商品为主,通过互贸区运输出境。

(二) 俄方一侧。

俄方一侧互贸区由于建设资金不足,至今尚未建成。多年来,俄方一侧互贸区建设推进工作经由赤塔州政府到后贝加尔斯克区(后贝加尔边疆区的分区,行政中心为市镇后贝加尔斯克)区政府、后贝加尔边疆区政府的交替,投资主体经由赤塔州国有企业发展集团到俄罗斯莫斯科波多利耶XXI公司(私人公司)的更迭,且已定位为跨境旅游园区,其布局结构、发展方向已存在差异,资金问题至今仍未完全解决。

其历史沿革如下:

1992年5月俄罗斯原赤塔州(于2010年3月1日与原后阿加布里亚特自治区合并成现在的后贝加尔边疆区)国有企业发展集团与我方同步开工建设俄方一侧贸工综合体,在建设了商厅的框架和部分楼房的基础之后便一直停工。

2003年由莫斯科古谢夫设计室完成的《后贝加尔斯克贸工综合体规划设计》,并获得俄联邦相关部门的审批。

2004年8月,俄方开始施工修建8公顷服务区封闭围墙。

2007年,俄罗斯莫斯科波多利耶XXI有限责任公司(ООО «Подолье XXI»)在后贝加尔斯克购置了91公顷土地用于开发建设俄方一侧贸工综合体,当年办理完毕用地手续。

2010年3月,俄方将其一侧贸工综合体的开发建设调整到运输物流与旅游业发展方向上来。

2010年6月,“波多利耶XXI”有限责任公司表示,将同中方投资公司共同出资开发建设俄方一侧旅游休闲、运输物流综合体。

2011年5月,莫斯科“波多利耶XXI”公司根据莫斯科吉普拉果尔设计室(ОАО «Гипрогор»)的设计将俄方一侧贸工综合体更名为《俄罗斯东大门后贝加尔斯克—满洲里跨境旅游园区》(Трансграничный туристический парк «Восточные ворота России: Забайкальск – Маньчжурия»),并在中俄地区旅游合作交流会期间对该项目进行了推介。

2012年11月,在俄罗斯中国旅游年闭幕式(上海)上,该项目得到了俄罗斯国家旅游局的推介。

2012年12月5日,在莫斯科举行的中俄人文合作委员会第十三次会议上,中国满洲里与俄罗斯后贝加尔斯克的互贸区合作模式被列为两国边境地区合作模式之一。

三、互贸区出口业务的发展现状及面临的问题。

鉴于互贸区进口业务已经基本成型,且已逐渐体现出其优势作用。互贸区传统的出口模式虽然对促进边民互市贸易起到了一定作用,但

与进口相比，出口亟需拓展升级。综合分析，出口业务发展面临的问题主要有以下几方面：

（一）中俄双方政策缺乏有效衔接。

由于俄方对应一侧未建成互贸区，制约了互贸区的整体发展，主要表现在：

1. 两国互市贸易不能对等。无法实现双方市场的互联互通，即只有俄方公民来中方一侧购物交易，中方公民不能到俄方一侧去交易，边民互市贸易政策优惠未能最大化。

2. 俄罗斯对中俄互贸区重视程度不够。目前，俄国内缺少针对互贸区的研究，更多的是探讨中俄跨境旅游园区（трансграничный туристический парк）满洲里—后贝加尔斯克自由贸易区（свободная торговая зона Забайкальск – Маньчжурия），后贝加尔经济特区（особая экономическая зона «Забайкалье»）等。

3. 缺乏有效的协调、合作机制。一方面互贸区本身就涉及两国的外交、联检部门交通、政府各部门及机构等，其现有的政策和法规与互贸区的实际需求相差甚远，加大了双方政策协调的难度；另一方面由于对互贸区缺乏整体认识以及对我方政策不了解，或出于保护本国相关产业和经济利益不受损害，对互贸区未达成共识。

（二）现有互贸区出口运营模式落后。

互贸区运营模式仍然以传统肩扛手提的方式进行出口，且尚未形成稳定的商品出口市场。不稳定的出口市场下体现的是人员流动的不稳定，货物来源的分散薄弱，货物种类的单一，质量参差不齐等。目前虽已着手完备互贸区整体功能的基础设施建设，但成效依然体现在进口商品范畴，出口商品的展示交易尚未成型，且对传统俄罗斯公民入区采购、携带出区的模式依赖过重，不能充分发挥互贸区的区位优势。

（三）俄国内对互市商品总体需求不旺。

互贸区商品的出口基本依赖于后贝加尔边疆区居民的需求量和购买力，当前出口贸易量增长起色不大。其原因主要为：

1. 俄居民遭受经济衰退的沉重打击。此次经济衰退始于2015年初，一方面起因于石油价格狂跌，一方面由于美欧对俄罗斯实施经济制裁，导致卢布于2014年年底狂贬，引发物价暴涨，从而严重影响购买力。根据俄罗斯官方数据，2015年9月零售同比减少10.4%，居民购买力跌至15年以来最低水平。

2. 俄后贝加尔边疆区居民收入较低。边疆区经济欠发达，市场相对狭小且与经济发达的欧洲部分距离遥远，市场辐射力有限，且受经济衰退、通货膨胀的影响，居民收入处于较低水平。2016年5月后贝加尔边疆区的人均月收入为22998.2卢布（约2397元），低于全俄人均月收入36200（约3774元）卢布。

3. 俄后贝加尔边疆区面临人口问题。2014年1月，边疆区人口为109万，出生率是死亡率的1.3倍，同2010年的数据相比，人口外流持续增加，外迁移民损失增加了75.2%，人口自然增长难以弥补人口的净流出。而后贝加尔斯克区人口稀少、增长缓慢。截止2011年1月1日，其常住人口为22526人，其中城镇居民11255人，农村居民10844人。2006年人口自然增长93人，2007年—96人（出生323人，死亡227人）；而2008—2010年却减少至28人（出生161人，死亡133人）。

（四）个人行李物品税收政策不稳定。

俄罗斯不断调整居民携带免税商品的政策，如表1所示。税收政策的不稳定直接影响边民可携带商品的数量、货值，直接影响双边边民贸易的发展与中俄双方政策衔接工作的具体落实。

时间	政策依据	限制次数	免税额度	征税标准
2000.02.08	《自然人按简化、优惠程序运送商品出入俄罗斯联邦关境规则》	每人每周	总重量50kg，总价值不超过1000美元	50—200kg总价值不超过10000美元，超出部分按海关估价30%征收关税，每公斤不少于4欧元
2004.01.01	《俄罗斯调整自然人携带入境商品的管理办法》	每人每周	总重量50kg，总价值不超过2200美元	超出同上
2006	《海关法》修订案	每人每月	总重量35kg，总价值不超过 免税包裹不超过5000卢布	超出同上
2010.07.01	《海关法》修订案	次数不限	总重量50kg，总价值不超过1500欧元	超出同上

表1，俄罗斯边贸税收政策修订时间表

（五）互贸区出口商品吸引力降低。

互贸区出口的商品中服装、鞋帽、日用百货、玩具占的比重最大，基本为低端产品，其

竞争力是价格的低廉，而非品牌效应。近年，随着俄罗斯旅客对中高档商品需求逐渐增加，这部分中低档商品已不能满足多层次需求，对低档商品的需求已基本过去。加之，我国国内

原材料和劳动力成本上升,以及俄罗斯市场商品逐渐丰富,出口的商品面临着其他国家同类产品的竞争等不利因素,加快了互贸区的吸引力降低的速度。

(六) 俄罗斯加大整顿市场秩序力度。

根据2006年11月15日俄总理弗拉德科夫签署了第683号《关于俄罗斯联邦境内从事零售贸易经营主体内部使用外国劳务人员的可允许比例》的政府令(简称“禁商令”),从2007年1月1日起,过渡期间,外国务工者将被禁止在俄罗斯从事酒类和药品贸易。2007年第一季度,在俄市场和商亭从事小额零售贸易的务工者中,外国人所占比重不得超过40%。从2007年4月1日起,过渡期间结束,全面禁止外国人在俄从事小额零售贸易。至今,相继有115个大市场被清理,莫斯科切尔基佐沃大市场 and 远东及西伯利亚13个大市场被关闭。致使对俄出口业务萎缩,低端的小额零散商品冲击严重,非法经营情况得到了遏制,互贸区轻工业品出口受到影响。

四、互贸区出口业务拓展的历史机遇。

习近平总书记2014年参加十二届全国人大二次会议广东代表团的审议提出“要继续发扬敢为人先的精神,勇于先行先试,大胆实践探索,在全面深化改革中走在前列”的讲话精神为深入拓展互贸区改革提供了理论指导;根据“一带一路”走向,陆上依托国际大通道,以沿线中心城市为支撑,以重点经贸产业园区为合作平台,共同打造新亚欧大陆桥、中蒙俄、中国—中亚—西亚、中国—中南半岛等国际经济合作走廊的时代背景和地区跨境电商的发展为互贸区的深化改革提供了难得的历史机遇。

(一) 中俄互联网经济极具发展潜力。

中国经济进入新常态,经济增速放缓,结构调整和产业升级进入攻坚阶段。跨境电子商务作为一种新的商业模式和经济形态,对促进经济结构调整、增长方式转变和推动国际贸易将发挥重要作用。在我国传统外贸发展速度放缓背景下,跨境电子商务已成为国际贸易新热点,也成为中国加快转变外贸发展方式的新手段之一。

中俄跨境电子商务的发展,不仅促进中俄双边贸易发展,而且将成为俄经济发展的新动力。俄目前和今后几年最大问题就是如何保持经济稳定和发展。2015年以来,俄政府开始尝试将经济增长动力从能源“三驾马车”(石油、天然气、核电)转向互联网经济、物流与跨境贸易。近年来,我国对俄跨境电子商务发展迅猛,仅2011—2012年,对俄跨境电子商务贸易额就增长8倍。据俄罗斯国际贸易协会的统计数据显示,2014年俄罗斯跨境电子商务交易订单中,中国商品占70%,比2013年增长40%,截止至2016年9月如图1所示,电子商务对俄出口具有绝对的优势,占90%。

2016年G20杭州峰会首次把跨境电商纳入到议程之中,期间俄罗斯非常希望对接中国的跨境电商平台,参与搭建网上丝绸之路。峰会的成果中“决心创新增长方式,为世界经济注入新动力”和“决心重振国际贸易和投资这两大引擎,构建开放型世界经济”必将为整个跨境电商行业以及中俄跨境电子商务发展带来利好。可以说,加快对俄跨境电子商务发展已经成为当前我国跨境电子商务发展的主要方向之一。

(二) 中国品牌产品国际竞争力提升。

近年来,国产商品由于其质美价廉的特点,国际竞争力不断提高。在一份国际市场占有率调查显示,2014年国际市场新增风力发电机的一半需求来自中国,中国金风科技股份有限公司的市场占有率增加了3.8个百分点,达12.8%,一举夺得首位;海尔集团夺得冰箱和洗衣机的国际市场占有率双料冠军;联想集团个人电脑的市场占有率世界第一;海康威视的监控摄像头、天合光能有限公司的光伏电池、格力电器的家用空调等国际市场占有率也居榜首,其他国产商品的市场占有率也都有不同程度的提升。

当前,俄罗斯面临严峻的经济形势,俄消费者购买力明显下降,未来俄消费者将会对价格更为敏感,需求会由高端板块转向中端,而中端板块又转向大众品牌。在收入有限的情况下,俄消费者对欧美商品及奢侈品购买力下降,对物美价廉的中国商品需求迅速增加并将长期持续。可以说,俄经济困局一定程度上,为对俄边贸发展中国品牌商品提供了新的机遇。这种需求与俄“禁商令”的规范贸易秩序,挽救经济损失的目标契合。

(三) 俄互联网采购需求增强。

总体来说,俄罗斯电商发展迅速。2014年俄罗斯B2C电商的增长率为31%,2015年的增长率6.6%,2016年电商交易规模预计将增长5.3%(即增长10亿欧元,约合11.12美元),达到216亿欧元。随着俄国内外不断地加大对电商的投资,仍然极具市场潜力。近年,在网购需求、人数、订单价值方面,未来走势如下:

1. 俄居民网购鞋类、服装需求大幅增长,生活资料消费品需求旺盛。最初排在在线销量前面的是计算机及其配件、书籍、CD/DVD、家电等;2012年发生了较大变化,电子产品及计算机配件占首位(占2012年销售额的22%),而鞋类、服装却聚升至第二位,增长了2.5倍(52亿卢布,占2012年销售额的17%)(Insales.ru);其次增长较快的是IT产品、时尚用品、视频娱乐以及通讯服务等。

2. 俄罗斯国内网购人数的快速增长,并在小城镇和偏远地区普及。2013年俄罗斯网络购物人数达3000万,约占全俄总人口的23%,全俄在线店铺数量已经超过3.9万家。TNS Rus-

sia的资料显示, 2013年在小城镇(人口不超过10万)使用网络人数比例占全俄的40,6 %; 小城镇网购人数每年增长12 %, 高于大城市6-7 %的增幅。2014年俄罗斯共有6900万成年网络用户, 网络购物渗透率达59 %; 手机网络用户逾9200万, 智能手机的购物渗透率达29 %。

3. 俄海关提升境外邮寄商品限值, 促进了跨境订单价值提升。俄罗斯目前尚无针对电子商务商品专门的管理规定, 根据快件、邮递等商品实际进出境的相应渠道, 对境外网购邮寄商品按照一般国际邮件实施海关监管, 在发货之前提交有关申报信息, 根据货值大小办理有关申报手续。具体信息如表1、表2所示。

政调整时间	内容
2010.07.01 以前	限值为10000卢布
2010.07.01	自然人一个月内可自境外免税邮寄1000欧元以下且不超过31公斤的自用物品, 对超出限额的依法征税, 完税价格一般以境外网购商品的增值税发票为准; 商品价值不超过200欧元, 简化程序, 无需申报;

表1, 俄罗斯邮件政策调整时间表

订单值(欧元)	占比百分数(%)
10-100	45
101-500	41
500-1001	11
1001-	3

表2, 俄罗斯2012年客户网购订单调查问卷信息表

我国跨境电子商务中出口商品分布主要集中在服装鞋帽、纺织化纤、数码家电, 均为日常生活用品。从满洲里边贸及互贸区出口的日常生活用品的商品结构和俄邮寄商品订单价值上来说, 与俄罗斯偏远地区居民的网购需求是高度互补的, 有一定的优势。

(四) 中俄边境地区合作步伐加快。

随着“一带一路”战略和俄罗斯远东开发的有效对接, 中俄边境地区合作步伐加快, 中俄跨境旅游区建设正在扎实有效地推进, 为出口业务的深度拓展提供有利时机。具体时间如表3所示。

时间	部门及机构	内容
2011年	莫斯科波多利耶XXI公司	投资的满洲里中俄互贸区俄方一侧的《俄罗斯东大门 满洲里—后贝加尔斯克》旅游园区项目已被纳入俄联邦远东规划建设中
2012年	莫斯科波多利耶XXI公司	获得了旅游园区项目的相关设计预算文件的审批
2013.12.23	俄罗斯联邦文化部	部长梅金斯基签署第2320号部长令, 将《俄罗斯东大门后贝加尔斯克—满洲里》跨境旅游项目纳入《俄联邦境内外旅游发展纲要(2011-2018 年)》, 并要求俄联邦文化部、联邦旅游局及外贝加尔边疆区政府创造有利条件为项目服务, 由文化部副部长马尼罗夫监督部长令的执行情况
目前	斯科波多利耶XXI公司	正在寻求与中方企业合作, 积极筹措资金, 争取早日开工

表3, 俄方跨境旅游区建设时间表

根据项目设计方案, 整个项目将分为四个部分: 第一部分为旅游区; 第二部分为仓储物流区, 该区类似于中国的综合保税区; 第三部分为跨境封闭区, 该区将与中方一侧互贸区相连接, 设想在边境线上建设一座跨国界的“友谊”桥; 第四部分为服务区。其工程规划, 如图1:

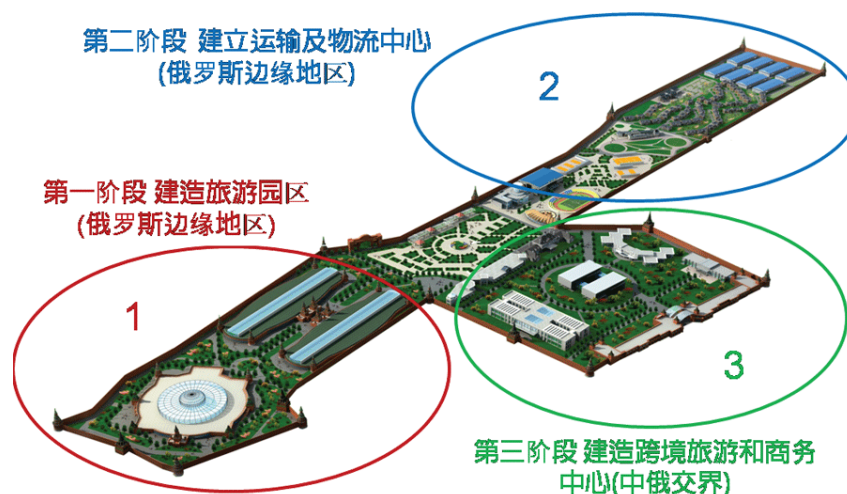

图1，俄罗斯跨境旅游园区工程规划图

（五）综保区的建成带来发展机遇。

2011年底，满洲里市政府成立综合保税区筹建办公室，开始着手申报综合保税区。满洲里综合保税区分为A区和B区两部分，A区包括满洲里出口加工区一期1,03平方公里和汇丰保税物流园区0,33平方公里两部分区域，中间仅间隔一条301国道华埠大街路段。其中出口加工区内建设具有发展潜力的电子工业园，B区正在建设的新国际货场仓储物流区域，规划将与新国际货场实现铁路轨道相连接，包括新国际货场内铁路车场（准轨、宽轨）及新国际货场市政配套设施，铁路轨距系统车场及换装场。

2016年9月13日，综保区通过验收。国外货物入区保税；货物出区进入国内销售按货物进口的有关规定办理报关，并按货物实际状态征税；国内货物入区视同出口，实行退税；区内企业之间的货物交易不征增值税和消费税。综保区税收政策的优惠将给毗邻的互贸区带来巨大的经济利好，促进边民互市贸易的深度发展。与俄方政策对接后将产生政策叠加效应。把握综保区通过验收的契机先行先试综保区与互贸区相互促进的发展模式，是互贸区深度发展的必经途径。

УДК 34
ББК Х0

Ба Дяньцзюнь,

*Институт исследований Северо-Восточной Азии Цзилиньского Университета,
г. Чанчунь, Китай*

ОТОГОО,

*Институт исследований Северо-Восточной Азии Цзилиньского Университета,
г. Чанчунь, Китай;
Монгольский национальный университет,
г. Улан-Батор, Монголия*

Ю Хунъян,

*Академия наук безопасности,
г. Чанчунь, Китай*

Монгольский геополитический выбор и движущая сила экономического коридора «Китай – Россия – Монголия»

С изменениями в мировой политической и экономической структуре, обусловленными трансформацией геополитических интересов, в последние годы произошёл ряд важнейших событий: война в Сирии, китайско-американская торговая война, Япония и Южная Корея ввели взаимные санкции. Большие государства развивали добрососедские отношения, а малые страны начали полагаться на больших соседей и их взаимодействие. В условиях изменения внешней среды Монголия, естественно, должна исходить из собственных интересов и выстраивать отношения с Китаем и Россией, исходя из своего географического положения. В статье, с точки зрения Монголии, рассматриваются её геополитические характеристики, влияние развития Китая и России, различие в отношениях между Монголией и Россией, Монголией и Китаем. Речь также идёт о строительстве Китайско-Российского экономического коридора в новых геополитических условиях. Анализируются аспекты монголо-российской геополитики.

Ключевые слова: геополитическое положение, современная экономическая политика, Китай, Россия, Монголия

Ba Jianjun,

*Jilin University,
Changchun, China*

OTGOO,

*North East Asia Research Institute of Jilin University,
Changchun, China;
Mongolian National University,
Ulaanbaatar, Mongolia*

Yu Hongyang,

*Institute of Jilin Province for Scientific and Technological Research on Security,
Changchun, China*

The Mongolian Geopolitical Choice and the Driving Force of the Economic Corridor “China – Russia – Mongolia”

With the changes in the world political and economic structure, driven by interests, the Syrian war has taken place in recent years, the Sino-US trade war, Japan and South Korea have imposed mutual sanctions, and the big countries have begun to contiguously, and the small countries have begun to rely on the side teams. In the face of changes in the external environment, Mongolia naturally has to take its own interests as the starting point and handle the relationship with China and Russia based on its geographical location. The article stands from the perspective of Mongolia from the geopolitical characteristics of Mongolia, the influence of China's development on Mongolia, the influence of Russia on Mongolia, the rebalancing of Mongolia by Russia and China, and the construction of the Sino-Russian economic corridor under geopolitics. Aspects analyze Mongolian-Russian geopolitics.

Keywords: geopolitical situation, modern economic policy, China, Russia, Mongolia

蒙古地缘政治选择与中俄蒙经济走廊动力 巴殿君、OTOG00、于洪洋

摘要：随着世界政治经济格局的变化，大国之间开始合纵连横，小国开始选边站。面对外界环境的变化，蒙古国自然要以自身的利益为出发点，基于其地理位置，首先要处理好同中国、俄罗斯之间的关系。从蒙古国地缘政治特征来看，中俄都对蒙古国具有关键性的影响，蒙古国需要在对俄罗斯和中国之间“再平衡”，本文将从地缘政治视角下分析蒙中俄经济走廊建设五个方面的内容与走向。

从地缘位置上看，蒙古国与中国，俄罗斯陆路相通，三个国家互为邻国，蒙中两国共同边界线长约4700公里，而蒙俄边境线长为3485公里。蒙古国地处中俄两个大国的中间地带，地理位置造就了蒙古国的交通运输的依赖性，对其政治特征形成了制约。1921年，蒙古国走向独立，但是经济发展过度依赖俄罗斯，形成了一边倒的政治格局，伴随着苏联解体，蒙古国不再依附于苏联，开始逐步建立自己独立的外交政策，走上自主的外交道路。在经济方面，实行市场化经济体制，在政治上，探索民主化、人权化的发展道路，社会变得包容开放，外交政策由曾经的一边倾斜，逐步走向多元化，开始发展与中国的外交关系。

一、蒙古国地缘政治特征。

蒙古国作为内陆国家，由于其独特的地理特质——

所处的海拔地区区位较高，拥有1580米的海拔高度，使得其气候属于明显的大陆性气候，这种气候最显著的特征是温差较大，一年四季循环往复，四季交替，季节性明显¹。蒙古国属于没有海岸线的亚洲国家，位于中华人民共和国和俄罗斯之间，其北面与俄罗斯相连，其他方位与中国接壤，虽然蒙古国的领土面积跻身世界第19位，但人口密度却最小。综合来看，蒙古国地缘政治特征主要可以概括为以下三个方面：

(1) 蒙古国属内陆国家。蒙古国虽然有广袤的地域，但却没有出海口。独特的地理特征使得蒙古国在经济上处于较为不利的地位。蒙古国的著名外交家勒·额尔德尼楚曾说道：蒙古国土面积大、人口少，经济处于转型阶段、基础设施建设不完善，没有直接出海口，这一地缘特征将会使蒙古国长期处于不利境地²。

(2) 蒙古国地广人稀。2018年蒙古国人口数量为312万多，全国平均人口密度为2.00人/平方公里，创世界人口密度最低水平³。人口数量和人口年龄结构是影响蒙古国经济发展的主

要原因，人口数量是劳动力发展的基础保障，经济发展的任何过程都需要以劳动者基数为保障，适当的人口增长是经济活力保持的重要前提。蒙古国人口分布比较分散，主要集中在乌兰巴托周边的城市和经济区域带，人口密度很大；而位置偏远的区域，欠发展的经济区人口密度较低，无法为经济发展提供足够的人口保障，缺乏充足的发展动力。另外，人口数量的不足也是制约蒙古国发展的又一重要原因，进入21世纪以来，蒙古国人口年平均增长率只有1.5%左右，造成了近年来人口老龄化问题十分凸显，资源要素消耗也较大，对蒙古国经济的持续发展造成了负面的影响。

(3) 蒙古国属于转型国家。蒙古国作为一个中立国，不仅要与中国和俄罗斯在战略上保持和谐的关系，同时还要拥有政治自主性，不受任何一个邻国的影响与主宰。蒙古国著名的外交官 Erdenechuluun 指出：“在国际关系中，弱小国家的挣扎，在很大程度上取决于其在未被发现的迅猛水流中掌舵的能力。弱小国家受地缘政治的影响较大，因此小国的外交政策应实现几个目标：观察、分析、总结。”⁴在所有的东北亚国家中，蒙古国目前是比较落后的，无论从国家的软实力和硬实力来看，蒙古国都不占优势。但由于蒙古国政治上处于中立，不参与侵略任何一个国家，与世界任何一个国家都保持着友好的往来，获得世界各国高度的评价，这毋庸置疑是蒙古国的一大优势。

二、21世纪后的蒙中关系发展。

(1) 政治关系。

蒙古国是中国相邻国家，由于历史的原因，两国曾经出现过关系紧张，加之现实方面中国的崛起对蒙古国造成了一定的影响，两国之间出现互相猜疑和不信任，蒙中两国关系处于若即若离的状态。2011年，时任蒙古国总理的巴特包勒进行国事访问，两国签订了大量关于政治、文化等方面的合作协议和条约，此次访问和条约的签订为蒙中两国的关系发展带来了春天，蒙中两国政治关系由原来的互相信任关系升级为战略伙伴关系。2014年，中国国家主席习近平访问蒙古国，两国的关系再次升华，确定两国关系为全面战略伙伴关系。自此，蒙中两国关系进行全新的阶段，成为蒙中历史上最大的一次进步和突破⁵。自2014年中国“一带一路”倡议发展五年多以来，蒙古国以“一带一路”为战略依托，提出了蒙古国的“发展之路”，促使蒙古国经济搭上了中国发展的快车道，在人类命运共同体的理念下，蒙古国依托地缘政治，实现了双方合作的顶层设计，为蒙古国未来的发展铺平了道路。

此前，蒙古国国家政府领导人采取“第三

¹ 朱金春. 地缘安全视野下的跨界民族认同意识研究——以二连浩特出境蒙古族为例[R]. 中央民族大学, 2009:78.

² Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией // Дипломатический вестник [J]. — 2003. — № 4.

³ Московская декларация [J]. — 2018. — № 3.12.

⁴ 德·乌拉姆巴雅尔 (Ulambar. D). 蒙古国与四方国家: 相互关系与合作[M]. 乌兰巴托: Admon出版社, 2007.

⁵ 蒙中全面战略伙伴关系的进程、挑战及机遇[C], 学术研讨会论文集, 乌兰巴托, 2015年.

邻国”外交策略,用来制衡与中俄的关系,但是,效果不是很理想¹。美国和日本等一些资本主义发达国家打着助力蒙古国经济发展的旗号进入蒙古国国内,使得蒙古国国际环境出现变化,美国借助进入蒙古国作为契机,在蒙古国全面突进民主化的发展进程,推广其价值理念,进而通过蒙古国对中国形成遏制和影响,日本则以援助蒙古国经济发展为突破口,在蒙古国国内进行大规模投资,与中国争夺蒙古国的各类社会和自然资源,同时协同美国,建立日美为轴心的东北亚地区的核心地带,从而对俄罗斯和中国都实行牵制,缓解由于钓鱼岛、南海等问题形成的战略压力。

从目前来看,蒙古国的“第三邻国”逐渐对中国形成了某种程度的制约,导致中国逐渐对蒙古国出现不信任和怀疑的趋势,中国对于蒙古国借助于第三国制约中国的做法持反对意见,如何打消中国的焦虑与怀疑,加强两国的政治信任,采取互相尊重,将发展睦邻友好关系成为蒙古国需要思考的课题。对于中国而言,如何始终坚持以睦邻、安邦等以邻为伴,与邻为友的外交政策,坚持蒙中双方互相信任,互相支持,和平共处,共同发展也是问题关键。对蒙古国而言,游牧生活的思想意识根深蒂固,蒙古国人民不希望被政治所约束,对民主政治产生偏见,导致蒙古国政府和人民之间难以构建互相信任的关系,造成了蒙古国在国际交往中也带有同样的疑虑和不信任。难以做出理性和正确的判断预测,对蒙中两国关系的发展造成了阻碍。

(2) 安全关系。

2011年,蒙古国和中国联合发表关于全面建立两国战略伙伴关系的声明,并且承诺对方,彼此绝对不参与针对对方国家的政治联盟集团,绝不与第三国缔结关系,从而损害对方国家的安全²。从2013年开始,近五年来,蒙中两国已经先后多次举行双边商务会议磋商,就双边政治安全局势、政治、军事等进行深入讨论,成为两国军事合作的重要基石。蒙中两国还举办过多次军事联合演习,增进了两国军队的关系和友谊,提升了合作层次和水平。

作为东北亚地区的重要国家之一,蒙古国为中国的崛起提供了一定条件的支持,是塑造中国周边地区稳定和平环境的重要因素,蒙古国未来安全发展的趋势对于中国的国家安全战略和经济利益的实现起到重要的影响,对于新时期中国的和平发展具有重要意义。进入21世纪以后,蒙古国国家安全形势的变化对于中国有着直接的影响。伴随着东北亚地区的几个经济体,包括日本、韩国等,经济规模日益增大,东北亚地区越来越受到国际关注,在世界经济格局中占据的位置也越来越重要。大国之

间的博弈更加频繁,一些区域性的问题不断突出,包括地区秩序安全、国家之间领土争端、种族分裂等问题,政治权力的更迭和角逐,对东北亚地区的发展带来影响。未来区域安全将会很大程度上对蒙中两国的关系造成影响。由于中国快速崛起、地位的不断提升,使得同处于东北亚地区的蒙古国深深感到担忧,恐惧由于中国的腾飞引起自己在国家安全方面的利益受损。因此希望借助第三方的力量来对中国进行制衡。但同时陷入安全困境:一方面担心中国的崛起对蒙古国的国家安全造成威胁,另一方面又担心构建同美国的合作关系,会对本国的发展造成负面影响。蒙古国面对美国和中国、俄罗斯三个大国,既要发展良好合作关系的同时,又要在政治上保持独立,在经济上保持发展,对蒙古国政府而言,确实是巨大-的挑战。

(3) 经济关系。

经济关系作为蒙中两国最看重的合作方面,也是直接推动两国外交关系的动力。随着中国经济的快速发展,与蒙古国的国际贸易也更加频繁,双方的进出口贸易金额逐年增加,蒙中双方一直坚持互利互惠、双边共赢的原则。在基础设施方面,蒙中两国边境线有21家对外贸易口岸,数千里的公路和铁路运输线,为蒙中两国的贸易发展提供了便利条件和物质基础³。凭借着得天独厚的互补优势,蒙中两国的贸易合作更加频繁,2009年开始,中国成为蒙古国最大的进出口贸易合作国家,蒙古国在中国对外贸易的总额中占据的比例也越来越大,两国的经贸合作还在持续推进。2014年蒙中两国确立为全面战略伙伴关系,对于深化两国在进出口贸易、对外直接投资等方面的合作提供了优质的政策条件,加快了两国在经贸领域的合作发展。

2011年,中国当年国内生产总值首次超过日本,跃居为全球第二大经济体,并且成为全球外汇储备最多的国家,进出口贸易额居全球前列,2014年中国的进出口贸易总量突破了5亿元,首次超过美国,成为全球第一个贸易大国。

2013年到2018年的五年时间中,中国政府为蒙古国提供的经济援助和资金支持总额超过了前50年的总数。蒙中两国的进出口贸易总量不断增加,尤其是蒙古国对中国的出口贸易量,呈现逐年攀升的趋势。蒙古国和中国还建立了相关部门的会议协商机制,保障在双方进行经贸合作过程中出现问题时,能有专门的机构进行及时处理,不会影响两国经济贸易的正常进行。伴随着中国经济的先行发展,也带动了蒙古国经济的快速发展,蒙中两国在经济贸易方面的合作规模不断扩大,合作程度不断加深,给蒙古国带来了较大的经济效益。

三、蒙古国“第三邻国”再平衡的困境。

¹ 申林. 蒙古“第三邻国”外交析论[J]. 当代世界, 2013 (4).

² 拉·巴勒德. 蒙古安全环境及国防政策某些问题[J]. 战略研究, 2013.

³ 任雪娇. 中蒙经贸合作中的蒙方因素实证分析[J]. 经济论坛, 2009 (4).

冷战结束后，蒙古国推行了多指点的外交政策，以本国利益为基础，积极努力的发展和、稳定、多支点的外交政策。根据蒙古新的国家安全构想，强调蒙古在平衡与中、俄两大邻国的同时，强化“第三邻国”的外交政策。在《蒙古国外交政策构想》、《蒙古国安全政策构想》、《蒙古国国家整体发展战略》、《蒙古国对外政策经济化纲领》等重要文件中均多次提及“第三邻国”外交战略和政策。

在地缘政治上，中俄将蒙古国夹在中间无形中对蒙古国造成了压力，但实际上，中国和俄罗斯并没有干涉蒙古国内政，这为第三邻国的政策实施奠定了较好的基础。蒙古国对“第三邻国”政策前提是保持独立性，如果第三邻国与俄罗斯和中国处于对立的立场，那么，蒙古国与第三邻国的关系就需重新定位¹。蒙古国由于地域的特点，在国家安全方面，不能盲目追随第三邻国政策，两大邻国对蒙古国的影响比第三邻国更加直接、更加重要。蒙古国外交政策的宗旨就是在两大邻国之间保持平衡。

保持投资平衡是保持国家安全的重中之重。《蒙古国国家安全政策构想》中提出，“外国任一国家的投资不得超过外国总投资额的三分之一。不能允许对任一国家的投资比例过高，做到对每个国家的投资处于一个动态平衡。”蒙古国由于无出海口，地理因素较为不利，使得第三邻国与蒙古国之间的贸易合作发展起来较为困难。运输渠道虽然较为多样，但是不需要经过中国和俄罗斯的运输方式较少，航空是唯一的需要经过邻国的运输通道。由于运输渠道的受限，使得蒙古国与第三邻国之间贸易的运输费和保险费用均较高，能够达到发达地区贸易运输的两倍。因此，蒙古国因为运输成本的因素只能加强与中俄两邻国的合作。

近年表明，蒙古开始发现平衡三脚架更加困难。2013年秋天，中国国家主席习近平宣布启动“丝绸之路”计划，后来该计划变成了庞大的“一带一路”倡议，旨在通过基础设施项目，直接投资和增加贸易往来发展中国经济。中国基础设施外联的重点是向中亚延伸，并且其中至少一些新的环节——石油和天然气管道，电力线路，公路和铁路，会以某种方式通过蒙古，面对“一带一路”倡议，蒙古国是其西进的必经之路，蒙古国没有实力阻碍这一计划，但蒙古国担心可能会成为一个附属物。

第二个问题是俄罗斯对克里米亚的吞并，导致与西方关系的崩溃，这种冲突产生了意想不到的后果，即推动俄罗斯更接近中国。虽然中苏联盟的转世尚未出现，但中俄之间的政治，经济以及最近军事合作已明显转变。俄罗斯对中国长期发展轨迹的担忧仍然存在，但两个国家的地区和全球利益的共同性促使一个统一战线形成。蒙古国小心翼翼地两个邻国之间协调其外交政策。

面对蒙古国的处境，2015年9月蒙古试图宣布“永久中立”，就像瑞士和土库曼斯坦所享有的那样。然而，这个想法最终被搁置了。简而言之，近年来，蒙古在中国和俄罗斯之间取得平衡变得更加困难，更不用说有效地实行“第三邻国”政策了。随着Battulga的上台，他发现在中俄之间的平衡行为几乎无法维持，开始慢慢向俄罗斯倾斜。蒙古国的地位诉求反映出蒙古国对经贸领域过度依赖邻国、大国利益诉求对其产生的外在压力，以及对无法有效维持“多支点”外交政策的担忧。

对于蒙俄关系而言，俄罗斯曾经是蒙古国的主要盟友，在苏维埃时代，蒙古被认为是苏联非官方的第16个共和国，该国大多数人都能够理解俄语。今天，俄语很少受到蒙古人的欢迎，特别是在年轻人中。俄罗斯不仅失去了经济影响力，而且也失去了文化影响力，在苏联解体后，俄罗斯对蒙古国经济的参与急剧下降²。20世纪90年代，蒙古国与俄罗斯的贸易下降了约80 %。

尽管许多蒙古学校和大学继续向学生传授俄语，但俄罗斯文化在该国的影响会继续下降。目前蒙俄关系面临着西方国家间的激烈竞争，英语逐渐取代俄语成为蒙古语中最常用的外语。这主要是因为西方公司控制着蒙古国采矿业中越来越多的部分。矿产部门是蒙古经济中最重要的组成，主导蒙古国采矿业的两家公司中的三分之二是由加拿大和英国，澳大利亚公司所有。然而，近年来，俄罗斯一直寻求重建与蒙古国的关系，以提高其作为地区大国的地位。俄罗斯政府注销了蒙古国债务的百分之八十八，并签署了一项协议，通过蒙古从俄罗斯到中国建立一条输油管道，以发展蒙中俄之间的关系。蒙古国总统巴特尔加 (Battulga) 上台后，开始倾斜俄罗斯。Battulga说流利的俄语，他就职典礼几周后，他前往布达佩斯（第31届柔道世界锦标赛的主办城市）会见普京。表明Battulga与普京的关系在个人层面保持着良好的关系。Battulga选择通过加强与俄罗斯的政治关系来解决蒙古国对中国日益加深的经济依赖。表明蒙古外交政策的重新定位。

为了提振境况不佳的蒙古经济，蒙古正重新将外交政策重点放在其传统合作伙伴俄罗斯和中国身上，俄罗斯也在寻求蒙古国的矿产资源利益。俄罗斯是蒙古第三大出口国，但仅占蒙古出口总额的1.4%，而蒙古出口主要是中国和加拿大，占比分别为90%和3.6%。进口，其中27.6%来自俄罗斯，而37.8%来自中国。到目前为止，北京仍然是乌兰巴托最大的经济合作伙伴，中国也是蒙古经济的进口来源国，矿物占大多数，主要是铜和煤，2017年双边贸易额达到60亿美元。

¹ 战略研究所。大国范围内的国家政策：蒙古国第三邻国政策[M]。乌兰巴托：Munkhiin useg出版社，2011：129。

² Nikola Mikovic. Russian Influence in Mongolia is Declining[J]. U. S. Library of Congress. 2019 (2).

蒙古国一直试图平衡其两个邻国的影响，寻求美国、日本、韩国、加拿大等国家的支持，蒙古国可能会继续贯彻这项政策的大致方针¹。由于经济形势仍然比较不利，北京和莫斯科对乌兰巴托来说比以往任何时候都更加重要。

在经济和地缘政治效益方面，蒙中俄三国之间日益密切的关系可能远远超出了贸易和商业。实际上，俄罗斯和中国有潜力支持蒙古的经济和基础设施的发展，这也加强巩固了蒙中俄之间的关系。通过蒙古连接俄罗斯和中国的南北铁路网就是一个例子，蒙古还有其他优势，蒙古在跨区域联盟中的融合，例如亚太经合组织以及上海合作组织等区域组织方面，与其他国家加强多边合作。

蒙古国在中国和俄罗斯之间的平衡使蒙古也存在一定的风险。蒙古国一直持矛盾态度，与俄罗斯，特别是中国的密切关系可能会使蒙古国失去政治独立性。虽然中国与俄罗斯尊重邻国的独立、领土完整，尽管如此，蒙古国担心乌兰巴托严重依赖北京与莫斯科，担心这种依赖甚至可能延伸到政治问题上。

四、蒙中俄经济走廊建设全面推进。

蒙中俄经济走廊的启动与实施，使蒙古国、中国和俄罗斯三国经济合作的进一步深化与机制化。基于蒙古国的地缘政治，中国经济发展的瓶颈，俄罗斯面对的国际环境，蒙中俄在三国经济共发展的需求下，促使三国走向合作的道路。2005年，在乌兰巴托举行了蒙中俄三国外交部司长级非正式会晤，增进了蒙中俄三国之间的政治互信。2008年，在乌兰巴托举办了蒙中俄面向21世纪联合发展的国际学术会议，促进蒙中俄三方以地缘政治稳定为前提，区域经济一体化发展睦邻友好关系的可行性。2012年-2013年，蒙古国前总统额勒贝格道尔吉为发展蒙古国经济，克服蒙古国内尖锐的金融困难创造有利条件，多次表达希望蒙中俄

三国在经济合作领域建立更为紧密合作关系的意愿，建立更高水平的合作机制，建设穿越蒙古领土的中蒙俄三国货运通道的构想。在蒙古国的积极推动下，三国首脑会晤机制也水到渠成，蒙中俄关系进一步提升。进入2014年以“一带一路”为战略依托，蒙中俄经济走廊建设走上了发展的快车道。

蒙古国、中国、俄罗斯三国的高层领导人通过高频率的互访，积极的促进了蒙中俄三国经济走廊的战略合作关系的良好、快速发展，将蒙中关系有经济合作伙伴关系上升为全面战略合作伙伴关系，提升了蒙古国在中俄之间周边外交的政治地位和经济重要性。

2014年9月，蒙中俄在杜尚别(Dushanbe)召开第一次峰会，其主题是关注经济合作；2015年7月，在俄罗斯(Ufa, Russia)召开第二次峰会，此次蒙中俄峰会的主题是同意建立经济走廊，具体探讨了蒙古提出的“发展之路”计划、俄罗斯提出的东非经济共同体(East African Economic Community)以及中国的“一带一路”倡议；2016年6月，在塔什干(Tashkent)召开第三次峰会，三国共同签署中国-蒙古-俄罗斯计划经济走廊。至此，蒙中俄三国的经济走廊规划纲要正式启动并且实施。除此之外，蒙中俄经济走廊多次举行三方专家会议。2017年3月24日蒙中俄经济走廊三方专家第一次会议在北京举行，参会的主要有蒙古外交部、中国国家发展和改革委员会、俄罗斯经济发展部。最终形成的议题是双方同意建立“三边合作机制”，以确保实施经济走廊计划。各方讨论了优先项目及其标准。2017年8月29日蒙中俄经济走廊三方专家第二次会议在莫斯科举行。双方商定了“三边合作机制”的内容，以确保实施经济走廊谅解备忘录中列出的项目。最终双方同意实施3个优先项目：中央铁路走廊，中央公路走廊，能源部门（输电线路）。

蒙中俄经济走廊示意图

¹ 达瓦道尔吉(Davaadorj.Ts). 蒙古国安全政策构想反映的保障经济安全理论与方法的一些问题[J]. 战略研究, 2011:124.

蒙中俄经济走廊的具体合作领域包括：运输基础设施、工业部门的合作、发展过境点、促进贸易和检查程序、能源部门的合作、环境与生态、教育、科学和技术合作、人道主义以及农业合作。随后，蒙古国、俄罗斯、中国的高层互访更加频繁，并且签订了很多重要的合作文件和协议，蒙古国从中国方面获得了很多无偿的援助以及很多的低息贷款，促进蒙古国一些缺乏资金的项目能够顺利开展¹。为蒙中俄经济走廊融资来源主要包括：亚洲基础设施投资银行，金砖国家新开发银行，SCO银行间联盟，丝绸之路基金，其他国家和多边国家金融机构等。

蒙中俄三国领导人为实现三国经济走廊合作战略，不断推进三国间的交通运输与物流构建，使得蒙古国铁路交通建设项目有了更多的技术支持和资金援助，大大提升了蒙古国交通网络的全面推进。蒙古国原有的铁路交通设施的落后和发展不均匀严重影响了蒙古国的经济发展，为了更好的解决这一问题，中国和俄罗斯派遣了大量的技术专家为蒙古的铁路修建提供技术支持，促进了发展蒙古国交通运输和铁路物流网络的建设。蒙古国提出“草原之路”国家发展战略，其内容包括在5年内完成本国的高速公路、铁路的交通网络全面开通，石油、天然气、有色金属矿产企业的规模化、正规化发展，将蒙中俄三国的边境交通连接到一起，打通三国间的运输通路。这一战略与中国的“丝绸之路”、俄罗斯的“经济走廊”战略有着异曲同工之处，为蒙中俄三国的经济发展打通了良好的交通运输环节。

2016年11月，蒙古国边境铁路策克口岸铁路实现铁路轨道标准化建设，该区间铁路轨道通过三个月的时间进行标准化更换，建设采用国际铁路的轨道标准，及1435mm全向双轨道，并逐步实现蒙古国铁路网络轨道网络的标准化。目前，蒙古国边境的策克口岸铁路已经全面建成，并成为蒙古国第一条国际标准化铁路。

策克口岸铁路标志着蒙中两国政治互信与经贸合作进入了新阶段，也将成为两国贸易发展的标志性见证。策克口岸铁路标准化改建完成后，将与中国的内蒙古铁路相连通，并通过内蒙古铁路将蒙古国商品运输到中国各地，构建成为东西联通的蒙中铁路能源运输网络。策克口岸铁路途径乌里亚斯向北延伸可以和俄罗斯莫斯科铁路相连，再往北可以和中西伯利亚港联通，实现蒙古国与欧洲地区的交通运输通路，成为蒙中俄经济走廊的新枢纽，为蒙古国和中国的进出口贸易提供了有力保障。2017年，策克口岸铁路全线贯通之后，年出货量可达到1亿万吨，并成为蒙古国最大的陆地贸易口岸²。蒙古国为了更好的参与国际贸易的合作往来，以“发展之路”为契机，在蒙古西部大力发展铁路交通基础设施建设项目，在全国范围内修建多条高速公路，为中俄间的过境贸易提供了便利的交通条件。蒙古国新修的铁路全部采用国际标准进行建设施工，建成后与中国、俄罗斯铁路轨道标志一致，完全接轨。此外，蒙古国还淘汰了国内很多不符合国际产能标准的能源企业，积极吸引高新技术能源产业在本国投资，目前以形成了3万平方公里的基础设施建设项目，招商工作已经积极的展开。

铁路运输走廊

¹ Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. – URL: <http://www.mfa.gov.mn> (дата обращения: 29.04.2019). – Текст: электронный.

² 中华人民共和国驻蒙古国大使馆网站：2017年中蒙经贸合作十大新闻. – URL: <http://www.mn.china-embassy.org/chn/zmgx/sbgx/t1326658.htm> (дата обращения: 29.04.2019). – Текст: электронный.

公路运输走廊

蒙古国政府特别重视在蒙中俄经济走廊建设方面三国达成的协议，并且不断加强在基础设施建设、电力系统建设、矿产资源开发等方面的合作推进。2014年10月3日，蒙中两国联合举办了加强互联互通的关系会议，期间，蒙中两国就关于中国提出的丝绸之路和蒙古国提出的“发展之路”如何实现对接，促进蒙中两国的经济合作达成了两国的共同意识。蒙古国和中国的高层领导人之间的互访更加频繁，充分显示了蒙古国将中国作为重要的合作伙伴，而中国政府也对于加强蒙中两国的合作特别重视。对于中国而言，若想发展与欧洲国家的联系，就必须加强与蒙古国的关系，途经蒙古国，到达欧洲国家，取得与欧洲国家的紧密联系，为构建蒙中俄三国经济走廊的建设提供了基础。蒙古国和中国、俄罗斯确定的经济发展走廊位于北纬45度到60度之间的地区，80%以上的区域是平原，只有少数的地区是山丘，该地带是欧洲国家达到东亚国家的天然的良好通道，曾经是古代中国丝绸运往欧洲的必经之路，同时也是蒙古国将其茶叶和乳制品等运往欧洲的必经之路，具有重要的历史意义。

蒙古国边境物流综合贸易平台区位于蒙古国和中国交界的扎门乌德口岸，建设规模为25平方公里，蒙古国和中国对该综合性平台提供了大量的政策优惠，真正实现了“两国一区、高效互通、开放运行”的贸易模式，建成后能为蒙古国的能源、畜牧出口，日用品、电子设备、基础性生产资料等原料的进口提供良好的物流平台，大大提高了物流运输效果。

跨境经济合作区主要以生产加工、服务贸易、旅游等产业作为主攻领域，将蒙中两国优秀的人力资源、充足的物力资源、先进的生产技术等汇集其中，采取一系列开放和优惠的措施，建设一个涵盖蒙古国、中国、俄罗斯三国

的大型生产基地。中国方面的基础设施项目已经于2015年12月开始建设，项目总投资金额达到了10亿元，主要内容包括构建40公里主干道公路、280公里铁路交通轨道，排水系统，供热设施，发电厂等重大项目，均为大型生产必不可少的环节。

蒙古国政府拟在基础设施建设方面投资将近3亿元，若该项目能够顺利竣工，就会实现与蒙古国跨境方面的同步完成。在中国方面，中国政府正式批复了关于在内蒙古建设满洲里保税区的文件，是内蒙古自治区的第一个保税区域，满洲里的保税区地域面积大，而且覆盖了包括公路车站、铁路车站以及航空机场的交界口，所处的地理位置特别有优势，总投资金额达到了5亿元人民币。蒙古国铁路交通网络建设成功后，能够为两国的外贸交易港口提供物流仓储、产品运输、国际中转、跨境税收取等多种便捷业务，使得蒙古国的卡赛尔港口成为联通中国内蒙古二连浩特乃至全国的重要性物流集散中心，实现生产运输配套服务，国际物流集散服务、大宗商品交易服务、原料再加工服务以及国际进出口产品展销服务等，成为蒙古国与中国进出口产品的重要集散中心和交易平台。

自2016年6月，三国签订了《建设蒙中俄经济合作项目方案》、《国际海关、税务合作协议》、《蒙中俄三国对外贸易政策优惠协议书》等合作性文件以来，标志着三国间的经贸合作框架的构建以及多边合作规划项目将逐步予以实施。蒙中俄经济合作的顺利实施需要各类条约和政策的制度性保障，使得蒙中俄经济走廊项目能够正常的实施，各项领域的合作有序进行。此外，加强条款、法令的完善也有助于蒙中俄三国在今后的经贸合作创作更多、更好的合作机会。

Заключение

Монголия地处中俄两个大国之间，造就了蒙古国的交通运输的重要性。地理位置的特殊性对其政治特征形成了约束，随着中国的崛起，世界格局的变化，蒙古国依靠其地缘位置积极发展同中国的关系，搭上中国“一带一路”发展的快车，同时布局大国之间的平衡关系，弱化其“第三邻国政策”，以实现蒙古国的快速发展。

蒙古国积极推动蒙中俄三国的经济走廊建设，2019年是中蒙建交70年。两国希望借此机会加强和规划未来合作蓝图。中蒙俄三方将加快建设蒙俄经济走廊以及“一带一路”倡议。因此，新时期，蒙古国应该充分利用其地缘政治，积极推进和平稳定发展，形成经济相互依存的局面，积极推行并支持蒙中、蒙俄双边合作关系的开展。

Ссылки на источники

1. 朱金春. 地缘安全视野下的跨界民族认同意识研究——以二连浩特出境蒙古族为例[R]. 中央民族大学, 2009:78.
2. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией // Дипломатический вестник [J]. – 2003. – № 4.
3. Московская декларация [J]. – 2018. – № 3.
4. 德·乌拉姆巴雅尔(Ulambayar. D). 蒙古国与四方国家: 相互关系与合作 [M]. 乌兰巴托: Admon出版社, 2007.
5. 蒙中全面战略伙伴关系的进程、挑战及机遇 [C], 学术研讨会论文集, 乌兰巴托, 2015年.
6. 申林. 蒙古“第三邻国”外交析论 [J], 当代世界, 2013 (4).
7. 拉·包勒德. 蒙古安全环境及国防政策某些问题 [J], 战略研究, 2013.
8. 任雪娇. 中蒙经贸合作中的蒙方因素实证分析 [J]. 经济论坛, 2009 (4).
9. Nikola Mikovic. Russian Influence in Mongolia is Declining [J]. U.S. Library of Congress. 2019 (2).
10. 战略研究所. 大国范围内的国家政策: 蒙古国第三邻国政策[M]. 乌兰巴托: Munkhiinuseg出版社, 2011:129.
11. 达瓦道尔吉 (Davaadorj.Ts), 蒙古国安全政策构想反映的保障经济安全理论与方法的一些问题 [J]. 战略研究, 2011:124.
12. Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. – URL: <http://www.mfa.gov.mn> (дата обращения: 29.04.2019). – Текст: электронный.
13. 中华人民共和国驻蒙古国大使馆网站: 2017年中蒙经贸合作十大新闻. – URL: <http://www.mn.china-embassy.org/chn/zmgx/sbgx/t1326658.htm> (дата обращения: 25.04.2019). – Текст: электронный.
14. 中华人民共和国驻蒙古国大使馆网站: 2016年中蒙关系十大新闻. – URL: <http://www.mn.china-embassy.org/chn/zmgx/sbgx/t1326657.htm> (дата обращения: 29.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 34
ББК Х0

Гао Лицзин,

*Российский исследовательский центр,
Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии,
г. Маньчжурия, Китай*

Экономический коридор «Китай – Монголия – Россия»: возможности сотрудничества в сфере юридических услуг в китайско-российских приграничных регионах

С внедрением стратегии «Один пояс и один путь» и строительством экономического коридора «Китай – Монголия – Россия», внутренние юридические услуги, связанные с зарубежными странами, хотя и достигли определённого развития, но в настоящее время всё ещё находятся на начальном этапе. Механизм подготовки кадров для юридических услуг, связанных с иностранцами, постоянно совершенствуется. Всё более расширяются области, связанные с предоставлением юридических услуг иностранным гражданам. В то же время Внутренняя Монголия также столкнулась с рядом проблем, связанных с оказанием иностранцам юридических услуг. В связи с этим появляется острая необходимость в подготовке квалифицированных специалистов с юридическим образованием, чтобы способствовать устойчивому и здоровому развитию, оказанию юридических услуг иностранным гражданам в приграничных регионах Внутренней Монголии, России и Китая.

Ключевые слова: юридические услуги, подготовка специалистов в области юриспруденции, региональное правовое сотрудничество

Gao Lijing,

Russian research center

at The Manchurian Institute of Inner Mongolia University,
Manchuria, China

China – Mongolia – Russia Economic Corridor: Opportunities for Cooperation in Legal Services in the Chinese-Russian Border Regions

With the introduction of the “One belt and one road” strategy and the construction of the China-Mongolia-Russia economic corridor, domestic legal services related to foreign countries, although they have achieved some development, are still at an early stage. The training mechanism for legal services related to foreigners is constantly being improved. Increasingly expanding areas related to the provision of legal services to foreign nationals. At the same time, Inner Mongolia also faced a number of problems related to the provision of legal services to foreigners. In this regard, there is an urgent need to train qualified specialists with legal education to promote sustainable and healthy development, the provision of legal services to foreign citizens in the border regions of Inner Mongolia, Russia and China.

Keywords: legal services, training of specialists in the field of jurisprudence, regional legal cooperation

“中蒙俄经济走廊”视域下
中俄区域涉外法律服务合作机遇

高丽晶

内蒙古大学满洲里学院 俄罗斯研究中心021400

摘

要：随着“一带一路”战略、“中蒙俄”经济走廊建设的实施，内蒙古涉外法律服务业虽然取得一定的发展，但目前还限于起步阶段，涉外法律服务人才培养机制也在不断完善，所涉领域日益拓展，涉外服务质量逐步提升。与此同时，内蒙古涉外法律服务业亦面临一些发展中的问题和挑战，扩大中俄边境地区涉外法律服务区域、对俄口岸优势和涉外法律人才培养等，以推动本地区涉外法律服务业健康稳步发展，发挥内蒙古对俄战略桥头堡的作用。

关键词：涉外法律服务、涉外人才培养、区域法律合作

在“一带一路”中俄经济走廊建设下中俄两国间的民事交往日趋频繁，涉俄民事纠纷每年呈上升态势，内蒙古自治区边境地区法院受理的涉外民事案件相应不断上升。中俄两国涉外法律服务区域合作，形成有效的纠纷解决及矛盾化解机制。涉外法律服务一般包括，在国际贸易领域内，提供法律咨询意见，代表当事人进行国际仲裁和涉外诉讼；境外投资法律风

险、起草中外法律文件等；外商投资，在中国设立公司，协助客户提供法律服务；在国际贸易中，谈判和磋商，通过DSB（WTO的争端解决机构）为解决贸易争端提供法律服务。涉外法律服务能够有效促进中俄两国经济贸易的合作与发展，满足中俄毗邻地区社会公众对民主公平正义法治环境等方面日益增长的需求，有利于建立中俄边境地区稳定安宁的法治秩序。因此，根据中俄边境地区自身特点，探索建立一套适合该地区地方法律服务合作机制是十分紧迫和必要的。

一、中俄边境地区法律合作机遇和前景。

中国共产党第十九次全国代表大会把外交工作放在了重要位置，对新时代的中国外交做出了顶层设计，中俄关系站到了新的起点上，面临着新机遇和新前景。

（一）顶层设计与战略引领，自上而下推进。

“做好法治建设的顶层设计，会涉及各种问题，但核心是要提高干部、政府和执政党的法律自觉和法治素养，培育一大批践行法治的高级领导人才（包括一批领袖人才）”。³ 同时还要提高司法部门领导干部和执法人员的法律自觉和法治素养。正是由于顶层的多次通话，会晤及国际活动的举行，顶层对中俄合作的高度重视，有利的推动了中俄关系的发展，给地区的战略合作带来新的机遇和发展前景。

首先，中俄元首的顶层战略设计引领。2018年6月8日，习近平向俄罗斯总统普京授予首枚“友谊勋章”。2018年11月，国家主席习近平在上海会见俄罗斯总理梅德韦杰夫，

¹ [基金项目]：2017年内蒙古大学满洲里学院科学研究基金项目，项目计划编号：MYKZ1701。

² [作者简介]：高丽晶，（1985-），女，讲师，住内蒙古满洲里市，内蒙古大学满洲里学院俄罗斯研究中心成员。

³ 何勤华.论中国特色社会主义法治道路.法制与社会发展, 2015（3）：32-45。

指出落实好两国元首重要共识,拓展各领域务实合作。利用明年中俄两国建交70周年的良好机会,加强全面协作和相互支持,推动中俄全面战略协作伙伴关系再攀新高,更好惠及两国人民。在政府及相关领导干部方面。截止2018年11月8日,中俄总理已定期会晤二十三次,推动两国多领域合作取得新成果¹。并提出继续落实好2018年和2019年两年俄中地方合作交流平台,加强俄远东地区同中国东北地区合作。

其次,执政党十八大对于中国梦的核心目标、十九大以习近平新时代中国特色社会主义思想为指引、“一带一路”建设中蒙俄经济走廊同欧亚经济联盟对接合作、2017年5月,习近平在“一带一路”国际合作高峰论坛开幕式上的演讲提到大力推动贸易和投资便利化,不断改善营商环境。而法律环境是改善营商环境的重要保障。

最后,我国国家机构的重视。2016年12月,司法部、外交部、商务部、国务院法制办联合印发了《关于发展涉外法律服务业的意见》,要求各地有关部门根据本地区实际情况,建立部门协调配合机制,以推动涉外法律服务业的发展,司法部部长张军也提出,涉外法律服务业要加快走出去的步伐。

(二) 抓好边境地区法律合作新机遇,共同展望未来。

高层的高频会晤、通话、论坛、会议等方面的联系,给地方的务实合作带来新机遇,新前景。特别是十九大之后,中俄边境地区发展迎来了新时代,积极开展两国民间交往,为外商投资、中俄企业合作的营商法治环境,努力推动双方地方交流、高校合作和青年友好往来,是中俄全面战略伙伴关系的社会基础和民意基础,也是改善两国民生的新机遇,开创美好未来的新台阶。

展望未来,在中俄高层战略引领下,中方将深入贯彻习近平新时代中国特色社会主义思想,秉持《中俄睦邻友好合作条约》的原则和精神,推动中俄全面战略协作伙伴关系以更加扎实、稳健、自信的步伐向更高水平迈进,为实现两国各自发展和开创人类美好未来作出新的更大贡献。

二、中俄区域法律合作新途径。

任何一个国家,如果它的法治建设不能解决它所面临的现实社会问题,其结局肯定是以失败而告终。² 顶层设计,最终要落实基层,指导和服务基层法律实务。

(一) 内蒙古司法行政部门引领,中俄律师协会和律师事务所务实合作

2016年11月27日至12月2日,内蒙古自治区司法厅,口岸城市满洲里市司法局领导成功

出访了俄联邦布里亚特共和国和伊尔库茨克州政府,促进了省际和国际间律师协会的友好合作。³ 出访的重要成果—满洲里市律师协会与俄联邦伊尔库茨克州正式签署了法律服务合作协议,与布里亚特共和国律师协会续签了法律服务合作协议。

(二) 满洲里口岸城市涉外法律服务推进。

2013年,满洲里市委、市政府将中俄经贸涉外法律服务工作列入满洲里市政府外联工作的一项重要内容。2014年11月,成立了满洲里市律师协会,先后与布里亚特共和国律师协会、伊尔库茨克州律师协会签署了法律服务合作协议,并就建立中俄律师事务所的对接达成合作意向。2017年9月,成立了满洲里市涉外法律服务中心,搭建起为对外投资建设、劳务输出和引进、法律纠纷以及争议解决提供法律服务的平台。今年年初,对赤塔州、伊尔库茨克、乌兰乌德40余家法务公司进行了调研,选择了实力强、信用高的法务公司开展业务合作,目前缘合律师事务所已与俄方法务公司正式开展案件委托代理,为中俄两国公民、企业提供维权保障。2018年,满洲里市司法局与俄罗斯布里亚特律师协会、布里亚特国立大学、内蒙古大学满洲里学院就开展国际法务合作与培训、互相委托案件等事宜达成合作意向。司法局委托俄罗斯布里亚特国立大学孔子学院俄中法律中心一名高级研究员作为与俄方联系代表,协助拓展涉俄法律服务工作。与连云港、义乌、黑河、绥芬河司法局缔结“一带一路”法律服务联盟。依托内蒙古大学满洲里学院丰富的俄语和法律资源,建立了涉外法律服务大学工作站。为做好呼伦贝尔市俄汉双语法律服务试点工作,司法局建立了俄汉双语法律服务案例库,以代表性的法律服务案例引导中俄籍公民运用法律途径解决问题。2018年9月20日,中国满洲里“一带一路”涉外法律服务交流会在满洲里市举行。内蒙古自治区、俄罗斯布里亚特共和国、义乌市及呼伦贝尔市、满洲里市律师协会及公证、律师等涉外法律服务领域的各级领导和中外嘉宾,以及涉外企业代表和企业家们参加会议。布里亚特共和国律协、内蒙古缘合律师事务所和浙江省近真律师事务所共同签署了涉外法律服务框架协议。此次会议在多个领域达成了合作意见,是满洲里市首次,也是自治区首次,填补了自区对俄涉外法律服务的空白。

三、中俄区域法律服务合作展望。

(一) 扩大中俄边境区域合作范围。

从以上内蒙古司法行政部门及满洲里口岸城市涉外法律服务的举措来看,中俄地方涉外

¹ 中华人民共和国驻俄罗斯联邦大使馆。— URL: <http://www.ru.china-embassy.org/chn/zxdt/t1611426.htm>, 2018年11月15日最后访问 (дата обращения: 29.04.2019)。— Текст: электронный。

² 何勤华. 论中国特色社会主义法治道路. 法制与社会发展, 2015 (3): 32-45。

³ 内蒙古自治区律师协会, 内蒙古自治区律师协会召开第八届六次理事会会议, http://www.nmglsxh.com/zcdd_33/Show_406.html, 2018年11月1日最后访问。

⁴ 何勤华. 论中国特色社会主义法治道路. 法制与社会发展, 2015 (3): 32-45。

法律服务工作起步较晚且地区涉及面较窄，法律服务的全面开展需寻求俄罗斯毗邻中国更多的州或共和国。但是到目前为止，边疆满洲里市只与布里亚特共和国建立了联系机构。中俄边境地合作区域覆盖了俄罗斯赤塔、乌兰乌德、伊尔库茨克和克拉斯诺亚尔斯克等地区，建立更多合作区域能够扩大法律服务范围。

(二) 发挥对俄口岸优势。

满洲里口岸去年虽成立了涉外法律服务中心，搭建了一个法律服务平台。但发挥真正的法律服务功能，还须结合口岸优势，将中俄毗邻地区大学，俄罗斯研究中心，律师事务所纳入到这一平台，加强涉外法律服务工作中的重大理论与实践问题的研讨，对满洲里及周边城市具有涉外业务及对外输出劳动力的企业资源进行整合汇总，通过多渠道广泛宣传中俄两国区域间的投资政策和法律信息，拓展中俄法律服务市场，更好地为两国企业和公民提供法律服务。使中心不仅能够为中国企业家“走出去”提供全面、细致的法律服务，也为俄方企业到中国投资提供便

利。消除企业对中俄两国政策法律不了解产生的投资贸易障碍，推动中俄企业的经济、贸易往来向更深层次发展，同时对进一步开展中俄法律合作具有重要的战略意义。

(三) 完善涉俄法律人才培养。

虽然由国务院司法部牵头自上而下推行并设立涉外律师人才库，参与研修班学习，中俄双语律师培育基地，以满足涉外法律服务工作的需要。但这些措施在实践中起到的作用并不显著，对俄罗斯法律政策的掌握程度，对俄语水平的要求，及法律专业文化需求这三者的有机结合并没有达到实践要求的水平。法律加俄语人才的培养需要更深层次推进。我国现在有多所大学建立了与俄罗斯合作培养人才机制并有续推进，但最终贡献到我口岸城市寻求发展的人才并不多，内蒙古大学满洲里学院是设立在口岸城市的大学，今后需继续推进大学与俄方合作院校留学生的交流，并不断完善人才输送制度，提高合作院校“法律专业+俄语”人才培养机制的认同感。

参考文献

1. 龚永芳. 论涉外法律服务的ESCROW制度[J]. 法学论丛. 2011 (7) .
2. 周长军、石莹. 涉外法律人才培养的探索与实践[J]. 法学教育研究. 2016 (5) .
3. 杨积堂. “一带一路”国际合作的法律服务需求与供给定位[J]. 北京联合大学学报. 2017 (3) .
4. 任楚凝. 一带一路对涉外法律的需求[J]. 职工法律天地. 2018 (4) .

УДК 343.1(470+571:510)

ББК Х408(2Рос+5Кит)

Гао Сяян,

*Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии,
г. Маньчжурия, Китай*

**О состоянии и перспективах оказания помощи
в области уголовного правосудия в Китае и России**

Помощь в области уголовного правосудия является важным элементом в отношениях между государствами, является эффективным экстерриториальным расширением правового суверенитета государства и имеет исключительно важное дипломатическое и правовое значение. В связи с углублением судебной помощи по уголовным делам между Китаем и Россией, существующие двусторонние договоры представляют множество проблем с точки зрения макро- и микроуровня, таких как перестройка модели правовой помощи по уголовным делам, увязка договора с внутренним законодательством и вопросы, связанные с наличием проблем в процессе оказания правовой помощи по уголовным делам в Китае и России в будущем.

Ключевые слова: уголовная судебная помощь, установка режима, миграция осуждённых, взыскание активов

Gao Siyan,

The Manchurian Institute of Inner Mongolia University,
Manchuria, China

Status and Prospects Assist in the Field of Criminal Justice in China and Russia

Criminal justice assistance is an important element in relations between States, is an effective extraterritorial extension of the state's legal sovereignty and is of paramount diplomatic and legal importance. In connection with the deepening of judicial assistance in criminal matters between China and Russia, the existing bilateral treaties present many problems in terms of macro-and micro-level, such as the restructuring of the model of legal assistance in criminal matters, the linkage of the Treaty with domestic legislation and the problems associated with the presence of problems in the process of providing legal assistance in criminal cases in China and Russia in the future.

Keywords: criminal judicial assistance, regime setting, migration of convicts, asset recovery

论中俄刑事司法协助的现状与展望

高思洋¹

摘要：刑事司法协助是处理国家关系的重要内容，是一国司法主权有效的域外延伸，具有极其重要的外交、法律价值。随着中俄刑事司法协助的不断深化，现有双边条约从宏观与微观不同视角呈现问题诸多，如条约建置模式的重构、条约与国内立法的衔接、刑事司法协助运行中存在困境等问题成为未来中俄刑事司法协助推进的重大障碍，因此，笔者建议重新修正《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于民事和刑事司法协助的条约》，确立刑事司法协助独立的建置模式，吸收中俄毗邻地区多年积累的刑事司法协助的司法经验，为中俄经贸合作、为两国人民的人身、财产权利的维护提供有力保障。

关键词：刑事司法协助，建置模式，移管被判行人，资产追缴

上世纪九十年代初期，中俄两国签订的《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于民事和刑事司法协助的条约》，条约的建置采取民事司法协助与刑事司法协助相统一的模式，条约内容设置上多以政策性条款，概括性条款、宏观指导性原则规制两国司法协助的问题。时至今日，条约生效已26年有余，中俄间的经贸往来、政治互信、文化交流均发生了较大的变化，两国间的跨国犯罪类型、犯罪数量均出现明显上涨趋势。原有的条约在框架设计、条款的规制内容、相关制度程序的规范面临许多新问题与挑战。因此如何通过条约的完善解决现实问题，成为本文需要重点研究的内容。

一、中俄刑事司法协助的立法现状。

（一）中俄双边条约的概况。

1992年起，中俄两国先后签署多部有涉刑事司法协助的双边条约。分别为：1992年6月19日签订的《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于民事和刑事司法协助的条约》以下简称（《中俄民刑事司法协助条约》）、1995年6月26日签订的《中华人民共和国和俄罗斯联邦引渡条约》、1996年4月25日签订《中华人民共和国政府和俄罗斯联邦政府关于禁止非法贩运和滥用麻醉药品和精神药物的合作协议》、2002年12月2日签订的《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于移管被判刑人的条约》（以下简称《移管被判刑人的条约》）、2010年9月27日签订的《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于打击恐怖主义、分裂主义和极端主义的合作协定》。1992年签订的《中俄民刑事司法协助条约》的特点笔者将其概括如下：1. 条约采用的是框架与混合式的建构模式。一方面，条约的框架性体现在，条约的内容多为概括性条款，适用的灵活性较强，可以针对具体案件情况、具体协助请求事项，机动性地作出不同应对。另一方面，条约的混合性体现在两个方面，首先，民事司法协助制度与刑事司法协助制度统一规制在一部条约中。其次，该部条约既包括实体性内容也包括程序性事项。例如，条约的第四条规定了证人和鉴定人享有受保护的权利等内容。程序性条款如：条约第十八条承认与执行法院裁决的程序等内容。民事与刑事司法协助制度规制内容比例不平衡。作为同民事司法协助并列的另一重要司法协助制度，刑事司法协助条款在整部条约中占有的比例很小。内容包括：刑事司法协助的具体范围、送达文书和调查取证程序规则、赃款赃物的移交程序、刑事司法协助的拒绝的理由、刑事诉讼结果的通知、关于以往犯罪的情报的免费提供六项内容。且相关条文对中俄刑事司法协助的范围、程序、运行机制等内容，仅做出一般性规定，导致双方司法机关在应对具体刑事司法协助时困惑重重。

¹ 作者介绍：高思洋，1985—— 内蒙古大学满洲里学院 法律系 讲师。

(二) 中俄刑事司法协助国内立法的概况。

1. 我国国内立法的概况。

我国针对刑事司法协助制度的规定,主要体现在两部法律中。我国《刑事诉讼法》第十六条、第十七条,最高人民法院《刑诉法解释》第十八章涉外刑事案件的审理与司法协助中做了专门的规定。2006年10月31日出台的《中华人民共和国反洗钱法》第五章“反洗钱国际合作”中规定了相关条款。2018年10月26日《中华人民共和国国际刑事司法协助法》生效实施,共计九章,70个条文。出台《中华人民共和国国际刑事司法协助法》的必要性可以概括为如下几点:首先,制定国际刑事司法协助法是落实党的十九大精神,全面推进依法治国、推进反腐败国家立法、推进国际追逃追赃工作的需要。其次,制定国际刑事司法协助法有利于加强国际合作打击跨国犯罪,为我国履行国际条约义务提供法律依据,同时也有利于国内法与相关国际条约的对接,对深化国际刑事司法协助意义重大¹。最后,制定国际刑事司法协助法有利于明确刑事司法协助工作的管理职责,形成工作合力,从而加强对跨国犯罪的打击力度,及时、有效的提高对跨国罪犯刑罚威慑力。诚如意大利刑法学家贝卡利亚所言:“惩罚犯罪的刑罚越是迅速与及时,就越是公正和有益”。

2. 俄罗斯国内立法概况。

俄罗斯联邦国内关于刑事司法协助的立法规定主要集中在俄罗斯《刑事诉讼法典》第五部分刑事诉讼领域的国际合作。主要涉及如下的内容:第一,一般性的规定,如俄罗斯《刑事诉讼法典》第1条规定刑事诉讼程序的法律规定;第二,送达的联系机关与主管机关。第453条司法协助请求的送达,第456条传唤处在俄罗斯联邦境外的证人、被害人、鉴定人、民事原告人、民事被告人、他们的代理人;第三,请求外国送达文书的规定,第454条请求外国调查取证请求的内容与形式;第四,调查取证的程序性规定,第457条司法协助请求在俄罗斯联邦的执行;第五,被判行人移管,第470条移交被判行人的条件和程序、第469条移交被判处剥夺自由人的根据、第472条对于在俄罗斯联邦服刑的申请的事先审查程序、第473条法院解决与执行外国法院刑事判决有关问题的程序;第六,刑事诉讼移送管辖的规定,第459条关于在俄罗斯联邦境内进行刑事追究或提起刑事案件的请求执行、第458条送交刑事案件材料以便进行刑事追究²。

二、宏观层面——构建中俄刑事司法协助新局面。

(一) 构建刑事司法协助条约独立模式。

笔者上文中提到中俄刑事司法协助条约签署的时间及相关内容,囿于上个世纪各国的

国情与跨国性犯罪类型、数量等原因的影响,双方采用了混合式的条约建置模式,即:刑事司法协助与民事司法协助刑民不分的条约建置模式签署了该项条约。但随着两国经贸合作的不断深化,跨国性犯罪的案件数量明显增加,犯罪类型呈多元化发展,包括侵犯人身、财产法益型跨国犯罪、走私型的跨国犯罪、涉黑型跨国犯罪、涉毒型跨国犯罪等。笔者对发生在中俄毗邻地区的部分跨国刑事案件进行了梳理,2013至2016年,满洲里海关查获50余起走私濒危野生动物及其制品案,涉案物品包括狼皮、狼牙、熊掌、熊牙、熊胆、西伯利亚虎虎骨、鹿血、羚羊角等。2013至2015年走私熊掌量多大220只,其中2015年5月满洲里海关工作人员在对自俄罗斯伊尔库茨克飞往满洲里的入境航班的机组人员和旅客行李物品进行检查时,发现某旅客行李箱的X光机透视图像异常,经专人工作查验,在中籍旅客兰某行李箱内发现夹藏有熊牙30颗、熊趾甲8个、狼皮1张。2015年12月15日满洲里海关查获俄籍犯罪分子跨国走私珍贵动物制品,该案是自2013年“5·22”全国最大熊掌走私案之后侦破的又一起熊掌走私案件,共查获7只熊掌³。

2002年以来,中俄边境每年破获的毒品案件都在5000至7000起之多,登记在册的吸毒人员有4万余人。中俄禁毒部门定期开展会谈会晤工作,通报双方打击毒品犯罪情况,适时在口岸地区开展调研和公开查缉行动,仅黑龙江省就破获中俄双方走私毒品案件160余起,抓获涉毒犯罪嫌疑人110多人,缴获毒品2t多,并破获了在黑河、虎林、密山、绥芬河、东宁等口岸走私贩卖毒品的一系列案件。2009年8月底,黑龙江省公安厅禁毒总队在俄罗斯联邦禁毒部门的支持下,组织各地警力在绥芬河、东宁县境内摧毁一个跨国制造、贩卖、吸食毒品大麻烟的团伙,共抓获犯罪嫌疑人12人(9人为俄罗斯籍,1人为哈萨克斯坦籍,2人为中国籍),收缴原料大麻叶2300克和成品大麻烟5422克。2005年4月,俄罗斯远东联邦区安全局向黑龙江省公安厅通报了一起中俄两国犯罪分子相互勾结组织型跨境走私毒品的情报线索,经缜密侦查,双方合作一举破获⁴。

通过上述实证数据的列举,说明了中俄两国的犯罪情况已经远超上个世纪90年代初期,中俄在警务合作、联合调查、出庭审判、执行移管辖等方面的合作越来越多,但是现有的《中俄民刑事司法协助条约》关于刑事司法协助的内容规范不足、相关制度可操作性不强、相应制度缺失等问题对双方司法机关开展刑事协助的活动,追诉犯罪嫌疑人带来诸多障碍。因此构建一部全新的中俄刑事司法协助条约是十分必要的。

¹ 关于《中华人民共和国国际刑事司法协助法(草案)》的说明。

² 黄凤. 国际刑事司法协助国内法规则概览[M]. 中国方正出版社, 2012. 31, 47, 96, 187, 311.

³ 满洲里海关网站。

⁴ 靳会新. 中俄毗邻地区跨国犯罪问题及中俄警务司法合作[J]. 西伯利亚研究, 2010. (6), 60.

(三) 协调中俄双边条约与国内立法的衔接。

《中俄民刑司法协助条约》、《中俄移管被判刑人的条约》与我国2018年10月26日出台的《中华人民共和国国际刑事司法协助法》中相关内容存在衔接的问题。

1. 联系途径不一致。

《中俄民刑司法协助条约》中规定缔约双方的法院和其他主管机关相互请求刑事司法协助，应通过各自的中央机关进行联系。这里的中央机关，在中华人民共和国方面系指中华人民共和国司法部 and 中华人民共和国最高人民检察院。然而，我国《国际刑事司法协助法》将司法部确定为对外联系机关，最高人民检察院确立未主管机关，因此有必要统一对外联系机关。

2. 审查主管机关不一致。

《中俄民刑司法协助条约》中规定缔约双方的法院和其他主管机关相互请求刑事司法协助，应通过各自的中央机关进行联系。这里的中央机关，在中华人民共和国方面系指中华人民共和国司法部 and 中华人民共和国最高人民检察院，对于审查机关、主管机关没有进一步明确规定。然而根据我国《国际刑事司法协助法》中的规定，联系机关与主管审查机关实际上采取的分离主义或双重审查模式即形式审查与实质审查，形式审查主要由对外联系机关负责，实质审查主要是由主管机关进行。同时国家监察委员会是开展国际刑事司法协助的主管机关之一，按照职责分工，审核向外国提出的刑事司法协助请求，审查处理对外联系机关转递的外国提出的刑事司法协助请求，承担其他与国际刑事司法协助相关的工作。根据我国《监察法》的相关规定涉及贪污贿赂犯罪、玩忽职守犯罪的立案、侦查权属于监察委员会，检察院不具备行使相关权利的资格。因此实践中在会出现双边条约与国内条约，在执行刑事司法协助时，相关执行机关的对接的问题，影响刑事司法协助工作的顺利开展。

3. 司法协助的拒绝事项的规定不一致。

《中俄民刑司法协助条约》关于拒绝事项规定的比较宏观，仅对有损于本国的主权、安全或公共秩序做出了拒绝协助的规定，同时在刑事司法协助的部分也仅规定了按照被请求的缔约一方的法律，该项请求涉及的行为并不构成犯罪；刑事司法协助请求涉及的嫌疑犯或罪犯是被请求的缔约一方国民，且不在提出请求的缔约一方境内做为拒绝协助事由。然而我国《国际刑事司法协助法》采用明确列举的形式对这一问题进行立法规定。具体包括：1) 根据中华人民共和国法律，请求针对的行为不构成犯罪；2) 在收到请求时，在中华人民共和国境内对于请求针对的犯罪正在进行调查、侦查、起诉、审判，已经作出生效判决，终止刑事诉讼程序，或者犯罪已过追诉时效期限；3) 请求针对的犯罪属于政治犯罪；4) 请求针对的犯罪

纯属军事犯罪；5) 请求的目的是基于种族、民族、宗教、国籍、性别、政治见解或者身份等方面的原因而进行调查、侦查、起诉、审判、执行刑罚，或者当事人可能由于上述原因受到不公正待遇；6) 请求的事项与请求协助的案件之间缺乏实质性联系；7) 其他可以拒绝的情形。因此，在两国司法机关进行司法协助时如何适用司法协助拒绝事项的条款，对于超出《中俄民刑司法协助条约》规制事项但又符合我国《国际刑事司法协助法》中关于拒绝事项的规定，我国相应司法机关又该如何操作，这实际上是一个有待继续研究的问题。

通过上述问题的论述，笔者认为最佳的方式为以修正条约的形式来解决双边条约与国内立法衔接不畅的问题。《中俄民刑司法协助条约》的签订已有26年有余，在过去的26年里双方各国在刑事立法发展、国际刑法领域的研究、刑事司法协助的实践探索、双方经贸合作、跨国犯罪及毗邻地区犯罪类型与数量均发生的较大的变化，双方原有签订的条约已经不能满足当下两国司法机关开展刑事司法协助的要求。修正条约、确立刑事司法协助条约独立化，实施对外联系机关与主管机关相互分离即双重审查的刑事司法协助制度是十分必要的。

(四) 设立刑事司法协助新原则、新理念。

1. 坚持国家主权原则与合作理念。

中俄刑事司法协助首先要坚持两国家主权原则，合作绝不能损害国家主权、安全和社会公共利益；其次要体现两国家间相互提供最广泛合作的精神，坚持平等互惠、深化刑事司法协助制度、拓宽的协助的范围、增强刑事司法协助的实操性，为顺利开展多元刑事司法协助创造条件、铺平道路。

2. 坚持从中俄两国情出发，兼顾两国实践、外国经验和国际条约。

中俄刑事司法协助应立足于两国国现有双边条约，也要兼顾两国相关的国内立法，做到双边条约与中俄两国国内立法的协调统一，减少司法实务中的协助性障碍。同时在修正双边条约时应总结实践中的相关经验，特别是中俄毗邻地区之间近些年在司法协助实践中所获得的宝贵经验。例如：俄罗斯联邦总检察院在与黑龙江抚远县相邻的哈巴罗夫斯克设立了边境司法合作的直属派驻机构，专门负责远东与俄罗斯相邻国家司法协作的事宜。再如：黑龙江省检察机关已与俄罗斯阿穆尔州检察院、哈巴罗夫斯克边疆区检察院、滨海边疆区检察院等建立了协作关系。而佳木斯、黑河、绥芬河等边境地区也已建立了与俄方检察机关的工作交流、磋商机制。抚远县检察院还与哈巴罗夫斯克边疆区拉佐区检察院互派检察官，分期分批进行互访。2007年，绥芬河市检察院在查办该市国土资源局工作人员刘某涉嫌滥用职权案时，发现其已潜逃至俄罗斯。该院借助长期以来和俄罗斯滨海边疆检察机关建立的友好合作

关系,得到俄方检察机关的支持和配合,仅用2天时间便将犯罪嫌疑人刘某抓获归案。借鉴外国开展刑事司法协助工作的有益经验,注意双边条约与国际条约相衔接。

3. 坚持以问题为导向,立足当前,着眼长远。

在全面总结中俄过去二十多年开展刑事司法协助工作实践经验的基础上,未来条约的修正应着眼于为中俄两国刑事司法协助提供必要的法律支撑,以解决合作中的实际问题为导向,以服务反腐败跨国追逃追赃为目的。注意把握实践发展的新趋势、新理念,保障中俄两国刑事司法协助工作的持续健康发展。

4. 坚持条约信守原则。

由古罗马民法中“契约必须遵守”概念发展而来的条约信守原则也是建立中俄双边条约的基本原则之一,它是守法正义在中俄双边条约中的具体表现,可以通过平衡中俄两国的利益冲突,加深两国的互信,促进国家间的交往与合作。因此应在中俄两国刑事司法协助实践中,秉承条约精神及互信承诺,积极开展多元性刑事司法协助,维护中俄两国国家与人民的根本利益。

(五) 将移管被判行人制度与刑事司法协助制度整合。

目前中俄两国关于移管被判刑人的制度与刑事司法协助制度分别规定《中国和俄罗斯联邦移管被判刑人条约》和《中俄关于民事和刑事司法协助条约》中。笔者之所以建议未来将上述两项制度通过整合归入刑事司法协助条约中,原因为:首先,中俄两国在开展对刑事犯罪打击的过程中,均需要遵循立案侦查、审查起诉、审判、执行这一的刑事追诉程序,然而刑事司法协助的价值在于实现对跨国刑事罪犯的追诉,因此无论是为了保障刑事诉讼程序顺利推进,还是出于对犯罪人权利的保证,将移管被判行人制度与刑事司法协助制度整合是十分必要的。其次,我国建立的《国际刑事司法协助法》及《德国刑事司法协助法》、《瑞士刑事司法协助法》中均将移管被判行人制度纳入到刑事司法协助的调整范畴中,因此可以作为未来整合移管被判行人与刑事司法协助重要参考。

三、微观层面——强化中俄刑事司法协助的法律保障地位

(一) 条约中相关术语的厘定。

《中俄民刑司法协助条约》中有关术语的界定并不明晰,为司法实践带来不同程度的困惑。例如,对于司法协助的界定,刑事、民事的界定,在该条约中均未作出规定。国别之间立法技术、国情、语义环境的不同会导致同词不同意的现象,明确界定相关术语的适用范围有利于司法实践中刑事司法协助的明确性与可操作性。我国在于其他国家建立刑事司法协助条约时对于相关用语均做出的明确的界定。例如《中华人民共和国和加拿大关于刑事司法协助的条约》第一条刑事司法协助,第二款和

第三款对相关词语作出明确的规定。即所谓司法协助系指被请求方为在请求方进行的刑事调查取证或诉讼所提供的任何协助,无论该协助是由法院或其他机关寻求或提供。“刑事”是指在中华人民共和国方面系指全国人民代表大会及其常务委员会制定和颁布的法律所规定的与犯罪有关的调查取证或诉讼;在加拿大方面系指联邦议会法律所规定的与犯罪有关的调查取证或诉讼。《中华人民共和国和澳大利亚关于刑事司法协助的条约》第一条适用范围条款也对刑事一词作出了规定,即“刑事”亦包括与触犯涉及税收、关税以及其他财税方面法律的犯罪有关的事项。《中华人民共和国和新西兰关于刑事司法协助的条约》第一条适用范围第二款中本条约所述“刑事”,在中华人民共和国方面系指全国人民代表大会及其常务委员会制定和颁布的法律所规定的与犯罪有关的调查、起诉或者其他诉讼;在新西兰方面系指国会制定的法律所规定的与犯罪有关的调查、起诉或者其他诉讼。

(二) 启动刑事司法协助程序存在的问题。

据不完全统计,黑龙江省边境地区检察机关已办理涉俄刑事司法协助案件 150 件。从件性质看,既包括杀人、诈骗、偷税、逃汇、走私、毒品、偷越国境、绑架、敲诈勒索、伪造证件等普通刑事犯罪案件,又包括贪污、受贿、挪用公款、滥用职权等国家工作人员的职务犯罪案件,其中以走私、诈骗、偷越国境、毒品案件居多,占全部案件的 50 %以上¹。近几年随着国际国内形势的变化,国有公司、企业淡出对俄经贸领域,该领域的职务犯罪日益减少。中方为俄方协助的案件数量却很大,占司法协助案件总数的80 %以上²。根据《中俄刑事司法协助条约》的规定条约中指定的中方的中央机关为司法部和最高人民检察院,在司法实务中公安机关、监察委员会在查办相关案件时将面临着跨部门、审批程序复杂、办理时间长的问题。尽管在中俄毗邻地区建立了较多的中俄警务合作机制及相关会议纪要或定期互访机制,但是仍然面临着缺乏法律、条约依据或授权不明的问题。同时关于移管被判行人程序的启动也面临着启动难的问题。以北京为例,仅北京 2006 年查处外国人刑事犯罪案件 237 起,同比增长 49.2 %³。但同年司法部收到的被判刑人移管案件的数量并非同比增加,且真正移管成功的案例少之又少,根据司法部公开的数据,2011 年收到移管案件 198 件,移管成功的只有 10 人⁴。被判刑人移管在我国适用中存在程序难以启动的难题,笔者认为其主要原

¹ 佟强. 检察机关刑事司法协助研究【D】。长春: 吉林大学。

² 李景华. 黑龙江检察机关刑事司法协助的思考[J]. 中国检察官, 2009(11): 68。

³ 漆菲. “西进东出”外国人在华犯罪加速[N]. 环球视野, 2011 (2) 12。

⁴ 周 凌, 赵金金. 论我国适用被判刑人移管制度之现实困境及路径选择[J]. 时代法学, 2016 (3) 26。

因除了《刑法》第十条规定的对外国裁判的消极承认外,还在于现有双边条约关于程序启动的规定不合理,条约缺乏统一的标准,拒接事由裁量权过大。

(三)刑事司法协助程序运行阶段存在的问题。

1. 立案侦查阶段存在的问题。

(1)证据的形式与效力存在的问题。2005年6月,俄罗斯滨海边区检察院重案侦查处的两名侦查员来黑龙江省检察院,请求就俄方办理的俄罗斯两名海关官员受贿一案提供司法协助,当时我方向其提供了646份海关报关单作为书证,按照我国关于证据合法性认定的法律规定,海关在每一份报关单上盖公章,我方检察人员在每一份报关单上注明“此件复制于中国某某海关”并签上姓名和日期,而后我方检察院和海关各出一份关于案件协查情况的答复函、以证明取证过程合法和证据真实有效即可,而俄方还额外要求提供协助后对所有的证据逐一作出说明,并在每一份证据上加盖检察院具体提供司法协助处室的公章,否则,将影响证据的效力¹。通过上述案例说明了中俄双方在认定刑事案件证据的程序、法定形式上均存在着双重标准,在签订双边条约时中俄双方针对取证程序、双方关于证据的认证形式、证据效力问题均未做出统一的规定,同时涉及中俄两国司法鉴定能否的互认的问题,仍然缺少相关的立法、条约的规定,进而导致在司法实践中的一系列问题。

(2)中俄双方侦查联动机制中存在的问题。受制于司法主权原则,中方或俄方的侦查机在请求对方开展跨国犯罪,跨区域刑事侦查时,往往请求方处于被动、辅助的地位,经常出现协助国不了解案情导致延误案件处理的问题。同时协助国在抓捕请求国所需的犯罪嫌疑人、罪犯过程中能否采取刑事强制措施,也缺少条约支持,造成双上协助的困惑。

虽然中俄毗邻地区相关警务合作关系已经确立,但受两国司法文化的差异及相关人员出入境审批程序复杂、语言及相关经费等的限制,涉外调查取证难的问题依然存在,刑事案件侦查周期长,致使有些犯罪嫌疑人不能在法定期限内被追诉。同时司法查询也存在困难,就我国境内司法查询存在本地查询与异地查询的困难,异地查询需经过两级高级人民法院换函,并由被委托执行人所在地高院委托查询,时间长易导致当事人不满的情绪,中俄两国跨区域、跨国的司法查询协助,因无相关条约的规范,司法实践中存在着较大的困难。

2. 审判阶段相关人员出庭难的问题。

根据《中俄民事刑事司法协助条约》第四条规定证人和鉴定人的保护制度,其具体内容

有关犯罪的免责;其二,证人、鉴定人庭审期间的证言及鉴定结论的免责;其三,免责的期限;其四,禁止采取强制措施相威胁的形式通知证人、鉴定人出庭;第五,对证人、鉴定人的差旅费、鉴定费、相应报酬均做出了明确的规定。尽管条约对证人、鉴定人在条约中做出了较为详尽的规定,但还是面临着证人的出庭难的问题。

同时解送在押人员出庭作证制度缺少实践操纵性的条约依据。中俄两国建立的的双边条约中没有对该问题做出明确的规定。所谓解送在押人员出庭作证是指,为了在请求国的刑事诉讼中提供证词、协助调查,根据请求将在被请求国受到羁押的犯罪嫌疑人、被告人或被判行人移送到请求国境内,并依照请求约定的事项送还被请求国²。设立该项制度的目的主要是当庭听取相关证人的证言或相关陈述,顺利推进相关刑事诉讼程序的进行。

3. 执行阶段存在的问题。

(1)送达法律文书的问题。送到文书的方式不明确。中俄间相关司法协助条约、会晤纪要均没有对刑事案件相关文书的送达方式、送达的具体程序及送达后的信息回馈做出明确的规定。因此实践中出现了通过中央机关送达、外交途径送达、领事送达、邮寄送达等各种方式,甚至出现了通过私人代为送达的情况,致使中俄毗邻地区司法协助文件的送达方式出现混乱和不规范的现象。实践中在中俄毗邻地区,由于经济贸易往来频繁,人口的流动性大,也加大的了送达文书的困难,有些当事人在中俄两国均有固住所,为逃避法律责任往往在境外一直不归国,造成法律文书送达障碍的问题。

(2)执行移管中的问题。笔者认为在执行阶段,中俄双方现有双边条约部分规定缺失,不利于执行移管合作顺利进行。首先,对刑事附带民事诉讼中赔偿判决的执行缺少明确的规定,这会导致被判刑人移管回国后,受害人的损失得不到赔偿,有损其司法主权的威严。其次,缺少移管法律效果的规定。移管的法律效果涉及到被判刑人在执行国再犯罪的是否会构成累犯的问题,目前理论界对这一问题存在争论,因此有必要在中俄相关双边条约明晰这一问题,增强对跨国罪犯的打击力度及预防程度。最后,中俄毗邻地区应当开展有条件的直接执行移管制度。根据中俄两国签署的《移管被判刑人的条约》的相关规定,中俄双方指定各自的中央机关为对外联系机关。中央机关在中华人民共和国方面系指中华人民共和国司法部,在俄罗斯联邦方面系指俄罗斯联邦总检察院。在执行本条约时,中央机关应直接联系。这就导致的了在实践中执行机关在执行移送被判行人移管时出现审批程序复杂,逐级上报时

¹ 佟强. 检察机关刑事司法协助研究【D】。长春: 吉林大学 13页。

² 黄风. 国际刑法学【M】。中国人民大学出版社, 2007. 309。

间长等问题,因此笔者建议可以将移管权限下发到中俄毗邻地区地方司法厅,设立相应条件规制毗邻地区执行移管程度,提高司法执行效力,在执行阶段真正实现对犯罪人最大利益的保护。

(3) 资产追缴的问题。根据《中俄民事刑事司法协助条约》第二十四条规定赃款赃物的移交,该条款对于赃款、赃物的追缴仅做了一般性的规定,在不侵害与相关财物有关第三者的权利的情况下,所获得的赃款赃物,应移交给缔约的请求方。同时又规定了一项可暂缓移交的情况,即:如果上述赃款赃物对被请求的缔约一方境内其他未决刑事案件的审理是必不可少的,被请求的缔约一方暂缓移交。2018年10月26日实施《中华人民共和国国际刑事司法协助法》关于资产追缴问题做了较为细致的规定,其与党的十八届四中全会提出了“加强反腐败国际合作,加大海外追赃追逃、遣返引渡力度”的重要决策是相契合的。该条约规定了启动程序、同意执行的事项、拒绝追缴事由、分享机制等内容,突显了我国立法技术的进步,及与跨国反腐败的政策相对接,深化反腐败国际合作,建设反腐败合作网络,返还腐败资产,拒绝为腐败官员提供避罪港,为打击跨国腐败案件提供有力支撑。

实际上《中俄民事刑事司法协助条约》关于资产追缴的规定明显与打击跨国反腐败犯罪、深化国际追逃追赃机制以及资产追缴合作等方面内容不相契合,过于宏观性的规定为犯罪分子逃脱法律追诉提供可趁之机。相对滞后的立法内容造成了条约与我国国内立法衔接存在衔接不畅的问题,因此笔者建议修正该部分内

容是十分必要的。

四、对中俄刑事司法协助未来的展望

(一) 构建独立、多元化的中俄刑事司法协助条约。

笔者建议未来中俄刑事司法协助应当从现有的《中俄民事刑事司法协助条约》中独立出来,根据两国现实合作的情况结合相关国际条约与国内立法,融合国际新理念、新内容、新趋势构建条约独立、内容多元的中俄刑事司法协助条约。构建独立、多元化的中俄刑事司法协助条约的价值表现为:

1. 形成较为完善的刑事司法协助框架体系。截至2018年9月我国签订的刑事司法协助条约共计63项,其中采取民事与刑事合一模式的司法协助条约19项(全部生效),其多为独联体国家和部分非洲国家;采取独立刑事司法协助模式条约44项(35项生效)。采用独立建置模式的刑事司法协助条,其内部设置又可以分为两种模式,章与条式的条约建置模式和条款式建置模式。采取不同建置模式的原因,笔者将其总结为如下几点:首先,刑事司法协助频繁度、跨国刑事案件发生率决定了条约建置的形

成;其次,相关国家立法文化与立法技术决定了条约建置的择取。其三,国内相关立法的与刑事司法协助条约的衔接也决定条约建置形式的配置。

2. 形成完善的条约内部章节体系,增强条文精细化与实操性。详言之,首先,在立案侦查阶段:完善立案侦查相关审查程序,明确双方认可的侦查形式,确立口岸对口岸的直接联络、协调机制,确立联合调查的模式,统一证据的认证形式与效力标准。其次,在审判阶段,为了解决当事人、相关证人及鉴定人出庭难的问题,可以通过条约的形式确立远程视频听证程序或建立涉外网络法庭完善这一问题。实际上远程视频听证形式早在2005年《中华人民共和国和西班牙王国关于刑事司法协助的条约》第十条第三款做出了规定。2001年在斯特拉斯堡缔结的《欧洲刑事司法协助公约第二附加议定书》中对于该形式做出了较为详细的规定,确立了可操作性性的规则,可以做为日后相关条款设立的借鉴依据。最后,在执行阶段,应继续完善送达制度,明确中俄送法的法定方式,必要时可以设立双方互认的送达方式,同时在条约中要明晰送达的程序,在中俄毗邻地区应简化送达程序,避免送法乱象的出现。

3. 有利于将被判行人移管与刑事司法协助并合。刑事司法协助内容涵盖立案、侦查、审查起诉、审判、执行四个环节,被判行人移管问题是执行协助中的重要组成部分,我国2018年出台的《中华人民共和国国际刑事司法协助法》已经将被判行人移管制度与刑事司法协助并合,并合后更有利于体现现代刑事政策所倡导的特别预防和人道主义原则,更加充分地体现了互助互利的司法合作精神与对两国司法主权的充分尊重。

(二) 深化毗邻地区刑事司法协助。

随着我国丝绸之路经济带建设的深入,中俄未来的经济贸易合作会不断扩大,为了充分保障两国经贸合作,着力推进中俄区域安全合作、主动参与区域和次区域安全合作,深化司法协助机制,增进中俄战略互信是十分必要。因此笔者建议应在毗邻地区可以开展如下合作,条件成熟时可以向全国推广。

1. 在中俄毗邻地区互设中俄公民警务服务中心。目前内蒙古自治区公安厅拟于2014年在满洲里市设立中俄公民警务服务中心,并开设俄汉双语报警电话,充分保障俄籍公民在中国的合法权益。但是俄方目前没有增设相关机关,根据国际法中的对等原则,建议俄方尽快设立相应配套警务合作机构开通俄汉双语报警电话,切实保障中方公民合法权益。笔者建议未来可以在中俄口岸城市建立警服服务中心,把两地警务合作打造成为国际警务合作的新亮点。

2. 加强刑事技术领域的合作交流。必要时两国警方可以联合开展涉恐、涉毒、涉贪腐、

涉走私等严重国际犯的联合突击演习，技术侦查经验交流、情报共享、建立定期会晤机制等合作事项，共同维护两国边疆地区的和谐与稳定。

3. 建立中俄边境司法合作的直属派驻机构。目前，俄罗斯联邦总检察院在与黑龙江抚远县相邻的哈巴罗夫斯克设立了边境司法合作的直属派驻机构，专门负责远东与俄罗斯相邻国家司法协作的事宜。按照对等原则，建议在黑龙江省检察院设立专门从事对俄司法协作的办事机构，负责全国检察机关，或者东北地区检察机关涉俄刑事案件的调查取证，追捕追赃等刑事司法协助。

4. 建立统一的司法协助窗口。中俄刑事司法协助不应仅限于边境地区的司法机关，可以依托内蒙古自治区，建立起包括吉林、辽宁、黑龙江等省区的中俄刑事司法协助统一窗口。

（三）强化中俄反腐败合作。

1. 确立中俄反腐败国际合作的指导理念。中俄双方应当秉持共商共建共享的全球治理观，秉持“零容忍”“零漏洞”“零障碍”三大原则，不断推动反腐败国际合作向纵深发展。详言之：首先要强化共识，坚持“零容忍”态度；其次是求同存异，打造“零漏洞”制度，其三是互利共赢，开展“零障碍”合作。诚如习近平总书记所言：通过切断“后路”和“退路”，“猎狐”可以反向提升“打虎”“拍蝇”的成效，反腐败国际合作是对腐败分子“侥幸心理”的釜底抽薪之举。

2. 编制严密的中俄反腐败国际合作的法网。要编制严密的中俄反腐败国际合作的法网应做好如下工作：首先，建立中俄反腐败综合执法协助机制，强化对腐败犯罪分子的威慑力，通过条约的修正、制度的创新、经验共享切断利益输送链条，加强对权力运行的制约和监督，形成行之有效的协助机制。其次，坚持反腐无禁区、全覆盖、零容忍，坚持重遏制、强高压、长震慑，坚持受贿行贿一起查。再次，通过中俄双方的努力将“一带一路”打造成为廉洁之路。最后，消除中俄法律制度、法律技术中的差异性，通过双边刑事司法协助有

效打击腐败犯罪，消除腐败犯罪分子的避难天堂，将反腐法网编制的更加紧密让已经潜逃的无处藏身，让企图外逃的丢掉幻想¹。

（五）完善资产追缴制度。

《联合国反腐公约》关于资产追缴的方式，划分为两类，即“直接追回财产的措施”和“通过没收事宜的国际合作追回资产的机制”。中俄间关于资产追缴的方式更倾向于后者，但是现有的中俄双边条约对于此类问题的规范程度还明显不足，这与刑事司法协助的新中心是不符的。根据《中俄民事刑事司法协助条约》第二十四条关于赃款赃物的移交，该条款对于赃款、赃物的追缴仅做了一般性的规定，在不侵害与相关财物有关第三者的权利的情况下，所获得的赃款赃物，应移交给缔约的请求方。同时规定了一项可暂缓移交的情况，即：如果上述赃款赃物对被请求的缔约一方境内其他未决刑事案件的审理是必不可少的，被请求的缔约一方可暂缓移交。实际上在欧盟关于相互承认没收令已经有了最新的发展成果，在成员国间已经开展了程序便捷、行之有效财产追缴方式。我国国内立法已经确立了被没收财产的分享制度及相关具体规则，但这些制度在中俄双边条约中仍然为空白。因此笔者建议未来应把握好如下三点：第一，贯彻并执行好现有有条约、协议，应加快进一步完善资产追缴制度速度。第二，应充分利用现有的平台，探索多层次、多渠道的资产追缴合作模式。第三，简化手续，提高办案效力，加强直接合作，搭建联合调查、快速遣返、资产追缴通道。

应当承认这样一个事实：目前在中俄刑事司法协助中所遇到的困难主要来自于法律层面，并非直接源于政治因素、社会形态、文化差异的影响。因此，我们应当加强中俄刑事司法协助的研究，将原有刑事司法协助内容进行修正并根据实践情况及毗邻地区刑事司法合作经验的积累构筑全新中俄刑事司法协助条约，使这一问题最终得以解决，最后，笔者希冀通过本文的撰写能为中俄之间刑事司法协助的进一步完善献言献策。

¹ 人民网 近平谈反腐国际合作：把惩治腐败的天罗地网撒向全球。

**РАЗДЕЛ 3. Филологические проблемы трансграничья:
литературоведческий, лингвистический
и методологический аспекты
(филологическое и лингвистическое направления)**

**SECTION 3. The Philological Problems of Transgenica:
Literary, Linguistic
and Methodological Aspects
(Philological and Linguistic Direction)**

УДК 81:003:94
БК Ш12-03:ТЗ(05)-6

Юлия Викторовна Биктимирова,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: pravo_chita@mail.ru*

**Проблемы изучения региональных памятников письменности
XVII–XVIII веков о русско-китайских отношениях
с точки зрения лингвистического источниковедения¹**

К обзорному исследованию в контексте лингвистического источниковедения привлекаются памятники письменности XVII–XVIII веков корпуса разножанровых рукописных документов Нерчинской воеводской канцелярии, так называемые памятники деловой письменности Забайкалья, посвящённые русско-китайским отношениям. В корпусе исследуемых памятников выявлены древние документы внутреннего и дипломатического характера, иллюстрирующие взаимоотношения Российского государства и Цинской империи в XVII–XVIII веках, которые представляют интерес не только для историков и краеведов, но и для лингвистов – историков русского языка.

Ключевые слова: региональные памятники письменности, дипломатическая переписка, лингвистическое источниковедение, узус, документная лингвистика

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 2018 г. № 18-012-00270-а «Русский язык в полиэтничном Забайкалье: динамический аспект».

Yuliya V. Biktimirova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: pravo_chita@mail.ru

The Problems of Studying the Regional Written Monuments of XVII–XVIII Centuries About Russian-Chinese Relations from the Point of View of Linguistic Source Studies

To review research in the context of linguistic study is involved a written monuments of the XVII–XVIII centuries case different genres of manuscripts of Nerchinsk provincial office, the so-called monuments of business writing Transbaikalia, devoted to Russian-Chinese relations. The ancient documents of internal and diplomatic character, illustrating the relationship between the Russian state and the Qing Empire in the XVII–XVIII centuries, which are of interest not only for historians and local historians, but also for linguists – historians of the Russian language, are revealed in the corpus of the studied monuments.

Keywords: regional monuments of writing, diplomatic correspondence, linguistic source studies, usus, documentary linguistics

Возрастающая роль документов делопроизводства XVII–XVIII веков в историческом языкознании, в частности лингвистическом источниковедении, и всё более расширяющаяся сфера применения результатов исследования в других науках обусловили привлечение в научный оборот новых лингвистических источников.

Исследования региональных рукописных памятников расширяют представления об особенностях функционирования делового письма в регионах, тем самым дополняют единую систему формирования русского национального языка и языковой картины мира. Исследование памятников письменности в контексте лингвистического источниковедения также входит в контекст всестороннего изучения памятников Забайкалья XVII–XVIII веков, предпринятого в разное время рядом исследователей [4; 5]. Необходимость исследования региональных рукописных документов делового письма определяется потребностью их всестороннего изучения не только лингвистами, но и историками, этнографами, краеведами.

В корпус рукописных памятников Забайкалья XVII–XVIII веков входят тексты разных жанров, разнообразного тематического содержания, отражающие различные стороны жизни первопроходцев и первопоселенцев Забайкалья. Памятники письменности Нерчинского воеводства XVII–XVIII веков также отражают первые контакты русских с соседними государствами и кочующими по территории Даурии народами.

Вхождение Забайкалья в состав Московского государства проходило на протяжении нескольких десятилетий по мере освоения данной территории русскими переселенцами: государственная власть основывала за Байкалом опорные пункты – остроги, которые затем становились городами с торгово-ремесленным населением. Такой путь от острога до города прошёл Нерчинск – административный, экономический и географический центр Забайкалья до конца XVIII века. В вопросе основания Нерчинского воеводства историки придерживаются единого мнения, что уже в середине XVII века в Восточном Забайкалье существовали остроги, выполнявшие военно-опорную функцию, при этом среди них с экономической и географической точки зрения приоритетным являлся Нерчинский острог. По разработанной государственной схеме было организовано управление в Нерчинской приказной избе, а затем и в Нерчинской воеводской канцелярии.

Воеводы управляли командным составом гарнизонов, выборной посадской администрацией и приказчиками острогов и слобод. Каждый воевода получал наказ при назначении в Сибирском приказе и руководствовался им в деятельности. Функции власти – военную, податную, административно-судебную, полицейскую и другие – воевода выполнял через приказную избу или воеводскую канцелярию. Нерчинская воеводская канцелярия была исполнительным органом деятельности воеводы и цен-

тральных органов – приказов [2]. Помимо этого воеводам приходилось осуществлять деятельность, к которой они были мало готовы, – осуществление дипломатического посредничества, что нашло отражение в документах-источниках.

Объектом исследования являются памятники письменности XVII–XVIII веков корпуса разножанровых рукописных документов Нерчинской воеводской канцелярии, так называемых памятников деловой письменности Забайкалья, посвящённые русско-китайским отношениям.

Цель исследования – выявление и описание региональных памятников письменности Забайкалья XVII–XVIII веков о русско-китайских отношениях с точки зрения лингвистического источниковедения и определение лингвистической содержательности переводных писем с опорой на методологическую базу лингвистического источниковедения.

Материалом исследования послужили оригинальные скорописные тексты разных жанров, составленные в Нерчинской воеводской канцелярии и подведомственными ей канцеляриями острогов и заводов Даурии (Восточного Забайкалья), хранящиеся в архивах: в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фондах «Сибирский приказ», «Нерчинская приказная изба»; в архиве Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН (СПБОИИ РАН) в фондах «Нерчинская воеводская изба», «Нерчинская воеводская канцелярия»; в Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК) в фонде «Нерчинская приказная изба».

Условно все документы о русско-китайских отношениях в XVII–XVIII веках можно разделить на три группы в зависимости от адресата, хотя логически все документы носили односторонний характер и являлись обращением сибирских воевод и самого «богдахана» к русскому царю с просьбой решить локальные проблемы на границе государств. Первая группа документов – внутренние, созданные на территории Нерчинского воеводства – отписки воевод в Москву о состоянии дел взаимоотношения с китайцами. Вторая группа – транзитные документы, пришедшие в Нерчинский острог из Цинской империи и обращённые к русскому царю. Третья группа – наиболее изученные с точки зрения источниковедения – дипломатические, такие как Нерчинский договор.

1. Внутренние документы повествуют о взаимоотношениях с кочевыми народами, с соседним государством: содержат отчёты о содержании острогов, выполняющих функции форпостов с описанием укреплений, численности казаков и населения, оружия и провианта.

Большое количество документов, сохранившихся в разных архивах, посвящены предупреждениям нерчинских и албазинских воевод о подготовке китайского войска к взятию и разорению русских острогов. Воеводы Албазинского острога и Нерчинска делали неоднократные попытки предупредить царя, отправляя доношения в Москву, в Сибирский приказ: **Гдсремъ Цремъ ꙗ великимъ ꙗ кнземъ Иоанну ꙗАлексеꙗвичю Петру Алексѣевичю всеа ꙗ великия ꙗ малыя ꙗ белыя росіи ꙗ Самодержцемъ холопъ вашъ ꙗван ꙗ Власовъ челом бьетъ внешнею Гдсри ꙗРЧДꙗм Году Генваря ꙗ въ ꙗкдꙗде писалъ в нерчинскъ ко мнѣ холопу вашему ꙗ из албазина воевода Алексеꙗ толбузин а в отписке ево ꙗ написано декабрю де въ еіꙗде Пришли в албазинскъ ꙗ старые албазинские ясашные тунгусы... да с нимъ ж де пришелъ ясашноꙗ тунгус Генеул ꙗ збратями а с него Генеуля збратями взятъ ясакъ ꙗ наперед сего ꙗ тог о ж де числа бил челом вамъ великимъ ꙗ Гдсремъ а ему де Алексею ꙗзвещалъ словесно онъ Ненилча ꙗ Шаманъ збратями внешнею де во ꙗРЧДꙗм ...в третеꙗ день приѣзжали к нему же Генеулю ꙗ богдоꙗские люди и онъ де Генеулъ сказывалъ имъ что ꙗ взяли с него ясакъ и аманатовъ служилые люди ꙗ и онъ де богдоꙗские люди говорили приказалъ де богдоꙗ <...> много готовица ꙗ под албазинскъ будетъ конница незболшими ꙗ Полковыми Пушками а зболшимъ де Пушки будут ꙗ попрежнему водою насудахъ и наряжено де до албаꙗзинскъ китаꙗскихъ людѣ ꙗ Передъ прежнимъ ꙗ многимъ болше и албазинскъ де возмутъ аманаꙗтовъ попрежнему распустятъ авельꙗи ꙗмъ тунгуꙗсамъ ꙗтти в албазинъ и ясакъ заплатитъ и город ꙗ ꙗ городовые всякие крѣпости осмотритъ и людѣ ꙗ смутитъ и о томъ де в новоꙗ китаꙗскоꙗ городъ онъ въꙗдомость ꙗ ученитъ [6, л. 82].**

2. Документы, содержащие обращение китайского императора Канси к русскому царю, представляют интерес для историков языка. По мнению учёных, вопрос о том, когда началась официальная переписка между русским и китайским правительствами и

какому из них принадлежит начало этой переписки, — остаётся пока невыясненным. В источниковедении упоминается несколько грамот XVII века «китайских богдыханов» к московским царям. Эти грамоты, или так называемые «листы», за исключением двух маньчжурских подлинников от 1686 года, сохранились только в русских переводах. Имеются некоторые грамоты XVII века на латинском языке в переводах иезуитов с китайского и маньчжурского языков.

В корпусе памятников письменности Забайкалья XVII–XVIII веков присутствуют документы, переведённые с китайского (или маньчжурского) на русский язык с помощью латинского языка-посредника, проходящих под одним названием — «Список с переводу латинского письма» из фонда Сибирский приказ Российского государственного архива Древних актов [6]. «Листы» изначально находились в склейке «столпа» документов, который был отправлен в Сибирский приказ Нерчинским воеводой, в наименовании «столпа» присутствует датировка 7194 г. (1686) и указание «в столпе» царствующих особ — «царствование Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича».

В основе «Списка с переводу латинского письма» — исторические события, связанные с освоением Московским государством сибирских земель за Байкалом. Усиление позиций России на малозаселённых территориях вызвало большую обеспокоенность у Цинской империи. Император Канси опасался соперничества России в борьбе за влияние в этом обширном районе и укрепления её позиций вблизи границ своей империи.

В документах говорится о немирном соседстве «русов», **«которые в рубежи нши вступили обиды ꙗ убытки чиня жены и дѣти их в плѣн, Похищаху всеконечно, смущения ꙗ крамолу возбуждати непристали»** [6, л. 95], бесплодных посланках своих грамот в Москву через русских пленников, которые письма уносили, а вести не приносили; возвращении **«народовъ которые на рус бежахъ жить не хочеш ихъ в плен возвратити»** [6, л. 95]; пограничных делах на Амуре и относительно своих желаний по этому предмету — **«и мѣсто яччя имянованное рубежъ положи межъ тѣхъ рубѣжей»** [Там же].

Исследуемые тексты начинаются с наименования документа и истории их появления в Нерчинском приказе и определения

адресата и адресанта: **«Переводъ латинского письма с листов каковы Присланы в Гдрственно' Посолско' приказ ꙗсибирского Приказу, Тата'рский и хинский императѣр ума своего немѣрание к рускому хатанхан...»** [Там же, л. 82].

В нескольких «листах» содержится близкий к тексту оригинала пересказ писцами трёх писем императора Канси «белому царю», китайских вельмож воеводам. Исследуемый памятник вольного пересказа «листов», переведённых с китайского (маньчжурского) на латинский, а затем на русский, состоит из трёх значительных частей: в полной мере представлен переведённый текст трёх писем. Об этом исполнитель документа или переводчик сообщает: **«...В другомъ латинскомъ писмѣ написано то ж что ꙗ выше сего в первомъ написано в третьемъ латинскомъ писмѣ написано...»** [Там же, л. 97].

Структура «листов» состоит из нескольких клаузул: обращения, изложения основного содержания письма и заключительного блока, включающего в себя дату написания и имя автора. Во всех письмах отражена формула адресата и адресанта. Сравнивая «листы» с другими письмами приказного делопроизводства, можно сказать о минимальном использовании формул и клише приказного языка. Связано это как с особенностями перевода, так и с разными традициями составления документов.

Жанром во многом определяется лексика документа. Лексика характеризуется несколькими пластами, которые присущи переводным памятникам дипломатического характера: общественная, политическая, юридическая, дипломатическая, военная.

В исследуемых памятниках обширен иноязычный материал ономастического характера. Значительное количество собственных имён, географических названий предметов обихода в различных графических и фонетических вариантах даёт представление об адаптации иноязычных слов как из европейских языков (императѣр), так и из китайского и маньчжурского (*Гантимур'ка, начальник кун пунгъ хень, Императора камхи, которые были во хенгбѣ ꙗвкахъ яныхъ мѣстехъ*), в русском языке и нормах произношения на русском языке и языке переводимого текста. Например, «мѣсто оноё имянованное ягучя» представлено в — *яччя, яччя, ячи-чя*.

Исследуемые документы отражают в написании с одной стороны облик живой народно-разговорной речи XVII века (*чюжу не хочють, чюжую, сылы, жалая, естли, императир*), с другой – намеренную и порой надуманную архаизацию, отражающуюся в написании слов, возможно, для создания эффекта текста высокого стиля (*хощу, пелен, древле, будучие, народя*). Вопрос вызывают многочисленные заимствования из других языков, фиксируемых в русских деловых литературных памятниках, начиная с середины XVII века – *шеренги, королевство, император, царское величество* и др. Эти слова не фиксировались автором статьи в корпусе памятников Забайкалья XVII века. Также эти слова не нашли своего отражения и в «Словаре русского языка XVIII века. Восточная Сибирь. Забайкалье» [3]. Тройной перевод текста способствует проникновению не только западных элементов, но и восточных – так, русский царь именуется танханом, что можно перевести с монгольского как белый князь и т. д.

Таким образом, исследуемые переводные «листы латинского письма» являются интересным лингвистическим источником с точки зрения отраженных в них явлений языковых контактов Русского государства с Цинской империей в период формирования языка русской нации. Анализ языка памятников показал последовательность в намеренной архаизации путём употребления церковнославянских слов и форм писцами, что, вероятно, являлось маркером дипломатических документов. Между тем живые формы и произносительные варианты, отражённые в языке памятников, могут свидетельствовать о том, что переводчик диктовал текст писцу, переводя устно с латинского языка. Тексты «листов» отразили эти две, казалось бы, взаимоисключающие тенденции – намеренная архаизация и тонкая передача живой звучащей речи, что, конечно, оправдывается как жанром документов, так и отнесённостью к языку переводной литературы.

3. Результатом бесплодной дипломатической переписки и постоянных военных стычек на рубежах двух государств – расширяющего свои границы Российского государ-

ства и укрепляющей свои рубежи Цинской империи – стало разорение крепости Албазин. Точку в напряжённых отношениях двух государств должен был поставить Нерчинский договор (1689 г.), который установил границу между двумя империями и установил дипломатические отношения, по мнению учёных, на равной основе. Как известно, до наших дней в архивах сохранились подлинники договора лишь на маньчжурском и латинском языках. Переданный маньчжурам под Нерчинском русский текст, очевидно, утрачен, но дошёл до нас в копиях и в «Статейном списке» русского посла Ф. А. Головина [1].

Таким образом, Нерчинский договор имел различающиеся по содержанию копии-варианты на трёх языках – маньчжурском, русском, латинском, последний выступал в качестве языка-посредника. Историками и лингвистами отмечено, что «сохранившиеся памятники на туземных языках, скорее пересказы, чем переводы: заключают в себе много измышленных переводчиками добавлений или страдают весьма существенными пропусками. Несоответствия переводов оригиналам часто касаются не только стереотипных добавлений вроде царских титулов, приветствий, благопожеланий и даже «челобитий» со стороны богдоханов русским государям, каковые добавления переводчики часто делали «страха ради», но иногда неправильно передаются и фактические данные [1; 4]. Переводы первого Нерчинского договора интересны историкам и политологам, между тем лингвистическая содержательность этого документа не рассматривалась лингвистами.

К сожалению, до сего времени работа с древними источниками о русско-китайских отношениях затруднена в силу того, что все они находятся в разных архивах России и за рубежом, русскоязычные документы написаны скорописью, которая является одним из самых сложных для расшифровки видов русского письма. Между тем привлечение в научный оборот источников – региональных документов XVII–XVIII веков – способствовало бы заполнению лакун как в истории русского национального языка Петровской эпохи, так и в исторической науке.

Источники и литература

1. Артемьев А. Р. О некоторых спорных вопросах пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г // Вестник ДВО РАН. – 2002. – № 1. – URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-spornyh-voprosah-pogranichnogo-razmezhevaniya-mezhdu-rossiye-i-kitaem-po-nerchinskomu-dogovoru-1689-g> (дата обращения: 07.04.2019). – Текст: электронный.

2. Документ в российской истории / А. Я. Александрова [и др.]; под науч. ред. П.В. Чеченкова. – Н. Новгород: НГТУ, 2012. – 192 с.
3. Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII Восточная Сибирь. Забайкалье. – М.: Азбуковник, 2011. – 584 с.
4. Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII веке // Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. Т. XXI, вып. 2–3. – СПб., 1912. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Manc_rus_kit/pred.htm (дата обращения: 07.04.2019). – Текст: электронный.
5. Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А. П. Майорова; сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2005. – 260 с.
6. РГАДА (Российский государственный архив Древних актов). – Ф. 214. – Стб. 973. – Л. 81–108.
7. Христосенко Г. А. Палеографический альбом (учеб. сб. снимков с рукописей Нерчинских документов делового письма конца XVII – первой половины XVIII в.). – Чита, 1973. – 112 с.

УДК 93/94:821.512.36
ББК ТЗ(2)614-68:ШЗЗ-45(5Мон)

Наваанзоч Х. Цэдэв,
*Монгольский национальный университет,
г. Улан-Батор, Монголия,
e-mail: H.Tsedev@mnun.edu.mn*

Тема Халхингольской войны в монгольской поэзии

В статье анализируется отражение Халхингольской войны в монгольской поэзии. Тема халхингольской победы – одна из самых священных и любимых тем в монгольской литературе. В произведениях монгольских поэтов и писателей воспеваются подвиг русских и монгольских воинов.

Ключевые слова: монгольская литература, халхингольская победа, поэзия, русские и монгольские воины

Navaanzoch Kh.Tsedev,
*Mongolian national University,
Ulaanbaatar, Mongolia,
e-mail: H.Tsedev@mnun.edu.mn*

The Theme Chalhanga War in Mongolian Poetry

The article analyses the reflection of the war chalhanga war in Mongolian poetry. The theme Chalhanga victory is one of the most sacred and popular themes in Mongolian literature. In the works of Mongolian poets and writers the feat of Russian and Mongolian soldiers is sung.

Keywords: Mongolian literature, Chalhanga victory, poetry, Russian and Mongolian soldiers

Тема Халхингольской войны – это особо важная тема в монгольской литературе. Военные историки пишут, что халхингольские события были не только битвой, как полагают некоторые историки, но и настоящей войной, в которой приняли участие огромные силы с двух сторон. Примером тому служат слова известного российского писателя, бывшего военного корреспондента на Халхингольской войне Константина Симонова:

«Даже в годы Великой Отечественной войны я не смог видеть в небе столько самолётов, сколько я увидел в небе халхингольском» [2]. Г. К. Жуков вспоминал: «В этот день с нашей стороны поднялись в небо 150 бомбардировщиков, 100 истребителей» [4, с. 12]. «Иногда в этих схватках с обеих сторон одновременно участвовало до 220 боевых самолётов. Впервые в военной истории в одном бою использовалось такое большое количе-

ство самолётов» [3, с. 49]. Значит, события на Халхин-Голе в 1939 году были не битвой, не стычкой, а действительно были войной перед началом Второй мировой войны.

Прошли годы с тех пор, когда отгремели последние залпы на Халхин-Голе. Много поэтов и мастеров слова слагали стихи и песни, баллады и поэмы в честь монголо-русских воинов, победивших сильнейшую Квантунскую армию. Известный монгольский поэт, народный писатель Монголии П. Бадарч написал балладу о Халхин-Голе [4, с. 12–14], где отмечает:

А что было на Халхин-Голе
Между небом да землёй?
На Баянцагане и Хайласте
Гудели самолёты без числа,
Как пчёлы без пасеки,
И бросали бомбы без разбора.
Убегали волки в панике,
Волчонка в зубах держа,
Шарахалось овец стадо.
Трав сочных лишаясь.
Кони с седлом, зато без воина,
Везде скакали, горестно ржа,
Посуды на подставке звенели,
Слёзным стоном дрожа
(пер. Ж. Нэргуя).

Далее речь идёт о силе нерушимой дружбы двух армий – Советского Союза и Монгольской Народной Республики. Одной из особенностей этой войны было то, что в ней участвовали вооружённые силы двух братских стран, а с другой – оснащённая самой последней техникой армия капиталистической державы.

Когда из-за океана самураи
Перешли границу святую,
Братские наши армии
Встали Алтаем и Хангаем.
Между налётами русские, монголы
В окопах в передышке.
Разделяли табак да воду,
Перед боем по-братски обнимаясь.

Поэт и детский писатель Г. Ганболд, издавший более 20 книг, написал стихотворение «Война на Халхин-Голе». В нём звучат следующие слова:

Русско-монгольские воины
Бились плечом к плечу.
Перед их глазами мелькала смерть,
И небо кроилась мраком в этой войне
(пер. О. Чинбаяра, ред. А. Мухраева).

О цели Квантунской армии и об окончании войны Г. Ганболд написал так:

Целью войны была Москва,
И дорогу хотели проложить через Монголию.
Но кончилась всё это Победой,
На священной реке Халхин-Гол.

Победа армий Советского Союза и Монгольской Народной Республики досталась большой ценой, ценой жизни тысячи русских и монгольских воинов. Народный писатель Ш. Сүрэнжав посвятил свою «Балладу о девяносто героях» теме Халхингольской войны. Об этом произведении сказано много. Сегодня монгольские школьники наизусть знают эту балладу, гордятся общей Победой братских армий наших стран. Про подвиг русских солдат и офицеров писал известный монгольский писатель и поэт Дагвын Жүгдэрбарам в своём стихотворении «Про воздушные бои» [3]. В нём есть такие строки:

Была война истребителей тысяч и больше,
Была зарегистрирована всего лишь эта
Старший лейтенант Скобарахин самолётом
Сделал крутой поворот спасения,
Таранил самурайский истребитель,
Спас от смерти друзей хороших.
Этот подвиг боевой да смертельный
Повторили капитан Кустов и боец Мошин,
Не боясь, от смерти
Именно они нас спасли.
Комиссар Юркин, когда самолёт его загорел,
Прямо на Квантунскую артбатерею,
Как будто молния, разгромил.
На армейский язык этот героизм
Называют и огненной атакой,
Утверждают и подвигом несомненным
(пер. Х. Цэдэва, ред. А. Иванова).

Стихотворение Д. Жүгдэрбарамы начинается и заканчивается строфами, утверждающими правду:

У воровства следы чёрные, у войны –
кровавые.
В войне правда побеждает,
ложь ликвидируется,
Подвиг и грех героя войны,
Не обвиняем! Ведь по всей стране
Воздвигаем памятники
Да обелиски
Увековечим мы – люди.

В стихотворении поэта Г. Ишхүү «Девушки военных лет» [4, с. 69–71] воспеваются героизм русских и монгольских солдат с одной стороны, а с другой – ненависть и решительность монгольских женщин и девушек:

В год войны на Халхин-Голе
Любимых мужчин провожали в армию.
Им не спалось на горячих подушках,
Им снились страшные сны.

Русско-монгольские войны
Воевали в окопах за землю родную,
Они сражались за Родину,
Отдавая жизни свои.
Монгольские девушки военных лет
Носили горечь с запахом пороха.
Их ненависть, как свинцовые пули,
Как наконечник стрелы против врага
(пер. О. Чинбаяра, ред. А. Мухраева).

В поэме «Под небом Халхин-Гола»
А. Лхагва [4, с. 80–82] мы найдём строки о
том, как «присоединились кавалерийский
полк и танковая бригада»:

Кавалерийский полк Дандара,
Как поднятый меч,
Танковый полк русских,
Как разъяренные львы,
Как пули в патронташе.
Встали, как горы,
Собрались, как тучи.
Русские грозны.
Их танки стальные,
Как боги войны.
Сами погибли,
Но друзей спасут,
Сами кровью потекут,
Но хлебом поделятся.
Они человечны да справедливы.
Они сердечны да мирны.
Монголы с конями,
Русские с танками
Под монгольским небом,
Под одним флагом
Равнялись...

Заслуженный деятель культуры, извест-
ная монгольская поэтесса С. Оюун посвяти-
ла Халхингольской войне своё стихотво-
рение «Наверстаем-ка летописей страницы»
[Там же, с. 106–107]. Стихотворение полно
глубокого уважения к советским воинам и
силе дружбы наших двух стран, проверен-
ной на Халхин-Голе:

Наклоним-ка госфлаг перед теми,
Отдавшими жизнь за Монголию.
Вспомним-ка сваренную кровью
Монголо-советскую дружбу.
Памятнику Яковлева танкистам
Поднесём майские цветы.
Обелиску девяности героям
Выполним народные обеты
(пер. Ж. Нэргуя).

На основании вышеизложенного мы
пришли к следующим выводам:

1. Тема Халхингольской победы – одна
из самых священных и любимых тем в мон-
гольской литературе вообще. Основное со-
держание стихов, нами затронутых в статье,
направлено на дружбу и сплочённость двух
армий: монгольской народной армии и ар-
мии Советского Союза.

2. Русские и монгольские воины совер-
шали подвиги в деле защиты независимости
и свободы МНР: об этом говорят строки в
стихотворениях монгольских поэтов и писа-
телей.

Источники и литература

1. Лхагвасурэн Ж. В боях на Халхин-Голе // Под солнцем дружбы. – М., 1971. – 272 с.
2. Равдангийн Болд. Халх голын байлдаан дэлхийн II дайны урьтал хязгаарлагдмал дайн байсан // Удрийн сонин. – 2019. – № 50. – 11 марта.
3. Сайт журналистов Республики Алтай РФ. – URL: <http://www.zolotayaperoAltaya> (дата обращения: 20.01.2019). – Текст: электронный.
4. Халх голын цадиг хууч. Притчи о Халхин-голе. Посвящается 75-летию Победы на Халхин-Голе / сост. Ц. Жамбалгарав. – Улаанбаатар, 2014. – 178 с.

УДК 82-1
ББК Ш33(2)6-11

Сергей Владимирович Петухов,
Ленинградский областной институт развития образования,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: sergeypetukhov78@gmail.com

Андрей Евгеньевич Горковенко,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: angor.10.09.66@list.ru

Образ Халхин-Гола в военном цикле Константина Симонова «Соседям по юрте»

В статье впервые в контексте ключевых символов образной системы исследуется цикл стихотворений Константина Симонова «Соседям по юрте», написанный в 1939 году во время пребывания поэта в качестве военного корреспондента на Халхин-Голе. Метафорические и в то же время полные бытовых реалий тексты отражают специфику раннего творчества автора, для которого внимание к художественной детали становится первостепенным.

Ключевые слова: лирический герой, символ, память, художественный образ, деталь

Sergey V. Petukhov,
Leningrad Regional Institute of Education Development,
Saint Petersburg, Russia,
e-mail: sergeypetukhov78@gmail.com

Andrey E. Gorkovenko,
Transbaikalian State University,
Chita, Russia,
e-mail: angor.10.09.66@list.ru

The Image of Khalkhin Gol in the Military Cycle of Konstantin Simonov "To the Neighbors in the Yurt"

In the article, for the first time in the context of the key symbols of the imaginative system, a cycle of poems by Konstantin Simonov "To the neighbors in the yurt" was written in 1939 during the poet's stay as a war correspondent for Khalkhin Gol. Metaphorical and at the same time, complete everyday realities of the texts reflect the specifics of the author's early work, for which attention to artistic detail becomes paramount.

Keywords: lyrical hero, symbol, memory, art image, detail

В 1939 году Константин Симонов был направлен в качестве военного корреспондента газеты «Героическая красноармейская» на Халхин-Гол и стал непосредственным участником сражений в Монголии, где он провёл август, сентябрь и начало октября – до полного завершения боевых действий и процедуры капитуляции японцев. Драматические события, связанные с Халхингольским конфликтом, легли в основу его романа «Товарищи по оружию» и стали лей-

мотивом ранней лирики, о чём автор вспоминает в своих записях: «...первые в своей жизни выстрелы я услышал летом 1939 г. в Монголии... Первое представление о том, что такое война, я получил, работая в нашей армейской газете во время конфликта с японцами на Халхин-Голе... Первыми моими стихами, связанными с собственным ощущением того, что такое война, был цикл стихов "Соседям по юрте"» [1, с. 3]. Уже в самом названии цикла стихов о Монголии заложен

символический смысл, в котором отражён не только хронотоп бытия лирического героя, но и передано отношение автора к своим сослуживцам. Поэт впервые увидел войну воочию, и в его творчестве стали появляться новые тона и краски.

В Монголии у Симонова возникает идея об увековечивании памяти павших – она красной нитью пройдёт через поэзию, прозу, публицистику военных и послевоенных лет. Эта мысль впервые звучит в стихотворении «Танк»:

Когда бы монумент велели мне
Воздвигнуть всем погибшим здесь,
в пустыне,
Я б на гранитной тёсаной стене
Поставил танк с глазами пустыми;
Я выкопал его бы, как он есть,
В пробоинах, в листах железа рваных, –
Невянущая воинская честь
Есть в этих шрамах, в обгорелых ранах.
На постамент взобравшись высоко,
Пусть как свидетель подтвердит по праву:
Да, нам далась победа нелегко.
Да, враг был храбр.
Тем больше наша слава

[2, с. 89].

Монумент в виде подорванного танка лирический герой Симонова готов возвести всем павшим в монгольской пустыне как свидетельство «невянущей воинской чести», нелёгкой победы и вечной славы героям. Всё стихотворение представляет собой развёрнутую синекдоху, в которой два полюса – человек и оружие – взаимно переходят друг в друга. Металл машины очеловечивается, подбитый, повреждённый и израненный танк выполняет свой долг. Солдаты вдохнули в танк свою энергию, упорство, стремление к победе, готовность выстоять, несмотря ни на что. Отслужив как оружие, танк может и дальше быть олицетворением человеческих качеств, являться памятью о подвиге.

Лирика поэта времён Халхин-Гола, по сути, – это газетная поэзия, в которой много описаний, прозаических фраз, разбитых на стихотворные строки: именно в такой реалистической и где-то эпической тональности видел молодой Симонов наилучший способ рассказать о работе солдата на войне. О том, что такое быть очевидцем и участником реальных битв, лирический герой признаётся в стихотворении «Орлы» (1939), когда помогает не «память отцов», а живое присутствие на месте кровавых событий:

Ещё вчера в батальные картины
Художники по памяти отцов
Вписали полунощные равнины
И стаи птиц над грудой мертвецов.
Но этот день я не сравню с вчерашним,
Мы, люди, привыкаем ко всему,
Но поле боя было слишком страшным:
Орлы боялись подлетать к нему

[Там же, с. 82].

Подлинные жизненные впечатления, а не художественное представление о происходящем, воспринимаемое как «день вчерашний», становятся для Симонова и его лирического героя важными и конкретными, осязаемыми, как бы при этом на поле боя не было «слишком страшно». «Батальные картины» художников со стереотипным видением «стай птиц над грудой мертвецов» противопоставляются настоящей войне, её неприглядным бытовым деталям: с одной стороны – мертвецы «в заморских неуклюжих башмаках», с другой – дрожащие от испуга орлы, у которых «ерошит перья на спине», и боящиеся одного только напоминания о войне.

Суровая правда изображения реальной действительности станет эстетическим кредо поэта и писателя Константина Симонова, и оно начинает реализовываться уже в его военной лирике периода Халхин-Гола. Например, в стихотворении «Транссибирский экспресс», открывающем цикл «Соседям по юрте», описана сцена проводов на войну, лишённая всякого пафоса. У вагонов только женщины, которые сдерживают слёзы и отчаянно мнут перчатки:

У этого поезда плакать не принято. Штраф.
Я им говорил, чтоб они догадались повесить.
Нет, не десять рублей. Я иначе хотел, я был прав, –
Чтобы плачущих жён удаляли с платформы за десять...
Понимаете вы, десять самых последних минут,
Те, в которые что ни скажи – недослышат,
Те, в которые жёны перчатки отчаянно мнут,
Бестолковые буквы по стёклам навыворот пишут
[Там же, с. 79].

Эти женщины, которым нельзя плакать, пытаются поддержать силу духа у своих мужей и других мужчин, которым хочется надолго запомнить минуты прощания. Через бытовые зарисовки Симонов раскрывает внутренний мир людей. В словах о женщине, провожающей мужа, прозвучали трогательные стихи о любви:

Да, пускай улыбнётся! Она через силу должна,
Чтоб надолго запомнить лицо её очень спокойным.

Как охранная грамота, эта улыбка нужна
Всем, кто хочет привыкнуть к далёким дорогам и войнам

[2, с. 79].

Испытание для любви – отправление на фронт, самая тяжёлая из всех разлук в годы войны. Увидев войну, поэт разнообразит и обогащает способы её изображения. Он пока не показывает сражений, а ищет какие-то боковые зеркала, в которых отразился бы жестокий облик событий. Такими зеркалами стали искренние эмоции женщин у поезда («Транссибирский экспресс»), образ испуганных орлов («Орлы»), танк «с глазами пустыми» после сражения («Танк»).

Критика в 40-е годы достаточно высоко оценила монгольский цикл стихов Симонова, назвав его «заметным явлением нашей поэзии», а его лирических персонажей – «героями справедливой войны». Действительно, образ Халхин-Гола получился оригинальным, соединившем в себе картины мирной и военной жизни: посреди монгольских степей люди забывают шелест листвы, тоскуют по зелени деревьев и с горечью, которая становится привычной, смотрят, как на жёлтом пустом горизонте от бомбёжек вырастают из-под земли тёмно-синие рощи (стихотворение «Деревья»):

И сразу на жёлтом пустом горизонте,
в белой степной пыли,
круглая тёмно-синяя роща
выросла из-под земли.
Она выросла сразу.
Она выросла молча.
Она выросла как стена –
красивая тёмно-синяя роща,
синяя дочерна.
Ну что же, смотри на неё, любуйся,
ты забыл здесь шелест листвы...
Но тот, кто давно не видел деревьев,
не повернул головы,
он только поглубже надвинул каску:
– Весь день облака и ветра,
опять эти рощи на горизонте.
Опять бомбёжка с утра...

[Там же, с. 84].

Здесь переплетаются тоска по родине, по естественной мирной жизни, в которую ворвалась война. Картина простого солдатского степного быта воссоздаётся в стихотворении «Слишком трудно писать из такой оглушительной дали», где лирический герой

как бы успокаивает свою мать, которая днём и ночью переживает за него за тысячи километров:

...Под шинель в холода есть у нас забайкальские майки –

Меховые жилеты из монгольской каракульчи.
Есть столовка в степи, иногда вдруг заплещет посуда,

Когда близко бомбёжка... Но подробности ей не нужны.

Есть простудные ветры. Но московское слово «простуда»

Ей всегда почему-то казалось страшнее войны
[Там же, с. 86].

И уже в стихотворении «Кукла» этого же монгольского цикла поэт рисует поражение японской армии, не описывая в духе экспрессионизма смерть врага, а обращая внимание на маленькую бытовую деталь, которая становится сильным реалистическим символом:

Мы сняли куклу со штабной машины.
Спасая жизнь, ссылаясь на войну,
Три офицера – храбрые мужчины –
Её в машине бросили одну.
Привязанная ниточкой за шею,
Она, бежать отчаявшись давно,
Смотрела на разбитые траншеи,
Дрожа в своём холодном кимоно

[Там же, с. 88].

Образ куклы, висящей на кручёном шёлке, в кимоно, с косыми щёлками глаз, пучком волос, затянутых узлом, напоминает о вчерашнем дне интервентов, которые шли в поход, не желая расставаться с привычными забавами. И тут же другой визуальный ряд: выбитое стекло машины, разгромленные траншеи и забытая игрушка – кукла как знак оставленности, бегства и поражения неприятеля.

В цикле «Соседям по юрте» Симонов впервые поэтизирует армейских товарищей, людей своего поколения, которым во многом предстоит решить исход военных столкновений. Своеобразным продолжением лирических стихотворений 1939 года станет поэма «Далеко на Востоке», в котором батальные сцены займут основное место, а безымянный майор, командовавший танковыми частями в сражение у плоскогорья Баин-Цаган, станет сквозным героем текста. К событиям на Халхин-Голе К. Симонов ещё раз вернётся в своём первом романе «Товарищи по оружию» (1952), содержание которого окажется внутренне связанным как с монгольским циклом, так и с написанными им затем произведениями о Великой Отечественной войне [3].

Источники и литература

1. Симонов К. Военная лирика 1936–1956. – М.: Советская Россия, 1968. – 176 с.
2. Симонов К. Всемирная библиотека поэзии. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 508 с.
3. Симонов К. Товарищи по оружию. – М.: Комсомольская правда: Директ-Медиа, 2016. – 464 с.

УДК 82
ББК Ш300.047

Д. Басанпагма,

Институт образования Монгольского государственного университета,

г. Улан-Батор, Монголия,

e-mail: D.Baasanpagma@mnun.edu.mn

**Замечания по содержанию книги «Повесть о Наде»,
написанной монгольским журналистом Д. Хатанбатором**

В 1987 году журналист, редактор монгольской газеты «Залуучуудын үнэн» («Молодёжная правда») Д. Хатанбатор написал небольшую книгу о жизни, семье и творчестве великого иллюстратора советской эпохи Надежды (Нади, Найдан) Николаевны Рушевой «Надягийн тухай тууж» («Повесть о Наде»), которая была напечатана тиражом в 5000 экземпляров. После публикации книга попала в проект «Лучшая книга года», организованный Министерством культуры Народной Республики Монголии, и заняла третье место. В 2013 году Д. Хатанбатор написал ещё одно произведение – «Өөр оршихуй» («Необычный мир»), работа над которым продолжалась целых 45 лет. Автор разделил книгу на два тома, в первом из которых говорится о жизни юной художницы. В ходе исследования были проанализированы содержание и структура вышеназванной работы, опубликованной в двух печатных вариантах, а также ряд других биографических и документальных источников, редкие фотографии семьи Нади, её родителей и друзей из Монголии. Данная статья – анализ жизни и творческой биографии Надежды Рушевой, отражённой в книге Д. Хатанбатора «Повесть о Наде» как первого биографического издания о жизни художницы, а также в изданиях советского и современного времени.

Ключевые слова: Надя, Надежда, Найдан, Улан-Батор, Монгол, Тыва, СССР, Россия, Б. Ринчен, Б. Гончигсумла, Ц. Дондог, Д. Хатанбатор, Николай Константинович, Наталья Дойдаловна, «Повесть о Наде», «Өөр оршихуй» («Необычный мир»)

D. Basepage,

Institute of Education of the Mongolian State University's,

Ulaanbaatar, Mongolia,

e-mail: D.Baasanpagma@mnun.edu.mn

**Comments on the Contents of the Book “The Story of Nadia”,
Written Mongolian Journalist D. Khatanbaatar**

In 1987, journalist, editor of the Mongolian newspaper “Zaluuchuudyn Nan” (“Youth truth”) D. Khatanbaatar wrote a small book about life, family and work of the great Illustrator of the Soviet era Nadezhda (Nadya, Naidan) Nikolaevna Rusheva “Nadagen tuhi tour” (“The Story of Nadia”), which was printed with a circulation of 5000 copies. After publication, the book was included in the project “Best book of the year”, organized by the Ministry of culture of the people’s Republic of Mongolia, and took third place. In 2013, D. Khatanbaatar wrote another work – “R oricui” (“Strange world”), on which work lasted for 45 years. The author divided the book into 2 volumes, the first of which refers to the life of a young artist. The study analyzed the content and structure of the above-mentioned work, published in two printed versions, as well as a number of other biographical and

documentary sources, rare photos of Nadi's family, her parents and friends from Mongolia. This article is an analysis of life and creative biography of Nadezhda Rusheva, reflected in the book D. Hatanbaatar "The Story of Nadia" as the first biographical edition on the life of the artist, as well as in publications of the Soviet and modern time.

Keywords: Nadia, Hope, Naidan, Ulaanbaatar, Mongolia, Tuva, USSR, Russia, B. Rinchen, B. Gonchigsumlaa, C. Dondog, D. Khatanbaatar, Nicholas Roerich, Natalia Dugalova, "The Story of Nadia", "R oricui" ("Strange world")

Биография Надежды Рушевой. Обзор опубликованных работ о книге. В результате нашего исследования сформирован и опубликован библиографический указатель произведений о жизни и творчестве Н. Н. Рушевой, а также список изданий, иллюстратором которых являлась художница. Впервые в 1976 году отец Надежды Рушевой – Николай Константинович составил сборник работ дочери, комментарии написал Г. В. Панфилов. В результате в московском издательстве «Изобразительное искусство» был опубликован альбом под названием «Графика Нади Рушевой». После был издан ряд произведений: Н. А. Раевский «Избранное», В. М. Киселев «Месяц в Артеке», Э. И. Пашнев «Девочка и Олень», Н. К. Рушев «Последний год Надежды. Воспоминание о моей дочери», З. Донгак «Мама Нади Рушевой», Н. В. Усенко, ред. С. Суворова «Лучшие современные художники», том 36 «Надя Рушева»; А. С. Пушкин «Стихотворения», художник Н. Рушева; М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита», художник Н. Рушева [2–7; 9]. Однако с конца 1960-х годов вышло в свет множество других работ разных писателей, журналистов и исследователей советского периода о жизни Нади Рушевой, о произведениях, которые она иллюстрировала, о её таланте, мировоззрении. В 1976, 1977 годах в журнале «Юность» были размещены письма Нади, которые занимают особое место в нашем исследовании. Искусствовед Евгения Петрунина написала работы «Пушкин в рисунках Нади Рушевой», «Жизнь Пушкина в рисунках Нади Рушевой», «Евгений Онегин в рисунках Нади Рушевой», «Иллюстрации к прочим произведениям Пушкина». Эти и другие её научно-исследовательские статьи содержат ценные сведения для понимания художественного мира Нади. Если сравнить содержание вышеуказанных текстов с содержанием «Повести о Наде» Д. Хатанбаатора, то можно сделать вывод: фактический материал в них соответствует. Д. Хатанбаатор в результате десятилетнего исследования

поиска с 1977 по 1987 год написал первое полное подробное произведение о жизни Надежды Рушевой, её семье, творческом пути.

Структура и содержание книги. Книга «Повесть о Наде» содержит следующую структуру, всего 6 частей: 1. Вместо предисловия, или письма, написанные дочери. 2. Отец Нади. 3. Друзья Нади. 4. Произведения Нади. 5. Воспоминания Нади. 6. Заключительные слова, или письма, написанные Наталье Дайдоловне [10, с. 5–75].

Первую часть, или введение, автор назвал «Вместо предисловия, или письма, написанные дочери», и это не является случайным. Он писал: «...я, её отец, должен рассказать другим историю своей дочери, девушки особенной, талантливой и трудолюбивой, получившей признание и уважение, полюбившейся миллионам людей. Имя той девушки – Надя-Надежда-Найдан. Ей посвящали стихи, её фотографировали, о ней писали воспоминания, существует множество произведений, содержащих интересные факты о её жизни. Весь этот материал я, по возможности, собрал...» [11, с. 127–128]. И далее: «...я расскажу некоторые сведения, о которых не успел рассказать ранее и о которых узнал позднее, поделюсь мыслями, что приходят в последние годы, расскажу о себе, матери Нади, её друзьях, её художественных работах, её таланте и труде. Я хочу поговорить и о многом другом, речь пойдёт о жизненных уроках людей, которые были рядом с дочерью, которые любили, уважали и поддерживали её...» [Там же].

Отец художницы отмечает, что «...талант людей часто объясняют как дар природы. С одной стороны, я не отрицаю этого, но, по моему мнению, этого мало, немаловажное значение имеет влияние семьи, правильная окружающая среда, внимание и забота родителей и педагогов, которые оказывают значительное влияние на развитие и совершенствование таланта. Однако я буду рассказывать о дочери не один, мне помогут многие.

Главные моменты расскажет наш близкий человек, мама Нади, Наталья Дойдаловна Ажикмаа ...» [11, с. 127–128]. Во введении Николай Константинович пишет, что посвящает книгу гениальности дочери, называет одну из причин успешного развития её таланта и счастливого будущего – семейное воспитание. Автор утверждает идею о том, что гений и талант человека формируются и совершенствуются благодаря участию и помощи родителей. Кроме того, в этом разделе автор обращает внимание читателей на то, что при создании книги работал не один, многие основные факты о жизни дочери расскажет Наталья Дойдаловна Ажикмаа.

Вторая глава «Надин отец» содержит некоторые интересные сведения о семейной жизни в Монголии. В этом разделе книги рассказывается о том, что весной 1945 года, работая театральным художником в Кызыле, Николай Константинович встретил Наталью Дойдаловну, 28 августа 1946 года они поженились. Осенью 1950 года семья переехала в Монголию, 31 января 1952 года у них родилась долгожданная дочь, Надя. Николай Константинович говорил: «Давайте не будем забывать, что нам двоим нашу Надю подарила Монголия» [11, с. 136]. Семья жила в центре Улан-Батора в одном доме с монгольскими художниками, музыкантами, сценическими исполнителями и артистами 1950–1960-х годов. Жили дружно и весело, дружили семьями, поддерживали и помогали друг другу, о чём сохранилось множество воспоминаний. После рождения дочери родители называли её Надежда, или Надя, а когда ей ещё не было и семи дней, к ним в гости пришёл великий монгольский учёный Б. Ринчен и трижды шепнул на левое ухо маленькой девочки «Найдан», даруя тем самым по монгольскому обычаю имя (Найдан – это тибетское слово, имеет несколько значений: 1) монгольское название звезды, 2) по буддийской традиции Махаяны это общее название 16 великих архатов буддизма, защитников и распространителей буддизма, – великие архаты – Д.Б.).

Д. Хатанбатор в своей книге пишет: «...семья Рушевых – люди с редкой биографией, их будут помнить поколениями и в истории возникновения и развития монгольского художественного и музыкального театра XX в. Дед Нади, Константин Николаевич Рушев (1895–1962), родился в Тамбове, закончил в своём родном городе музыкаль-

ную школу, а после в Москве музыкальный институт им. Гнесиных. Освоил профессию оперного певца, работал в государственном оперном театре, и был очень образованным человеком в области музыки. В начале 1950-х гг., переехав к своей семье в Монголию, работал в музыкально-драматическом театре» [Там же, с. 137].

Герой труда монгольского государства, народный артист, знаменитый оперный певец Г. Хайдав вспоминает: «...Рушев внёс свой вклад в возникновение и развитие нашего музыкального театра. Когда я окончил музыкальный институт им. П. И. Чайковского в Москве и в 1954 г. приехал в Монголию, он уже работал там. Хороший тенор, играл во многих оперных пьесах. Помню, что рассказывал, что он пел Ленского в опере “Евгений Онегин”» [Там же].

Дед Надежды Рушевой оставил свой след и в киноискусстве, об этом вспоминает его ученик художник П. Цогзол: «...где-то в 1957 г. Рушев приехал в нашу страну во второй раз и во время работы в музыкальном драматическом театре сыграл белогвардейского жестокого генерала в фильме знаменитого режиссёра Дэжидийн Жигмида “Народный посланец”, тем самым сохранив своё имя и образ в истории монгольского киноискусства...» [Там же].

В первой главе автор пишет, что семья Нади интеллигентна, любит книги, живую природу, много путешествует, фотографирует, они не расстаются с фотоаппаратом, предельно искренние с друзьями и учениками, очень талантливы и высокохудожественны. Автор отмечает, что многие ученики отца Нади стали знаменитыми мастерами современного монгольского искусства, это известные художники С. Дондог, П. Балдандорж, П. Цогзол и др. Николай Константинович до конца своей жизни писал письма и отправлял фотокарточки в Монголию своим ученикам, друзьям, о чём они вспоминают.

На данный момент подсчитано, сохранилось около 120 оригинальных писем и фотографий. Все фотографии, сделанные Николаем Константиновичем, с обратной стороны обязательно содержат сведения о годе и месяце снимка, месте и запечатлённых на снимках людях. В письмах и на фото в основном содержатся сведения о семье, Наде, о её творчестве. В этой главе Д. Хатанбатор представил довольно много переводов писем и таких маленьких записей

с обратной стороны фотокарточек. Самым трогательным текстом является оригинальное письмо, написанное писателем Б. Гончигсумом 9 марта 1969 года, спустя три дня после смерти Нади [11, с. 137]. Также в этой главе есть очень интересное произведение, рукопись полностью в оригинальном тексте. Это письмо Д. Хатанбатору, написанное 11 ноября 1984 года матерью Нади – Натальей Дойдаловной Ажикмаа [Там же, с. 203] (письмо прилагается в оригинале).

Глава 3-я книги Д. Хатанбатора называется «Друзья Нади». Она повествует о её друзьях и учениках её отца в Монголии. Много внимания уделено артековской подруге Нади Аликде, 14 писем которой, написанные с ноября 1967 г. по декабрь 1968 г., переведены и опубликованы. После рождения Нади ученики отца, Николая Константиновича, студенты школы изобразительных искусств приходили к нему домой, чтобы посмотреть на милую русскую малышку в колыбели. К тому же времени, в первые месяцы жизни девочки, относится снимок, сделанный с родителями на площади Сухэ-Батор в столице Монголии Улан-Баторе. В то время Наде было 6 месяцев. Эту фотографию Николай Константинович отправил ученику Дондогу на память 17 марта 1967 года [Там же, с. 146]. В третьей части книги автор описывает монгольских друзей Нади и её семьи. Д. Хатанбатор использует документы, связанные с именами великого монгольского учёного, академика Б. Ринчена, народного артиста Монголии, композитора Б. Гончигсумла, заслуженного деятеля искусства Монголии, композитора П. Хаянхярва, народного художника Монголии, лауреата премии Л. Намхайцэрэна, заслуженных деятелей искусства Монголии, известных монгольских художников С. Дондога, С. Сандагдоржа, П. Балдандоржа. Они имеют отношение к 10 фотографиям и около 15 письмам-оригиналам, отправленным в Монголию, которые были опубликованы.

4-я и 5-я главы названы «Произведения Нади» и «Воспоминания Нади». Из 25 изображений её творений, которые включил Д. Хатанбатор в анализируемую книгу, большую часть занимают темы, связанные с именем А. С. Пушкина, балетным танцем и легендами Древней Греции. В этих главах Д. Хатанбатор публикует список выставок картин Надежды Рушевой, которые прошли в промежутке между 1970 и 1975 годами в

разных городах Советского Союза. В некоторых городах экспозиция была представлена один раз, в других – по два или три раза. В списке 127 выставок, которые записаны в хронологическом порядке с указанием городов. Этот список заканчивается самой последней 127-й выставкой, которая прошла в 1975 году в Москве в Первом медицинском институте. Автор особо отмечает: «154-я выставка прошла 6 октября 1984 г. в Улан-Баторе, столице Монголии, где она родилась» [10, с. 79; 11, с. 209].

Д. Хатанбатор сообщает, что тысячи рисунков и писем, оставленных Надей, теперь находятся в музее Льва Толстого в Москве, в Художественном музее им. А. С. Пушкина, в Кызыле в музее-филиале им. Нади Рушевой и во многих других местах. Автор высказывает мысль о том, что до сих пор продолжается сбор сведений о жизни и творчестве Надежды Рушевой и интерес к её личности не ослабевает. Поэты посвящают ей стихи, исследователи продолжают говорить и писать о Наде [11, с. 197].

Во второй половине XX века, в 1986 году, выдающийся поэт Монголии О. Дашбалбар посвятил Наде стихотворение, а также крупный современный монгольский поэт Б. Галсансукх, «командующий современным поэтическим движением» написал «Стихи, посвящённые Наде» (1988). Эти два произведения Д. Хатанбатор приводит в своей книге [Там же, с. 97–198, 200–201]. Осенью 1982 года после обнаружения новой планеты советские астрономы назвали её именем Нади, тем самым увековечив имя выдающейся художницы. Двукратный Герой Советского Союза космонавт Георгий Гречко вспоминал, что на орбите космической станции «Салют-4» немало времени провёл с рисунком Нади «Мальчиш-Кибальчиш». В книге приводится интересный факт о том, что монгольские кинорежиссёры 52 года назад сняли документальный фильм о Наде.

Николай Константинович в одном из писем сообщал: «В 1967 году монголы снимали короткометражные фильмы. К сожалению, Надя ушла из жизни и прервала их работу» [Там же, с. 152]. Д. Хатанбатор предполагает: «Это, вероятно, в основном было сказано автором фильма Долгорын Дождоодоржем. Однако уважаемый Дождоодорж об этом упомянул немного по-другому. По оставленной им записи в 1967 году кинооператор Д. Чулуун проходил практику на центральном

телевидении в Москве. Они вдвоём по собственной инициативе сняли 30-минутный документальный фильм о Наде и передали его в Гостелерадио СССР. По современным меркам, возможно, и не получилось идеального произведения, выражающего внутренний мир героини, но голос и образ Нади, снятый впервые в монгольском фильме, – это ценнейший источник. Позже, в конце 1980-х годов, кинооператор Д. Чулуун подтвердил эту историю и отдал рабочие материалы фильма и фотографии» [11, с. 152]. И продолжил: «Два года спустя после фильма, когда до смерти Нади оставалось всего несколько дней, в марте 1969 г. ленинградские кинодокументалисты также снимали о ней фильм, но не успели его завершить. Если подумать, хоть и остались некоторые немногочисленные документальные свидетельства жизни и образа Нади, нет полноценной авторской презентации, полнометражного фильма, раскрывающего её удивительный образ» [Там же, с. 153].

Последнюю главу книги автор назвал «Заключительные слова, или письма, написанные Наталье Дойдаловне». В этом разделе автор отмечал: «Для того чтобы написать книгу, я встречался с людьми, которые были близкие вам, рассматривал многолетние исторические фотографии, читал письма, заметки. Каждое из писем, которое я читал, каждая рассмотренная фотография нашей Нади-Найдан – целая жизнь. Как преемник кланяюсь в пояс и преклоняюсь перед светлой памятью Николая Константиновича за то, что сохранил для многих людей память о Наде. За вас, которые родили талантливую дочь, вели её по пути вечной славы, оставили потомкам историю её жизни, произведений, проиллюстрировав другим образец любви к своим детям и образец правильного воспитания – за это, Николай Константинович, люди благодарны вам от всего сердца ...» [Там же, с. 204]. С такими словами, произнесёнными от души от имени «всего человечества», обращается автор. «Вы помните, что, когда я встретил вас, я сказал вам, что напишу историю о Наде и расскажу о ней тысячам молодым людям в нашей

стране. Сегодня я собираюсь им представить эту маленькую повесть. В день, когда я получил письмо от вас, пришёл новый номер журнала «Юность». Писатель Виктор Киселов, посвятивший себя жизни и творчеству Нади, пишет, что заканчивает книгу о Наде. Прекрасным людям от моего лица, от имени маленькой девочки, от тысяч монгольских юношей и девушек передаю искренние пожелания успеха вашему произведению, продолжите, пожалуйста. Я помню, как несколько лет назад в газете прочитал простое и правдивое заявление журналиста о том, что многие будут думать и писать о Наде. Наталья Дойдаловна! Повесть о Наде ещё не закончена!» [Там же, с. 204]. Последняя часть – искренние слова талантливого журналиста, который помог узнать семью Нади, раскрыть их внутренний мир. Д. Хатанбатор – писатель, открывший истинный смысл человеческой жизни на примере семьи талантливой художницы, хочет рассказать об этом примере другим людям.

В заключении можно сделать следующие выводы:

1. Монгольский журналист Д. Хатанбатор в 1987 году опубликовал повесть о жизни и творческой биографии советского иллюстратора Надежды Рушевой. Это произведение по праву считается первым документальным рассказом о судьбе художницы Рушевой.

2. Мы полагаем, что работа Д. Хатанбатора заслуживает внимания, является актуальной и очень полезной. Её нельзя назвать научным изданием, скорее, она относится к категории публицистики. Работа содержит биографию талантливой юной художницы, и мы согласны со всеми фактами и выводами, сделанными Д. Хатанбатором.

3. История жизни и творческого пути Надежды не в полной мере описана, и книга «Повесть о Наде», в которую включены воспоминания людей, близко её знавших, множество фотографий из личного архива семьи Рушевых, очень интересна. Исследователи полагают, что данная работа станет ценным источником для дальнейшего исследования феномена художницы. Мы верим в то, что этот материал будет полезным.

Источники и литература

1. Бадарч Ш. «Өрөөлийн зүрхийг өр зүрхээрээ бичилцсэн эрхэм» // ZINDAA. – URL: <https://www.zindaa.mn> (дата обращения: 30.05.2019). – Текст: электронный.
2. Булгаков М. Мастер и Маргарита с иллюстрациями Нади Рушевой. – М.: АСТ, 2017 // Лабиринт. – URL: <https://www.labirint.ru/books/565048> (дата обращения: 30.05.2019). – Текст: электронный.

3. Донгак З. Ш. Мама Нади Рушевой: воспоминания, фотографии, графика Нади Рушевой. – Кызыл: Тываполиграф, 2014. – 163 с.
4. Киселев В. М. Месяц в Артеке. – Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1987. – 140 с.
5. Пашнев Э. И. Девочка и олень: Белая ворона. – М.: Терра: Кн. клуб, 2001. – 446 с.
6. Пушкин А. С. Стихотворения с иллюстрациями Нади Рушевой. – М.: Изд. дом Мещерякова, 2015. – URL: <https://www.labyrinth.ru/books/527103> (дата обращения: 30.05.2019). – Текст: электронный.
7. Рушев Н. К. Последний год Надежды (воспоминания о моей дочери). – М.: ТЕИС, 2007. – 176 с.
8. Содномпил О. «Үлгэрийн гүнж». – URL: <https://www.ner.mn> (дата обращения: 30.05.2019). – Текст: электронный.
9. Усенко Н. В. Надя Рушева. (1952–1969). Сер. Лучшие современные художники. – М.: Комсомольская правда, 2017. – 72 с.
10. Хатанбаатар Д. Надягийн тухай тууж. – Улаанбаатар, 1987.
11. Хатанбаатар Д. Өөр оршихуй. – Улаанбаатар, 2013.

Д. Баасанпагма,

*МУИС-ийн Боловсролын сургуулийн багш,
Улаанбаатар, Монгол,
e-mail: D.Baasanpagma@mnun.edu.mn*

**Монголын сэтгүүлч нийтлэлч Д. Хатанбаатарын
бичсэн «Надягийн тухай тууж» номын агуулгад хийсэн ажиглалт**

1987 онд Монголын “Залуучуудын үнэн” сонины сэтгүүлч, нийтлэлч Д.Хатанбаатар тухайн үеийн Зөвлөлтийн график зургийн алдарт зураач гайхамшигт сод авьяастан Надя охины амьдрал, гэр бүл, уран бүтээлийн тухай нэгэн бэсрэг ном бичсэн нь “Надягийн тухай тууж” нэртэйгээр 5000 хувь хэвлэгджээ. Энэхүү ном нь худалдаанд гараад удалгүй ховордож тухайн үедээ БНМАУ-ын соёлын яамнаас зарласан “Оны сайн ном”-ын жагсаалтад эхний 3-р байранд шалгарсан байдаг. Мөн сэтгүүлч, нийтлэлч Д.Хатанбаатар 2013 онд 45 жилийн өөрийн уран бүтээлийн эмхтгэлээ “Өөр оршихуй” нэрээр 2 боть болгон хэвлүүлсний 1-р ботид “Надягийн тухай тууж” орсон байна. Миний хувьд дээрх 2 удаагийн хэвлэлтээр хэвлэгдэж гарсан уг бүтээлийн агуулга, бүтцийг судлаж, энэ бүтээл нь намтар судлал, эсхүл баримтат уран сайхны нийтлэл эсэх талаар ажиглалт хийж, уг бүтээлд хавсаргасан Надягийн гэр бүлийнхний ховор нандин гэрэл зургууд, түүний аав ээжийн Монгол анд нөхдөдөө бичсэн захидлуудыг түүвэрлэн энэ өгүүллээр дамжуулан судалгааны эргэлтэнд оруулахыг зорив. 1987 онд Монголд хэвлэгдсэн сод авьяаст, зураач охины намтар, амьдрал уран бүтээлийн тухай өгүүлсэн Д. Хатанбаатарын “Надягийн тухай тууж” хэмээх бүтээлийг ЗХУ болон ОХУ-д хэвлэгдсэн Надягийн тухай номнуудтай он цагийн хувьд харьцуулалт хийж “анхны ном” байжээ гэсэн дүгнэлтийг дэвшүүлж байгаа болно.

Түлхүүр үгс: Надя, Надежда, Найдан, Улаанбаатар, Монгол, Тува, Орос, Б. Ренчин, Б. Гончигсумлаа, Ц. Дондог, Д. Хатанбаатар, Николай Константинович, Наталья Дайдоловна, “Надягийн тухай тууж”, “Өөр оршихуй”

Надягийн болон Надягийн гэр бүлийнхний намтар, амьдрал, уран бүтээлийн тухай бичиж хэвлэгдсэн ном бүтээлүүдийн тойм. Бидний сурвалжилж судалсан ажлын үр дүнд түүний намтар амьдрал уран бүтээлийн тухай бие даасан нэг сэдэвт бүтээлүүд дараах байдлаар хэвлэгджээ. Анх 1976 онд түүний уран бүтээлийг эцэг Рушева Н. К. эмхтгэн тайлбарыг Панфилов Г.В. бичсэнээр Москвагийн “Изобразительное искусство” хэвлэлийн газарт “Графика Нади Рушевой”

нэртэй альбом хэвлэгджээ. Дараа нь Раевский Н. А. “Художественная литература” (изд. “Избранное” – М., 1978), Киселев В. М. “Месяц в Артеке” (изд. “Тувинское книжное издательство”, 1987), Пашнев Э.И. “Девочка и Олень” (изд. “Терра-Книжный клуб”, 2001), Рушев Н. К. “Последний год Надежды” воспоминание о моей дочери, (изд. М. “ТЕНС.” 2007), Зоя Донгак “Мама Нади Рушевой” (изд. “Тываполиграф”, 2014), Пушкин А. С. “Стихотворения” художник Рушева Надя

(изд. “Мешерякова”, 2016), Усенко. Н. В., ред. Суворова. С. “Лучшие современные художники” том 36. Надя Рушева (изд. “КП”, 2017), автор: Булгаков. М. А., художник: Рушова Надя, “Мастер и Маргарита с иллюстрациями Нади Рушевой” коллекционная книга (изд. “АСТ”, 2017) зэрэг бүтээлүүд хэвлэгдэж байсан байна. Харин Надя Рушевагийн амьдралын зарим, түүхэн цаг үе, уран бүтээл, авьяас чадвар, түүний ертөнцийг үзэх үзэл, харилцаа хандлагын тухай зохиолч, сэтгүүлчид, судлаачдын бичсэн богино хэмжээний өгүүллүүд 1960-аад оны сүүл үеэс зөвлөлтийн хэвлэлүүдэд нийтлэгдэж байжээ. Үүний дотор “Юность” сэтгүүлд 1976, 1977 онуудад хэвлэгдсэн Надягийн захидлууд голлох байрыг эзлэх ба урлаг судлаач Евгения Петрунинагийн бичсэн “Пушкин в рисунках Нади Рушевой”, “Жизнь Пушкина в рисунках Нади Рушевой”, “Евгений Онегин в рисунках Нади Рушевой, Иллюстраций к прочим произведениям Пушкина” зэрэг эрдэм шинжилгээ судалгааны өгүүллүүд нь Надягийн ертөнцийг таньж мэдэхэд ач холбогдол бүхий судалгааны бүтээл болсон байна. Дээрх бүтээлүүдийн агуулгыг Д.Хатанбаатарын “Надягийн тухай туужууд” (УБ, 1987) номын агуулгатай харьцуулан үзэхэд Надя Рушевагийн намтар, амьдралыг түүний төрснөөс эхлээд насан эцэс болсон бүх цаг үеийн түвшинд, эцэг эх гэр бүлийн хүрээнд, холбогдох түүхэн баримт, хэрэглэгдэхүүнд тулгуурлан бичсэн анхны бүтээл бол 1977–1987 оныг хүртэл 10 жил уйгагүй судалгаа эрэл хайлт хийсний үр дүнд 1987 онд хэвлэгдсэн энэхүү номыг нэрлэх бүрэн үндэслэлтэй байна.

Номын бүтэц, агуулга: “Надягийн тухай тууж” ном нь бүтцийн хувьд... 1. Оршлын оронд хэлэх үг буюу охиндоо бичсэн захидлын хэсэг. 2. Надягийн аав. 3. Надягийн анд нөхөд. 4. Надягийн уран бүтээл. 5. Надягийн дурсгал. 6. Төгсгөлд хэлэх үг буюу Наталья Дайдоловна Ажикмаад бичсэн захидлын хэсэг...” (1. 5–75 тал) гэсэн үндсэн 6 хэсгээс бүрдэж байна.

1 дүгээр хэсэг буюу номын өмнөх үгийг зохиогч “Оршлын оронд хэлэх үг буюу охиндоо бичсэн захидлын хэсэг” хэмээн нэрлэсэн нь санамсаргүй хэрэг биш ажээ. Тэрбээр “...аав нь олны дунд өөрийнхөөрөө амьдарч бишрэл хүндэтгэлийг хүлээж сая сая хүнд хайрлагдсан онцгой, авьяаслаг хөдөлмөрч нэгэн охины түүхийг боломжоороо ярьж өгөх учиртай. Тэр охины нэр Надя-Надежда-Найдан. Түүний тухай яруу найрагчийн бичсэн

уянгын тууж, аавынх нь авсан гэрэл зургийн цомог, бичиж үлдээсэн дурсамж, захидлууд гээд сонирхол татах баримт мэдээлэл цөөнгүй байдаг. Аав нь өнгөрсөн жилүүдэд боломжоороо цуглуулсан юм...” гэж бичжээ (2. 127–128 тал). Мөн тэрбээр цааш нь “...аав нь өнгөрсөн жилүүдэд сонсож, уншиж, бодол ухаандаа тунгаасан та нарт хараахан ярьж амжаагүй зарим нэг зүйлээ эргэн санаж Надягийн аав, ээж, анд нөхөд, уран бүтээлийнх нь тухай, өөр олон зүйлийн талаар ярьж өгөхийг хүсч байна. Энэ бол их авьяас билэг, хөдөлмөрийн тухай түүнийг хайрлан хүндэтгэж өгөөмрөөр тэтгэн урамшуулсан гэгээн хүмүүсийн сургамжит амьдралын тухай...” гэжээ (мөн тэнд). Цааш нь “...гоц авьяастны тухай хүмүүс ярихдаа гол төлөв байгалиас заяасан авьяас гэдгээр тайлбарладаг. Нэг талаар үгүйсгэхгүй гэхдээ миний бодлоор бол өрөөсгөл ойлголт дүгнэлт ...гоц авьяас билгийг эхнээс нь өлгийдөж авах гэр бүл, орчны зөв нөлөө, аав ээж, сурган хүмүүжүүлэгчдийн анхаарал халамж зэрэг олон хүчин зүйлс үлэмж нөлөөлдөг гэдгийг ойлгож авна. Гэхдээ аав нь энэ тухай ганцаараа ярихгүй, олуулаа ярина. Гол зүйлийг бидний дотны хүн Надягийн ээж Наталья Дайдоловна Ажикмаа ярьж өгнө...” (мөн тэнд). Энэ хэсгийн агуулгаас үзвэл уг номыг бичих нэг шалтгаан нь өөрийн анхны охин Азжаргалдаа зориулсан бөгөөд түүнийг ирээдүйн амьдрал хөдөлмөрт бэлтгэхдээ суут хүмүүсийн бага нас, гайхамшигтай гэр бүлийн үлгэр дуурайллалас санаа авах, сэдэл тэмүүлэл төрүүлэхийг хичээж байсан нь харагдаж байна. Мөн ийнхүү номоо бүтээхдээ зохиогч дан ганцаараа бүтээгээгүй гол гол үндсэн асуудлуудыг “Наталья Дайдоловна Ажикмаа ярьж өгнө” гэсэн нь уг номоо бодит баримт, хэрэглэгдэхүүнд тулгуурлан бүтээсэн гэдэг нь ойлгогдож байна.

2 дугаар бүлэг буюу “Надягийн аав” гэсэн бүлэгт түүний Монгол дахь гэр бүлийн амьдралын тухай сонирхолтой баримтууд цөөнгүй байна. 1945 оны хавар Кызылд театрын зураачаар ажиллаж байхдаа Николай Константинович, Наталья Дайдоловна хоёр анх танилцаж 1946 оны 8-р сарын 28 өдөр хуримлаж 1950 оны намар Монголд анх ирж 1952 оны 1-р сарын 31 өдөр олон жил хүлээсэн охин үр нь мэндэлж байсан тухай өгүүлжээ. Энэ тухай Николай Константинович “...Монгол орон бид хоёрт Надяг маань бэлэглэсэн мартах учиргүй шүү...” (2. 136 тал) хэмээн их ярьдаг байсан тухай

өгүүлжээ. Тэдний гэр бүлийн амьдарч байсан байшин Улаанбаатар хотын төвд байсан тухай, 1950, 1960-аад оны Монголын урлаг соёл, хөгжим, тайз дэлгэцийн шилдэг, сор болсон уран бүтээлчидтэй хөрш зэргэлдээ нэг байранд амьдарч байсан тухай, тэдгээр хүмүүстэй гэр бүлийн хэмжээний найз нөхөд байсан тухай олон арван жишээ баримтад тулгуурлан бичжээ. Мөн Надяг төрсний дараа аав ээж хоёр нь охиндоо Надежда буюу Надя хэмээх нэрийг өгөөд долоо хоноогүй байхад Монголын их эрдэмтэн академич Б. Ренчин тэднийд зочилж ирээд бяцхан охины зүүн чихэнд “Найдан” хэмээн гурвантаа шивнэж монгол ёсоор нэр хайрласан тухай бичжээ. (Найдан гэдэг нь төвөд үг бөгөөд 1-р утга: тэнгэрийн нэгэн одны монгол нэр, 2-р утга: бурхны шашны их хөлгөний ёсонд бурхан багшийн ойрын шадар, шашныг хамгаалагч дэлгэрүүлэгч 16 их архадын (великие архаты) ерөнхий нэр ажээ. – Д.Б.).

Д. Хатанбаатар “...өөр нэгийг энд цухасхан дурдахад Рушевийнхэн XX зууны Монголын дүрслэх урлагийн болон хөгжмийн театрын үүсэл хөгжмийн түүхэнд үе удмаараа дурсагдах учиртай ховорхон намтартай хүмүүс юм. Өмнө нь энэ тухай төдийлөн ярьж бичиж байсангүй. Надягийн өвөг эцэг Константин Николаевич Рушев (1895-1962) Тамбовт төрж уугуул нутагтаа хөгжмийн сургууль, Москвад Гнесиний нэрэмжит хөгжмийн дээд сургуулийг дүүргэж, дуурийн дуулаачийн мэргэжил эзэмшсэн, олон нийтийн дуурийн театрт ажиллаж байсан хөгжмийн өндөр боловсролтой хүн байжээ. 1950 оны эхээр манайд анх ирж хөгжимт драмын театрт мэргэжилтнээр ажиллаж байсан байдаг...” (2. 137 тал). Мөн Монгол улсын хөдөлмөрийн баатар, ардын жүжигчин нэрт дуурийн дуулаач Г. Хайдав “...Рушев гуай манай хөгжмийн театрын үүсэл хөгжилд өөрийнхөө хувь нэмрийг оруулсан хүн. Намайг Москвад П. И. Чайковскийн нэрэмжит хөгжмийн дээд сургууль дүүргээд 1954 онд ирэхэд Монголд ажиллаж байсан. Олон ч дуурийн гол дүрд дуулсан сайн тенор (цээл хоолойтой дуучин). “Евгений Онегин” дуурийн Ленскийд дуулж байсан гэж ярьж байхыг нь мэдэх юм...” (мөн тэнд). Бас өвөө Рушев Монголын кино урлагт нэр мөрөө үлдээсэн тухай түүний шавь зураач П.Цогзол “...1957 оны орчим өвөг эцэг Рушев манайд 2 дахь удаагаа ирж Хөгжимт драмын театрт ажиллаж байх үедээ нэрт найруулагч Дэжидийн Жигжид гуайн “Ардын элч” киноны, цагааны догшин генералын дүрд жүжи-

глэж Монголын кино урлагийн түүхэнд нэрээ ч, дүрээ ч үлдээсэн байдаг...” (мөн тэнд). Зохиогч энэ бүлэгт Надягийн гэр бүлийг номын ертөнцөд шүтлэгтэй, амьд байгальд хайртай, бүрх малгай, фото зургийн аппаратнаас салдаггүй, аялах зураг авах дуртай, анд нөхөд шавь нартаа туйлын үнэнч, урлаг гоо зүйн өндөр боловсролтой, хөгжилтэй нэгэн байсан тухай бичжээ. Түүний шавь нараас нэрт зураач С. Дондог, П. Балдандорж, П. Цогзол нарын орчин үеийн монголын дүрслэх урлагийн нэрт мастерууд төрж гарсныг тэмдэглэсэн байна. Мөн Монгол руу шавь нартаа, анд нөхдөдөө таалал болтлоо байнга захидал бичдэг, фото зураг илгээдэг байсан тухай бичээд дээрх шавь нар, анд нөхдөд нь одоо эх бичвэрээрээ хадгалагдаж буй захидал, фото зургийн тоог 120 орчим байна гэж тооцоолон гаргажээ. Ингэхдээ өөрийн авсан зургийн ар дээр заавал он сар, тайлбартай, хаана авсан, хэн хэний зураг байгааг маш тодорхой нямбайлан бичиж илгээсэн байдаг аж. Захидал фото зургийн агуулга нь гэр бүл, Надя, Надягийн уран бүтээлийн сэдвүүд голлож байжээ. Энэ бүлэгт зохиогч фото зургийн ард бичигдсэн бяцхан захидлуудаас нэлээд хэдийг орчуулж хэвлүүлсэн ба хамгийн эмзэглэм захидал нь Надяг нас барснаас хойш 3 хоногийн дараа буюу 1969 оны 3-р сарын 9 өдөр анд Б.Гончигсумлаад бичсэн харамсалтай мэдээ бүхий захидлыг гар бичмэл бүрэн эхээр нь оруулжээ (2. 194 тал). Мөн нэгэн сонирхолтой захидал, гар бичмэл бүрэн эхээрээ байгаа нь 1984 оны 11-р сарын 11 өдөр Д.Хатанбаатарт Надягийн ээж Наталья Дайдоловна Ажикмаагаас ирүүлсэн захидал байна (2. 203 тал) / захидлыг эхээр нь хавсаргав/.

3 дугаар бүлэг: Надягийн анд нөхөд хэмээх энэ бүлэгт Монгол дахь аавынх нь шавь нар, найз нөхдүүдийн тухай өгүүлж мөн Надягийн Артекийн найз Аликдаа 1967 оны 11-р сараас 1968 оны 12-р сар хүртэл хугацаанд бичсэн 14 захидлыг орчуулан хэвлүүлсэн байна. Надяг эхээс мэндлээд удаагүй байхад нь өлгийтэй өхөөрдөм орос охиныг харах гэж, тэврэх гэж эцэг Николай Константиновичин шавь нар болох Дүрслэх урлагийн дунд сургуулийн оюутнууд тэдний гэрээр олуулаа ирдэг байсан тухай бичжээ. Мөн Надя хүн болж хорвоод мэндлээд хамгийн анх удаа зургаа авхуулсан нь гэр бүлийн хамт Монгол улсын нийслэл Улаанбаатар хотын төв талбай болох Сүхбаатарын талбайд авхуулсан нэгэн гэрэл зураг байв. Уг зургийг авхуулах

үед Надя 6 сартай байсан ажээ. Энэ зургийг 1967 оны 3-р сарын 17 өдөр шавь Дондогтоо дурсгал болгон илгээжээ (2. 146 тал). Зохиогч энэ бүлэгтээ Надя болон түүний гэр бүлийнхний Монгол дахь анд нөхдийг жишээ баримтаар дурдсанаас үзэхэд Монголын их эрдэмтэн академич Б. Ренчин, Монгол улсын ардын жүжигчин, хөгжмийн зохиолч Б. Гончигсумлаа, Монгол улсын урлагийн гавьяат зүтгэлтэн, хөгжмийн зохиолч П.Хаянхярваа, Монгол улсын ардын зураач, төрийн шагналт Л. Намхайцэрэн, Монгол улсын урлагийн гавьяат зүтгэлтэн нэрт зураач С. Дондог, С. Сандагдорж, П.Балдандорж нарыг нэрлэж холбогдох 10 гэрэл зураг, монгол руу илгээж байсан 15 орчим эх захидлуудыг нийтэлжээ.

Надягийн уран бүтээл, дурсгал хэмээх 4, 5 дугаар бүлэгт: Зохиогч номондоо түүний урын сангаас 25 зургийг оруулснаас А.С.Пушкины, балетын бүжгийн, эртний грекийн домог үлгэрийн сэдэвт зургууд зонхилж байна. Мөн 1970-1975 оны хооронд тухайн үеийн ЗХУ-ын янз бүрийн хотуудад нэг, зарим хотуудад давхардсан тоогоор хоёроос гурван удаа нийт 127 удаа зохион байгуулагдсан Надягийн зургийн үзэсгэлэнг он, дугаар, хотуудынх нь нэрээр он дараалалд оруулан бичжээ. Харин хамгийн сүүлд 127 дахь удаагийн үзэсгэлэн 1975 онд Москва хотын Анагаах ухааны 1-р дээд сургуульд зохиогдсон гэж бичээд дууссан байна. Зохиогч хэсэг цэг тавьсны дараа "...154-р үзэсгэлэн 1984 оны 10-р сарын 6 өдөр түүний төрсөн Монгол улсын нийслэл Улаанбаатар хотод гарчээ..." гэж бичжээ (1. 79 тал, 2. 209 тал). Мөн Надягийн үлдээсэн олон мянган зураг захидал одоо Москва дахь Лев Толстойн мезейд, А. Пушкины нэрэмжит уран зургий музейд, Кызыл хот дахь Надя Рушевийн нэрэмжит салбар музей гээд олон газар хадгалагдаж байдаг. Амьдрал, мөрөөдөл, дурсамж, авьяас билгийн аян, чуулган одоо ч үргэлжилж байгаа. Яруу найрагчид шүлэг найргаа зориулж, судлаачид ном бичиж Надягийн тухай ярьж бичин дурссаар байна..." (2. 197 тал) хэмээн тэмдэглээд XX зууны 2 дугаар хагасын Монголын сод билигт найрагч Монгол улсын төрийн соёрхолт яруу найрагч О. Дашбалбарын 1986 онд Надяд зориулж бичсэн шүлэг, мөн орчин цагийн монголын яруу найргийн томоохон шинэчлэгч "модернист яруу найргийн фронт командлагч" хэмээн алдаршсан яруу найрагч Б.Галсансүхийн "Надяд зориулсан шүлэг" (1988 он) зэрэг 2 бүтээлийг номондоо оруулжээ (2. 197–198,

2. 200–201 талууд). Мөн 1982 оны намар ЗХУ-ын одон орон судлаачид нарны аймгийн нэгэн гарагийг шинээр нээж түүнийгээ Надягийн нэрээр нэрлэж сод зураачийнхаа нэрийг гараг эрхсийн хязгааргүйд мөнхөлсөн, ЗХУ-ын 2 удаагийн баатар сансрын нисгэгч Георгий Гречко сансрын тойрог замд "Салют-4" хөлгийн бүхээгт Надягийн "Кибальчиш хүү" зурагтай нь хамт багагүй хугацааг өнгөрүүлсэн тухай тэмдэглэн бичжээ. Мөн Монголын кино уран бүтээлчид 52 жилийн тэртээ Надягийн тухай баримтат кино хийж байсан тухай сонирхолтой баримтыг дурджээ. Николай Константинович нэгэн удаагийн захиандаа "...1967 онд Монголчууд богино хэмжээний кино зураг авч байсан. Харамсалтай нь Надя насан эцэслэж түүний ажлыг тасалдуулсан юм..." (2. 152 тал) гэж бичсэнийг иш татжээ. Энэ тухай зохиогч "...энэ нь манай кино зохиолч Долгорын Дожоодорж гуайг голлон хэлсэн бололтой юм. Дожоодорж гуай харин энэ тухай арай өөрөөр дурссан байдаг. Түүний бичиж үлдээснээр бол 1967 онд Москвагийн төв телевизэд дадлага хийж байсан зураглаач Д.Чулуун тэр хоёр хувийн санаачилгаараа Надягийн тухай 30 минутын баримтат кино хийгээд Оросын телекино үйлдвэрийн захиргаанд хүлээлгэн өгчээ. Одоогийн жишиг шаардлагаар бол мэдээж бүрэн дүүрэн утга санаа илэрхийлсэн төгс төгөлдөр бүтээл болоогүй ч байж мэднэ. Гэхдээ Надягийн дуу, дүр төрхийг кино зургийн хальсанд анх удаа монгол хүн буулгасан гэдгээрээ үнэ цэнэтэй баримт болж байгаа юм. Хожим зураглаач Д.Чулуун 1980-аад оны сүүлчээр энэ тухай дурсч тухайн үеийнхээ ажлын тэмдэглэл, гэрэл зургуудаа өгч билээ..." (2. 152 тал) гэж бичжээ. Мөн тэрбээр цааш нь "...үүнээс 2 жилийн дараа Надяг нас барахаас хэдхэн хоногийн өмнө 1969 оны 3-р сард Ленинградын баримтат киноныхон мөн түүний тухай баримтат кино хийхээр зураг авч байсан ч дуусгаж амжаагүй. Энэ бүхнээс ургуулаад бодоход дүрс болоод баримт, мэдээлэл нь байдаг ч Надягийн тухай зохиогчийн тайлбар, дуу дүрсний эвлүүлгийн гайхамшгийг илтгэсэн бүрэн гүйцэтгэлтэй, кино лав байхгүй юм байна гэж бодогддог..." (2. 153 тал) хэмээжээ.

Номын сүүлчийн бүлгээ зохиогч "Төгсгөлд нь хэлэх үг буюу Наталья Дайдоловнад бичсэн захидал" хэмээн нэрлэжээ. Энэ хэсэгт зохиогч "...би номоо бичихийн тулд та бүхэнтэй ойр дотно явсан хүмүүстэй уулзаж олон жилийн түүхтэй гэрэл зураг

үзэж, захидал тэмдэглэл уншлаа. Миний уншсан захидал бүр, үзсэн гэрэл зураг болгон Надягийн-Найдангийн маань амьдрал, уран бүтээлийн гайхамшгийг илтгэсэн он дарааллын түүх байлаа. Энэ бүхнийг олны төлөө хямгадаж эмх цэгцтэй болгож бидэнд үлдээснийх нь төлөө Николай Константиновичийн гэгээн дурсгалын өмнө, түүний үйл хэргийг залгамжлагч таны өмнө мэхийн ёслож байна. Олон заяахгүй авьяаслаг охин төрүүлж мөнхийн алдар гавьяаны замд хөтлөж амьдрал, уран бүтээлийнх нь түүхийг хойч үеийн хүмүүст үлдээж өгсний тань төлөө, үр хүүхдээ зөв хайрлаж ухаалгаар хүмүүжүүлэхийн үлгэр дуурайллыг бусдад харуулж өгсний тань төлөө Николай Константинович болон танд хүмүүс чин сэтгэлээсээ талархах болно..." (2. 202 тал) хэмээн "хүн төрөлхтнийг" төлөөлөн зохиогч зүрх сэтгэлийнхээ үгийг хэлжээ. Тэрбээр цааш нь "...тантай уулзаж байхдаа би Надягийн тухай тууж бичиж өөрийнхөө орны мянга мянган залууст түүний тухай ярьж өгнө гэж хэлж байснаг тал лав санаж байгаа. Өнөөдөр би энэ бяцхан туужийнхаа дээжийг тэдэнд өргөн барих гэж байна. Таниас захидал авсан өдөр "Юность" сэтгүүлийн шинэ дугаар ирлээ. Надягийн амьдрал, уран бүтээлийг судлахад өөрийгөө зориулж байгаа зохиолч Виктор Киселов Надягийн тухай номоо дуусч байгаа тухай бичсэн байна. Энэ сайхан сэтгэлт хүмүүст миний өмнөөс энхрий бяцхан охины минь өмнөөс Монголын мянга мянган охид хөвгүүдийн чин сэтгэлийн мэндчилгээг дамжуулж уран бүтээлийн амжилт хүссэнийг минь уламжилж өгнө үү. Надягийн тухай олон хүн бодож олон хүн бичих болно гэж бичсэн нэгэн сэтгүүлчийн энгийн хэрнээ үнэн үгийг

олон жилийн өмнө сониноос уншсанаа би санаж байна. Наталья Дайдоловна! Надягийн тухай тууж дуусаагүй байгаа шүү!..." хэмээн төгсгөжээ. (2. 204 тал). Төгсгөлийн энэ хэсэг бол Надягийн гэр бүлийг тэдний ертөнцийг таньж тайлж чадсан авьяаслаг сэтгүүлчийн чин сэтгэлийн үг ажээ. Тэрбээр Надягийнхнаас олж мэдсэн хүний амьдрахуйн утга учрын үлгэр дуурайллыг зөвхөн өөртөө мэдрэх бус бусдад түгээн дэлгэрүүлэхийг хүссэн зохиолчийн үг юм.

Дүгнэлт

1. Монголын сэтгүүлч Д.Хатанбаатарын 1987 онд бичиж хэвлүүлсэн "Надягийн тухай тууж" ном нь Надя Рушевагийн гэр бүлийн түүх, намтар тэдний Монголд өрнүүлсэн амьдралын он жилүүдийн тухай мөн түүний уран бүтээлийн тойм мэдээлэл, дурсгалыг нь хэрхэн мөнхжүүлсэн байдал зэрэг бүх хүрээнд тодорхой түвшинд судалж бичсэн Надя рушевагийн тухай анхны бие даасан бүтээл гэж үзэх үндэслэлтэй байна.

2. Уг бүтээлийн бичвэрүүд, бичлэгийн арга хэлбэр маяг нэн сонирхолтой бөгөөд энэ номыг түүхийн шинжлэх ухааны намтар судлалын салбарын бүтээл гэхээсээ утга зохиол сэтгүүл зүйн төрөлд багтах "баримтатуран сайхны" ангилалд хамаарах бүтээл гэж үзэж байна.

3. "Надягийн тухай тууж" номонд урьд өмнө нийтийн хүртээл болоогүй судалгааны эргэлтэд ороогүй Надя болон түүний гэр бүлийн түүхэнд холбогдох олон арван захидлын гар бичмэлүүд, фото зургууд орсон нь нэн сонирхолтой бөгөөд судлаачид эдгээр баримтуудыг анхаарч "Надя судлалын" үнэтэй хэрэглэгдэхүүн сурвалж болгоно гэдэгт итгэж байна.

Ашигласан эх сурвалж

1. Хатанбаатар Д., "Надягийн тухай тууж". Улаанбаатар, 1987.
2. Хатанбаатар Д., "Өөр оршихуй". Улаанбаатар, 2013.

Бусад хэрэглэгдэхүүн

1. Рушев Н. К., "Последный год Надежды" изд. ТЕНС, 2007.
2. Зоя Донгак, "Мама Нади Рушевой" изд. Тываполиграф, 2014.
3. Усенко Н. В., "Надя Рушенко" изд. "КП", 2017.
4. Киселев В. М., "Месяц в Артеке" Тувинское книжное издательство, 1987.
5. Пашнев Э. И., "Девочка и олень" изд. Терра-книжный клуб, 2001.
6. Булгаков М., художник Рушева Надя "Мастер и Маргарита" изд. "АСТ", 2017 ист. Вэб сайт. "Лабиринт".
7. Пушкин А. С., художник: Рушева Надя "Стихотворения" изд. "Мешерякова", 2015.

Цахим хэрэглэгдэхүүн

1. Содномпил О., "Үлгэрийн гүнж". – URL: <http://www.ner.mn> (дата обращения: 20.01.2019). – Текст: электронный.
2. Бадарч Ш., "Өрөөлийн зүрхийг өр зүрхээрээ бичилцсэн эрхэм". – URL: <http://www.zindaa.mn> (дата обращения: 20.01.2019). – Текст: электронный.

Хавсралт

Улаабаатар хот Сүхбаатарын талбай 1952 оны 07 сар. Зураг дээр: зүүн гэр талаас Николай Константиновичийн шавь П. Цогзол, Николай Константинович, Наталья Дайдоловна Ажикмаа. Хамгийн баруун талд буй бүрх малгай, костюмтай эрийг Надягийн өвөө Николай Константинович байж магадгүй гэж зохиолч үзжээ.

г. Улаанбатор, площадь Сүхбатара, июль 1952 г. На фотографии изображено: слева стоит ученица Николая Константиновича, рядом с ней сам Николай Константинович, у него на руках маленькая Надя, посредине Наталья Дойдаловна (мама Нади), далее стоит знакомая семьи и последний на фотографии, как думает автор, – дедушка Нади.

1965 оны 10-р сарын 28 өдөр Николай Константинович Монгол улсын ардын жүжигчин төрийн шагналт, хөгжийн зохиолч Б. Гончигсумлаад Москвагаас дурсгасан зураг. Зураг дээр бяцхан Надя Рушева өөрийн бүтээлийг академик В. А. Ватагинд үзүүлж байна.

28 октября 1965 г. Николай Константинович подарил картину монгольскому народному актёру Б. Гончигсумле в Москве. На фотографии маленькая Надя Рушева показывает картину академику В. А. Ватагину.

Номын зохиогч Д. Хатанбаатарын оюутан ангийн найз (МГУ имени М. В. Ломоносова) “Советская Россия” сонины Монгол дахь сурвалжлагч Валерий Мастеров, Надягийн ээж Наталья Дайдоловна, Д. Хатанбаатарын том охин Х. Азжаргал. Москва.

На фотографии стоит журналист Валерий Мастеров, одноклассник Хатанбатора (МГУ им. М. В. Ломоносова), мама Нади и старшая дочь Хатанбатора Х. Азжаргал. Москва.

1967 онд Николай Константинович Москвад мэргэжил дээшлүүлэхээр очсон Монгол телевизийн зураач шавь нарын хамт.

1967 г., Николай Константинович показывает картины для монгольских студентов, которые работают на монгольском телевидении.

1968 оны 10-р сарын 25 өдөр Николай Константинович шавь Дондогтоо дурсгасан зураг. Уг зураг дээр Москвад гарсан Монголын орчин үеийн дүрслэх урлагийн үзэсгэлэнгийн нээлт дээр Николай Константинович, охин Надя Рушева, шавь зураач П. Балдандорж, С. Дондог нарын хамт.

25 октября 1968 г. Николай Константинович подарил фотографию студенту Дондогу. В Москве на открытии выставки Монгольского современного изобразительного искусства, Николай Константинович, девушка Надя Рушева, студенты-художники П. Балдандорж и С. Дондог.

Д.Хатанбаатар

9.11.63 г.

Дорогие Женя и Гошгик!

Пожалуйста нас: внезапно, без ссраждения
скажанакае наша и ваша Надежда...

Посылаем некролог ... Кровавые...
Похороны за Германовым - в Краеком
Строение... Я держу, а Кабаша...
Июль... Интервью не пускает ее.
В Кремль, в Судан, годки убивают...

Ваш безумный Рушева.

Письмо папы Нади Рушевой Гончигсумлу

Дорогие ребята Атаарий и
Хатанбатор!

Товарищам суждено,
высказать вам много спасибо
в Тувинскую правду "о моей
поездке в м.н.р. А думаю,
что вам будет интересно.
Меня до сих пор не покидают
теплые воспоминания о своей
пребывании в Улан-Баторе. Мду от
вас фотографии, которые не мало
снимали и другие фото корреспонденты.
А буду очень рада научиться их.
В Москву приехала 26 октября.
Адаптацию перенесла трудно, зато
и поэтому я не могла посмотреть
декаду культуры Тувы в Москве,
которая проходила до 14 октября.
Бывший мой привет и добрые поше-
лания Георгию Ивановичу Браченко.

Еще раз благодарю вас за ваше
теплое внимание, которое вы
оказывали мне в те дни, когда
я находилась с вами.

мама Надя Рушевой

Н. Д. Анискина

14/10-84г.

г. Москва

Письмо мамы Нади Рушевой Хатанбатору

УДК 81'42
ББК Ш105.51

Анастасия Викторовна Иванова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: sova2006.83@mail.ru

Активные языковые процессы и модификации повествования в языке современной региональной прозы¹

Рассматривается вопрос модификации повествования в языке современной региональной прозы. Уделяется внимание активным языковым процессам, характерным для современной художественной прозы, в частности, их наличию в языке текстов приграничного региона. Представлены результаты анализа текстов забайкальских прозаиков. Поднимается вопрос о включении современной забайкальской прозы в контекст единого литературного процесса. Особое внимание уделяется изучению текстов в аспекте теории языковой композиции.

Ключевые слова: современная региональная проза, языковая композиция, активные языковые процессы, субъективизация повествования, метафора, словообразовательные и грамматические модификации, графический облик текста

Anastasia V. Ivanova,
Transbaikalian State University,
Chita, Russia,
e-mail: sova2006.83@mail.ru

Active Language Processes and Modifications of Narrative in the Language of Modern Regional Prose

The question of modification of the narration in the language of modern regional prose is considered. Attention is paid to the active linguistic processes characteristic of modern fiction, in particular, their presence in the language of texts of the border region. The results of the analysis of texts of Transbaikalian prose writers are presented. The question of inclusion of modern Transbaikalian prose in the context of a single literary process is raised. Special attention is paid to the study of texts in the aspect of the theory of language composition.

Keywords: contemporary and regional prose, language composition, active linguistic processes, the subjectivity of the narrative, metaphor, word-formative and grammatical modification, graphical appearance of the text

Феномен региональной прозы заключается в сочетании двух противоположных тенденций. С одной стороны, проза определённой местности не может не включаться в широкий контекст единого литературного процесса. С другой, статус региональной предполагает некую местную специфику, особенно если речь идёт о литературе приграничного региона. Следует указать, что в данной статье не преследуется цель выявить подобную специфику. Статья посвящена изучению языка местной прозы с позиций

активных процессов, которые характеризуют современную художественную литературу в целом, то есть тем интегрирующим началом, которые позволяют встроить региональную прозу в единое художественное пространство.

Актуальность изучения региональной прозы обусловлена тем фактом, что в последнее время значительно возрос научный интерес к явлениям так называемой регионалистики. Научная новизна заключается в том, что впервые произведения приграни-

¹ Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-012-00270 «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект».

чья рассматриваются в языковом аспекте. Анализ языковых фактов в указанных текстах производится в рамках теории языковой композиции. В качестве материала для исследования выбраны тексты писателей приграничного региона – Забайкалья. Выбор предмета обусловлен тематикой гранта «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект». Тексты региональной прозы рассматриваются в аспекте наличия/отсутствия тех или иных активных языковых процессов.

Целесообразным представляется дать обзор активных языковых процессов. Они рассмотрены в работах Г. Д. Ахметовой, чья теория языковой композиции текста является продолжением учения ведущего филолога А. И. Горшкова [8]. Г. Д. Ахметова называет следующие процессы: модификации субъективации повествования; метафоризацию повествования («уход в метафору»); нетипичное словообразование («словообразовательный взрыв») и грамматику (грамматические сдвиги); изменения графического облика текста [2–4]. Рассмотрим каждый из названных процессов.

Модификация субъективации повествования включает её активизацию, а также такой приём, как невыделенная прямая речь, и модификации диалога (диалог-повествование) [3]. При анализе текстов забайкальской прозы следует отметить активность традиционной прямой речи (диалог). В детской повести Александра Гордеева «Улыбка хвостом» читатель видит диалог двух героев, собак, которые автором «очеловечиваются». Диалог сочетается с авторской речью, не характеризуется модификациями:

- Что же, он и сейчас тебя лупит?
- Бывает... Но редко. <...>
- Но, по-моему, это бесчеловечно <...>
- <...> заметил Бобик, – без поводка ты совсем другой.
- А чего мне без причины-то собачиться? – ответил Пёс [7, с. 2].
- Люди считают, что они в ответе за тех, кого приручили. Ну, а мы? Разве мы не приручили их к себе? Приручили [Там же, с. 3];
- Конфет вчера наелся-а-а... – сразу же похвастался он [Там же, с. 4].

Модификации диалога наблюдаются в цикле А. Гордеева «Простые истины». В миниатюре «Правильный мир» диалог составляет весь текст и представляет композиционную основу повествования:

– Все знают, что свет от Солнца. А от чего темнота?

– То есть, как от чего? <...>

– Такое невозможно. <...>

– Темноте не дано побеждать свет. Лишь свет побеждает темноту [6].

Следующий процесс Г. Д. Ахметова обозначает как «уход в метафору» [4]. Метафоризация прозы предполагает композиционную роль метафоры. В повести Н. Ганьшиной «Чудесное» метафора является ведущим принципом языковой композиции. Значимость так называемой «живой» метафоры в прозе автора рассматривается А. В. Ивановой [9]. Приведём примеры:

День скукоживается, в восемь утра – совсем ночь, небо звёздное. Или это депрессивный конец декабря <...>? [5];

Или, может, и при рождении выставили их из жизни – так же, как наших двух собачек [Там же];

Сильное отклонение от нормы приводит к слову, к шизофрении – как у человека, так и у мира в целом, так и у текста [Там же];

Оставшиеся позади меня чудесные страницы не дают покоя [Там же];

И при чём здесь ярлык времени <...>? [Там же].

В цикле А. Гордеева «Простые истины» метафоры организуют языковую композицию, развёртываясь на весь текст, например, миниатюры «Доказательство пришествия», «Неисчерпаемость», соответственно:

Более того, во сне я знаю способ полёта, как будто эта «технология» открывается сразу за ширмой сна, но её невозможно вытащить в явь [6].

Ты боишься, что тебя быстро вычерпают и ты станешь не интересным? <...> Можешь ли ты сказать, что, прочитав всего Толстого или прослушав всего Чайковского, ты вычерпал их так, что они стали скучными? [Там же].

Явление словообразовательного «взрыва» основано на активизации окказионального словообразования. Явление, названное словообразовательным «взрывом», также не находит широкого применения в текстах региональной прозы. Следует отметить единичные случаи окказионального словообразования. Например, в повести Н. Ганьшиной: зверьки мои изреვნовались; порассматривали машинки [5]. В текстах А. Гордеева примеры немногочисленны: бессобачно; прилапили [7], заводильщик часов [6].

Грамматические «сдвиги» предполагают переносные значения грамматических форм в контексте повествования [4]. Грамматические «сдвиги» также характеризуются единичностью употребления. В основном они встречаются в повести Н. Ганьшиной, представляя расширение возможностей таких частей речи, как безличное предикативное слово и наречие: *жаль его мнение о провинции; даже немного упал; Маратик остался легко* [5]. В других текстах подобные явления не были обнаружены.

Последний процесс затрагивает графическую сторону текста. Отклонения от графической нормы (креолизация текста [1], графический словесный ряд [2]) могут влиять на языковую композицию. Графические окказионализмы характерны для повести Н. Ганьшиной и служат усилению субъективации повествования:

Самое радостное событие дня – письмо от Олеси. Я спросила ее: «Как наши ласковые дела?»)») <...>» [5];

И Чудесное свершилось в моей жизни [Там же];

В целом все ОК, осматриваю сегодня Бейрут [Там же];

Вот бы туда сбегать хотя бы на время)»))» [Там же].

К нетипичным графическим средствам в тексте относятся прописная вместо строчной буквы, а также эмотиконы.

В целом следует отметить, что явления модификации характерны для региональной прозы, хотя и в меньшей степени, нежели для текстов, получивших всероссийскую известность. В качестве самых распространённых активных процессов следует указать: модификации субъективации повествования (диалог-повествование, невыделенная прямая речь); метафоризацию повествования. В проанализированных текстах выявлены единичные случаи использования окказионального словообразования, переосмысления грамматических признаков языковых единиц, нетипичной графики. Таким образом, произведения забайкальского приграничья в большей степени характеризуются традиционным повествованием.

Источники и литература

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Академия, 2003. – 128 с.
2. Ахметова Г. Д. О графическом словесном ряде (на примере романа Р. Киреева «Победитель») // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, 5–6 дек. 2003 г.) / отв. ред. Л. А. Нефедова. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2003. – 538 с.
3. Ахметова Г. Д. Языковая композиция художественного текста (проблемы теоретической феноменализации, структурной модификации и эволюции на материале русской прозы 80–90-х годов XX в.). – М.; Чита: ЗабГПУ, 2002. – 264 с.
4. Ахметова Г. Д. Языковые процессы в русской прозе конца XX – начала XXI вв. // Гуманитарные науки – 2006. Вызовы и достижения: материалы междунар. симп. (7–9 сент. 2006 г.) = Scientific articles. Humanities – 2006: 4 International symposium (September 7–9). – Sunny Beach. – ISBN 954-9368-17-3. – P. 39. – URL: <http://www.ejournalnet.com> (дата обращения: 20.01.2019). – Текст: электронный.
5. Ганьшина Н. Чудесное. Ангел мой. Я из провинции (сборник) // LitRes. – URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23596587&from=329574480 (дата обращения: 30.04.2019). – Текст: электронный.
6. Гордеев А. Н. Простые истины: новеллы, притчи // Bookz. – URL: https://www.bookz.ru/authors/aleksandr-gordeev/prostie_922 (дата обращения: 30.04.2019). – Текст: электронный.
7. Гордеев А. Н. Улыбка хвостом: повесть. – Чита: Экспресс-изд-во, 2006. – 64 с.
8. Горшков А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 367 с.
9. Иванова А. В. Язык региональной прозы в контексте модификации повествования (на материале текстов Нины Ганьшиной) // Язык как материал словесности: к 95-летию профессора А. И. Горшкова: материалы XXI научных чтений (г. Москва, 20 окт. 2018 г.). – Казань: Бук, 2018. – С. 68–78.

УДК 81'373.2
ББК Ш141.2-316

Юлия Васильевна Щурина,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: shchurina@inbox.ru

Эргонимикон современного приграничного города (на материале языкового пространства г. Читы)

В статье анализируются особенности функционирования русского языка в приграничном пространстве в сфере номинации городских объектов. Доказывается, что ономастическое пространство российского города характеризуется существованием нескольких тенденций, которые отражают процессы, свойственные современной коммуникации в целом. Выявляется типология собственных наименований коммерческих организаций с точки зрения способов образования и выполнения основных функций: номинативной, информативной и рекламной.

Ключевые слова: язык города, языковое пространство города, ономастическое пространство, эргонимы, эргонимикон, заимствование

Yuliya V. Shchurina,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: shchurina@inbox.ru

Ergonimikon of the Modern Border City (on the Material of Chita Language Space)

The article analyzes the features of the Russian language functioning in the border area within the nomination of urban objects. It is proved that the onomastic space of the Russian city is characterized by the existence of several trends that reflect the processes typical for the modern communication in general. There is defined the typology of the proper names of the commercial organizations, based on the methods of formation and the main functions performance: nominative, informative and advertising.

Keywords: language of the city, city language space, onomastic space, ergonym, ergonymikon, borrowing

Выявление особенностей языка города представляет одну из центральных проблем современного языкознания, в частности, таких его разделов, как социолингвистика, психолингвистика и ономастика.

Богатство и разнообразие стихии языка города, как в своё время отмечал Б. А. Ларин, связано с присутствием в лингвистической истории всякого города столкновения и скрещения разнообразных типов культур. Изучение процессов обновления характеристических средств в ситуации смены культурно значимых ориентиров развития и увеличения их количества предполагает взгляд на язык города как на особое явление городской культуры [1].

Языковое пространство современного российского города понимается как совокупность нескольких компонентов: оно включает литературную речь (кодифицированный вариант), живую разговорную речь и городское ономастическое пространство, охватывающее обширный пласт наименований различных объектов [3]. Термин «ономастическое пространство» впервые был употреблён В. Н. Топоровым, который отмечал, что ономастическое пространство разных культур, территорий и эпох заполнено не одинаково, поскольку онимизируются различные денотаты [2].

Важную часть ономастического пространства города составляет его эргоними-

кон – совокупность наименований предприятий различного функционального профиля: магазинов, ресторанов, аптек, фирм и т. п.

В современных лингвистических исследованиях эргонимикон города рассматривается как отдельная самостоятельная система онимов, в которой реализуются определённые тенденции, свойственные современному русскому языку и современной коммуникации в целом: языковая мода на заимствование, изменение общей языковой культуры (осознанное и неосознанное нарушение разных типов норм), стремление к языковой игре, экспрессии и т. д.

Город Чита, как и большинство российских городов, начиная с конца 90-х годов XX века испытывает влияние активизации иноязычных наименований своих объектов – прежде всего магазинов и предприятий общественного питания. Среди основных тенденций, действующих в письменности городской среды с конца XX века, обозначены стремление к экспансии слова и тенденция к разрушению единственности письменности [4, с. 118–119]. Вывески и наружная реклама г. Читы представляют собой материал, в лексическом и графическом отношении подтверждающий указанные особенности письменности городской среды.

Вывески заведений и предприятий г. Читы представлены средствами разных языков и алфавитов (с преобладанием английского языка и/или латиницы), также встречаются транслитерированные слова бурятского и китайского (реже японского) языков [5].

Современная эмпоронимия использует иноязычную лексику прежде всего для обозначения торговых точек, предлагающих товары зарубежных брендов: «*Francesco Donni*», «*Calzedonia*», «*Max Mara*», «*Zarina*» и др. Наиболее частотными являются так называемые «графические интернационализмы», то есть названия всемирно известных компаний, фирм, их товаров, обычно сохраняющие свою первоначальную графическую форму: «*Adidas*», «*Reebok*», «*Yves Roshe*» и т. д.

Вторую группу составляют иноязычные названия, не являющиеся собственными наименованиями фирм-производителей. В эпиграфике при передаче таких названий широко используются латиница, транслитерация, написание в русской и латинской графике. Иноязычные названия, как правило, привлекают более молодую, ориентирован-

ную на Запад аудиторию, соответственно, с использованием лексических или графических иноязычных элементов оформляются наименования торговых предприятий, предлагающих товары для молодёжи (чаще всего – одежду): «*Wonderland*», «*Sweet home*», «*Vrubel shop*», «*Kruche belucci shop*» и т. д. (здесь и далее все графические особенности наименований сохранены – Ю.Щ.).

Широко используется элемент «евро» при образовании названий магазинов. Во многом это объясняется тем, что для современного русского человека Европа является неким ценностным ориентиром [3] или «сигналом» качества: *Евросеть*, *Евромебель*, *Еврострой*, ТЦ «*Европейский*» и т. д.

В городской среде города Читы отмечаются также случаи «переплетения» латинских и кириллических графем, причём в этом случае они не всегда воспринимаются адресатами как иносистемные: *Spa-салон*, *Spa-центр* и т. д.

Ономастическое пространство Читы составляет значительно число эргонимов бурятского и китайского происхождения: кафе «*Дангина*» («красавица» «фея, волшебница»), «*Баян Зочин*» («богатые гости»), «*Баян Гол*» («богатая река»); кафе «*ЛУНФУ*», «*Цинсян*», «*Дун Фан*» и др. В китайских эргонимах, помимо транслитерированных слов, зачастую используются иероглифы.

Пёстрая картина, которую представляет собой эргонимикон г. Читы, во многом определяется географическим положением города в приграничном пространстве, а также спецификой контингента, представленного людьми разных национальностей и культур.

Присутствующие в коммуникативном пространстве города Читы эргонимы могут быть классифицированы прежде всего с точки зрения их образования:

– **буквенные:**

– кириллические: сеть супермаркетов «*Спутник*», кафе-бар «*Виниловая Сова*», фитнес-клуб «*Рыжий кот*», продуктовый магазин «*Юлия*», ТРЦ «*Фортуна*», сеть ювелирных салонов «*Дамский угодник*», сеть супермаркетов «*Народный*», батутный акробатический клуб «*Винт*» и др.;

– с использованием архаичных кириллических средств (графем дореформенной кириллицы): сеть супермаркетов «*Забайкальский Привозъ*», магазин книг и канцелярских товаров «*БукерЪ*», книжный магазин «*ПродаЛитЪ*», столовая «*Сытновъ*», магазин «*Дъло*» и т. п.;

– некириллические: салон красоты «*In-Style*» магазин одежды «*Wonderland*», магазин «*Chik-chik*», фитнес-клуб «*Extreme Gym*» магазин «*Sweet home*», магазин одежды «*Vrubel shop*», магазин «*Kruche belucci*», бар «*Vdrova*», бар «*PIVBAR*» и др.;

– комбинированные: ТЦ «*Hovocumi*», рестобар «*Vomryv*», студия красоты «*Сонет*», кафе «*Шаурма hall*», фитнес-клуб «*Time to u Сушка*», кинотеатр «*Likërka Cinema*», гриль-бар «*ШашлыкоFF*», бильярдный клуб-ресторан «*Zасада*», магазин спецодежды «*ПроФодежда*» и т. п.;

– с использованием небуквенных средств (отметим активизацию использования хэш-символа (#), преобразующего эргоним в хэштег): сеть магазинов «*Какаду & #petcity*», видеостудия «*Фокус+*», магазин одежды «*Mr & Mrs Style*», служба заказа пассажирского легкового транспорта «*#НаМесте*» и т. п.;

– с использованием цифр: ресторан-бар «*Квартира 31*», доставка суши и роллов «*Такао51*», фотостудия «*Studio220*», бар «*Район 24*», сеть ювелирных салонов «*585 Золотой*», фитнес-клуб «*Profi 2*», зоомагазин «*138 попугаев*», студия корпусной мебели «*1001 шкаф*», магазин автохозяйственных товаров «*555*», автосервис «*76 экспресс*», дисконт-центр «*1000 мелочей*», сеть кафе и киосков по продаже мороженого «*33 пингвина*», мебельный салон «*12 стульев*» и т. п.;

– с использованием словообразовательных средств: туристическое агентство «*Интертур*», детская игровая комната «*Мультиленд*», магазин игрушек «*Супер Игрушка*». Характерно использование различных словообразовательных компонентов «престижности», которые символизируют высокое качество предлагаемой продукции: *интер-*, *мульти-*, *супер-*, *-плюс* и т. п.;

– образованные путём сложения основ: гриль-бар «*Мясоед*», рекламно-производственная компания «*ЧитаСтенд*», рекламно-производственная группа «*new-BOARD*», рекламная группа «*РеклаМах*», рекламно-производственная компания «*SunRise*» и др. Примечательно, что эргонимы, образованные путём сложения основ, присущи в своём большинстве компаниям, занимающимся рекламной деятельностью.

Для названий торговых предприятий города Читы используются слова весьма раз-

нообразных тематических групп, что формирует определённые ассоциации (иногда, впрочем, достаточно неожиданные):

– названия цветов: салон цветов «*Орхидея*», салон цветов «*Эдельвейс*», магазин хозяйственных товаров «*Ромашка*», продовольственный магазин «*Ромашка*», магазин косметики «*Ромашка*» и т. д.;

– названия животных: кафе китайской кухни «*ПАНДА*», мебельный салон «*Панда*», зоомагазин «*Панда*», магазин игрушек «*Жирафик*», салон подарков «*Чёрная кошка*» и т. д.;

– названия географических понятий: сеть супермаркетов «*Континент*», магазин смешанных товаров «*Континент*», продуктовый магазин «*Бриз*», кафе «*Азия*» и т. п.;

– слова, обозначающие лицо: магазин «*Школьник*», магазин учебно-методической литературы и канцелярии «*Учитель*», магазин отделочных материалов «*Строитель*», магазин хоккейной экипировки «*Чемпион*» и др.;

– знаки зодиака: магазин сантехники «*Водолей*», продовольственный магазин «*Стрелец*», магазин косметики и бытовой химии «*Скорпион*», продуктовый магазин «*Скорпион*», магазин трикотажных изделий «*Скорпион*» и т. п.;

– литературные и сказочные герои: магазин сантехники «*Водяной*», гастроном «*Кот Бегемот*», салон женской одежды «*Фея*», зоомагазин «*Единорог*»;

– женские имена: продуктовый магазин «*Ксюша*», продовольственный магазин «*Наташа*», салон женской одежды «*Эммануэль*», торговый центр «*Виктория*», салон кухни «*Катюша*», магазин женской одежды «*Катюша*», продуктовый магазин «*Катюша*», продовольственный магазин «*Юлия*» и др.

– названия, указывающие на региональный компонент: сеть магазинов и киосков «*Макавеевский*», магазин «*Фирменный Нерчинский*» и др.

Далее остановимся на функциях, выполняемых эргонимами в языковом пространстве города Читы. Можно говорить о четырёх основных функциях эргонимов: назывной, информативной, рекламной и эстетической [3]. Отметим также, что классификация эргонимов может быть построена и с учётом их функций.

Назывную (идентифицирующую) функцию выполняют такие эргонимы города Читы, как магазин «*Муззона*», магазин одежды «*Town Style*», зоомагазин «*Zoo-terra*»,

магазин зоотоваров «Зооград», магазин «Зоомир» и др. Отметим также, что в пространстве города Читы присутствуют выполняющие назывную функцию эргонимы, которые подчёркивают интернациональную связь между различными территориальными и этническими общностями: кафе «Вечерний Баку», кафе «Азия», ресторан «Русский Shanghai», позная «Бурятская кухня», кафе китайской кухни «Пекинская опера», ресторан «Жемчужина востока» и т. п.

В составе эргонимов города Читы, выполняющих **информативную** функцию, наиболее употребительны иноязычные эквиваленты гиперонима «дом» – «house» и «home»: студия стиля «Beauty house», суши-бар «Sushi House», кондитерская студия «Dessert house», мебельный дизайн-центр «Creative House», сервисный центр «Apt Хаус», ресторан «Гриль Хаус», кафе «Хинкали Хаус», магазин предметов домашнего интерьера «Sweet home», интерьерная фотостудия «Happy Home» и др. Примечательно графическое разнообразие способов оформления указанных эргонимов.

В Чите, как и в большинстве российских городов, обновление и развитие лексик в части эргонимов постепенно приводит к вытеснению номинации «магазин», которая переходит в разряд устаревающих и вытесняется более употребительными словами-синонимами с оттенком новизны: «маркет»/«market» (сеть магазинов фиксированных цен «Home Market», сеть магазинов «Глобус Маркет Сибири», сети различных супермаркетов), «бутик» (бутик детской моды «Наследники», гастрономический бутик «Эстье», цветочный бутик «Amore+Fiori», бутик «Flower Club» и т. д.) и «шоурум» (магазин одежды «Sweet Шоу Рум» «Шоурум Lui-Lei», «Шоу-рум e`asy» и др.). Отметим встречающуюся в данных примерах широкую вариативность написания элемента «шоурум» (слитно, раздельно, через дефис), отражающую его недостаточную графическую адаптированность.

Эргонимы, обозначающие большой объём товаров или многообразие предлагаемых услуг, характеризуются использованием в качестве ключевого элемента таких слов, как «land», «terra», «зона»: салон цветов «Роза Лэнд», служба заказа спецтехники «КопиЛэнд», магазин штор «Шторы land», магазин «Муззона», зоомагазин «Zooterra» и др. Присутствуют локусы деловой (и не толь-

ко) активности с компонентом «city»: строительная компания «СтройСити», ресторан «Панама-citi», торгово-развлекательный комплекс «Grand city», ТЦ «Novociti».

Эргонимы, выполняющие **рекламную** функцию, также представлены достаточно широко: продуктовый магазин «Окей», кафе-бар «Запой», бильярд-ресторан «Засада», продуктовый магазин «Наш», кафе «Яблонька», магазин инструментов и оборудования «Толстяк Саша», магазин рыболовных товаров «Клёвый», магазин крепёжных изделий, сантехники и электрики «Рукоjob» и т. п.

Отметим, что создание иронического отношения в восприятии описываемых реалий и их оценки осуществляется, как правило, за счёт стилизации разговорной речи, соединения графических средств разных языковых систем, создания определённых ассоциаций, многоплановости.

Эстетическая функция эргонимов является вспомогательной, её назначение состоит в том, чтобы создать наиболее благоприятные условия для реализации приоритетных функций. Отметим, что представления об эстетичности наименований могут существенно различаться, что мы и наблюдаем в приведённых выше примерах.

В целом языковая ситуация в эргонимическом пространстве г. Читы мозаична и сложна: наряду с характерными для русской культуры эргонимами при номинации торговых предприятий и предприятий питания активно используются заимствования. Наблюдается языковая полифония: встречается использование не только кириллицы и латиницы, но и письменности других языков – бурятского, китайского, японского. Кириллица и латиница вступают во взаимодействие при создании комбинированных эргонимов города, причём графемы латиницы становятся экспрессивными средствами на фоне кириллицы.

Эргонимы, в той или иной степени обладающие определёнными культурными коннотациями, могут отсылать к культурно-интеллектуальным блокам в сознании адресатов, порождать ассоциации, формировать многоплановость восприятия.

Неоднородная в языковом отношении эргономическая среда требует определённой культурной и лингвистической компетенции от жителей и гостей современного города.

Источники и литература

1. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – С. 175–189.
2. Топоров В. Н. О палийской топономастике // Ономастика Востока: исследования и материалы. – М., 1969. – С. 31–50.
3. Шмелева Т. В. Горожанин как читатель. Филологический дискурс // Вестник Института гуманитарных наук ТюмГУ. Вып. 10. Город как культурное пространство. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. – С. 7–11.
4. Шмелева Т. В. Письменность городской среды // Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике: межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1997. – С. 114–123.
5. Щурина Ю. В., Пальшина А. А. Многоязычность эргонимов в языковом пространстве города Читы // Приграничный регион в историческом развитии: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Ч. 3. – Чита: ЗабГУ, 2018. – С. 86–90.

УДК 81'373
ББК Ш105.3

Елена Ивановна Пляскина,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: PlyaskinaEI@mail.ru*

Номинации автомобилей в разговорном языке забайкальцев¹

В статье впервые рассмотрены русские номинации, являющиеся эквивалентами наименований автомобилей иностранного производства и употребляющиеся только в разговорной речи: определены способы их образования и выявлена их эмоциональная и стилистическая окраска.

Ключевые слова: номинация, лексическая единица, коннотативная лексическая единица, способ образования

Elena I. Plyaskina,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: PlyaskinaEI@mail.ru*

Nominations of Cars in the Spoken Language of Transbaikilians

The article for the first time considers the Russian nominations, which are the equivalents of the names of cars of foreign production and are used only in colloquial speech: the ways of their formation are determined and their emotional and stylistic coloring is revealed.

Keywords: nomination, lexical unit, connotative lexical unit, method of education

В конце XX – начале XXI века в жизни забайкальцев появились автомобили иностранного, в основном японского производства, что было связано с открывшейся возможностью их приобретения. И чем больше в Дальневосточном и Сибирском Федеральном округах становилось этих автомобилей,

тем чаще и активнее автомобилисты изменяли и преобразовывали их официальные наименования, пытаясь как-то упростить их, сделать более понятными. Процесс освоения иноязычных названий, порой труднопроизносимых, часто совершенно непонятных, привёл к появлению новой области номина-

¹ Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-012-00270 «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект».

ции в региональном варианте русского разговорного языка – разговорно-просторечные варианты наименований иномарок. Цель настоящей статьи – представить эти лексические единицы (ЛЕ), определить способы их образования, выявив наиболее активные и описать их с точки зрения эмоционально-экспрессивной.

В результате опросов, проведённых автором и студенткой 4-го курса ФФИМК ЗабГУ Юлией Глотовой, среди забайкальских автомобилистов, не только знакомых с рассматриваемыми ЛЕ, но и активно использующих их в своей речи, была составлена тематическая группа (ТГ) «Наименования иномарок», включившая 49 ЛЕ:

чайник – «Toyota Chaser» («Тойота Чайзер»), **марковник** – «Mark II» («Марк II»), **марчелло, марчок, мячик** – «Nissan March» («Ниссан Марч»), **харёк** – «Toyota Harrier» («Тойота Харриер»), **крузак, крузёр** – «Toyota Land Cruiser» («Тойота Ленд Крузер»), **пыжик** – «Mitsubishi Pajero» («Мицубиси Паджеро»), **рафик** – «Toyota RAV4» («Тойота РАВ4»), **форик** – «Subaru Forester» («Субару Форестер»), **мерин** – «Mercedes-Benz» («Мерседес»), **субарик** – «Subaru» («Субару»), **падик, прадик** – «Toyota Prado» («Тойота Прадо»), **пуфик** – «Nissan Pathfinder» («Ниссан Патфайнер»), **фунтик** – «Toyota Funcargo» («Тойота Функарго»), **кубик** – «Nissan Cube» («Ниссан Куб»), **финик, финька** – «Infiniti» («Инфинити»), **кашак** – «Nissan Qashqai» («Ниссан Кашкай»), **спринтёр** – «Toyota Sprinter» («Тойота Спринтер»), **теранчик** – «Nissan Terrano» («Ниссан Террано»), **улыбка** – «Toyota Carina» («Тойота Карина»), **скалка** – «Nissan Skyline» («Ниссан Скайлайн»), **бочка** – «Toyota Corona» («Тойота Корона»), **селёдка** – «Audi 100» («Ауди»), **аккордеон** – «Honda Accord» («Хонда Аккорд»), **камрюха** – «Toyota Camry» («Тойота Камри»), **акула** – «Toyota Camry» («Тойота Камри»), **скамейка** – «Scania» («Скания»), **виноград** – «Nissan Wingroad» («Ниссан Вингрод»), **пробка** – «Toyota Probox» («Тойота Пробокс»), **сосед, суицид** – «Toyota Succeed» («Тойота Суксид»), **мицуха** – «Mitsubishi» («Мицубиси»), **хондарь** – «Honda» («Хонда»), **ева** – «Mitsubishi Lancer Evolution» («Мицубиси Лансер Эволюшн»), **старлетка** – «Toyota Starlet» («Тойота Старлет»), **филин, филимон, филья** – «Toyota Fielder» («Тойота Филдер»), **лекарь, лёха, лёхус** – «Toyota Lexus» («Той-

ота Лексус»), **крестина** – «Toyota Cresta» («Тойота Креста»), **алёша** – «Toyota Allion» («Тойота Аллион»), **витька** – «Toyota Vitz» («Тойота Витц»), **санька** – «Nissan Sunny» («Ниссан Санни»).

Представленные ЛЕ образованы несколькими способами.

1. Прибавление к корню одного из компонентов названия суффикса *-ик*:

«Nissan Cube» («Ниссан Куб») – **кубик**, «Toyota RAV 4» («Тойота РАВ 4») – **рафик** (звук [ф] появился в результате действия в русском языке закона оглушения конечных звонких согласных).

2. Усечение корня и прибавление к нему суффиксов *-ик, -ник, -чик, -овник, -ёк, -ок, -ак, -ёр, -арь, -юх, -к*:

«Toyota Prado» («Тойота Прадо») – **прадик**, «Subaru Forester» («Субару Форестер») – **форик**, «Subaru» («Субару») – **субарик**, «Toyota Chaser» («Тойота Чайзер») – **чайник**, «Toyota Harrier» («Тойота Харриер») – **харёк**, «Nissan March» («Ниссан Марч») – **марчок**, «Toyota Land Cruiser» («Тойота Ленд крузер») – **крузак, крузёр**, «Nissan Qashqai» («Ниссан Кашкай») – **кашак**, «Mark II» («Марк II») – **марковник**, «Toyota Sprinter» («Тойота Спринтер») – **спринтёр**, «Nissan Terrano» («Ниссан Террано») – **теранчик**, «Lexus» («Лексус») – **лекарь**, «Honda» («Хонда») – **хондарь**, «Toyota Camry» («Тойота Камри») – **камрюха**, «Toyota Premio» («Тойота Премио») – **премка**, «Toyota Starlet» («Тойота Старлет») – **старлетка**.

3. Упрощение корня за счёт отбрасывания некоторых звуков, чтобы в результате словообразовательного процесса (прибавления к корню русских суффиксов *-ик, -к, -арь*) получилось слово, наиболее близкое русским словам или знакомое, известное:

«Nissan Pathfinder» («Ниссан Патфайндер») – **пуфик**, «Mitsubishi Pajero» («Мицубиси Паджеро») – **пыжик**, «Toyota Prado» («Тойота Прадо») – **падик**, «Toyota Funcargo» («Тойота Функарго») – **фунтик**, «Nissan Skyline» («Ниссан Скайлайн») – **скалка**, «Toyota Probox» («Тойота Пробокс») – **пробка**.

4. Переименование на основе звукового сходства с уже известными словами, в том числе с формами личных имён людей (звуковые ассоциации):

«Toyota Succeed» («Тойота Суксид») – **суицид**, **сосед**, «Toyota Allion» («Тойота Аллион») – **алёша**, «Fielder» («Тойота Фил-

дер») – **филин**, **филимон**, «Scania» («Скания») – **скамейка**, «Nissan Sunny» («Ниссан Санни») – **санька**, «Toyota Vitz» («Тойота Витц») – **витька**, «Nissan Wingroad» («Ниссан Вингрод») – **виноград**, «Mercedes-Benz» («Мерседес») – **мерин**, «Honda Accord» («Хонда Аккорд») – **аккордеон**, «Toyota Cresta» («Тойота Креста») – **крестина**, «Lexus» («Лексус») – **лёха**, **лэхус**, «Nissan March» («Ниссан Марч») – **мячик**.

При образовании этих русских номинаций один или два компонента официального иноязычного названия отбрасываются.

5. Метафоризация, т. е. сходство по общему внешнему виду или по каким-то отдельным частям машины:

«Toyota Carina» («Тойота Карина») – **улыбка** (задние фары, предназначенные для стоп-сигнала, по форме напоминают улыбку), «Audi 100» («Ауди 100») – **селёдка** (удлинённый кузов), «Toyota Corona» («Тойота Корона») – **бочка** (кузов похож на бочку), «Toyota Camry» («Тойота Камри») – **акула** (массивный удлинённый кузов).

Наиболее активным способом переименования иномарок является второй – усечение корня и прибавление к нему самых разнообразных суффиксов. Этим способом образовалось 17 ЛЕ. Ещё один активный способ – переименование на основе звукового сходства с уже известными словами – так образовалось 15 ЛЕ.

Таким образом, мы видим, что произошло обрусение многих наименований автомобилей иностранного производства, связанное с прочным вхождением их в быт байкальцев, в результате которого они стали понятнее, проще; это помогло и грамматическому освоению этих слов (несклоняемые наименования превратились в склоняемые).

В результате словообразовательных процессов в рассматриваемой ТГ появились омонимы и омофоны известных ранее русских слов. Омонимами, словами, совпадающими в написании, произношении и грамматическом оформлении [6, с. 68] с уже имеющимися словами в русском языке, стали следующие ЛЕ: *чайник*, *кубик*, *лекарь*, *скамейка*, *мерин*, *филин*, *виноград*, *пробка*, *суицид*, *сосед*, *пыжик*. Омофонами или фонетическими омонимами (словами, совпадающими по звучанию, но различающимися по написанию [5, с. 49]) – ЛЕ *марковник*, *теранчик*, *харёк*, *кашак*, *мячик*, *санька*, *витька*, *лёха*, *крестина*, *алёша*, *филимон*.

Все представленные ЛЕ, являясь неофициальными наименованиями иномарок, употребляющимися только в разговорной непринуждённой речи, стилистически снижены, но степень их сниженности различна. Это связано с тем, что, кроме денотативного, вещественного значения, указывающего на предмет (автомобиль определённой марки), некоторые номинации имеют и коннотативный (от лат. *connoto* – «имею дополнительное значение» [3, с. 236]) компонент, который, по мнению Э. В. Кузнецовой, представляет собой «часть системного лексического значения слова, дополняющую его основное понятийное содержание смыслами, в которых отражены социально-психологические оценки и ассоциации соответствующих явлений» [2, с. 183]. Учёные считают, что всё, что является объектом познания и наименования, вызывает у людей то или иное отношение, те или иные эмоции, которые и находят отражение в коннотативной, субъективной части значения слова. Эмоции и отношение тесно связаны с оценкой обозначаемого предмета – «мнением о ценности, уровне или значении кого-, чего-либо» [4, с. 486], которая имеет социальный характер и соотносится с понятиями нормы, а также с представлениями о престижности того иного предмета. Анализ лексического значения рассматриваемых лексем подтверждает этот тезис.

Эмоциональное оценочное отношение к тому, что называет слово, характерно для многих ЛЕ; положительно (или позитивно) оценочными являются ЛЕ *пыжик*, *рафик*, *форик*, *субарик*, *падик*, *прадик*, *теранчик*, *фунтик*, *кубик*, *мячик*, *марчёр*, *улыбка*, *алёша* (у большинства лексем положительные эмоции, явное одобрение, привносятся в значение уменьшительно-ласкательными суффиксами *-ик*, *-чик*, *-ёк*; у двух последних коннотативный компонент представляет собой положительные ассоциации (ассоциация – «связь между отдельными представлениями, при которой одно из представлений вызывает другое» [4, с. 30]). К этой же группе принадлежат и экспрессивные (их выразительность создаётся постановкой ударения на конечном слоге) ЛЕ: *крузак*, *кружёр*, *спринтёр*, *кашак*, которые передают уважительное отношение к обозначаемым автомобилям как очень надёжным, мощным (проходимым), выделяющимся своими размерами в потоке машин и, как следствие, очень дорогим.

Образность как элемент коннотации, как особый способ представления информации, когда в ней содержится скрытое сравнение или ассоциации, оживляющие представление о предмете (автомобиле), а также звуковые ассоциации, характерна для ЛЕ *чайник, марковник, харёк, лекарь, мерин, скалка, аккордеон, филин, филимон, кристина, виноград, суицид, сосед, селёдка, бочка, скамейка, пробка*.

Эти ЛЕ ввиду их небольшой сниженности, обусловленной неофициальностью номинации, как и эмоционально оценочные и экспрессивные ЛЕ, рассмотренные выше, относятся к разговорным наименованиям.

Чуть более сниженными являются ЛЕ *премка, старлетка, санька, витька, маарчелло*, что обусловлено наличием суффикса *-к-*, элементом *-елло*, привносящих эмоцию некоторой непочтительности, фамильярности, как и суффиксы *-юх-*, *-х-*, элемент *-ус* у ЛЕ *камрю-*

ха, *лёха, лёхус*, но у них эта эмоция факультативна и часто отсутствует, так как «Toyota Camry» – очень комфортабельный и достаточно дорогой седан, а «Toyota Lexus» – мощный и очень дорогой внедорожник. Это просторечные коннотативные ЛЕ (коннотативы).

В целом русские разговорно-просторечные варианты наименований иномарок привлекают своей новизной, свежестью, экспрессивностью и разнообразием. Появление этой области номинации в разговорном языке забайкальцев подтверждает наблюдения Вильгельма фон Гумбольдта: «Никоим образом нельзя рассматривать словарный запас языка как готовую, застывшую массу. Не говоря уже о постоянном процессе образования новых слов и словоформ, словарный запас, пока язык живёт в речи народа, представляет собой развивающийся и вновь воспроизводящийся продукт словообразовательной потенции» [1, с. 112].

Источники и литература

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
2. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 943 с.
5. Пляскина Е. И. Лексикология современного русского языка. – Чита: ЗабГУ, 2013. – 188 с.
6. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высш. шк., 2003. – 415 с.

УДК 82

ББК Ш33(2)(2Рос-4Чит+5Кит)

Татьяна Викторовна Воронченко,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: tavoronch@mail.ru

Вэй Хунбо,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: tavoronch@mail.ru

Екатерина Владимировна Фёдорова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: katyaz@bk.ru

Литературное творчество эвенков Забайкалья и Северного Китая в свете задач приграничного сотрудничества

Статья посвящена проблеме изучения этнокультурного параллелизма и культурных взаимосвязей Забайкалья и Северного Китая. Исследование художественного творчества эвенков, проживающих по обе стороны российско-китайской границы, проводится с целью выявления в текстах общих духовно-эстетических ценностей, укрепления этнокультурного взаимодействия и определения дальнейших путей приграничного сотрудничества в области культуры.

Ключевые слова: эвенки Забайкалья, эвенки Северного Китая, приграничное сотрудничество, Россия – Китай, Сахаров, Кузаков, Чи Цзыцзянь

Tatiana V. Voronchenko,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: tavoronch@mail.ru

Wei Hongbo,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: tavoronch@mail.ru

Ekaterina V. Fyodorova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: katyaz@bk.ru

Evenk Literature of Transbaikal and Northern China in Terms of Cross-Border Cooperation

This article is concerned with to the study of ethnocultural parallelism and cultural interrelations of the Russian-Chinese borderland. The authors research literary works of the Evenks living in Transbaikal region and in Northern China, that reveal basic moral and aesthetic values, served to form mutual interest and makes it possible to understand ways of cross-border cooperation in the field of culture.

Keywords: Transbaikal Evenks, Evenks of Northern China, cross-border cooperation, Russia-China, Sakharov, Kuzakov, Chi Zijian

Сотрудничество Забайкальского края с приграничными территориями Китая в области культуры является одним из важнейших направлений развития международных и внешнеэкономических связей Российской Федерации на востоке страны. Пограничье в данном контексте рассматривается как территория наиболее активной реализации межкультурного диалога, который происходит на реальных границах, как «пространство постоянного этнического и культурного обмена» [4, с. 321]. В этом плане российско-китайское пограничье не является исключением. В ходе изучения художественного творчества эвенков, проживающих по обе стороны границы, выявляется общность этнокультурных процессов в зоне российско-китайского пограничья. В связи с этим возрастает актуальность изучения фольклора и литературного творчества эвенков. Сравнительное изучение литературного творчества эвенков Забайкалья и Северного Китая позволяет выявить общие и отличительные черты их произведений, обнаружить в них базовые нравственные и эстетические ценности, которые способствуют формированию и укреплению взаимного интереса. По справедливому утверждению профессора Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Рес-

публика Саха, Якутия) Ю. Г. Хазанкович, забайкальский автор Никита Сахаров – один из основных литераторов-эвенков [3, с. 101].

Творческое наследие поэта и прозаика Сахарова составляют повести, рассказы и стихи на эвенкийском и русском языках, посвященные северной тайге, изменению традиционного уклада жизни забайкальских эвенков в XX веке, дружбе народов. Глубиной и масштабностью, мастерством изображения исторических деталей и современной жизни отличается творчество известного забайкальского писателя Николая Кузаква, который вырос в эвенкийском селе Ика в семье потомственного охотника. Кузакв обращается к изображению мира тайги, благородных и мужественных охотников и оленеводов-эвенков, героев, ценящих добро и справедливость [2, с. 11]. Проза известной амурской писательницы Галины Кэптукэ также интересна с точки зрения репрезентации общечеловеческих ценностей, таких как доброта, честность, трудолюбие, почитание природы и предков.

Сравнительно-сопоставительный анализ творческого наследия писателей Забайкалья и Северного Китая позволяет выявить общие черты мировоззрения эвенкийских авторов, а также, наряду с этническим своеобразием, найти черты национальной при-

надлежности. Современная китайская писательница Чи Цзыцзянь, уроженка уезда Мохэ, который граничит с Забайкальским краем, пишет о кочевом быте эвенков, живущих по обе стороны российско-китайской границы, о суровой жизни в китайской деревне. Произведения Чи Цзыцзянь отражают интерес писательницы к эвенкийскому фольклору, к жизни эвенков в Китае и России. Е. Э. Войтишек и Д. С. Бочкарёва выделяют возможность разностороннего рассмотрения творческого наследия Чи Цзыцзянь: «творчество Чи Цзыцзянь характеризуется индивидуальной манерой и яркой жанровой спецификой этнопрозы, что даёт возможность рассматривать её произведения не только с точки зрения художественного вымысла, но и как ценный историко-этнографический и фольклорный источник» [1, с. 77]. Одно из самых известных произведений Чи Цзыцзянь – роман «Правый берег Аргуни» (2005). Автор обращается к описанию традиций, обрядов, быта эвенков, кочующих в бассейне пограничной реки Аргунь, широко использует фольклорные мотивы эвенкийского этноса. Особое место в романе занимает образ природы. Как подчёркивает Чи Цзыцзянь, «大自然是世界上真正不朽的西。它有呼吸，有灵性，往往会使你与它生共。古河右岸肯定了万物的灵性，表了鄂温克族人自然心存敬畏，与万物平等相依的生美学思想» – «Природа – это та сущность, которая никогда не познаёт, что значит увядать. Природа может дышать, она умеет думать, и зачастую она вступает в контакт с нами. И роман «Правый берег Аргуни» ещё раз доказывает, что природа – это живая сущность, а эвенки – это те люди, которые с благоговением и трепетом относятся к ней и поддерживают идею равенства всех живых существ перед природой» [5].

Созвучность и параллелизм образов природы, изображения быта и культурных традиций эвенков по обе стороны Аргуни – в Забайкалье и Северном Китае – сохраняются и на рубеже XX–XXI веков, когда произведения эвенков появляются в новой литературной периодике. Особый интерес с точки зрения укрепления культурных и литературных связей этнических писателей приграничных регионов вызывает литературный журнал «Скакун», который выпускается в Хайларе. Авторами журнала выступают писатели – представители малых этнических групп Северного Китая (Цзян Жун, Бай Лан, Ли Хуй-ин и др.), значительную часть произведений составляют литературные тексты эвенкийских авторов. Издание основано всекитайской ассоциацией работников литературы и искусства по городскому округу Хулун-Буир. «Скакун» способствует продвижению литературных произведений эвенков и других малых народов. Журналу удаётся передать современные реалии жизни Северного Китая, показать этнокультурные особенности народов, проживающих на территории региона, объединить произведения писателей из малых этнических групп.

К сожалению, многие произведения Чи Цзыцзянь и других авторов-эвенков Северного Китая пока не доступны русскоязычному, в частности, забайкальскому, читателю. В связи с этим представляются важными задачи усиления взаимосвязей между творческой интеллигенцией Забайкалья и Хулун-буира, взаимного осуществления переводов литературных текстов и в дальнейшем изучения этого наследия литературоведами, историками и культурологами.

Источники и литература

1. Войтишек Е. Э., Бочкарёва Д. С. Фольклорные мотивы в творчестве ЧиЦзыцзянь (на материале романа «Правый берег реки Аргунь») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. – 2014. – №. 4. – С. 75–83.
2. Воронченко Т. В., Попова О. А., Чупрова И. А. Диалог культур на уроке литературы в школах Тунгокоченского и Каларского районов Забайкальского края // Забайкальские эвенки: проблемы сохранения историко-культурного наследия: сб. материалов по итогам культурно-исследовательского проекта «Забайкальские эвенки». – Чита: Перспективное развитие Забайкалья, 2018. – 68 с. – С. 8–16.
3. Хазанкович Ю. Г. Эвенкийская литература: проблемы периодизации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 108. – С. 99–109.
4. Voronchenko T. Chicano literature of the USA: A Russian Audience's First Contact // US Latino Literatures and Cultures. Transnational Perspectives / F. A. Lomelí, K. Ika. – Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 2000. – Pp. 315–322.
5. 刘兆爱《额尔古纳河右岸》的生态批评解读 (济南大学文学院, 山东济南250022). – P. 2.

УДК 81(571:470.67)
ББК Ш22(2Рос.Дар)

Магомедэмин Магомедрасулович Гаджиев,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Россия,
e-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru

Русский язык и его роль в обеспечении единства народов Дагестана

Статья посвящается роли русского языка в обеспечении и консолидации межнационального общения, а также сохранению единства всех народов Дагестана. Русский язык является не только языком межнационального общения, но и служит средством овладения русской и мировой культуры.

Ключевые слова: русский язык, единство, объединение, народы Дагестана, межнациональное общение, языки Дагестана

Magomedemin M. Gadzhiev,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russia,
e-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru

Russian Language and its Role in Ensuring the Unity of Peoples of Dagestan

The article is devoted to the role of the Russian language in ensuring and consolidating interethnic communication, as well as the unity of all peoples of Dagestan. Russian is not only the language of international communication, but also serves as a means of mastering Russian and world culture.

Keywords: Russian language, unity, Association, peoples of Dagestan, interethnic communication, languages of Dagestan

Роль русского языка в современных условиях развития общества становится всё более важной в обеспечении единства народов Дагестана. Дагестан – это уникальное неповторимое объединение народов, своего рода, созвездие. Территорию республики населяют представители более 100 национальностей и более 60 народностей. Возможно, во всём мире нет такой маленькой и красивой территории, которую населяли бы столько народов с различными языками, диалектами, традициями, обычаями и своей культурой. Поэтому именно в Дагестане роль русского языка необычайно велика.

Ещё с середины XX века русский язык занял особое место у народов Дагестана, ведь именно он сумел объединить всю территорию республики. Поэтому, говоря о роли русского языка, в первую очередь, необходимо отметить, что он является средством межнационального общения. Без межнационального русского языка различные народы Дагестана не смогли бы контактировать на

понятном друг другу языке, вести диалоги, переменять опыт, заниматься торговлей, а о межнациональных браках не могло быть и речи.

Русский язык является не только языком межнационального общения, но и служит средством овладения русской и мировой культуры [3, с. 61]. Р. Гамзатов писал о русском языке, как «о золотой цепочке, которая соединяет горы Дагестана, его народы». «Благодаря русскому языку Россия подарила мне не только собственную литературу, но и Шекспира, Мюллера, Гёте, Тагора и Шевченко», – признавался автор [1].

Очень много произведений поэтов и писателей Дагестана были переведены на русский язык и, благодаря этому, стали известны во многих уголках не только нашей страны, но и всего мира. Так, произведения Гамзата Цадасы и Расула Гамзатова ещё в 1948 году были переведены на русский язык. Встречались их стихи в переводе Михаила Дудина, Якова Козловского и других:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
В могилах братских не были зарыты,
А превратились в белых журавлей [2].

Наверное, нет во всей России человека, который хоть раз не слышал бы эти строки из стихотворения Р. Гамзатова «Журавли». Это стихотворение было переведено известным переводчиком восточной поэзии Наумом Гребневым. Оно получило известность не только в России, но и во многих странах Земного шара.

Важно отметить, что если бы не русский язык, произведения Р. Гамзатова не были бы переведены на английский и другие языки мира.

Также немалое количество русской поэзии переведено и на различные языки народов Дагестана, тем самым наполняя дагестанские народы русской культурой.

Русский язык для народов Дагестана стал вторым родным языком. Ещё в 50–70-х годах XX века в Дагестан самоотверженно начали приезжать русские учителя, врачи, артисты, учёные, а также представители других специальностей. Это способствовало совершенствованию и развитию научной культуры населения в Дагестане.

Большую роль это сыграло в развитии образования на территории республики, в особенности в горных районах, где, можно сказать, русского языка не было и вовсе. Было открыто очень много школ, в них также было направлено большое число русских специалистов.

Со временем увеличивалось число национальных кадров. В благодарность труду и самопожертвованию представителей рус-

ского народа, которые всецело посвятили себя служению дагестанскому народу, в столице Дагестана был установлен памятник «Русской учительнице».

Немаловажную, можно сказать, важнейшую роль русский язык сыграл и в торговле, которая очень развита на территории Дагестана. Развитие русского языка позволяло народам, во-первых, продавать и обменивать товар с различными народами как на территории Дагестана, что способствовало укреплению их единства, так и заниматься торговлей за его пределами, т. е. по всей России.

Огромную роль торговля играет и на современном этапе, так как на территории Дагестана располагается большое количество теплиц, полей, сельскохозяйственных угодий, пастбищ; развито машиностроение, приборостроение, химическая промышленность, стекольная промышленность, винная промышленность, а также нефтегазовая промышленность, что способствует развитию экспорта по всей территории страны и даже за её пределами. Самое главное это способствует повышению экономики не только Дагестана, но и всей России.

Говорить о роли русского языка в Дагестане можно ещё долго и много, но основное отмечено. Русский – это язык, который покорила сердца всего дагестанского народа; язык – который объединил все народы Дагестана и укрепил их связь; язык – без которого и не было бы дальнейшего развития; и, конечно же, язык – который вселяет надежду в людей, так как благодаря ему мы сейчас живём. Невозможно представить Дагестан без русского межнационального языка.

Источники и литература

1. Гамзатов Расул // Большая советская энциклопедия. – 3-е изд.: в 30 т. Т. 6 / под ред. А. М. Прохорова. – М.: Сов. энцикл., 1969.
2. Гамзатов Р. Г. Журавли // Литературный Дагестан. – Махачкала, 2002.
3. Магомедов М. И. Русский язык в многонациональном Дагестане. – М.: Наука, 2010. – 182 с.

УДК 373:82-343.4
ББКЧ426.83

Мария Андреевна Чеузова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: zablit@yandex.ru

Изучение подростками народной и литературной сказки в контексте вхождения в мир национальной культуры

В статье рассматривается актуальная для преподавания литературы в школе проблема воспитания культуры межнациональных отношений. Коммуникативно-развивающая технология, используемая на уроках по изучению сказок зарубежных писателей, – один из способов решения такой проблемы, поскольку предполагает установление ассоциативных связи между зарубежной и русской литературами, способствует пониманию национального своеобразия другой культуры, расширению духовного, нравственного, эстетического опыта учащихся, формированию межкультурных полиэтнических компетенций.

Ключевые слова: культура межнациональных отношений, поликультурное образование, коммуникативно-развивающая технология, межкультурные полиэтнические компетенции

Maria A. Cheuzova,
Transbaikal State University,
Russia, Chita,
e-mail: zablit@yandex.ru

Studying by Teenagers of the National and Literary Fairy Tale in the Context of Entry into the World of National Culture

The article deals with the problem of educating the culture of interethnic relations that is relevant for teaching literature at school. One of the ways to solve such a problem is communicative developmental technology used in the lessons on the study of fairy tales of foreign writers, since it implies the establishment of associative links between foreign and Russian literature, contributes to understanding the national identity of another culture, expanding the spiritual, moral, aesthetic experience of students, developing intercultural multi-ethnic competencies.

Keywords: culture of international relations, polycultural education, communicative-developing technology, intercultural polyethnic competences

Как известно, одними из самых интересных для школьников-подростков являются уроки литературы, на которых изучаются сказки. Воспитывающее значение сказки общеизвестно. Не менее важную роль она выполняет в процессе воспитания межнациональных отношений, что особенно востребовано в полиэтнических регионах, каким является наше Забайкалье. Такой подход на уроках литературы помогает приобщать учащихся к традициям мировой культуры, овладевать основами своей национальной культуры в процессе изучения школьниками произведений зарубежных авторов, воспи-

тывает понимание, бережное отношение к национальным ценностям других народов, позитивное отношение к культурным различиям, формирует основы культуры межнациональных отношений в среде обучающихся, воспитывает личность в духе взаимопонимания с представителями других народов. Эта система воспитания обоснована принципами открытости мира, культурной целостности, преемственности традиций, креативности.

Для реализации задач межкультурного воспитания необходимо обращение к таким формам и методам, которые направлены на

позитивное и креативное восприятие ценностей инокультуры, эстетическое и нравственное сопереживание; к таким технологиям, которые формируют нравственные основы, предоставляют возможность определения жизненных ориентиров посредством включения школьников в ситуации осмысления ценностей, их выбора, выявления нравственно мотивированного отношения к ним, вовлечения в мир творчества.

Работы исследователей и педагогическая практика свидетельствуют о том, что межкультурное воспитание школьников на уроке литературы необходимо, поскольку оно формирует личность с активной жизненной позицией, способную к такой деятельности в поликультурной среде, которая строится на бесконфликтном существовании в современном обществе. В такой личности воспитано уважение к собственной национальной культуре и иным национальным культурам. Основной задачей межкультурного воспитания является формирование поликультурного мышления.

Изучение фольклорных произведений в контексте вхождения в мир национальной культуры – это продуктивный путь исследования другой культуры. Сказку как один из самых популярных у младших школьников и подростков жанров фольклора предлагали использовать в учебном процессе педагоги (А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский и др.) и этнопедагоги (В. Ф. Афанасьев, Г. Н. Волков, Д. А. Данилов, И. С. Портнягин, К. С. Чиряев и др.). Как известно, на уроках литературы в средних классах изучаются и литературные сказки, в том числе произведения зарубежных авторов. Понятно, что их серьёзному исследованию помогает освоение инокультуры, её постижение. Вот почему изучение на уроках литературы сказок зарубежных писателей должно быть тесно связано с изучением материальной и духовной культуры, к которой принадлежат изучаемые авторы. Изучение на уроках литературы фонового материала: системы миропонимания, философии, психологии, истории и духовной культуры, особенности которых отразились в литературных сказках зарубежных писателей, – требует творческого подхода к организации урока, его методического обеспечения. Учитель обеспечивает особенности дидактического материала к таким урокам: методисты отмечают, что он должен быть культурологически

информативным, эмоциональным, литературоведчески насыщенным, доступным для понимания школьников.

Содержание текстов сказок зарубежных писателей, рассматриваемых на уроках литературы, позволяет школьникам не только познакомиться с особенностями творчества конкретного автора, но и изучить специфику национального быта, национальных обрядов и традиций, праздников, культуры и истории, достопримечательностей разных стран мира. Сказки зарубежных писателей представляют культурный материал, который обладает мощной силой воздействия на сознание учащихся. Анализ сказок, с точки зрения особенностей воссозданных в них элементов инокультуры и оригинальности, выразительности языка автора, имеет большое значение для обогащения эмоционального и духовного мира школьников.

Коммуникативно-развивающая технология, используемая на уроках по изучению сказок зарубежных писателей, предполагает активное взаимодействие и учителя, и ученика, их сотрудничество в процессе постижения особенностей иной культуры – как на уроке, так и во внеклассной работе. Отсюда одна из главных задач учителя литературы на таких уроках – формирование межкультурных полиэтнических компетенций.

Изучение произведений зарубежных писателей даёт возможность устанавливать ассоциативные связи между зарубежной и русской литературами, выявлять черты общности, что способствует пониманию национального своеобразия другой культуры, расширению духовного, нравственного, эстетического опыта учащихся. «При этом обучаемые не только овладевают навыками и знаниями иноязычной речевой деятельности, но и по-новому открывают, осмысливают, познают культурные ценности своего народа, особенности родного языка, культуры, приобретая уважение к своей культуре, языку, наряду с интересом и почитанием других культур, языков» [Корякина].

Исследователи (М. И. Корякина) предлагают проводить изучение сказок в культурологическом аспекте, что позволяет ввести в его контекст дополнительный культурологический материал (песни, игры, танцы, обычаи, традиции, элементы малого жанра фольклора и т. д.). Полученные при этом культурологические знания и умения расширяют и углубляют сферу познавательной

деятельности учащихся, прививают любовь и уважение к своей и другим национальным культурам [Там же].

Одним из важных направлений работы учителя литературы является формирование личности, с уважением относящейся к культурным, историческим, духовным традициям своего и других народов, формирование у школьников осознания значимости общечеловеческих ценностей. Главное – это реализация идеи уважения к другим культурам, гармоничного сосуществования и диалога культур. Использование на уроках по изучению сказок зарубежных авторов коммуникативно-развивающей технологии направлено на воспитание основ коммуникативной культуры, расширение коммуникативного опыта подростков. Реализация на практике элементов коммуникативно-развивающей

технологии позволяет достичь взаимопонимания, способствует сотрудничеству и взаимодействию при совместном решении важных общечеловеческих вопросов, поставленных авторами классических произведений.

В связи с изучением в школе такого предмета, как «Забайкаловедение», перед учителем-словесником открываются новые возможности. Учебники «Фольклор Забайкалья» и «Литература Забайкалья» помогут подросткам в познании особенностей народных и литературных сказок нашего края, а погружение в их чтение будет способствовать более основательному представлению об этнографических и культурных особенностях жизни и быта забайкальцев. Сопоставление их со сказками народов мира, безусловно, расширит коммуникативный опыт юных читателей.

Источники и литература

Корякина М. И. Формирование основ межкультурного общения младших школьников средствами народных сказок: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Якутск, 2002. – URL: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-osnov-mezhkulturnogo-obshcheniya-narodnykh-skaz#ixzz5UvuIMwcy> (дата обращения: 24.03.2019). – Текст: электронный.

РАЗДЕЛ 4. Студенческая наука: исторические и социально-политические аспекты глазами студентов

SECTION 4. Student Science: Historical and Socio-Political Aspects Students View

УДК 332(571.55)
ББК Ф9(2Рос-4Чит)

Любовь Михайловна Блохина,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: blohina_lyuba@mail.ru*

Проблемы и перспективы развития отечественных моногородов как территорий опережающего социально-экономического развития (на примере Забайкальского края)

В статье рассмотрены особенности социально-экономического состояния моногородов России. В частности, подобно изучена проблема монопрофильных образований Забайкальского края, а также принципы формирования территорий опережающего социально-экономического развития в пределах региона.

Ключевые слова: региональная политика, моногорода, монопрофильные образования, территории опережающего экономического развития

Lubov M. Blohina,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: blohina_lyuba@mail.ru*

Problems and Prospects of Development of Russian Single-Industry Towns as Territories of Priority Socio-Economic Development (the Case of Zabaykalski Krai)

The article describes the features of the socio-economic state of single-industry towns in Russia. In particular, the problem of single-profile formations of the Zabaykalski Krai, as well as the principles of the formation of territories of advanced socio-economic development within the region are studied in detail.

Keywords: regional policy, single-industry towns, single-industry education, territories of advanced economic development

В настоящее время фокус внимания государства и общества активно смещается с международной арены, на регионы и урбанизированные территории (крупные города, крупнейшие города, городские агломерации и т. д.) как особые кластеры экономической активности, функционирование которых выходит за рамки отдельных городов. Мобилизация потенциала городов и городских агломераций как особых «точек роста» страны требует сегодня модернизации государственной политики, направленной на стимулирование и поддержку местного социально-экономического развития. Ведь с принятием Указа Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» развитие регионов было связано с серьёзной проблемой, обусловленной с дефицитом и ростом долговой нагрузки на региональные бюджеты [11]. В результате субъекты Сибирского федерального и Дальневосточного федерального округов оказались самыми отстающими регионами государства. При дефиците финансовых, материальных и человеческих ресурсов территории с определённой отраслевой системой планового управления оказались не способными решать производственные задачи, что привело к снижению уровня социально-экономического развития, снижения качества социальной инфраструктуры и высокому уровню миграционных процессов из этих территорий.

Таким образом, не только традиционная региональная политика, но и политика, рассматривающая главным объектом города и городские поселения, приобретают особое значение. Именно это направление способно выявить и интенсифицировать потенциал городов и городских агломераций, их производственный потенциал, а также формирование и реализацию эффективной стратегии социально-экономического развития субъектов путём повышения условий качества жизни населения, социальной инфраструктуры, а также создание благоприятной регуляторной и административно-управленческой среды.

Одними из значимых видов городов, которые нуждаются в формировании особой государственной политики, являются монопрофильные образования. Монопрофильный город, или моногород представляет собой сложную территориальную структуру,

в которой наблюдается неразрывная связь между градообразующим предприятием и самим населённым пунктом. Согласно Постановлению Правительства России от 29 июля 2014 г. № 709, моногородом признаётся муниципальное образование, где на долю градообразующего предприятия или их группы приходится более 25 % экономически активного населения, более 50 % объёма промышленного производства и не менее 20 % налогов и сборов, поступающих в местный бюджет всех организаций и предприятий [6].

Впервые общественное внимание к развитию и функционированию отечественных монопрофильных образований проявилось в 2009 году, в связи с ситуацией в г. Пикалево Ленинградской области. К концу первого десятилетия на основе предложения от регионов в перечень моногородов было включено порядка 400 поселений, которые составили 24 % от общего числа населения. Позже, с введением новых критериев отбора, список моногородов сократился до 228, что составило 15 млн чел., а также около 25 % ВВП страны [4]. Однако в период финансового кризиса (2008–2010) произошёл сильный упадок социально-экономического положения моногородов, что привело к снижению производства, росту безработицы, снижению социального благополучия и настроения граждан данных территорий. Вызовам финансового кризиса не смогли противостоять большинство градообразующих предприятий различных отраслей (металлургической, горнодобывающей, лесоперерабатывающей, химической и машиностроительной отрасли), что привело к их нерентабельности и банкротству [10].

Социально-экономические процессы и изменения, действующие в настоящее время, сильно сказываются на состоянии монопрофильных образований. Среди этих процессов ключевую роль играет безработица, кадровая обеспеченность, миграционные и демографические показатели, а также экономический рост, трудовая активность и благосостояние граждан. Поэтому, согласно действующему перечню многопрофильных муниципальных образований [9], по данным на 2016 год, насчитывается порядка 319 моногородов в 61 субъекте РФ, где проживает около 13025 тыс. граждан, что составляет 9 % населения страны. Из них 94 моногорода находятся в состоянии сложной соци-

ально-экономической обстановки, 154 – с рисками ухудшения, и лишь 71 в стадии стабилизации социально-экономической ситуации [5].

Из этого следует, что, несмотря на позитивные изменения векторов политического, социально-экономического характера, большинство вопросов, касающихся стабилизации развития отечественных моногородов, остаются нерешёнными. Поэтому требуется применение комплексных мер поддержки муниципальных промышленных образований, в которых активное участие принимали бы власть, общество и представители сферы бизнеса, а также внедрение новых моделей и методов развития, основанных на индивидуальном подходе и проведённых специальных исследованиях ситуации и спецификации данных территорий.

Рассмотрим более подробную ситуацию функционирования моногородов на территории определённого субъекта. Так, например, в Забайкальском крае насчитывается порядка 14 монопрофильных образований с действующим производством (Краснокаменск, Могзон, Горный, Курорт Дарасун, Амазар, Ксеньевка, Шерловая Гора, Усть-Карск, Вершино-Дарасунский, Жирекен, Новоширокинский, Новоорловск, Бaley), а также 11 – с закрытым производством (Петровск-Забайкальск, Новопавловка, Баляга, Тарбагатай, Холбон, Букача, Аксёново-Зиловское, Кокуй, Калангуй, Золоторечинск, Кличка). По официальным данным Министерства экономического развития, только 8 субъектов официально вошло в перечень монопрофильных образований и находится под контролем Правительства РФ [8]. Главной особенностью этих моногородов, расположенных на территории края, как и многих подобных субъектов, является низкая диверсификация экономики, которая ориентирована на удовлетворение внешних потребителей. Механизм взаимодействия между местной властью и предпринимательской средой весьма мал. Производимая продукция градообразующего предприятия ориентирована больше на внешние рынки, чем на реализацию и внутреннее потребление на региональном уровне. Отсюда следует, что канал коммуникации административно-управленческого аппарата и владельцев данных предприятий не эффективен, что создаёт весьма сложную ситуацию в моногороде. А привлечённые финансовые средства

чаще остаются за рамками регионального и муниципального бюджета. Использование природных и трудовых ресурсов, находящихся в недрах промышленных городов, затрудняет организацию производства в связи с возникающими рисками (ухудшение экологической обстановки, отсутствие необходимых компетенций у трудовых кадров и др.).

По мнению Г. Б. Дугарова, так как в Забайкалье большинство моногородов относятся к категории депрессивных, то для них необходимо вводить рамочное ограничение для функционирования, т. е. монопоселения не должны расти и притягивать население, чтобы в дальнейшем не усугублять социально-экономическую ситуацию. А те моногорода, которые обладают более благоприятной обстановкой, вполне могут рассчитывать на прогрессивное развитие при условии грамотной диверсификации и реструктуризации экономики благодаря формированию эффективного взаимодействия власти, общества и бизнес-сферы [1]. Для этого в субъектах должна быть особая «концепция развития», в которой определены не только прямые финансовые вливания, но и сформированы определённые льготные условия, введены меры поощрения развития малого и среднего бизнеса, использованы новые ресурсы и механизмы стабилизации жизнедеятельности в моноструктурном образовании.

В настоящее время один из таких вариантов особой «концепции развития» – создание в регионах, где расположены моногородские образования, территории опережающего социально-экономического развития (далее ТОСЭР). Впервые идея о создании таких особых зон была предложена в проекте федеральной целевой программы «Экономического и социального развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» в 2014 г. [3]. Данные ТОСЭР представляют собой особые площадки, на которых распространяются закреплённые законом льготы, т. е. свободные экономические зоны. На этой площадке создаются особые благоприятные условия для ведения предпринимательской деятельности, привлечения инвестиций, ускоренного социально-экономического развития и обеспечения комфортной среды для жизнедеятельности граждан [12]. Территория опережающего развития имеет свою специализацию, т. к. органы государственной власти утверждают и поощряют определённую предпринима-

тельскую активность. Для зарегистрированных частных организаций, осуществляющих свою профессиональную деятельность на данных моноспециализированных структурах, действуют определённые налоговые послабления и льготные компенсации, вводится облегченный режим для иностранной рабочей силы, а также отсутствуют пошлины на ввоз товаров для производственных нужд [2]. Пока практика создания ТОСЭР используется на Дальнем Востоке и в крупных регионах Западной Сибири. Показатели использования этого механизма оказывают положительное влияние на стабилизацию и выравнивание социально-экономических показателей регионов.

Однако в Забайкальском крае идея формирования ТОСЭР активно обсуждается, разрабатываются сценарии и выбираются приоритетные направления развития. По последним данным, в связи с присоединением Забайкалья к Дальнему Востоку, тема интеграции в условиях реализации национальных проектов, в частности проекта государственной поддержки моногородов и создания ТОСЭР, активно действующего в ДФО, по словам временно исполняющего обязанности губернатора А. С. Осипова, должна быть приоритетной задачей для местной власти. Поэтому уже в настоящее время дана команда всем структурным подразделениям административно-управленческого состава по разработке предложений и созданию особого комплексного инвестиционного плана для моноспециализированных городов.

Введение и развития проекта ТОСЭР планируется разместить на территории г. Краснокаменска, где действует «Приаргунское производственное горно-химическое предприятие», которое является флагманом отечественной уранодобывающей отрасли и

одним из крупнейших в мире уранодобывающим предприятием. Доля объёма производства по добыче природного урана в России, благодаря функционированию этого предприятия, составляет 68 %, а в мире – более 4 %. Однако истощение минерально-сырьевой базы, высокий уровень безработицы при отсутствии альтернативных вариантов трудоустройства с достойной заработной платой, отсутствие более качественной современной социальной инфраструктуры города, а также низкий уровень удовлетворённости жителей данного моногорода приводят к депрессивности развития города [7].

Поэтому, во-первых, необходимо уже сейчас принимать меры по реализации комплексного инвестиционного плана по внедрению проекта ТОСЭР. Во-вторых, при условии сохранения активного трудоспособного населения на территории моногорода необходимо развивать социальную инфраструктуру и альтернативные варианты трудоустройства. В-третьих, способствовать улучшению благосостояния граждан и их социальному самочувствию посредством проведения качественной имиджевой политики и организации качественных событийных проектов. В-четвёртых, предпринимать попытки по сохранению здоровья нации и решении экологической обстановки на данной территории. В-пятых, формировать благоприятную среду для малого частного и среднего бизнеса.

Таким образом, благодаря применению комплексных мер по улучшению жизнедеятельности такого моноспециализированного города городское поселение «Город Краснокаменск» как территория опережающего социально-экономического развития сможет способствовать улучшению социально-экономической политики не только региона, но и страны в целом.

Источники и литература

1. Альберхт О. А. Моногорода: признаки, подходы и классификация // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием. – Курган: Курганский дом печати, 2015. – С. 130–142.
2. Вовкунович К. К. Инструменты государственной поддержки моногородов Российской Федерации // Экономика и политика. – 2018. – № 1. – С. 9–13.
3. Лемента О. Ю. Социально-экономическое обоснование реализации государственных мер государственной поддержки в целях расширения ресурсной базы месторождений урана ПАО «ППГХО» // Вестник ЗабГУ. – 2017. – № 3. – С. 126–134.
4. Моногорода. Перегрузка (поиск новых моделей функционирования моногородов России в изменившихся экономических условиях) // Аналитический доклад российской промышленной группы «Базовый элемент». – URL: <http://www.ladoga-park.ru/content/2014/04/140426152728/140426152728140426152938.pdf> (дата обращения: 08.02.2019). – Текст: электронный.

5. Обзор российских моногородов / Институт комплексных стратегических исследований. – URL: <http://www.icss.ru/vokrug-statistika/obzor-rossijskix-monogorodov> (дата обращения: 08.02.2019). – Текст: электронный.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 г. № 709 «О критериях отнесения образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях муниципальных монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://www.m.government.ru/docs/14049> (дата обращения: 07.02.2019). – Текст: электронный.
7. Распоряжение Правительства № 1398-р от 29.07.2014 г. «Об утверждении перечня моногородов» // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://www.government.ru/docs/14051> (дата обращения: 07.02.2019). – Текст: электронный.
8. Распоряжение Правительства Забайкальского края от 23.10.2018 г. № 451-р «О внесении изменений в состав Комиссии по рассмотрению заявок на заключение соглашений об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития “Краснокаменск”, утвержденный распоряжением Правительства Забайкальского края от 31.10.2016 г. № 463-р» // Официальный сайт Министерства экономических связей Забайкальского края. – URL: <http://www.минэконом.зabaykalskiykray.rf/action/razvitie-ekonomiki-municipalnyh-uchrejdeniy/monogoroda/toser-v-monogorodah/normativnye-pravovye-dokumenty> (дата обращения: 07.02.2019). – Текст: электронный.
9. Распоряжение Правительства РФ № 2094-р от 28.12.2009 г. «О стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6632462/#ixzz5f8ZiWtxz> (дата обращения: 08.02.2019). – Текст: электронный.
10. Тюлечева Л. Д. Формирование проектов профессиональной переподготовки населения в условиях диверсификации экономики моногорода // Экономика и управление. – 2017. – № 7. – С. 45–50.
11. Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 07.02.2019). – Текст: электронный.
12. Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» № 473 от 29.12.2014 г. // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39279> (дата обращения: 08.02.2019). – Текст: электронный.

УДК 331.556.2(571.55)
ББК 65.248(2Рос-4Чит)

Даниил Валерьевич Ботвинский,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: Botvinskij@mail.ru*

Миграция как показатель проблем региона (на примере Забайкальского края)

Статья направлена на поиск взаимосвязей между миграцией и внутренними проблемами региона. Опираясь на статистические данные и проводимые социальные вопросы, автор приводит ряд причинно-следственных связей, а также выдвигает возможные пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: миграция, Забайкальский край, уровень жизни, отток населения, официальная статистика

Daniel V. Botvinsky,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: Botvinskij@mail.ru

Migration as an Indicator of Problems in the Region (on the example of Zabaykalsky Krai)

This article is aimed at finding relationships between migration and internal problems of the region. Based on statistical data and social issues, the authors cite a number of cause-and-effect relationships, as well as put forward possible solutions to this problem.

Keywords: migration, Zabaykalsky Krai, the level of life, the Exodus, the official statistics

Миграция между субъектами страны – естественное явление. Однако превышение миграции из какого либо региона является серьёзным поводом задуматься, так как она указывает на множество нерешённых проблем. Человек всегда желает лучшей жизни и если его малая родина не может предложить ему благоприятную среду для проживания, то он при первой возможности постарается перебраться в более развитый регион, где перспектив, по его мнению, намного больше.

Данная проблема не обошла и Забайкальский край, на его примере будет основываться данная статья. По официальной статистике, предоставленной «Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю», имеются следующие данные: в 2016 году миграционная убыль составила – 6454 чел.; в 2017 году – 7974 чел. [1]; в 2018 году численность населения в Забайкальском крае сократилась на 7,4 тыс. чел. [2]. Таким образом, существует тенденция миграционной убыли населения, которая сложилась более десяти лет назад.

Каковы же причины убыли населения в Забайкальском крае? Тут стоит выделить множество причин. Например, И. С. Щеглова, экс-заместитель Министерства труда и социальной защиты Забайкальского края, считает, что причиной может служить стремление забайкальцев найти более высокий уровень оплаты труда в других регионах [3]. Данную тенденцию подтверждают следующие цифры, средний чистый заработок на момент апреля 2017 года по Забайкальскому краю составляет 21,9 тыс. р. К тому же довольно высокий процент людей, получающих за свою работу менее 10 тыс. р.

в месяц, он достигает 17,1 % [4]. Исходя из представленных цифр, можно заключить, что действительно одной из причин миграции из Забайкальского края является низкая оплата труда.

Кроме низкой заработной платы стоит упомянуть, что существует проблема и безработицы. Так, летом 2018 года Забайкалье заняло 79-е место по уровню безработицы: 10,2 % безработных относятся к численности всей рабочей силы. Кроме того, на одно рабочее место приходится 3,7 вакансии [5]. Связи с этим часть из них, предприняв безуспешные попытки трудоустройства в родном регионе, вынуждены искать решение проблемы за пределами края.

Выше были перечислены примеры, отвечающие на вопрос причин миграции населения из Забайкалья. Однако по отдельности все они не представляют полной картины. Если рассматривать вопрос более широко, собрав воедино множество комплексных показателей и критериев, такие как уровень доходов населения, занятость населения и рынок труда, жилищные условия населения, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоённость территории и развитие малой инфраструктуры, то главной и основополагающей причиной стоит назвать уровень жизни [6]. По данным исследований, проводимых агентством «РИА Рейтинг», на основании ранее указанных критериев в 2016 году Забайкальский край по качеству жизни находился на 80-м, в 2017 году – на 81-м месте [7].

Нас интересует вопрос, каково желание оставшегося, ещё не мигрирующего населения, покинуть пределы Забайкальского края с целью переезда на постоянное место жительства в другой регион. Для ответа на поставленный вопрос нами был проведён социальный опрос, в ходе которого респондентам, жителям Забайкальского края был задан вопрос: «Имеете ли вы желание уехать из Забайкальского края в другой регион на ПМЖ?». Из 142 опрошенных чел.: 78,87 % (112 чел.) ответили «да»; 21,13 % (30 чел.) – «нет». Итак, определённая часть населения имеет желание покинуть пределы Забайкальского края. Оценивая предоставленные данные, следует вывод, что миграция из Забайкальского края с убылью населения в полной мере обоснована.

Резюмируя всё вышесказанное, отметим, что отрицательную миграцию населения, не стоит воспринимать как самостоятельную проблему, это сигнал, благодаря которому можно выявить ряд других, более глубоких проблем. Сама же отрицательная миграция населения также чревата своими последствиями: отток людского ресурса ведёт за собой вымирание городов и сёл. Вкладывать свой потенциал в развитие региона будет некому, проблема замкнётся в порочный круг. Также есть вероятность, что коренное население постепенно в бу-

дущем может замениться мигрантами из-за рубежа, из стран Ближнего Востока и Азии.

Решить проблему миграции населения возможно лишь комплексно, в равной мере активно воздействуя на все западающие моменты: рабочие места, уровень жизни, заработные платы, уровень коррупции и т. д. Государство в свою очередь на данный момент этим и занимается. В Забайкальском крае создаётся «Территория опережающего развития», что позволит реализовать ряд крупных инвестиционных проектов [8]. По мнению властей, данная программа должна способствовать улучшению экономической ситуации в Забайкальском крае. Основным моментом является то, чтобы предложенная программа в перспективе реализовывалась, а не являлась актом популизма властей. Местное население тоже имеет возможность активно принимать участие в решении проблем уровня жизни. На данный момент существует множество способов взаимодействия народа и власти: петиции, встречи с органами власти, письма депутатам и другим представителям власти, участие в народных собраниях и т. д. Органы местного самоуправления, в свою очередь также должны способствовать улучшению ситуации путём создания условий диалога власти и населения, информирования государственных органов о своих проблемах.

Источники и литература

1. Миграция населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.chita.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chita/resources/feba86004fe3bfda812a (дата обращения: 11.04.2019). – Текст: электронный.
2. Миграция снижает численность населения Забайкалья // РАМБЛЕР. – URL: <https://www.news.rambler.ru/sociology/41683441-migratsiya-sokraschaet-chislennost-naseleniya-zabaykalya> (дата обращения: 15.04.2019). – Текст: электронный.
3. Названы причины миграции забайкальцев в другие регионы // ZAB.RU. – URL: https://www.zab.ru/news/95716_nazvany_prichiny_migratsii_zabajkalcev_v_drukie_regiony (дата обращения: 13.04.2019). – Текст: электронный.
4. Рейтинг городов России по зарплатам – 2017 // РИА Новости. – URL: <https://www.ria.ru/infografika/20171207/1510015586.html> (дата обращения: 10.04.2019). – Текст: электронный.
5. Рейтинг регионов по уровню безработицы – 2018 // Россия сегодня. – URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20181030/630110496.html> (дата обращения: 10.04.2019). – Текст: электронный.
6. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2017 // РИА Рейтинг. – URL: http://www.vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2017.pdf (дата обращения: 11.04.2019). – Текст: электронный.
7. Рейтинг Российских регионов по качеству жизни – 2017 // Россия сегодня. – URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html> (дата обращения: 15.04.2019). – Текст: электронный.
8. Трутнев заявил о создании топ в Забайкалье // ZAB.RU. – URL: https://www.zab.ru/news/112063_trutnev_zayavil_o_sozdanii_top_v_zabajkale (дата обращения: 15.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 329.78(470-25:571.55)
ББК Ф75(2-2Мос:2Рос-4Чит)

Диана Александровна Вавакина,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: vavakina000@mail.ru

Молодёжная политика в Российской Федерации: Москва и Чита: особенности реализации

Статья посвящена анализу молодёжной политики в Российской Федерации на примере сравнения реализации в городах Москва г. Чита. Рассмотрено влияние молодёжных политических организаций на формирование политического пространства современной России, выделены общие тенденции развития молодёжной политики в стране, составлена характеристика российской политической системы в изучаемой сфере.

Ключевые слова: молодёжные политические организации, молодёжная политика, Забайкальский край, Москва, Чита

Diana A. Vavakina,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: vavakina000@mail.ru

Youth Policy in the Russian Federation: Moscow and Chita: Features of Implementation

This article is devoted to the analysis of youth policy in the Russian Federation on the example of the comparison of implementation in Moscow and Chita. The article also discusses the influence of youth political organizations on the formation of the political space of modern Russia, outlines the general trends in the development of youth policy in the country, describes the Russian political system in the sphere under study.

Keywords: youth political organizations, youth policy, Zabaykalsky Krai, Moscow, Chita

Молодёжная политика – это направление деятельности государственных институтов, которое представляет собой совокупность различных мер по направлению и поддержанию молодёжи в различных сферах, таких как финансово-экономическая, информационно-аналитическая, нормативно-правовая, кадровая и научная и др.

На современном этапе политического развития РФ молодёжная политика становится неотъемлемой частью политического пространства страны. Именно молодёжь, её положение в политической системе, является индикатором состояния общества, так как молодёжь – это в первую очередь будущее любого народа, и тем более государства. Принято считать, что формирование государственной молодёжной политики РФ произошло в период 90-х годов. В основном это

связано с изменениями в социально-политическом устройстве страны. Касаясь исследователей, занимающихся данной темой, стоит отметить Е. А. Лоскутову, А. Е. Москалева, А. С. Смирнова [2; 3; 6]. Многие учёные занимались изучением молодёжной политики в рамках своей научной деятельности, одной из ключевых работ, на которую будет опираться автор, является работа под общей редакцией В. А. Лукова [1].

Актуальность выбранной темы заключается в том, что на современном этапе развития политического пространства России вопросы молодёжной политики являются одними из ключевых, так как заинтересованность и вовлечённость молодёжи в политический процесс являются гарантом стабильности государственной власти и способствуют подготовке кадров для замещения господствующей элиты.

Москва имеет наиболее положительный опыт в реализации программ молодёжной политики. Правительство Москвы заинтересовано в развитии и привлечении молодёжи к политическому процессу страны. Об этом свидетельствует проработанная нормативно-правовая база молодёжной политики, а также комплекс мер по её осуществлению. Одна из причин заинтересованности молодёжи Москвы в политическом процессе страны – высокий уровень политической культуры по сравнению с другими городами и регионами РФ. Реализацией молодёжной политики РФ занимается департамент семейной и молодёжной политики г. Москвы. Помимо ратифицированных международных документов, нормативно-правовую базу молодёжной политики г. Москвы составляют: Федеральные законы РФ, Указы Президента РФ, документы Правительства РФ, приказы Министерства образования и науки РФ, приказы Министерства спорта РФ и законы г. Москвы. Основным закон г. Москвы, который реализует и регулирует молодёжную политику, – Закон г. Москвы от 30.09.2009 г. № 39 (ред. 14.12.2011) «О молодёжи» [5]. Молодёжные структуры политической и общественной направленности г. Москвы: Молодёжный парламент, Молодёжное правительство, организация «Молодая гвардия ЕР», Народно-демократический союз молодёжи (НДСМ), Молодёжное отделение РОП, Российский союз молодёжи, Студенческое самоуправление, Российские студенческие отряды (РСО) и т. д.

Закон г. Москвы «О молодёжи» [Там же] гласит, что молодёжная политика города Москвы – это система государственных мер, направленных на создание условий для реализации молодыми гражданами своих конституционных прав и т. д. Департамент семейной и молодёжной политики г. Москва выполняет следующие функции: защиту прав и свобод молодёжи; разработку и дальнейшее внедрение программ; установление полномочий органов власти в сфере молодёжной политики; организацию мероприятий для молодёжи; формирование и дальнейшее поддержание инфраструктуры государственной молодёжной политики. Реализованные программы: «Жилище», «Культура Москвы на 2012–2018 годы», «Спорт Москвы», «Безопасный город», «Столичное образование», «Экономическое образование и инвестиционная привлекательность города Москвы» и т. д.

Молодёжную политику города Читы координирует Министерство образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края, на сайте которого в разделе «Молодёжная политика» предоставлены такие подразделы: «Год Добровольца в РФ»; «Совет по молодёжной политике и воспитательной работе Забайкальского края»; «Специалисты по делам молодёжи муниципальных образований (контактная информация)»; «Гражданско-патриотическое воспитание молодёжи»; «Нормативно-правовая база». Раздел «Нормативно-правовая база» является незаполненным, что не может не вызывать вопросов. Всю молодёжную политику Забайкальского края можно описать этим пустым и неработающим разделом.

Помимо вышеописанных общих нормативно-правовых документов на территории Забайкальского края и г. Читы действуют региональные документы государственной молодёжной политики: Распоряжения Правительства Забайкальского края, Законы Забайкальского края и целевые программы. Молодёжные структуры политической и общественной направленности: Молодёжная избирательная комиссия, Молодёжный парламент, Молодёжное правительство, Молодёжное региональное отделение РОП, организация «Молодая гвардия ЕР», Клуб актуальных политических проблем исторического факультета ЗабГУ (КАПП), российские студенческие отряды, Забайкальское региональное отделение ВОД «Волонтёры Победы», ОАВО «ГородОК», Совет молодых учёных и студентов ЗабГУ и т. д.

Большинство из вышеперечисленных структур функционируют в Забайкальском крае. Основным документом, регулирующим молодёжную политику края, является Закон Забайкальского края от 14.06.2016 г. № 1354-33К «О государственной молодёжной политике в Забайкальском крае» [4]. Основные направления реализации государственной молодёжной политики в крае: обеспечение и защита прав и свобод молодёжи, содействие занятости молодёжи, поддержка талантливой молодёжи и т. д.

Проблема реализации молодёжной политики – вопрос, который остаётся открытым. Одна из причин данной проблемы заключается в том, что нормативно-правовая база является на сегодняшний день, окончательно не сформулированной. Молодёжная политика – это в первую очередь

поэтапная реализация предоставленных государственных программ. Проблемы молодежной политики и её реализации: обеспечение молодых семей жильём, получение молодёжью достойного образования, социальная адаптация молодого человека, трудоустройство молодых специалистов, повышенная преступность среди молодёжи и т. д.

Укрепление позиций РФ на мировой арене, усиление её конкурентоспособности, повышение уровня жизни граждан – всё это возможно только при использовании главно-

го потенциала, молодёжи. Именно поэтому особенно важно не только на государственном, но и на региональном уровне поддерживать условия для реализации молодого поколения в политике, стимулировать их заинтересованность, а также включать в различные (социальные, культурные, политические) процессы страны. Немаловажным фактом успешной реализации молодежной политики РФ является сравнение и анализ работы регионов для того, чтобы реализовывать успешные проекты одних регионов в других и т. д.

Источники и литература

1. Государственная молодёжная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений / под общ. ред. В. А. Лукова. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – 718 с.
2. Лоскутова Е. А. Юная политика: История молодёжных политических организаций современной России. – М.: Панорама, 2008. – 423 с.
3. Москалев А. Е. Провластные и оппозиционные молодёжные общественные объединения: критерии эффективности влияния на современную российскую молодёжь // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 4. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/4/Moskalev_Youth_Public_Associations (дата обращения: 12.04.2019). – Текст: электронный.
4. О государственной молодёжной политике в Забайкальском крае: закон Забайкальского края от 14.06.2016 г. № 1354-ЗЗК (с посл. изм. и доп.) // ГАРАНТ.РУ. – URL: <https://www.base.garant.ru/43956446> (дата обращения: 12.04.2019). – Текст: электронный.
5. О молодёжи: закон г. Москвы от 30.09.2009 г. № 39 (с посл. изм. и доп. // ГАРАНТ.РУ. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/292905> (дата обращения: 12.04.2019). – Текст: электронный.
6. Смирнов А. С. Государственная молодёжная политика в современных условиях // ЭКО. – 2014. – № 5. – С. 23–25.

УДК 37(571.55)

ББК 440.3(2Рос-4Чит)

Михаил Алексеевич Дроботушенко,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: sokrat232@mail.ru

Региональный компонент содержания образования Читинской области в 1992–2007 годах

В статье рассматриваются проблемы введения регионального компонента содержания в образовании. Автор анализируется трёхступенчатая система формирования образовательного стандарта – федеральный, региональный и школьный компоненты образования.

Ключевые слова: образование, региональная политика, закон РФ, Читинская область

Mikhail A. Drobotushenko,
Transbaikial State University,
Chita, Russia,
e-mail: sokrat232@mail.ru

Regional Component of Education Content Chita Region in 1992–2007

The article deals with the problems of introducing the regional content component in education. The author analyzes the three-stage system of formation of the educational standard – Federal, regional and school components of education.

Keywords: education, regional policy, law of the Russian Federation, Chita Oblast

«Региональная политика», «региональные проблемы» и многие другие словосочетания в последние годы часто употребляются в средствах массовой информации, научной и публицистической литературе, в государственных документах и выступлениях политиков.

Региональный компонент содержания образования – часть государственного образовательного стандарта, определяющая нормативы в области родного языка и литературы, истории, биологии, искусства, географии, трудовой подготовки и других образовательных дисциплин и отражающая национальные и региональные особенности системы образования. Понятие «региональный компонент образования» введено Законом РФ «Об образовании» в 1992 году и закреплено в Законе Читинской области «Об образовании» в 1997 году. В соответствии с законодательством вводилась трёхступенчатая система формирования образовательного стандарта – федеральный, региональный и школьный компоненты образования. Содержание регионального компонента относилось к компетенции областных органов управления образованием.

В 1994, 1998, 2004 годах были разработаны и утверждены региональные базисные учебные планы. В учебных заведениях вводились курсы региональной направленности по истории, географии, экологии, лингвистике и др. Одновременно ощущался временный недостаток в учебной и методической литературе по региональному компоненту. К работе по содержательному наполнению регионального компонента подключились учителя, методисты, преподаватели вузов, учёные. В 2002 году при Комитете общего, профессионального образования, науки и моло-

дёжной политики администрации Читинской области создан учебно-методический совет, который стал координатором усилий по подготовке и изданию литературы регионоведческой направленности [1, с. 175].

Проблемы введения регионального компонента содержания образования рассматривались на научно-практической конференции «Трудности, находки и перспективы введения базисного учебного плана в образовательных учреждениях области» в 1995 году, «Реализация регионального компонента базисного учебного плана» – в 2004 году, «Региональный компонент содержания образования: Опыт, проблемы, перспективы» в 2006 году. В итоге по ряду учебных предметов разработаны стандарты и программы, созданы учебно-методические комплексы, часть из них была издана, апробирована и выведена в практику работы [2].

В июне 2007 года коллегией Комитета образования науки и молодёжной политики утверждена «Концепция регионального (национального/регионального) компонента государственного образовательного стандарта общего образования для общеобразовательных учреждений Читинской области». В концепции отмечается логическая связь между региональным компонентом образования и школьным краеведением. Региональный компонент содержания образования стал частью государственного образовательного стандарта, который определял нормативы знаний учащихся по ряду дисциплин, отражающих национально-региональные особенности области.

В ноябре 2007 года Государственной Думой был принят Закон Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные

законодательные акты РФ в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта», согласно которому была ликвидирована трёхступенчатая система его формирования. В то же время документом сохранялось право образовательных учреждений на формирование вариативной части основной образовательной программы, а также возможность для органов управления образованием влиять (рекомендательно) на её содержание с учётом региональной специфики [1, с. 176].

Организация и запуск процессов развития в сфере образования приводит к необходимости установления наиболее эффективных путей развития образовательной системы, оценка уровня собственного профессионализма невозможна без комплексной экспертизы и управленческо-методологического консалтинга. С этой целью создаются региональные концепции развития образования, центры управления образованием, разрабатываются приблизительные учебные программы регионального компонента содержания образования.

Источники и литература

1. Грешилова И. А., Константинов А. В., Игумнова Е. А. Региональный (национально-региональный) компонент содержания образования // Малая энциклопедия Забайкалья: в 2 ч. Ч. 2. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 175–176.
2. Зимирев Г. И., Клименко Т. К. Законодательство об образовании Читинской области – Забайкальского края // Малая энциклопедия Забайкалья: в 2 ч. Ч. 1. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 330–331.

УДК 622(571.55)
ББК 33(2Рос-4Чит)

Анна Николаевна Елизова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: elizova-1995@mail.ru

Чикойский прииск в 1950-е годы

В данной статье анализируется деятельность Чикойского прииска по добыче золота в 50-е годы XX века. Показаны трудовые и бытовые условия жизни. Прииск в первые годы не справлялся с планами по добыче металла, что, прежде всего, зависело от работы геологоразведочной службы, было связано с отсутствием достаточного объёма запасных частей. Со временем эти проблемы были решены. Стабильная работа прииска позволила горному посёлку развиваться, строить жилые дома и объекты социально-бытового назначения.

Ключевые слова: Чикой, Большая Речка, прииск, горное предприятие, золотодобыча

Anna N. Elizova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: elizova-1995@mail.ru

The Chikoi Mine in the 1950s

This article analyzes the activities of the Chikoi gold mine in the 50s of the twentieth century. Also about labor and living conditions. The mine in the early years could not cope with the plans for the extraction of metal, which, above all, depended on the work of the geological exploration service and the lack of sufficient spare parts. Over time, these problems were resolved. The stable operation of the mine allowed the miner's village to develop, build houses and social facilities.

Keywords: Chikoi, Bolshaya Rechka, mine, mining enterprise, gold mining

Чикойский прииск – горное предприятие, располагавшееся в с. Большая Речка Красночикойского района, в 70 км от райцентра. Разрабатывались россыпные месторождения золота по р. Чикой и его притокам: рекам Катанца, Большая, Мельничная и Малый Долотуй малолитражными драгами [1].

Производственный план по добыче металла в 1953 году не был выполнен. Основная доля перерасхода в 500 тыс. р. пошла на золотодобычу, в том числе на выполнение плана по разведке. Разведка речки Менза в 1953 году была выполнена всего на 50 %, и в итоге получился перерасход государственных средств [2, л. 110]. Также предприятие не получило нового оборудования для драг, цепей, канатов. Работали на утиле, к тому же не имея запасных частей, это привело уже в начале работ к большим простоям, обрывам цепей, канатов и т. д.

Но уже в 1957 году партийное собрание отмечало, что прииск выполнил государственный план по добыче металла. Так, государственный план по добыче металла в 1958 году был выполнен на 128 %, а первое полугодие 1960 года – на 147 %, в том числе на участке Мельничная и Большая речка на 195 %, при себестоимости по прииску 97,3 %. Коллектив участка Мельничная пустили драги на 73 дня раньше планового срока. Активно шла работа по профессиональной подготовке, за отчётный период была проведена работа по подготовке кадров, 70 чел. получили по 2–3 профессии [5, л. 24].

Работа на прииске была крайне сложной, трудной и изнурительной велась работа на драге, особенно в полноводной реке. Рабочая смена длилась 12–14 часов без перерыва, не останавливались агрегаты даже на обеденный перерыв. Грохот агрегатов, поток холодной воды, от чего всегда была мокрая спецодежда, качка отрицательно влияли на здоровье рабочих, особенно в ночное время. Однако трудовая и производственная дисциплина были на должном уровне. Тяжёлый труд и оценивался по достоинству [6, с. 3].

Стабильная работа прииска «Чикой» позволила горному посёлку строить не только хорошие жилые дома, но и объекты социально-бытового назначения [Там же, с. 4]. В 1958 году на прииске производилось жилищное строительство, на что было затра-

чено много средств, однако качество строительства не соответствовало требованиям, были нарушены сроки сдачи. А после сдачи объектов обнаруживалось много недоделок, дома стояли без печей и вторых тепловых рам [3, л. 51]. Это было связано с нехваткой строительного материала, кирпича, гвоздей и т. д.

Несмотря на трудности, за короткое время был возведён торговый комплекс, три магазина промышленных и продовольственных товаров, столовая, хлебопекарня, складские помещения, хотя в торговле имелись недостатки, например представленный ассортимент товаров и продуктов был крайне скудный. Прииск был не обеспечен такими продуктами, как мясо, колбасные изделия, хлеб выпекали одного сорта. Привозили верёвки, завозили примусы, электроплиты, сумки, пуговицы, на которые не было потребности. Но не было нужных покупателей товаров, таких как кроватей, пальто, костюмов, клеёнки, тюлей, шерсти, ткани [2, л. 83]. Вопрос об открытии ларька на участке Широкой решался 2 года, а рабочие, бедствуя без продуктов, вынуждены были после работы ходить за 12 км по таёжным тропам в ларек [2, л. 7].

Пополнение продуктов питания частично шло за счёт местного производства. Была построена небольшая ферма, где имелись три десятка дойных коров. Молока хватало для детского сада, школы и больницы. Построили теплицу для выращивания огурцов, помидор и других овощей [6, с. 4].

Сложности были и в социально-культурной сфере. Культурно-массовая работа не развивалась, за сезон демонстрировался 1–2 фильма [4, л. 38]. Не на всех участках был медпункт, например, на Мельничной его не было, приходилось ездить в Гутай и Нижний Нарым, на что затрачивалось много времени и средств, фактически при отсутствии транспорта [Там же, л. 52].

Таким образом, прииск в первые годы не справлялся с планами по добыче золота, что зависело от работы геологоразведочной службы и от нехватки запасных частей. Со временем эти проблемы были решены, установилась стабильная деятельность прииска, хотя бытовые проблемы и в социально-культурной сфере сохранялись.

Источники и литература

1. Быбин Ф. Ф. Чикойский прииск // Энциклопедия Забайкалья. – URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=7035> (дата обращения: 10.03.2019). – Текст: электронный.

2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф.П. 5949. – Оп. 1. – Д. 6.
3. ГАЗК. – Ф.П. 5949. – Оп. 1. – Д. 8.
4. ГАЗК. – Ф.П. 5949. – Оп. 1. – Д. 10.
5. ГАЗК. – Ф.П. 5949. – Оп. 1. – Д. 11.
6. Лисихин М. Золотая большая речка // Знамя труда. – 2006. – 30 мая. – С. 4.

УДК 33.021-057.341(470+571)

ББК Ф033.112(470+571)дП

Кристина Павловна Епишкина,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: epishkina9714@mail.ru

Анализ отношения народа к Президенту в регионах Российской Федерации

В статье рассмотрен рейтинг Владимира Владимировича Путина в субъектах Российской Федерации, выявлены регионы, в которых Президент имеет наибольшую и наименьшую популярность. Особое внимание уделено Забайкальскому краю.

Ключевые слова: Президент, рейтинг, Российская Федерация, Забайкальский край, Владимир Владимирович Путин, избиратель, субъект РФ

Kristina P. Epishkina,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: epishkina9714@mail.ru

Analysis of the Relations of the People to the President in the Regions of the Russian Federation

The article considers the rating of Vladimir Vladimirovich Putin in the constituent entities of the Russian Federation, identifies regions in which the President has the greatest and the least popularity. Particular attention is paid to the Transbaikal territory.

Keywords: President, rating, Russian Federation, Transbaikal territory, Vladimir Vladimirovich Putin, voter, subject of the Russian Federation

В 2018 году прошли выборы Президента Российской Федерации. По итогам выборов в очередной раз победу одержал Владимир Владимирович Путин. Согласно данным Центральной избирательной комиссии, он набрал 76,69 % голосов избирателей [5].

В связи с этим были выявлены регионы, в которых действующий Президент, Владимир Владимирович Путин, имеет наибольшую популярность. Такими регионами стали: Кабардино-Балкария, Крым, Тыва, Дагестан, Севастополь.

В данных регионах за Путина проголосовало более 90 % от пришедших на избира-

тельный участок, что является самым высоким показателем среди остальных регионов Российской Федерации.

Данные регионы не раз показывали такой результат на выборах и не раз попадали в список регионов, где В. В. Путин имеет наибольшее количество голосов. Например, в Дагестане в 2012 году за Путина отдали свои голоса 92,84 % присутствующих избирателей, а в 2018 году – 91,08. Тыва в 2012 году показала результат в 90 %, а в 2018 году – 91,98, что позволило ей занять 3-ю позицию в списке лидеров [1].

Вместе с тем к таким регионам можно отнести Чеченскую Республику, Ингушетию

и Республику Татарстан. Ингушетия дважды возглавляла рейтинг регионов, в которых В. В. Путин получил наибольшее количество голосов. В 2000 году число проголосовавших за Путина составляло 85,42 % избирателей, в 2004 году – 98,18 %, в 2012 году – 91,01 %, а в 2018 году – 83,17 %.

Чеченская Республика также часто оказывалась в рейтинге на 4-м месте, с числом проголосовавших за Путина избирателей 92,30 %. В 2012 году возглавляла рейтинг с рекордной поддержкой в 99,76 %. Татарстан дважды был регионом с самым высоким процентом. В 2018 году процент понизился до 82,09 %.

Как и в любом другом рейтинге имеются регионы, в которых за Владимира Владимировича Путина проголосовало меньше всего избирателей. К таким регионам относятся: Якутия – 64,38 %; Алтайский край – 64,66 %; Сахалин – 66,92 %; Омская область – 67,31 %; Еврейская автономная область – 67,46 % [1].

Немаловажным в определении рейтинга Президента является отношение к нему в субъектах страны. В связи с этим следует уделить этому пристальное внимание. Отношение к Президенту в регионах можно проследить путём анализа голосов в период с 2000 по 2018 год.

Забайкальский край (до 2008 г. – Читинская область) [4] – это один из субъектов Российской Федерации, который максимально отдалён от центра. Поэтому возникает немало проблем во взаимоотношениях центра с субъектом. Важно отметить, что Забайкальский край является регионом с низким социально-экономическим развитием. Это во многом определяет отношение народа к Президенту Российской Федерации.

С 2000 года проходят выборы Президента Российской Федерации, в которых принимает участие Владимир Владимирович Путин. В 2000 году, когда Путин был ещё малоизвестной фигурой, в Читинской области за него проголосовало 49,14 % избирателей при явке 64,68 %, что является не плохим результатом в целом по стране. К 2004 году Владимир Владимирович сумел зарекомендовать себя как сильный руководитель, тем самым получил большую поддержку от Читинской области. Процент проголосовавших за Путина избирателей

составил 72,49 %. В 2012 году в Забайкальском крае Путин набрал 65,69 % голосов избирателей.

В 2018 году выборы Президента завершились в Забайкальском крае с явкой 58 %. За Владимира Владимировича Путина проголосовало 72,03 % избирателей, а именно 329 443 чел., что показывает положительную динамику в рейтинге Президента с 2012 года [3].

В трёх сёлах за Путина проголосовали единогласно. Это село Комкай Оловянинского района, село Горда Приаргунского района и село Гуля Тунгиро-Олёкминского района. Всего в Забайкальском крае было 50 избирательных участков, на которых 90 % избирателей проголосовали за Путина [2].

Таким образом, согласно данным Центральной избирательной комиссии, Владимир Владимирович Путин в 2018 году набрал 76,69 % голосов избирателей. В связи с этим были выявлены регионы, в которых действующий Президент, Владимир Владимирович Путин, имеет наибольшую популярность. К данным регионам были отнесены: Кабардино-Балкария, Крым, Тыва, Дагестан. В данных регионах за Путина проголосовало более 90 % от пришедших на избирательный участок, что является самым высоким показателем среди остальных регионов Российской Федерации. Также были выявлены и регионы с самым низким процентом.

В общем, между регионами получился большой разрыв в процентном соотношении, но общий процент голосов выше, чем 6 лет назад. Особенно заметен рост поддержки Путина в Москве – в 2018 году за него отдали свои голоса 70 % избирателей, а в 2012 году – 47,4 %. В среднем он набрал в городах-миллионниках меньше голосов, чем в целом по стране. В субъектах федерации, где сельское население составляет большинство, результат Путина сравнительно выше.

Что касается Забайкальского края, то рейтинг Президента в Забайкальском крае также вырос по сравнению с 2012 года, что свидетельствует о том, что большая часть проголосовавшего населения положительно относится к данной фигуре и не видит замены, несмотря на то, что Забайкальский край относится к регионам с низким социально-экономическим развитием.

Источники и литература

1. Где Путина любят больше? Топ-5 «путинских» и «антипутинских» регионов РФ // Anews.com. – URL: <https://www.anews.com/p/87769157-gde-putina-lyubyat-bolshe-top-5-zaputinskih-i-antiputinskih-regio-pov-rf> (дата обращения: 25.04.2019). – Текст: электронный.
2. Жители трёх забайкальских сёл единогласно проголосовали за Путина // Городской портал Чита.ру. – URL: <https://www.chita.ru/news/113843> (дата обращения: 25.04.2019). – Текст: электронный.
3. Избирательная комиссия Забайкальского края // Избирательная комиссия Забайкальского края. – URL: <http://www.zabkrai.izbirkom.ru/about/izbiratel'naya-komissiya-zabaykalskogo-kрая/IKZK.php> (дата обращения: 25.04.2019). – Текст: электронный.
4. История края // Официальный портал Забайкальского края. – URL: <http://www.збайкальский-край.рф/about/history> (дата обращения: 25.04.2019). – Текст: электронный.
5. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – URL: <http://www.cikrf.ru> (дата обращения: 25.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 572.9(571.55)
ББК Т52(2Рос-4Чит)

Зинаида Павловна Люцай,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: zina.lyutsay@mail.ru

Особенности структуры традиционного женского костюма тунгусов и бурят Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.)

Во второй половине XIX – начале XX в. на территории Забайкалья происходили процессы интеграции культур местного и пришлого населения, что находило отражение в элементах одежды и её структуре. В статье рассмотрены особенности структуры традиционного женского тунгусского и бурятского костюма.

Ключевые слова: народы Забайкалья, тунгусы, буряты, традиционный женский костюм

Zinaida P. Lucy,
Transbaikial State University,
Chita, Russia,
e-mail: zina.lyutsay@mail.ru

Features of the Structure of the Traditional Female Costume of the Tungus and the Buryats of Transbaikalia (second half of XIX– Beginning of XX century)

In the second half of XIX – early XX century on the territory of Transbaikalia was the integration of the cultures of the local and migrant population that was reflected in the clothing items and their structure. The article describes the features of the structure of the traditional female Tungus and Buryat costume.

Keywords: peoples of Transbaikalia, Tungus, Buryats, traditional woman's costume

Комплекс женского национального костюма относится к числу особо значимых составляющих культурно-бытового пространства традиционных сообществ. Его

элементы косвенно отражают историю народа, хозяйственно-культурный тип общества, социальный статус носителя. Их изменения позволяют проследить развитие меж-

этнических контактов, процессов взаимовлияния культур. Костюм представляет собой ансамбль, в центре которого находится человек. Он объединяет различные по функциональному назначению и декору элементы – одежду, обувь, головные уборы, украшения и иные детали оформления образа индивидуума (косметика, татуировки, причёска).

Как правило, костюм сочетает в себе практическую и эстетическую функции, помогая человеку реализовывать бытовую и коммуникативную деятельность. Сохраняя определённую статичность, традиционный костюм выступает одновременно динамичным компонентом культуры. Он оформляется и получает развитие в границах исторических эпох, под влиянием происходящих событий костюм изменяется в целом – появляются новые элементы, детали кроя, материалы. Воплощая результаты культурных связей, костюмный комплекс выступает важнейшим историческим источником [8, с. 2–3].

В этнографической науке закреплены два основных подхода в классификации костюмного комплекса: функциональный и знаковый. Выделяют повседневную, праздничную, ритуальную одежду, позиционирующую социально-возрастные и территориальные особенности. На территории Забайкалья яркие примеры традиционного одевания сохраняют группы коренного населения – тунгусы и буряты. Сравнительный анализ женского костюма этих народов позволяет выделить ряд особенных и общих черт.

Тунгусский женский костюм, с точки зрения эстетики, в области практичности и самобытной декоративности имеет уникальный характер. При сравнительно небольшой численности данная этническая группа относится к числу широко расселённых общностей, осваивая территорию около 7 млн км. На форму одежды и способы её изготовления повлиял комплексный характер жизнедеятельности, в основе которой лежали охота, рыболовство, оленеводство и в незначительной степени, скотоводство [7, с. 22–23].

Для изготовления одежды использовали шкуры парнокопытных и пушных зверей, кожу рыб и птиц. Основу составляли ровдуга и камус, с середины XIX века употребляли покупные ткани, среди которых особенно популярны были хлопчатобумажные и грубошерстное цветное сукно. В конце XIX – начале XX века у тунгусов бытовала и покупная одежда наряду с традиционной. Летний

костюм шили из ровдуги, а зимний – из шкуры оленя мехом наружу. Покрой для всех времён года был одинаков [Там же, с. 25–26].

Костюм девушек не отличался от одевания замужней женщины и состоял из несходящегося на груди кафтана, нагрудника, натазника, ноговиц, унтов и шапки.

Женский кафтан имел более нарядный декор и был несколько длиннее [5, с. 39–40]. Шился из двух половинок ровдуги, выделанной из шкуры косули. Рукава делали вставные. Книзу кафтан расширялся за счёт вставных клиньев. По краям пол, подолу, окату и низу рукавов пришивалась ровдужная бахрома (5 см) под синей каймой с белой полосой. Талия и хвостовой клин окаймлялись материей. У горловины пришивали два ровдужных ремешка для запахивания кафтана. Со стороны пол, во всю длину кафтана, в районе плеч крепились два жгута *чуракта*, обшитые полосатой тканью, и две ленты *каптыкакта*, окаймлённые белой тканью. Со стороны спины – два жгута *чуракта* и четыре ленты *каптыкакта*. На концах все имели кисти.

Обязательный элемент женского костюма – нагрудник *дакку*, его, как и кафтан, надевали на голое тело. Он представлял собой узкую полосу (длина 75–85 см), с вязками, обычно орнаментировался бисерными полосами, аппликацией из крашеной кожи и вышивкой белым подшейным волосом. По низу *дакку* обшивалось бахромой из ровдуги и металлическими подвесками (у мужчин) и колокольчиками (у женщин). Праздничный женский нагрудник по форме узкий (*дакку*), как и будничный, но его обильно украшали бисером. Такой же, но широкий с нагрудным, набрюшным и поясным украшением назывался *налли*. Кафтан и нагрудник как составные части одного костюма украшались в одном стиле, создавая единство образа [3, с. 132–134].

Натазники (*хэрки*) заменяли короткие штаны. Их кроили из сложенного вдвое куска ровдуги, сшивали по бокам и прорезали по краям сгиба отверстия для ног. По поясу и отверстиям для ног вшивались дополнительные ободки. В пояс вставлялась вздержка или у прорехи пришивались ремешки, которые имелись и снизу для крепления ноговиц. При дальнейшем превращении натазников в штаны ровдугу перестали складывать пополам, а складывали на три части и прорезь делали не по краям сгиба, а несколько

наискось, к ней пришивали прямые штанины. Удлинение натазников и превращение их в штаны привело к укорачиванию ноговиц и превращению их в наколенники. Так как ноговицы дольше всего сохранялись в женской одежде, наколенники стали частью мужского костюма. Ранее вместо них летом носили набедренную повязку с бахромой из ровдуги, которую позже стали пришивать на натазники [3, с. 136–137].

Ноговицы (*арамусы*) представляли собой отдельные штанины, сужающиеся книзу. Сверху привязывались ровдужными ремешками к натазнику, а снизу через отверстия обвязывались ремнями от унтов. Для тёплого времени года изготавливались из ровдуги, для зимы – из камуса парнокопытных животных. Их длина достигала щиколоток ног – верхняя часть закрывала проймы коротких штанов за счёт кожаных подвязок.

Традиционный тип обуви – *амчуры* по раскрою близок к современным унтам, но отличался короткими голенищами и отсутствием орнамента. Особенность женского типа обуви – большое количество украшений. Раскрой обуви был единым как для взрослой женщины, так и для детского костюма. В обувь вкладывали травяную стельку, а зимой надевали специально сшитый меховой носок (*чурчан*). Женскую обувь для повседневного (*конето*) и праздничного (*шувикаму*) использования кроили одинаково, их высота была выше колен и наполовину состояла из ровдуги, а другая часть – из меха. Праздничную обувь расшивали ярким бисером.

Головной убор (*авун*) имел капорообразную форму, одинаковую для мужчин и женщин, отличия заключались в количестве украшений. Авун шили из ровдуги косули из четырёх клиньев, на макушке крепили ровдужную кисть. Вкруговую пришивали три полосы из синей ткани и ровдужную бахрому [5, с. 42]. Сзади крепили ленту (*лэтэки*), украшенную бахромой, полосами из синей и коричневой ткани. Она предназначалась для укладки косы. Размер шапки составлял 55 см.

Головные уборы раньше были характерны, по-видимому, только для обрядового костюма. Общетунгусским словом «авун» называлась женская шапка, которая шилась из шкурки. Она состояла из двух наушных полос и одной продольной, покрывающей темя и затылок. Шапка обшивалась полосками меха пушного зверя. Наушные части укра-

шали бисерным орнаментом и подвесками в виде кисточек из ремешков. Имелись шапки и другого фасона. Они развились из венца, соединённого двумя перекладинами. Через отверстие выпускались волосы. А. П. Степанов в начале XIX века писал о такой шапке. Отверстие, в которое пропусклась коса, позже начали зашивать овально выкроенным кусочком меха. Элементы этого головного убора сохранились и в некоторых шапках среднеамурских тунгусов. Уже в XIX веке все тунгусы начали носить на голове платки. Зимой женщины надевали шаль, связывая концы её на макушке. Широко выдвигающиеся края шали защищали лицо от мороза.

Для декорирования одежды западные тунгусы использовали бахрому из ровдуги, конский волос, обшивку из длинного козьего и другого меха, также присутствовала аппликация на ровдуге и меховая мозаика из полос контрастных цветов. В условиях отсутствия письменности, по орнаменту, расположению его частей и цветовой гамме можно было получить сведения о родовой принадлежности женщины, социальном положении, семейном статусе и даже об имеющихся детях. В целом в процессе изготовления одежды доминировал принцип практичности, сохранения особых традиций, декор гармонично дополнял его части, будучи красочен и по отдельности [3, с. 139].

Костюмный комплекс бурятской женщины состоял из натальной и верхней одежды, головного убора и обуви. Женский костюм более чем мужской сохранял традиционные территориально-локальные признаки, возрастные и семейные особенности. Он выделялся сложностью покроя, своеобразием силуэта и соответствовал положению женщины в обществе, выражая функции хранительницы домашнего очага. В конце XIX – начале XX века женщины носили распашного типа удлинённую до колен рубаху, аналогичную мужской. Удлинённая рубаха прикрывала короткие женские штаны. Она играла роль натальной одежды, а летом – домашнего платья [2, с. 55–56]. Рубахи шили из сатина, далямбы синего или белого цвета. Дольше всего удлинённая рубаха сохранялась у забайкальских бурят, её носили женщины преклонного возраста и девочки.

Обязательным компонентом женского костюма была длинная, расклешённая книзу безрукавка (*хубайси*), надеваемая поверх платья. Женщинам нельзя было показывать

сы родственникам мужа без прикрытой безрукавкой спины. Другим важным элементом выступали штаны (*умдэн*). Они не отличались от мужских, но были несколько короче, доходили до колен, их носили на бёдрах на завязках. Летние штаны шили из фабричных тканей, а зимний вариант – из ровдуги. В отличие от мужских, женские штаны дольше сохраняли традиционный покрой [4, с. 5–6]. С появлением платья в начале XX века штаны повсеместно превращаются в нательную одежду.

Детская одежда для девочек была одинаковой и повторяла крой мужского халата – прямого не отрезного по линии талии с цельнокроеными рукавами. До периода зрелости девочки носили длинные *тэрлиги* или зимние *дэгэлы*, подпоясывались матерчатыми кулаками, которые подчёркивали тонкую, гибкую талию. Повседневные кулаки делали из далембы, нарядные – из шёлка в полоску. При достижении зрелости в 14–15 лет изменялись покрой одежды и причёска. Платье становилось отрезным по талии с декоративной тесьмой по линии шва. В девичьем костюме отсутствовала безрукавка. Девочки носили одну косу на макушке, часть волос на затылке сбрасывались. В 13–15 лет коса на макушке оставалась, остальные волосы отращивали и заплетали в две косы на висках. На затылке из оставшихся волос заплетали 1–3 косы. Такая причёска означала переход в возрастную ступень. В 14–16 лет на девочку надевали украшение *саажа*, а на темени укрепляли металлическую пластинку сердцевидной формы – *юбун*.

Платье – *буллууза* имело туникообразный покрой, шилось на кокетке, с подолом, собранным в редкие и мягкие сборки, имело подкройные проймы и отложной воротник. Бытовало как будничное платье у боханских бурят. Постепенно платья *халадай* и *булууза*, сшитые из шёлковых тканей, стали летней выходной одеждой, а платья из простых хлопчатобумажных тканей оставались будничной одеждой [2, с. 56–57].

В начале XX века у молодых женщин и девушек было распространено платье с оборками, называвшееся *сарпаан*. Это было прямое или расширяющееся книзу платье с вшивными рукавами. Широкие у основания рукава сужались. Низ подола и концы рукавов украшались оборками. Эти платья

украшали вдоль переднего разреза одежды. Наиболее старым способом являлась окантовка полоской ткани и узорной тесьмой. В Забайкалье роль платьев выполняли удлинённые глухие или распашные рубахи.

К концу XIX – началу XX века наблюдаются изменения в покрое одежды взрослой девушки: *дэгэл*, особенно *тэрлиг*, стали делать отрезными по линии талии. Характерной чертой незамужних девушек была декоративная нашивка, которая располагалась спереди и сзади, а у замужних женщин она шла только спереди [1, с. 157]. Осеннюю одежду *сэжээ дэгэл* шили из хлопчатобумажных тканей или бархата и шёлка, с подолом на вате. Летний костюм *тэрлиг* шили из дабы, чесучи, узорчатого шёлка. Рукава заканчивались обшлагами (*туруу*), повторяющие форму копыта лошади. Для будничной одежды их делали из ткани стана, выделяя обшивкой из ткани контрастного цвета. Необходимо заметить, что изготовление обшлагов требовало мастерства, делались они на натуральном клее. Такие обшлага бытовали повсеместно в Забайкалье, а в Прибайкалье обшлага были опущены вниз. В зимнее время на обшлага нашивали мех, чтобы защитить кисти рук от обморожения.

Характерной особенностью традиционного женского костюма бурятской женщины являлись многочисленные украшения – богато оформленные ювелирные изделия из серебра со вставками из кораллов. Они подразделялись на несколько групп: головные, накосные, ушные, височные, височно-нагрудные, боковые, поясные. Если говорить о декоре одежды, то он приходился на воротник, рукава, подол, а лиф обшивался узкой бейкой по краю. Воротник украшали узорчатой декоративной тканью, парчой или шёлком [6, с. 56–58].

Сравнивая комплекс тунгусского и бурятского женского костюма, отметим, что в первом отсутствует понятие женского платья, а в декоре преобладают вышивка бисером, волосом, ровдужная бахрома. Бурятский костюм отличается более сложным крой, использование покупных тканей, большое количество украшений из металла. При этом схожие функции в костюме выполняли внешне различные элементы – нагрудник и безрукавка, – демонстрирующие особый социальный статус женщины.

Источники и литература

1. Абаева Л., Жуковская Н. Буряты. – М.: Наука, 2004. – 628 с.
2. Бадмаева Р. Бурятский народный костюм. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. – 136 с.
3. Василевич Г. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск: Наука; Л.: Ленингр. отд-ние, 1969. – 261 с.
4. Зориктуев Б. Буряты: этнографический очерк. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2000. – 48 с.
5. Мазин А. Быт и хозяйство эвенков-орочононов (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 180 с.
6. Николаева Д. Женский костюм бурят Предбайкалья (XIX – начало XX в.). – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2012. – 80 с.
7. Поворознюк О. Забайкальские эвенки: социально-экономические и культурные трансформации в XX–XXI вв. – М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2011. – 349 с.
8. Степанова Ю. Костюм древнерусского человека: реконструкция по данным археологии. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – 201 с.

УДК 32
ББК Ф033.141

Вероника Сергеевна Макарова,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: v-gantimurova@mail.ru*

**Программно-целевое планирование и целевые программы:
теоретический аспект**

Статья посвящена анализу разнообразных теоретических трактовок понятий «программно-целевой метод планирования» и «целевая программа». В статье обобщаются различные подходы, приводится общая трактовка терминов.

Ключевые слова: программно-целевой метод планирования, целевая программа

Veronika S. Makarova,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: v-gantimurova@mail.ru*

**Program-Target Planning and Target Programs:
Theoretical Aspect**

Article is devoted to the analysis of various theoretical interpretations of the concepts “program and target method of planning” and “target program”. In article various approaches are generalized, and the general interpretation of terms is given.

Keywords: program and target method of planning, target program

В части нормативно-правовых актов уже к началу 2000-х годов в России введены понятия «программно-целевое планирование» и «целевые программы». Так, например, в ФЗ от 20.07.1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» под целевой программой

понимается «система целевых ориентиров, а также «путей и средств» их достижения» [4]. В научных трудах исследователей встречаются разные трактовки понятия «программно-целевой метод государственного управления». М. Ю. Кривошеева считает программно-целевой методом одним из способов выделения главнейших целей и задач

социально-экономического, территориального, экологического и культурного развития государства и разработки необходимых мероприятий по реализации таких задач [2].

По мнению исследователей И. Е. Рисина и Е. А. Шаталовой, программно-целевой метод – это проект желаемой будущей социально-экономической или иной системы, включающий в себя определение целей и соответствующих направлений развития [5].

Программно-целевой метод в государственном управлении осуществляется путём разработки и реализации ряда тех или иных целевых программ, призванных решать различные проблемы в сферах российского государства [3]. Программно-целевое планирование, как и любое другое планирование, ориентировано на грамотное целеполагание и достижение поставленных целей. Отличительной особенностью данного планирования от других видов является то, что программно-целевой метод государственного планирования состоит из взаимосвязанной совокупности таких важных элементов, как конкретные цели с обязательным исходным результатом, планируемые мероприятия по достижению целей и их исполнители, требуемые ресурсы и, конечно же, заранее заданные временные параметры [5].

Что касается теоретического определения понятия «целевая программа», то ряд исследователей отмечают самые разнообразные трактовки. Так, Д. А. Ахмедов, обращаясь к российскому законодательству, посвящённому целевым программам развития, утверждает, что нет единого понятия и сущности «программы» [1]. Автор объясняет это различной отраслевой принадлежностью указанных актов. Так, например, в ФЗ от 20.07.1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» под целевой программой по-

нимается «система целевых ориентиров, а также “путей и средств” их достижения». Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.06.1995 г. № 594 «О реализации Федерального закона “О поставках продукции для федеральных государственных нужд”» целевая программа определяется как «комплекс взаимоувязанных мероприятий» самой разной природы, обеспечивающих решение различных социально-экономических задач развития. Согласно закону того или иного министерства, проблемы которого призвана решить целевая программа, она может пониматься как «группировка расходов, направленных на решение конкретной задачи» [1].

Согласно российскому законодательству, целевые программы представляют собой важнейшее средство реализации государственной политики, активно воздействующее на социально-экономическое развитие страны [4].

Таким образом, изучая теоретические подходы к определению понятия «программно-целевой метод», мы выяснили, что подходы различны, и каждый автор по-своему интерпретирует понимание метода. Исследователи расценивают программно-целевой метод как один из способов выделения главнейших целей и задач социально-экономического, территориального, экологического и культурного развития государства и разработки необходимых мероприятий по реализации таких задач, а также как проект желаемой будущей социально-экономической или иной системы, включающий в себя определение целей и соответствующих направлений развития.

Обобщая трактовки, под целевыми программами следует понимать систему целевых ориентиров, а также путей и средств их достижения, комплекс взаимоувязанных мероприятий, группировку расходов, направленных на решение конкретной задачи.

Источники и литература

1. Ахмедов Д. А. Правовая природа федеральных целевых программ // Проблемы в российском законодательстве: юридический журнал. – 2009. – № 1. – С. 306–311.
2. Кривошеева М. Ю. Стратегия социально-экономического развития региона на основе программно-целевых методов управления: на примере Воронежской области: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Воронеж, 2003. – 205 с.
3. Лукьяненко З. Б., Югова Н. В. Программно-целевой метод в государственном управлении бюджетной сферой // ARS ADMINISTRANDI. – 2014. – № 2. – С. 72–78.
4. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации: закон РФ от 20.07.1995 г. № 115-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7264 (дата обращения: 27.04.2019). – Текст: электронный.

5. Рисин И. Е., Шаталова Е. А. Стратегическое планирование социально-экономического развития городов: зарубежный и российский опыт // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Экономика и управление». – 2007. – № 2. – С. 25–32.

УДК 327(571:510)
ББК Ф4(2Рос-5Кит)

Дарья Витальевна Маслова,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: daryona821@mail.ru*

Сотрудничество двух сверхдержав России и Китая на приграничной территории в 2008–2013 годах

В статье анализируется развитие взаимоотношений России и Китая на приграничной территории – Забайкальском крае, в сферах культуры, экономики, политики, туризма, миграционной политики. Рассмотрена роль Забайкальского края в укреплении отношений между Россией, Китаем и Монголией. Представлены как позитивные, так и негативные аспекты геополитического положения региона, анализ работы властей в создании и реализации благоприятной среды для сотрудничества в указанный период.

Ключевые слова: Китай, Россия, Забайкальский край, приграничный регион, приграничье, трансграничная территория, Забайкалье

Daria V. Maslova,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: daryona821@mail.ru*

Cooperation of the two Superpower of Russia and China in the Frontier Territory in 2008–2013

In article it is analyzed development of relationship of Russia and China in the border territory – Zabaykalsky Krai, in spheres cultures, economies, policy, tourism, migration policy. The role of Zabaykalsky Krai in strengthening of the relations between Russia, China and Mongolia is also considered. Both positive, and negative aspects of a geopolitical position of the region, and the analysis of work of the authorities in creation and realization of the favorable environment for cooperation during the specified period are presented.

Keywords: China, Russia, Zabaykalsky Krai, border region, border area, transboundary territory, Transbaikalia

Вопрос о развитии приграничных территорий являлся актуальным в современном мире. С момента объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа началось новое развитие взаимовыгодных отношений Забайкальского края и граничащим с ним государством – Китаем.

В данной статье анализируются взаимоотношения Китая и России на приграничной территории в 2008–2013 годах, так как в этот период Россия особо рассчитывала на добрососедские отношения с Китаем. Монголия для

России оставалась в менее выгодном положении до подписания в 2013 году программы «Средне- и долгосрочного сотрудничества между Китаем и Монголией» [5]. Россия заинтересована в Монголии как в стратегически важном субъекте, с помощью которого можно повлиять на развитие отношений со своим значимым торговым партнёром – Китаем, так как Китай заинтересован в данном сотрудничестве с Монголией, а также в создании выгодного экономического коридора, программ и общих проектов между тремя государствами.

В этот период в Забайкальском крае приграничное сотрудничество развивается в трёх направлениях: транспортная инфраструктура, трудовые ресурсы и внешнеэкономическая деятельность (развитие сырьевых отраслей и торговля). Несмотря на условия сравнительно высокой производительности, научно-технического и научно-образовательного потенциала, а также богатой природно-ресурсной базы, Сибирь недостаточно развивает свои возможности, при том, что приграничные территории могут в разы увеличить резервы страны. Конечно, существуют и негативные аспекты, влияющие на развитие региона: низкая плотность населения, суровый климат, значительная отдалённость как от центральной части России, так и от достаточно развитых промышленных стран Европы. Воспользовавшись положительными возможностями данной территории, можно развить регион в полной мере.

Ещё до образования Забайкальского края регион рассчитывал лишь на ресурсодобывающие предприятия и сбыт сырья, которое по «дешёвке» перепродавалось за границу. Такая система была создана в советский период и не развивалась, что стало сырьевой ловушкой для региона [3]. Китай являлся единственным экспортёром сырьевых ресурсов, от чего напрямую зависела экономика региона и страны, таким образом, ценовая политика диктуется соседним государством до сих пор.

Проблема заключается в том, что Забайкалье поставляет Китаю исключительно сырьё и продукты простейшей первичной переработки. КНР изготавливает из сырья товар и перепродаёт готовый продукт по внушительным ценам. Сокращение сельскохозяйственной продукции повлекло за собой то, что приграничные территории Китая переориентировались на снабжение России своей продукцией [8]. До образования Забайкальского края передовым бизнесом велась торговля металлоломом, но с исчерпанием ресурса на лидирующую позицию вышла торговля древесиной.

Объём экспорта леса часто превышал объём выпуска лесной продукции. Всё это сказывалось на теневой политике как в лесодобывающей структуре, так и в таможенном деле. Средние показатели за год по поставке российского леса до 2007 года выросли на 54 % с начала 1990-х годов. Но в 2008 году Россия повысила экспортные пошлины на

необработанную древесину, и её ввоз в Китай начал значительно сокращаться, а спрос на пиломатериалы повышаться. В 2013 году в Китай было вывезено 4880 тыс. м³ пиломатериалов и 10, 26 млн м³ круглого леса [10]. Примерно 80 % древесины добывалось на территории края, в том числе и нелегально. Пролонгация такого сотрудничества, в особенности зависимости от Китая, может привести к окончательной потере экономической безопасности региона, учитывая тот факт, что Китай сможет найти посредника в сырьевой структуре, а до тех пор он диктует свою ценовую политику.

Ещё одна немаловажная деталь для приграничного региона – это привлечение как можно большего объёма иностранных инвестиций. Тем не менее, зачастую они существенно отстают по уровню инвестиций более развитых регионов России [9]. В 2004 году доля иностранных инвестиций, поступающих из КНР в Забайкальский край, составляла 3,9 %, а с 2006 года объём инвестиций и вовсе стал значительно сокращаться, но в 2010 году динамика притока инвестиций в приграничный регион вновь увеличилась и к 2013 году составляла 58,2 %. Это связано с созданием довольно выгодных проектов на территории региона по разработке полезных ископаемых, лесных массивов и впоследствии вывоз полуфабрикатов на территорию КНР.

Инвестиции очень часто зависят от граждан КНР, основной поток китайских граждан на территорию Забайкальского края в 2008–2013 годах связан с деловыми, туристическими, гуманитарными, частными визитами. Помимо этого китайцы приезжали в Забайкальский край для обучения, но туризм и обмен студентами в те годы были не столь актуальны для региона.

В этот период времени Забайкальский край являлся одним из крупных регионов-реципиентов, принимающих иностранных мигрантов. Они восполняли трудовые ресурсы, которых не хватало в связи с демографическим оттоком населения из региона. На фоне прибывающих мигрантов у населения возникли страхи об экспансии Китая в Забайкальский край. Тем не менее, правительству было удобнее восполнить отток населения с помощью иностранных мигрантов. К 2013 году край покинуло 261 тыс. чел.

С другой стороны Забайкальский край является территорией, где иностранная ми-

грация имеет особое значение, это касается демографической безопасности, а также территориальной целостности государства [9]. В основном мигранты являлись разнорабочими, т. к. имеющаяся заработная плата в Забайкальском крае для них была намного выше, чем в Китае, сейчас из-за развития экономики КНР ситуация абсолютно поменялась. Работодатели брали китайцев на работу чаще, т. к. они намного производительней, дисциплинированней по сравнению с отечественной рабочей силой [4]. Самыми распространёнными видами деятельности китайцев являлось строительство, торговля и сельское хозяйство.

Исследователи отмечали, что в регионе были замечены ксенофобные настроения к иностранным студентам [2]. Отталкиваясь от научных работ отечественных социологов, можно сделать вывод, что это явление выявлено на территории всей страны, а не только в трансграничном регионе [6, с. 56–65]. Автор отмечает, что данный феномен исходит из древних базовых антиномий [1]. По данным других исследований, это обуславливается страхом россиян перед китайской экспансией, про которую постоянно твердят СМИ и тем самым разжигают «огонь вражды», также это выгодно оппозиционным партиям и различным фронтам на территории региона, тем самым они привлекают внимание населения к себе, а также находят поддержку в обществе. Конечно, доказательств тому нет, но, тем не менее, кто-то не на шутку рассуждает о демографической оккупации

России Китайской Народной Республикой, в связи с высокой плотностью населения в Китае и низкой в Сибири. Это обуславливается тем, что в регионе количество китайцев может достигнуть того уровня, благодаря которому они смогут претендовать на данную территорию. Скорее, это вызвано всеобщей истерией, ксенофобными настроениями и политической неграмотностью, в связи с чем сложилось враждебное отношение к китайским студентам.

Кризисы, вызванные распадом СССР, повлияли на таможенный контроль, в связи с чем возникла слабо контролируемая приграничная торговля. Это вызвано тем, что туризм в русско-китайских отношениях образовался не как самостоятельное явление, а за счёт интенсификации экономических взаимоотношений, что выражено во взаимовыгодном сотрудничестве приграничных регионов, обеспеченных слабым контролем со стороны государств [7].

Граница является самым главным преимуществом Забайкальского края в отличие от остальных регионов страны. Некоторые компании используют этот фактор ради выручения собственной выгоды, создают свою рекламу и продвигаются на туристическом рынке. Несмотря на высокий туристско-рекреационный потенциал и перспективное экономико-географическое положение, Забайкалье не получит выгоды без плана развития региона, без использования всех преимуществ, включая потенциал границ.

Источники и литература

1. Акмалова А. А., Капицын В. М. Социальная работа с мигрантами и беженцами. – Социальная работа с мигрантами и беженцами. – М.: Инфра-М, 2008. – 68 с.
2. Бадмаева Л. В., Башкуева Е. Б. Китайские студенты в Забайкальском крае: барьеры адаптации в принимающей среде // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21633712&> (дата обращения: 22.04.2019). – Текст: электронный.
3. Дабиев Д. Ф., Чульдун А. Ф. Влияние географических факторов на экономический рост регионов России (на примере приграничных регионов Сибири) // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30715421> (дата обращения: 22.04.2019). – Текст: электронный.
4. Козыкина Н. В. Китайская миграция в Забайкальском крае: состояние и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2011. – 24 с.
5. Мукомель В. И. Грани толерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социс. – 2005. – № 2. – С. 56–65.
6. Миронова М. Н. Современные тенденции экономического сотрудничества Монголии с Китаем и Россией // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-mongolii-s-kitaem-i-rossiey> (дата обращения: 14.11.2018). – Текст: электронный.
7. Степанова С. В. Развитие туризма в приграничных российских регионах // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32260591> (дата обращения: 22.04.2019). – Текст: электронный.

8. Тулухонов А. К., Зомонова Э. М. Асимметрия социально-экономического развития приграничных территорий России и Китая // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14349216> (дата обращения: 22.04.2019). – Текст: электронный.

9. Фалейчик А. А., Батурина О. В. Проблемы использования иностранной рабочей силы в приграничном регионе (на примере Забайкальского края) // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-inostrannoy-rabochey-sily-v-prigranichnom-regione-na-primere-zabaykalskogo-kрая> (дата обращения: 22.04.2019). – Текст: электронный.

10. Экспорт пиломатериалов из России в Китай вырос за 2013 г. на 13 % // Лес-онлайн. Лесная промышленность. – URL: <https://www.lesonline.ru/n/3B634> (дата обращения: 22.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 398(571.55)
ББКШ2(2Рос.4Чит)

Роксана Сергеевна Савченко,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: roksnasavchenko@mail.ru

История исследования фольклора забайкальского казачества (вторая половина XIX – первая половина XX в.)

В статье затрагиваются проблемы, связанные с развитием исследовательского интереса к фольклору забайкальского казачества. Приводятся краткие биографические справки первых исследователей Забайкалья. Рассматриваются примеры описания различных жанров казачьей фольклорной традиции. Наибольшее внимание уделено собиранию песен.

Ключевые слова: Забайкалье, забайкальское казачество, фольклор, исследователи, сборы

Roxana S. Savchenko,
Transbaikial State University,
Chita, Russia,
e-mail: roksnasavchenko@mail.ru

The History of the Study of Folklore Transbaikial Cossacks (the second half of the XIX – the first half of the XX centuries)

The article addresses the problems associated with the development of research interest in the folklore of the Transbaikial Cossacks. Brief biographical references of the first researchers of Transbaikial are given. Examples of the description of various genres of the Cossack folk tradition are considered. The greatest attention is paid to collecting songs.

Keywords: Transbaikial, Transbaikial Cossacks, folklore, researchers, fees

К середине 60-х годов XVIII века процесс присоединения Забайкалья к России приобретает государственный характер. В Восточную Сибирь направляются первые крестьяне-переселенцы, торговый люд и, конечно, служилое население – казаки. Забайкальские казаки – представители особого сословия российского общества с собственными традициями в материальной и духов-

ной культуре [3, с. 17]. Именно казачество сыграло большую роль в освоении огромной территории, простиравшейся за Байкалом. А освоение и закрепление приамурских земель повлекло официальное учреждение в середине XIX века Забайкальского казачьего войска.

Будучи переселенцами западных областей, казаки принесли на новые земли

свой жизненный уклад, свою культуру и свой фольклор. Но в процессе освоения сибирских территорий происходило смешение различных народов и переплетение их культур, исторические реалии формировали, в том числе, новый фольклорный репертуар. Это был долгий и сложный процесс. Его итогом стало складывание самостоятельного комплекса фольклора забайкальских казаков.

Начало собиранию фольклорно-этнографических материалов забайкальских казаков было положено Николаем Ивановичем Кашиным (1825–1872), служившим в станице Олочи лекарем 1-й пешей бригады Забайкальского казачьего войска. В середине XIX века в районе станицы Олочи им было записано несколько десятков свадебных песен и приговоров, дано первое подробное описание свадебных обрядов [2, с. 17]. В своих заметках Кашин обращал внимание читателя на наиболее яркие выдающиеся особенности местных празднеств. Например, один из них, так называемый «бабий праздник», праздновался женщинами обыкновенно после Пасхи, в Родительскую субботу.

«С раннего утра забираются бабы на кладбище и поднимают вой по умершим родственникам, отцам, мужьям и т. д., описывая в своих причитаниях, какое горе их постигло после их смерти, как им теперь тяжела жизнь и т. д. Исполнив этот долг, бабы гурьбою возвращаются в село, расходятся потихоньку по домам, поминают за яствами и питьями покойников, упиваются, выходят из домов и целыми гурьбами ходят по селу, распевая песни и т. д. К вечеру они обыкновенно напиваются до положения низ и т. д.» [Там же, с. 22].

В середине XIX века сбором фольклорных материалов занимался нерчинский купец Иван Александрович Юренский (Юринский) (1820–1868). Озабоченный тем, что нет практически никаких публикаций о богатой народной культуре русского народа и в надежде, что «в журналах появится интерес ко всему отечественному», он опубликовал несколько народных песен [9, с. 65]. Им были изданы казачьи песни под единым названием «Простонародные песни Нерчинского округа»: «Седина ль моя сединоушка», «Белиницы, румяницы, мои», «Аленькой, аленькой цветочик» [Там же, с. 62–64]. В «Московском вестнике» была опубликована «Разбойничья» песня [Там же, с. 65].

Иван Александрович вёл активную переписку с ведущими учёными-исследователями того времени. Одним из таких являлся фольклорист Пётр Васильевич Киреевский. В своём сборнике П. В. Киреевский опубликовал три песни, записанные Юренским: «Меня из улуса тунгус полюбил», «Татьянушка с-по сеничкам ходила», «Во сыром-то бору сера кукушечка громко скоковала» [Там же, с. 65].

В начале XX века наиболее полно и обстоятельно описывал фольклор забайкальских казаков Карп Дмитриевич Логиновский. Им был проведён сбор материала среди казаков, проживающих по рекам Унда, Нерча, Шилка, Ингода, Онон и т. д., записаны игры, гадания и приметы, бытовавшие среди казачьей молодёжи.

По утверждению исследователя Г. М. Осокина, среди сибиряков широкое распространение имели различные суеверия и поверья [7, с. 42]. К. Д. Логиновский также выделял данную особенность. Им была выпущена книга «Материалы к этнографии забайкальских казаков» (1903 г.). В данной работе учёный приводил примеры суеверий, верований и примет. Помимо описаний различных духов, колдуний и знахарей, им приведены заговоры, способные защитить людей от негативных влияний нечисти. Например, чтобы защититься от банника, нужно входя в баню, перекреститься и сказать: «Господинъ, хозяинъ, впусти нѣ баню помыться, попариться» [6, с. 6]. В книге описаны меры борьбы с домовым, банником, кикиморой, лешим, чертовкой и водяными чертами, вedomой, летучим змеем.

Почти одновременно с Логиновским в 1900 году штабс-капитан Нерчинской конвойной команды Фёдор Дмитриевич Соседко (1860–1939) опубликовал цикл свадебных песен, записанных в казачьих посёлках Мироново, Тонтой, Богданово, расположенных по р. Куренга – притоку Шилки.

Исследования Фёдора Дмитриевича имели большое значение для собирания и впоследствии изучения фольклорной традиции казаков Забайкалья. Его собрания в настоящее время являются библиографической редкостью. Возможности ознакомиться с ними у нас, к сожалению, не было. Единственный найденный вариант находится в Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края (г. Красноярск) в отделе редкой книги. Тем не менее,

в Государственном архиве Забайкальского края сохранились фотографии г. Нерчинска и нерчинцев, в том числе самого Фёдора Дмитриевича, сделанные Ф. Д. Соседко [1].

Помимо известных исследователей, направляемых в экспедиции отделами Русского географического общества, собиранием фольклора забайкальских казаков занимались местные краеведы. В 1912 году Дмитрием Степановичем Васильевым было закончено собрание цикла заговоров и песен казаков Чиндانتской станицы Забайкальской области. В этих материалах представлены заговоры от похищения коровы, отнятия молока у коровы, жара вымени, для «присущивания» любимого человека и т. д. [8, с. 15]. Также Васильевым был проведён сбор фольклорного материала в с. Большой Тонотой недалеко от г. Сретенска. Во второй половине XX века Л. Е. Элиасов отмечал, что некоторые записанные Дмитрием Степановичем частушки бытуют до сих пор. Например, «частушки, записанные в с. Андриановка Читинской области, были позже записаны в 1967 г. и 1970-х гг.» [Там же, с. 16].

В 1916 году вышел «Сборник песен Забайкальского казачьего войска». В него вошли: песни военные, бытовые казачьи, плясовые, хороводные, святочные, свадебные, а также стихотворения и былины [4, с. 61]. Данное издание представляет большую ценность, так как это первый (единственный) сборник песен забайкальских казаков того времени, куда вошли многие произведения, так и не получившие в дальнейшем широкого распространения. Эта книга стала большой редкостью, не доступной не только для широкого круга читателей, но и для этнографов, историков, фольклористов. В настоящее время сохранилось только два экземпляра: один в Российской государственной библиотеке (г. Москва), другой в Забайкальской краевой универсальной библиотеке им. А. С. Пушкина (г. Чита).

«Сборник песен Забайкальского казачьего войска» являлся крупнейшей публикацией песенного творчества местного казачества, однако, несмотря на объёмность издания, в нём представлена лишь часть богатой народной поэзии забайкальских казаков.

Летом 1913 года и зимой 1914 года по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук были совершены

две поездки по Амурскому краю в станицы и хутора, где проживали выходцы из Забайкалья, которых туда переселил губернатор Н. Н. Муравьев-Амурский [5, с. 487]. В состав данных экспедиций входил известный фольклорист, крупнейший собиратель и исследователь народной поэзии народов Сибири Марк Константинович Азадовский (1888–1954).

Во время экспедиций Марком Константиновичем была зафиксирована «Песнь о переселении на Амур». Исследователь смог записать обрядовые песни, но, по его утверждению, обрядовый фольклор себя уже изживал – везде «царила частушка» [5]. По этому поводу он писал, что старые песни переделываются и поются на манер частушек.

В начале XX века в забайкальских газетах появился ряд публикаций фольклорных материалов, собранных местными краеведами. Т. М. Фарафонтова, В. Н. Марченко, И. А. Ключин, П. Т. Трутнев, Г. С. Новиков-Даурский, таким образом, в небольшой степени дополняли информацию о фольклорном репертуаре забайкальских казаков.

Песни казаков являются своеобразным зеркалом народного сознания, в котором отражена история российского государства. В песенном творчестве до настоящего времени сохранились отголоски событий, происходивших на пограничных рубежах России. Казаки, прежде всего, – служилое сословие. Данный факт запечатлён и в сюжетах фольклорных произведений. Тексты народной поэзии рассказывали о присоединении сибирских территорий, их освоении, отношении с коренным населением, описывали участие отрядов забайкальских казаков в заграничных походах.

Подводя итог, следует отметить ряд особенностей изучения казачьего фольклора. Большинство исследователей сами, так или иначе, были связаны с жизнью Забайкальского казачьего войска: Н. И. Кашин был врачом, Ф. Д. Соседко служил штабс-капитаном Нерчинской конвойной команды. Показательным является тот факт, что многие исследователи фиксировали при сборе фольклора и связанные с ними обряды, что свидетельствовало об их широком распространении и большой значимости в жизни казаков.

Но главным явлением стала предпринятая в начале XX века сама попытка система-

тизации фольклорных материалов. Она вышла в издании «Сборника песен Забайкальского казачьего войска». Ни по одному

жанру, ни по одному направлению фольклора таких сборников на тот период времени не было.

Источники и литература

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. Р-2676. – Оп. 1. – Д. 83.
2. Кашин Н. И. Празднества и забавы приаргунцев // Вестник РГО. Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества. – Ч. 24, № 10. – СПб., 1858. – С. 7–24.
3. Константинова Н. Н., Перминов В. В. Казаки // Забайкалье многонациональное: к 15-летию Ассамблеи народов Забайкалья посвящается. – Чита: ЗабГУ, 2015. – С. 17–22.
4. Левашов В. С. Сборник песен Забайкальского казачьего войска. – Чита: Экспресс-изд-во, 2009. – 368 с.
5. Левашов В. С. Фольклор. Литература. История / гл. ред. Н. Н. Жданова; зам. гл. ред. Р. Ф. Генатулин, М. В. Константинов; отв. ред. В. А. Сергеева. – Чита: ЗабГУ, 2017. – 784 с.
6. Логиновский К. Д. О быте казаков Восточного Забайкалья Логиновский // Живая Старина. – СПб.: Тип. князя В. П. Мещерского, 1902. – Вып. 2. – 256 с.
7. Осокин Г. М. На границе Монголии: очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. – 304 с.
8. Элиасов Л. Е. Фольклор Восточной Сибири: в 3 ч. Ч. 3. Локальные песни. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 495 с.
9. Юренский И. А. Статьи и письма / сост. А. Б. Ипполитова, А. Ю. Литвинцев. – Улан-Удэ: Нова-Принт, 2014. – 134 с.

УДК 33 ББК У 050.2

Сергей Сергеевич Секунов,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: sekunov.sergey.98@mail.ru*

Сотрудничество Забайкальского края с федеральным центром: перспективы развития

В статье рассматривается взаимодействие Забайкальского края с федеральным центром, эффективность оказываемой помощи хозяйствующему субъекту в сфере горнорудной промышленности и переработки полезных ископаемых в готовые изделия, которые в дальнейшем будут реализованы как на территории Забайкальского края, так и за его пределами.

Ключевые слова: федеральный центр, Забайкальский край, экономическое развитие, проект, бюджет

Sergey S. Sekunov,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: sekunov.sergey.98@mail.ru*

Cooperation of Transbaikal Territory with the Federal Center: Prospect of Development

The article deals with the interaction of the Transbaikal territory with the Federal center, the effectiveness of assistance to the economic entity in the field of mining and processing of minerals into finished products, which will be further implemented both in the TRANS-Baikal territory and beyond its territory.

Keywords: Federal center, Transbaikal territory, economic development, project, budget

В настоящее время Забайкальский край является депрессивным регионом, Сложившаяся ситуация связана с рядом факторов: отсутствием серьёзного производства, дорогой электроэнергией, – в связи с этим налоговая база небольшая, следовательно, финансирование социальной жизни края невысокое и от этого происходит прямая зависимость от федерального центра. Учитывая всю происходящую ситуацию, попробуем выделить одни из наиболее перспективных путей решения сложившихся проблем.

Согласно Закону Забайкальского края «О бюджете Забайкальского края на 2018 г. и плановый период 2019 и 2020 гг. (с изменениями на 14 июня 2018 года)», в котором были подведены подсчёты, общий объём доходов бюджета края в сумме составил 56783755,2 тыс. р., в том числе безвозмездные поступления в сумме 23800321,8 тыс. р. [4]. Общий объём расходов бюджета края составил 57551045,9 тыс. р., дефицит бюджета края – 767290,7 тыс. р. [Там же]. С 2008 года ситуация изменилась не в лучшую сторону, в 2008 году бюджет Забайкальского края составлял 17951,6 тыс. р. с превышением доходов над расходами [5]. В 2018 году, как мы видим, расходы превышают доходы. Однако интересно то, что доходы выросли одновременно с расходами.

На 2019 и 2020 годы доходы субъекта ожидаются в размере 47395094,0 и 47016865,9 тыс. р., планируемые расходы – 47207683,3 и 46315636,8 тыс. р. Тем самым получится профицит за 2019 и 2020 годы в размере 187410,7 и 70129,1 тыс. р. соответственно [4].

Таким образом, в настоящее время экономика Забайкальского края в тяжёлом состоянии, но в следующие два года ожидается профицит бюджета, что само собой говорит о погашении государственного долга, возможен экономический рост.

В докладе об итогах деятельности Министерства экономического развития Забайкальского края за 2017 год, в разделе экономики муниципальных образований выделены ключевые результаты. На территорию опережающего социально-экономического развития «Краснокаменск» привлечено четыре резидента, планирующих реализовать в моногороде такие проекты, как:

- строительство помольного комплекса завода специальных цементов, производительною 0,6 млн т цемента в год [3]. В

течение первого года будет создано 20 рабочих мест. К концу 2020 года, на момент выхода на пуско-наладку, планируется создание ещё пятидесяти четырёх дополнительных рабочих мест. Общая численность работников составит 74 чел. С 2021 года и далее общая численность работников предприятия составит 129 чел. Кроме того, общее количество работников подрядных организаций, занятых на строительно-монтажных работах помольного комплекса в течение 2019–2020 годов, составит около 1000 чел. Инвестирование в данный проект составит 3 200 000 000, а мощность проекта ожидается 500 тыс. т цемента в год [6];

- производство рафинированной металлической сурьмы [3]. Проект предполагает организацию гидрометаллургического завода по переработке сурьмяного флотконцентрата с получением рафинированной металлической сурьмы марки Су0 с объёмом производства 5 тыс. т в год. Количество рабочих мест – 107 чел. Стоимость реализации данного проекта – 958 000 000 р., время реализации – с 01.01.2017 по 31.12.2020 г. [7].

Из четырёх проектов «Территории опережающего развития “Краснокаменск”» выделено два, так как уже понятно, что определённые работы проводятся для дальнейшего развития субъекта федерации. К 2020 году ожидается, что данные проекты заработают на полную мощность. Если просмотреть два проигнорированных проекта, то мы увидим, что там дана похожая информация.

Рассмотрим ещё одну актуальную проблему на сегодняшний день для Забайкальского края, это переход субъекта в Дальневосточный федеральный округ [8]. По этому поводу экономист, а также заместитель председателя по науке амурского научного центра ДВО Андрей Алексеевич Конюшок высказал своё мнение информационному агентству «Амур. Инфо»: «Финансово, административно это ничего не добавит регионам, только добавит Министерству по развитию Дальнего Востока; жители как жили, так и будут жить. Подключение Забайкальского края к Дальнему Востоку позволит распространить на Забайкальский край все программы развития, какие есть для Дальнего Востока – ТОРы, дополнительные гектары. Это благо, прежде всего, для Забайкалья» [1]. Также он упомянул, что в Забайкальском крае суровый климат в отличие от Дальнего Востока. Мнение врио губернато-

ра Забайкальского края Александра Осипова схоже с мнением Андрея Алексеевича Конюшок [2].

Безусловно, есть плюсы в виде преференций, но они не значительны, учитывая особенности забайкальского климата, программа гектар в крае, скорее всего, будет плохо реализована, касательно программы Тог, данная программа уже реализуется и без присоединения к ДФО, в качестве примера может послужить моногород Краснокаменск, который был упомянут выше. Также возникает вопрос, почему нельзя разработать программу отдельно для Сибирского федерального округа, например, место

дальневосточного гектара, разработать программу о добыче полезных ископаемых простым населением.

Взаимодействие Забайкальского края с федеральным центром в настоящее время проводится достаточно активно, предприняты определённые меры по развитию субъекта Российской Федерации в экономической сфере. В принципе это правильная политика, так как если развивается экономическая сфера, то социальная сфера развивается автоматически, но реализация данных проектов проходит с опозданием после развала СССР, нужно ускорить темпы по реализации проектов.

Источники и литература

1. Амурские эксперты высказались об объединении ДФО и Забайкальского края // Информационное агентство AMUR.INFO. – URL: <http://www.amur.info/news/2018/09/26/143874> (дата обращения: 26.04.2019). – Текст: электронный.
2. Врио главы Забайкалья – о вхождении края в ДФО: Рад такому быстрому решению Президента // Информационный портал ZAB.RU. – URL: https://www.zab.ru/news/109959_vrio_glavy_zabajkalya_o_vhozhenii_kraya_v_dfo_rad_takomu_bystromu_resheniyu_prezidenta (дата обращения: 26.04.2019). – Текст: электронный.
3. Доклад об итогах деятельности минэкономразвития Забайкальского края за 2017 год и основных задачах на 2018 год // Министерство экономического развития Забайкальского края. – URL: <http://www.rst.zabaykalskiykray.rf/u/xnh1aeecdbgb5k/files/ОтдМонОтрПрог/2018/Доклад%20об%20итогах%20МЭР%20ЗК.pdf> (дата обращения: 26.04.2019). – Текст: электронный.
4. Закон Забайкальского края «О бюджете Забайкальского края на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов (с изм. на 19.12.2018 года)» от 26.12.2017 г. № 1544-ЗЗК // Консорциум КОДЕКС. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/446604022> (дата обращения: 26.04.2019). – Текст: электронный.
5. Закон Забайкальского края «Об исполнении бюджета Читинской области за 2008 год» от 05.10.2009 г. № 235-ЗЗК // Консорциум КОДЕКС. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/922220600> (дата обращения: 26.04.2019). – Текст: электронный.
6. Строительство помольного комплекса завода специальных цемента // Забайкальский инвестиционный портал. – URL: https://www.zab-investportal.ru/invest_offers/invest_objects/stroitelstvo-pomolnogo-kompleksa-zavoda-spetsialnykh-tsementov (дата обращения: 26.04.2019). – Текст: электронный.
7. Строительство предприятия по производству рафинированной металлической сурьмы // Забайкальский инвестиционный портал. – URL: https://www.zab-investportal.ru/invest_offers/invest_objects/stroitelstvo-predpriyatiya-po-proizvodstvu-rafinirovannoy-metallicheskoj-surmy (дата обращения: 26.04.2019). – Текст: электронный.
8. Указ Президента РФ от 03.11.2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2000 г. № 849» // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71996370/#ixzz5mEEdztYA> (дата обращения: 26.04.2019). – Текст: электронный.

УДК 355
ББК Ц41(2)

Артём Андреевич Сенотрусов,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: tehrei9@gmail.com*

Альтернативная гражданская служба в Советской России в 1920-е годы

В статье автор анализирует изменение отношения советской власти к религиозным пацифистам в 1920-е годы. Наша страна одной из первых ввела у себя институт альтернативной гражданской службы, однако со временем верующие были лишены такой возможности. У руководства страны и различных религиозных групп возникли разногласия по вопросу о воинской службе. Эта тема в дальнейшем широко использовалась коммунистами при осуществлении антирелигиозной политики в отношении сектантов.

Ключевые слова: альтернативная гражданская служба, сектантство, баптисты, религия, Забайкалье

Artyom A. Senotrusov,
*Transbaikali State University,
Chita, Russia,
e-mail: tehrei9@gmail.com*

Alternative Civil Service in Soviet Russia in the 1920s

In the article, the author analyzes the change in the attitude of the Soviet authorities to religious pacifists in the 1920s. Our country was one of the first to introduce the institute of alternative civil service, but over time the faithful were deprived of this opportunity. The leadership of the country and various religious groups had differences on the issue of military service. This issue was later widely used by the Communists in the implementation of anti-religious policies towards sectarians.

Keywords: alternative civil service, sectarianism, Baptists, religion, Transbaikalia

Россия стала первым государством в мире, которое ввело институт альтернативной службы. После Октябрьской революции 1917 года Советская Россия, наряду с такими европейскими странами как Великобритания и Дания, одной из первых признала право граждан на отказ от военной службы по соображениям совести. Этот принцип находит своё продолжение в Конституции РФ ст. 59 п. 3 предполагает, что «гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену её альтернативной гражданской службой» [5]. Однако этот прогрессивный по своей сути шаг стал

камнем преткновения во взаимоотношениях между советской властью и различными религиозными течениями, отстаивавшими принцип религиозного пацифизма.

22 октября 1918 года Революционный Военный Совет РСФСР издал приказ, предполагавший освобождение от военной службы для призывника, если тот докажет, «что эти религиозные убеждения не являются простым прикрытием его трусости или недобросовестности». В дальнейшем такой призывник мог не участвовать в боевых действиях, но зачислялся в санитарную команду.

Декрет СНК РСФСР «Об освобождении от военной повинности по религиозным убеждениям» от 04.01.1919 г. гарантировал

освобождение от воинской повинности лицам, отказывающимся держать оружие в руках по религиозно-этическим мотивам, заменив её «санитарной службой преимущественно в заразных госпиталях или иной соответствующей общепользуемой работой по выбору самого призывника» (ст. 1). Народный суд в этом случае должен был запросить общественный Объединённый совет религиозных общин и групп об экспертизе: действительно ли вероисповедание призывника запрещает ему проходить военную службу (ст. 2) [6, с. 106].

Для содействия призывникам, желавшим проходить альтернативную службу, в ноябре 1918 года в г. Москве был организован «Объединённый Совет религиозных общин и групп», в состав которого вошли представители следующих внецерковных организаций: от общества «Истинной свободы в память Л. Н. Толстого», трудовой общины-коммуны «Трезвая жизнь», меннонитов, евангельских христиан, баптистов, адвентистов седьмого дня. Объединённый Совет отстаивал принципы свободы совести, в частности, предоставлял защиту отказывающимся от военной службы по религиозным убеждениям [8, с. 158–159].

Примечательно, что ранее евангельские христиане и баптисты не отказывались от службы в армии и участвовали в Первой мировой войне. В сектантской среде это не порицалось. 13-й раздел вероучения, принятый всероссийским съездом баптистов в 1905 г., гласил: «Мы считаем себя обязанными, когда потребует этого начальство, нести повинность военной службы...». В вероучении евангельских христиан 1910 года в 15-й главе содержится следующее положение: «Мы признаём воинскую повинность как оброк, но имеем общение с теми, кто мыслит иначе в этом вопросе». Жестокость и массовые жертвы Первой мировой войны привели к тому, что у многих верующих сложилось негативное мнение о военной службе [4, с. 176].

Однако в ближайшее время после принятия декрета большевики пришли к выводу о вредности и нежелательности пацифизма и его поощрения и носителей этих идей. Желавшие уклониться от службы в Красной армии, а также крестьянство, в массе своей уставшее от многолетней войны и не желавшее участвовать в конфликте, стали использовать его в качестве лазейки [7]. В секты

хлынул наплыв молодёжи призывного возраста. Крестьяне целых деревень объявляли себя религиозными антимилитаристами, участниками Первой мировой войны и др.

Активное использование права на освобождение от военной службы сектантами привело к вмешательству государства. Лицам, подлежащим призыву, но желающим стать членами церкви, предстояло пройти испытательный срок не менее одного года. В послании братству Совет Всероссийского союза баптистов признал, что «правительство поступает правильно, когда по военному вопросу на основании законов проверяет всякого, кто называет себя баптистом» [4, с. 177–178].

В результате государство приняло ряд мер, существенно ограничивших права сектантов на прохождение альтернативной службы. 21 декабря 1920 года появилось постановление Совнаркома РСФСР, лишившее Объединённый совет религиозных групп и общин права на экспертизу, вопрос об освобождении решал только народный суд [6, с. 106]. С ноября 1923 года циркуляром Народного комиссариата юстиции ограничивалось освобождение от воинской повинности членов церквей, «исторически сложившихся при царизме и по своим общеобязательным догмам требующих отказа своих членов от несения воинской службы». В число сект, не признававших военной службы, не попали баптисты, евангельские христиане, адвентисты и толстовцы. В список, однако, вошли духоборы, молокане, нетовцы и меннониты, вероучения которых содержали антивоенные мотивы [1].

А. И. Савин отмечает: «Начиная с ноября 1923 г. закон об альтернативной службе фактически перестал применяться в отношении баптистов, адвентистов и евангельских христиан, а освобождения от службы по постановлениям судов были чрезвычайно редки» [7]. За 5 лет на основании декрета получили освобождение от военной службы 657 чел.

Коммунисты стали активно внедрять своих агентов в руководство религиозных общин для инициирования «раскола», арестовывали наиболее активных проповедников. Так, лидера евангельских христиан И. С. Проханова арестовали и содержали в тюрьме до тех пор, пока он не отрёкся от своих антимилитаристских взглядов. И. С. Проханова арестовали за распростра-

нение антивоенного воззвания. Условием его освобождения стало признание военной службы обязательной для евангелистов, о чём Проханов должен был заявить публично [1].

В итоге вербовки И. С. Проханова, несмотря на отрицательное мнение значительного количества делегатов, съезд евангельских христиан-баптистов 1923 года принял резолюцию о лояльном отношении к советской власти и признании службы в армии. Резолюцию не приняли баптисты. Поскольку у ОГПУ не имелось возможностей оказать на баптистов давление сверху, работу начали вести снизу. Переманивая на сторону «милитаристов» и вербуя руководство местных общин, ОГПУ готовило их тем самым к предстоящему декабрьскому XXV Всероссийскому съезду баптистов. Однако, несмотря на все усилия, «нужную» резолюцию этот съезд не принял [Там же, с. 131].

Секретарь Антирелигиозной комиссии, сотрудник ОГПУ Е. А. Тучков в своём отчёте сделал заключение: «Итак, евангелисты и баптисты военную службу в Советской России признали для всех своих членов обязательной и тем самым произвели внутри себя раскол. Это явление, несомненно, послужит прежде всего прекращению роста сектантству и толкнёт их к моральному разложению» [3, с. 122–123].

Под давлением чекистов руководители сектантских церквей делали публичные заявления, в которых они изменили свои взгляды на несовместимость военной службы с религиозными предписаниями.

В 1926 году XXVI всесоюзный съезд баптистов принял следующее постановление: «Мы считаем себя обязанными нести, когда потребует от нас этого правительство, военную службу». Новый закон о военной службе от 18.09.1925 г. предусматривал отказ от службы в случае глубоких религиозных убеждений. Статья 216 указывала, что освобождение должно проводиться на основе постановления суда и распространяться на тех, кто родился и воспитывался в семьях, религиозные воззрения которых запрещают несение службы с оружием в руках. На выходцев из неверующих семей или имеющих неверующих воспитателей это положение не распространялось [4, с. 178].

Среди забайкальских баптистов нашлись как сторонники военной службы, так и её противники. В Забайкалье, на ст. Хи-

лок, произошёл конфликт местной общины баптистов и пресвитера губернии, стоявшего на милитаристской позиции. Община заявила о своей автономности, чему воспротивился Дальневосточный союз баптистов, который мотивировал отказ «незрелостью» Хилокской общины. В 1925 году эта община обратилась ко всем баптистским общинам Забайкалья с предложением о выходе из ДВСБ и присоединении к Западно-Сибирскому союзу баптистов, однако вскоре отказалась от своего предложения. На этой же почве в марте-апреле 1925 г. в г. Чите произошёл выход 30 человек из общины баптистов. Некоторые баптисты Забайкалья, несмотря на религиозный запрет, несли службу в Красной армии. Так, на станции Чита-II в общине состояло 19 красноармейцев [2, л. 1].

15–19 июля 1925 года в Хабаровске под председательством Я. Я. Винса прошёл съезд Дальневосточного союза баптистов. На нём обсуждался ряд вопросов, определяющих отношение ДВСБ с государственной властью.

Участники съезда в лице 71-го делегата направили благодарственное послание правительству СССР от имени всех баптистов Забайкальской, Амурской и Приморской губерний. Результатом съезда стало положительное решение по «воинскому вопросу» на полтора года раньше, чем аналогичное решение Союза баптистов СССР.

В принятой съездом декларации отмечалось следующее: «Мы, Баптисты Дальнего Востока, заявляем, капитализм во всех его формах угнетения беспомощных противоречит евангельской истине и мы возвышаем свой голос против всякой попытки восстановить или защитить его.

Как ученики Христа, стараясь быть верными Его заветам, мы можем лишь симпатизировать власти, защищающих угнетённых и их идеалы. Отсюда вытекает сознание гражданского долга перед родиной, повелевающего “нам”, на основании святого писания, исполнять все государственные повинности в том числе и службу только в Красной армии, на общих со всеми гражданами основаниях и осуждаем всякого, кто выступает в армиях, направленных против нашей великой Советской страны в угоду капитализму...» [3, с. 147–149].

Советская власть активно использовала религиозный пацифизм баптистов и других сектантов для инициирования расколов в

общинах. Расколы общин, давление на сектантских руководителей в 1920-е годы являлись широко распространёнными методами в борьбе с сектантством. Также проводилась политика изменения законодательства, сек-

тантские объединения постепенно лишались льгот, предоставленных им советской властью. К этим льготам также относилось и право на прохождение альтернативной гражданской службы.

Источники и литература

1. Алеткин Г., Адаменко В., Горбунов-Посадов И. И. Отказ от военной службы в первые годы советской власти (борьба за отказ от военной службы и политика большевиков по отношению к отказчикам от военной службы в 1917–1939 гг.) // Lib.Ru/Классика. – URL: http://www.az.lib.ru/g/gorbunowposadow_i/text_0040.shtml (дата обращения: 26.03.2018). – Текст: электронный.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. П-81. – Оп. 1. – Д. 1318.
3. Дударёнок С. М. Сердюк М.Б. История протестантских церквей Приморского края (XIX–XX вв.). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – 628 с.
4. История евангельских христиан-баптистов в СССР. – М.: ВСЕХБ, 1989. – 624 с.
5. Конституция Российской Федерации: посл. действ. ред. с коммент. – URL: <http://www.constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-59-krf> (дата обращения: 11.03.2019). – Текст: электронный.
6. Потапова Н. В. Евангельское христианство и баптизм в России в 1917–1922 гг. (на материалах Дальнего Востока): в 2 т. Т. 1. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2014. – 400 с.
7. Савин А. И. Альтернативная гражданская служба в советской России в 1920–1930-е годы: нормативно-правовое поле и практическая организация // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.). – Новосибирск, 2009. – С. 71–93.
8. Юнак Д. История церкви христиан АСД в России: в 2 т. Т. 1. – Заокский: Источник жизни, 2002. – 448 с.

УДК 070
ББК Ч600.00

Елена Анатольевна Тимофеева,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: Timofeeva1997e26@gmail.com

Роль СМИ в формировании имиджа региона на примере Забайкальского края

В статье рассматриваются понятия имиджа, образа региона, а также механизмы формирования имиджа региона. На примере Забайкальского края определяется роль СМИ в формировании имиджа региона.

Ключевые слова: имидж, образ, лицо, механизмы формирования имиджа, СМИ, информация, Забайкальский край

Elena A. Timofeeva,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: Timofeeva1997e26@gmail.com

The Role of the Media in Shaping the Image of the Region on the Example of Zabaikalsky Krai

The article deals with the concept of image, image of the region, as well as the mechanisms of formation of the image of the region. On the example of the Transbaikal territory, the role of the media in shaping the image of the region is determined.

Keywords: image, image, face, mechanisms of image formation, media, information, Zabaikalsky krai

На современном этапе развития в России наметилась тенденция создания имиджа для регионов, которая целиком и полностью имеет определяющее значение для большинства регионов. Не зря же говорят, что «встречают по одежке», именно «одежка», «образ», «лицо» региона показывают уровень социально-политической и экономической сферы, её составных элементов [3; 6].

Имидж строго индивидуален, и поэтому каждому региону стоит разрабатывать свои программы и механизмы, учитывать специфику территории и добиваться положительных результатов развития. Но есть универсальные механизмы формирования имиджа региона, вот некоторые из них: определение вектора перспектив развития региона, целей имиджевой работы, составление плана, акцентируя внимание на индивидуальность, уникальность территории; особенности истории, экономики, культуры, политики региона, создание персонального «лица» территории; взаимодействие со СМИ, прессой, телевидением, радио, интернетом, информационными агентствами, насыщение информацией о регионе население, а также обеспечение политики «информационной прозрачности»; информационный мониторинг для оценки информации и вследствие этого корректировки сложившегося впечатления; формирование работы с потенциальными клиентами; привлечение экспертов с целью исследования проблем и составления прогнозов; создание «доброго имени» территории, демонстрируя положительные составляющие региона [10; 11].

Современный мир всё больше стал зависеть от информации, и на данном этапе развития мирового сообщества на способность к конкуренции территорий влияют информационные ресурсы, которыми они владеют, и то какой образ и репутация будут у территории, большую роль играют СМИ. За 50 лет СМИ стали основным каналом трансляции информации, и что самое главное – они влияют абсолютно на всё вокруг, в данном случае и на изменение общественного мнения. Сфера влияния СМИ очень масштабна, она не ограничивается границами национальных государств, тем самым она формирует мнение общественности о происходящем [8; 9].

Именно поэтому так велика роль СМИ в формировании имиджа региона, очень важно, какая информация о регионе попадает в средства массовой информации. Понятно, что любому другому региону очень важны потенциальные инвесторы, туристы и население, которое бы желало жить и развиваться в рамках данного региона [4]. Стабильная политическая ситуация, экономическая развитость, уровень сервиса и развитость инфраструктуры, а также культурное наследие – всё это делает регион привлекательным. В эпоху информации СМИ принадлежит огромнейшая доля в формировании базовых представлений о регионе [5].

Имидж Забайкальского края на данном этапе полностью формируется в СМИ [12]. Основными трансляторами информации и источниками новостей в данном регионе, по нашему мнению, являются порталы ЧИТА.РУ и ЗАБ.РУ [7; 13]. По проведённому мониторингу данных СМИ за определённый период, а также контент-анализу, были сделаны определённые выводы. В данном случае имидж у Забайкалья формируется только крайне негативный. В СМИ преобладают социальные проблемы и отрицательные характеристики региона, хотя множество мероприятий, конференций, всевозможных международных культурных событий остаются вне поля зрения. Можно сделать вывод, что пресса направлена на «хайп», совершенно не задумываясь о том, что определённым потоком информации она формирует имидж региона в том контексте, в котором он сейчас имеется. А также СМИ играют в данном случае определяющую роль в формировании образа территории [2]. В основном наши СМИ публикуют те новости, которые только отражают негативную ситуацию в регионе: где кого-то ограбили, убили, произошло ДТП, плохие дороги, плохое качество жизни и прочее, но практически никто не пишет о науке, культуре, природных богатствах, обширной территории и т. д. Для исправления имиджа Забайкалья нужны компетентные и профессиональные люди, определённая информационная маркетинговая компания и заинтересованность власти в данной проблеме.

Источники и литература

1. Бахметьев А. В. Социальные факторы формирования информационного общества. – М.: Ин-т соц.-полит. исслед.: Научная перспектива, 2003. – 272 с.

2. Берд П. Продай себя! Тактика совершенствования Вашего имиджа / пер. с англ. Т. А. Сиваковой. – 2-е изд. – Минск: Амалфея, 2004. – 208 с.
3. Березин В. М. Сущность и реальность массовой коммуникации. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002. – 346 с.
4. Бильчак В. С., Захаров В. Ф. Региональная экономика. – Калининград: Янтарный сказ. – 1998. – 314 с.
5. Бударина О. А. Коммуникативные технологии формирования и продвижения имиджа муниципальной власти: политологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2002. – 22 с.
6. Важенина И. С. Репутация территории: теория, методология, практика / РАН, УрО, Институт экономики. – М.: Экономика, 2007. – 207 с.
7. ЗАБ.РУ – портал Забайкальского края: новости. – URL: <https://www.zab.ru/news> (дата обращения: 25.03.2019). – Текст: электронный.
8. Информационный маркетинг региона. – URL: <http://www.kuibishev.narod.ru/work.htm> (дата обращения: 31.03.2019). – Текст: электронный.
9. Информационный маркетинг. Роль СМИ в формировании имиджа региона // VUZLIT. – URL: https://www.vuzlit.ru/254973/informatsionnyy_marketing_rol_formirovani_imidzha_regiona (дата обращения: 30.03.2019). – Текст: электронный.
10. Кучинская Т. Н. Региональный брендинг как инструмент позиционирования имиджа Забайкальского края в системе межрегиональных связей РФ и КНР // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. – URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-brening-kak-instrument-pozitsionirovaniya-imidzha-zabaykalskogo-kрая-v-sisteme-mezhregionalnyh-svyazey-rf-i-knr> (дата обращения: 21.04.2019). – Текст: электронный.
11. Механизмы формирования имиджа региона, организации, человека // КиберПедия: информационный ресурс. – URL: <https://www.cyberpedia.su/14x1b36.html> (дата обращения: 31.03.2019). – Текст: электронный.
12. Прасолова О. В. Формирование имиджа региона в средствах массовой информации: на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – Воронеж, 2010. – 22 с.
13. ЧИТА.РУ – городской портал: новости. – URL: <https://www.chita.ru/news> (дата обращения: 21.04.2019). – Текст: электронный.

УДК35.087.43

ББК У271

Анжелика Алексеевна Туманова,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия,

e-mail: lika.tumanova.95@mail.ru

Генезис реформирования пенсионной системы Российской Федерации

Статья посвящена реформированию пенсионной системы РФ. Автором рассмотрены: работа пенсионной системы РФ, функции пенсионного фонда РФ, структура пенсионной системы, а также хронологическая последовательность важных этапов и их особенностей реформирования пенсионной системы с 1991 по 2018 год.

Ключевые слова: пенсионная система, обязательное пенсионное страхование, пенсионный фонд, пенсионные выплаты, пенсионное обеспечение, пенсионная реформа

Angelica A. Tumanova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia,
e-mail: lika.tumanova.95@mail.ru

The Genesis of the Reform of the Pension System Russian Federation

The article is devoted to the reform of the pension system of the Russian Federation. The author considers: what is the pension system of the Russian Federation, what is the pension Fund of the Russian Federation, which is included in the structure of the pension system, as well as in chronological order the important stages and their features of reforming the pension system from 1991 to 2018.

Keywords: Pension system, compulsory pension insurance, pension Fund, pension payments, pension provision, pension reform

В настоящее время для жизни россиянина одной из главных задач является становление и развитие пенсионной системы. Пенсионная система РФ – это совокупность организационных институтов, институтов экономики и права, задача которых – организовать поддержку граждан денежными средствами в виде пенсии. В структуру пенсионной системы входит пенсионное страхование (обязательное и добровольное) и пенсионное обеспечение (государственное и негосударственное). Финансируется государственное пенсионное обеспечение за счёт федерального бюджета. Деньги на обязательное пенсионное страхование (ОПС) формируются из взносов работодателей и назначаются по старости, по инвалидности и по потере кормильца.

С 1991–1992 годов начинается реформирование пенсионной системы. В Законе «О государственных пенсиях в РСФСР» 1990 года говорится о том, что каждый человек, который работает по найму, подлежит обязательному пенсионному страхованию. Данный закон устанавливает нормы и условия пенсионного обеспечения, изменить которые никакие третьи стороны не в состоянии. Пенсионный фонд РФ (ПФР) был образован в 1991 году. Главная цель его создания – государственное управление денежными средствами пенсионного обеспечения РФ. Деньги поступают в ПФР от работодателей, различных категорий работающих граждан и бюджета РФ. Все финансы ПФР принадлежат государству. Они не подлежат изъятию и не входят в состав каких-либо других фондов. Денежные средства ОПС неприкосновенны, их нельзя

взять на какие-то временные расходы для каких-либо иных целей, кроме пенсионного обеспечения граждан РФ.

С 1993 года начинает меняться принцип страхового подхода: теперь ПФР подчиняется только Правительству РФ и Министерству финансов, денежные средства фонда идут ещё и на выплаты нестраховых пенсий. Эти выплаты происходят за счёт людей, у которых высокая заработная плата и большой стаж работы. Данный подход нарушает страховой подход и основную задачу пенсионных выплат – это компенсация человеку, который утратил трудоспособность по возрасту или состоянию здоровья. В 1996 году принимается Федеральный закон «Об индивидуальном (персонифицированном) учёте в системе государственного пенсионного страхования» [1]. В данном законе поставлены цели индивидуального (персонифицированного) учёта. Закон ориентирован на формирование условий для назначения пенсий, для предоставления подлинных сведений о трудовом стаже, заработной плате и назначении пенсий на основании страхового стажа и взносов, а также для обеспечения информационной базы, осуществления и улучшения пенсионного законодательства РФ. В данный период государство начинает осуществлять развитие негосударственных фондов [4]. Реформа пенсионной системы РФ продолжилась в 2002 году, когда был закреплён и развит распределительно-накопительный принцип её функционирования. Однако многие специалисты признали данную реформу неудачной, т. к. накопительная система была невыгодна для населения. Не были внедрены эффективные механизмы

управления накопительной частью пенсионных взносов, работа которых гарантировала бы населению, что их накопительные средства не только будут сохранены, но и приумножены.

Следующий период реформирования пенсионной системы РФ проходил в 2005 году: из накопительной системы исключаются граждане 1953–1966 года рождения. В 2009 году вводится программа государственного софинансирования пенсий, которая не получила планируемого развития. В 2010 году происходит соединение базовой части пенсии со страховой.

Следующий масштабный этап реформирования пенсионной системы РФ начался в 2012 году с принятием Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ [2]. В данной стратегии выделены три уровня пенсионной системы. Первый уровень составляет трудовая или государственная пенсия, которая формируется за счёт страховых взносов, трансфертов из федерального бюджета. Второй уровень составляет пенсия, которая формируется за счёт взносов работодателей при возможном участии работника, её называли корпоративной пенсией. Частная пенсия составляет третий уровень, и она формируется исключительно за счёт средств работника (физического лица).

В 2014 году был введён новый порядок расчёта пенсии с использованием пенсионной формулы. В этом же году вводится мораторий на финансирование накопительной части трудовой пенсии, полный размер индивидуальной части тарифа страхового взноса направляется на финансирование страховой пенсии и отсутствует формирование пенсионных накоплений за счёт страховых взносов.

Следующий этап реформирования пенсионной системы РФ – пенсионная реформа, которая начала реализовываться с 1 января 2019 года. Она стартовала на этапе обсуждения 14 июня 2018 года; 16 июля законопроект был внесён в Государственную Думу. Большинством голосов, преимущественно партией Единой России закон был одобрен в первом чтении 19 июля 2018 года. Данная реформа предлагает следующие изменения. Во-первых, постепенное повышение пенсионного возраста – от 60 до 65 лет для мужчин и от 55 до 60 лет для женщин. В окончательном виде новый закон о пенсионной реформе был принят 27 сентября 2018 года в третьем чтении; 3 октября документ одобрен Советом Федерации и подписан Президентом РФ. Во-вторых, изменения коснулись и требований к минимальному трудовому стажу – он повысится с 5 до 15 лет. В-третьих, планируется увеличить минимальный фиксированный платёж до 20–30 % средней заработной платы. В-четвёртых, будет введён дополнительный тариф взносов за работу с вредными условиями труда [3]. Следует отметить, что данная реформа вызвала огромное количество возмущений граждан РФ. Во многих городах России прошли митинги против данной реформы.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что нами был исследован последовательный анализ реформирования пенсионной системы РФ. Следует отметить, что очень сложно осуществлять устойчивость пенсионной системы, т. к. её реформирование идёт постоянно уже более 20 лет, ведь для сложных систем, которые обладают свойством инерции, необходимо время, чтобы не только сама система адаптировалась к изменениям, но и люди смогли разобраться и понять условия взаимодействия в её рамках.

Источники и литература

1. Внесены изменения в законодательство о персонализированном учёте СОПС и иные НПА – льготы всем // Мои документы. – URL: <http://www.mfc-mydoc.ru/vneseny-izmeneniya-v-zakonodatelstvo-o-personificirovannom-uchete-sops-i-nye-npa-lgoty-vsem> (дата обращения: 08.02.2019). – Текст: электронный.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования в части права выбора застрахованными лицами варианта пенсионного обеспечения» от 04.12.2013 г. № 351-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155248 (дата обращения: 15.02.2019). – Текст: электронный.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 г. № 350-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156 (дата обращения: 16.02.2019). – Текст: электронный.

4. Федеральный закон «О негосударственных пенсионных фондах» от 07.05.1998 г. № 75-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18626 (дата обращения: 11.02.2019). – Текст: электронный.

5. Федеральный закон «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15.12.2001 г. № 167-ФЗ // ГАРАНТ. Информационно правовое обеспечение. – URL: <http://ivo.garant.ru/#document/5181744/paragraph/350761:0> (дата обращения: 06.02.2019). – Текст: электронный.

УДК 94
ББК ТЗ(2)411-6

Олеся Вячеславовна Шапошникова,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия,
e-mail: olesu1998@mail.ru*

Русь и Византия: из истории развития взаимоотношений

В статье показаны основные аспекты взаимных контактов Византии и Киевской Руси. Также рассматривается характеристика процесса развития дипломатии в обеих державах. Немаловажную роль в русско-византийских отношениях играло принятие христианства. На основе исторических документов автор описывает военные, политические и торговые отношения между двумя державами.

Ключевые слова: Русь, Византия, дипломатические отношения, религия, русско-византийские отношения, империя, Олег, Игорь, Святослав, Ольга

Olesya V. Shaposhnikova,
*Transbaikial State University,
Chita, Russia,
e-mail: olesu1998@mail.ru*

Russia and Byzantium: from the History of Relations

The article shows the main aspects of mutual contacts between Byzantium and Kievan Rus. The characteristics of the development of diplomacy in both powers are also considered. An important role in Russian-Byzantine relations was played by the adoption of Christianity. On the basis of historical documents the author describes military, political and trade relations between the two powers.

Keywords: Russia, Byzantium, diplomatic relations, religion, Russian-Byzantine relations, Empire, Oleg, Igor, Svyatoslav, Olga

Любое государство имеет свои истоки, своё начало и каждый раз пусть даже неосознанно оно обращается к ним. Культура, своеобразие речи и язык – именно это связано с религией и тоже в свою очередь строится на базисе православия, которое было навеяно нам с Византии. История Руси на протяжении длительного времени была крепко связана с Византийской империей.

Страны-соседи считались с Византией, видел в ней мощного противника и выгодно-союзника. Константинополь, её «бриллиант», по своим размерам был очень выда-

ющимся, и, по исследованиям историков, к началу XI века его население насчитывало более миллиона человек. Архитектурные сооружения и богатое убранство города привлекало внимание зарубежных торговцев, путешественников, а также подогревало любопытство восточных славян.

В древнерусских летописях содержится большое количество информации о русско-византийских отношениях, в свою очередь она очень противоречива. Ещё в IX веке славяне совершали набеги со стороны Кавказа, Крыма, разоряя окраины

Константинополя. Но так продолжалось недолго, переломным моментом стало решение славян объединиться в государство. На процесс развития Руси как государства повлияло её географическое положение, так как через равнины проходила торговая дорога, которая связывала Скандинавию с Царьградом, «путь из варяг в греки». Когда Русское княжество стало входить в систему международно-торговых отношений, это стало хорошим фундаментом для возникновения русской государственности. Чуть позже восточные славяне благодаря своему новому выгодному положению начали взаимодействовать с разными народами, перенимая друг у друга культуру, быт и нравы. На данный момент примером развитой державы являлась Византия, поэтому восточные славяне стремились наладить с ней тесное сотрудничество. Именно контакты с Царьградом помогли Руси узнать, как должно выглядеть достойное государство.

После того как Русь приобрела статус государства, её правящие органы захотели установить крепкие торгово-политические связи с Римской империей. Русские князья стремились доказать грекам, что их государство имеет достойный статус на международной арене. Князь Олег в 911 году, собрав военный отряд, отправляясь в Константинополь, решает показать то, что Русь может являться серьёзным военным соперником. В результате похода был подписан торговый договор, который разрешал русским купцам свободно селиться на окраинах Царьграда и торговать в нём.

Вдохновившись победой Олега, князь Игорь в 941 году решил повторить поход на Константинополь, но его попытка потерпела неудачу. Игорь решил не останавливаться на достигнутом и предпринял новую попытку. В 944 году, добившись желаемого, он подписывает с императором Романом новый договор. Византийский князь вносит пункт о взаимной военной помощи, который призывает показать «другим странам, какую любовь имеют между собой греки и русские» [4].

Следующей была княгиня Ольга, которая в свою очередь внесла огромный вклад в продвижение христианской веры на Руси, совершив поездку в город Царьград и приняв православную веру. Вернувшись на родину, Ольга сделала всё необходимое, чтобы православие распространилось на Руси.

Святослав, сын Ольги, продолжил тесное сотрудничество с Византией. Константинополь, обращаясь к мирному договору о сотрудничестве, попросил у Святослава помощи при борьбе с болгарами, но те предложили ему более выгодные условия, и князь остался у них. Басилевс, увидев нарушение договора, решил отправить Святославу предупреждение в виде письма. Разгневанный Святослав незамедлительно отправляет в Константинополь ответ, в котором главной фразой было следующее: «Зря император Ромеев принимает россос за изнеженных баб и тщится запугать нас угрозами» [2, с. 57]. Эта фраза не понравилась Царьграду, и против Святослава было выдвинуто войско Басилевса. В ходе военных действий сын Игоря потерпел поражение, и Византия предложила восстановить мирный договор, на что Святослав дал своё согласие.

Дипломатический союз Византии и Руси рассматривал не только военно-территориальные вопросы, но и культурно-религиозные. Большим толчком и прорывом того времени стало изобретение Кириллом и Мефодием славянской письменности. Братья усовершенствовали и дополнили славянский алфавит, вследствие чего он нашёл быстрое распространение у болгар, сербов, македонцев и спустя некоторое время дошёл до Киевской Руси.

С возникновением письменности на Руси стали появляться книги, написанные кириллицей, что способствовало прогрессу и плавному переходу от невежественного язычества к православному христианству. Князь Владимир принимает решение крестить невежественную Русь. В акции присутствовала и политическая подоплёка. Чтобы связать Русь с Византией ещё более тесными и крепкими связями, Владимир решает сам принять православие и взять в жёны сестру Василия II Анну. В 988 году Владимир объявляет христианство официальной религией Киевской Руси.

Введение христианской религии имело огромное международное значение. Она сплотила народ в единую общность и задавала вектор дальнейшего движения. После принятия православия позиция Руси на международной арене как государства в разы повысилась. Византия стала считать Русь не тёмной и закрытой страной, а государством, практически равным себе. Киев начал просвещаться и создавать собственную непо-

вторимую культуру на своём родном языке, вследствие чего появились такие громкие имена, как Нестор-летописец со своей первой летописью «Повесть временных лет», Илларион, Климент и др.

Византия была очень рада, что такое большое славянское государство признало её могущество в религиозной сфере и просило покровительства. В Киев из Царьграда был отправлен патриарх, и вплоть до падения Византии митрополиты совершали поездки из Константинополя. Оба государства чётко разделяли политику и религию, стараясь не разрушить баланса. Иоанн Цимисхий говорил: «Я признаю две власти: священство и царство... Если ни одна из них не ущемлена, мир находится в безопасности» [1, с. 551].

Несмотря на существующую разницу в политике двух государств, Рюриковичи не воспринимали Византию как чужую страну. Большую роль играл факт женитьбы Владимира на Анне. Чувство родственно-

сти не покинуло Русь даже после падения Византии. Чтобы подчеркнуть нерушимый союз, Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора. Становление Российской государственности формировалось на основе исторических корней Византии. Для устранения внутренних неурядиц подобных Византийские монархи придерживались строгого принципа престолонаследия. К. Н. Леонтьев писал: «Царизм наш окреп под влиянием православия, византийских идей, византийской культуры» [3, с. 306].

Византия уже канула в лета, а её образы всё ещё незримо присутствовали в русских канонах. Влияние Византии просматривалось и в русской философии. К. Н. Леонтьев создал течение под названием «византизм», тем самым подчёркивая влияние византийского наследия, он писал: «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше...» [Там же, с. 309].

Источники и литература

1. Дворкин А. Л. Очерки по истории Вселенской православной церкви: курс лекций. – Н. Новгород: Изд-во Братства во имя св. князя Александра Невского, 2003. – 816 с.
2. Лев Диакон. История. – М.: Наука, 1988. – 237 с.
3. Леонтьев К. Н. Храм и Церковь. – М.: АСТ, 2003. – 636 с.
4. Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 г.: ист.-лит. очерк / под ред. В. П. Адриановой-Перетц; пер. с древнерус. и коммент. Б. А. Романова. – М.; Л., 1950. – Ч. 2. – С. 4–148. – URL: <https://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/4068> (дата обращения: 26.04.2019). – Текст: электронный.

Сведения об авторах

Information about Authors

Акматалиева А. М. – канд. пед. наук, доцент кафедры политологии, Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Бишкек, Киргизия.

Akmatilieva A. – Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor Chair of Political Science of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after First Russian President Boris Yeltsin, Bishkek, the Kyrgyz Republic.

Ба Дяньцзюнь – профессор, заместитель директора центра исследования Северо-Восточной Азии, Цзилиньский университет, г. Чанчунь, Китай.

Ba Jianjun – Professor, Deputy Director, North East Asia research center, Jilin University, Changchun, China.

Бардаханова З. Д. – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры международного права и международных связей, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Bardakhanova Z. – Candidate of Philology Sciences, Docent, Associate Professor Chair of International law and international relations of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Биктимирова Ю. В. – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Biktimirova Yu. – Candidate of Philology Sciences, Docent, Associate Professor Chair of the Russian language and its teaching methods of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Блохин В. Н. – магистр ист. наук, ст. преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки, Беларусь.

Blokhin V. – Master in History, Senior lecturer of the Chair of Social and Humanitarian Disciplines of the Belarusian State Agricultural Academy, Gorki, Belarus.

Блохина Л. М. – магистрант 2-го года обучения, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Blochina L. – Master's Student 2 years of study of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Ботвинский Д. В. – студент 2-го курса, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Botvinsky D. – The Second Course Student of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Вавакина Д. А. – студентка 4-го курса, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Vavakina D. – The Fourth Course Student of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Вэй Хунбо – соискатель, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.
Wei Hongbo – Postgraduate Student of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Воронченко Т. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры литературы, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Voronchenko T. V. – Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Professor Chair of Literature of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Гаджиев М. М. – канд. полит. наук, доцент кафедры философии и социально-политических наук, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия.

Gadzhiev M. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Chair of Philosophy and Socio-political Sciences, Dagestan State University, Makhachkala, Russia.

Гао Лицзин – Российский исследовательский центр, Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии, г. Маньчжурия, Китай.

Gao Lijing – Russian Research Center at the Manchurian Institute of Inner Mongolia University, Manchuria, China.

Гао Сыян – Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии, г. Маньчжурия, Китай.

Gao Siyan – The Manchurian Institute of Inner Mongolia University, Manchuria, China.

Гарбузарова Е. Г. – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии, Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Киргизия.

Garbuzarova E. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of political science of the “Kyrgyz-Russian Slavic University named after first President of Russia B. N. Yeltsin”, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Гернего Л. В. – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры философии, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Gernego L. – Candidate of Social Sciences, Docent, Associate Professor Chair of the Philosophy of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Горковенко А. Е. – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Gorkovenko A. – Candidate of Philological Sciences, Docent, Head of the Chair of Russian as a Foreign Language of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Д. Басанпагма – магистр, преподаватель, Институт образования Монгольского государственного университета, г. Улан-Батор, Монголия.

D. Basepage – Master, Teacher Education Institute of education of the Mongolian State University's, Ulaanbaatar, Mongolia.

Дроботушенко М. А. – магистрант 2-го года обучения, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Drobotushenko M. – Master's Student 2 years of study of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Елизова А. Н. – магистрант 2-го года обучения, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Elizova A. – Master's Student 2 years of study of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Епишкина К. П. – студентка 4-го курса, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Epishkina K. – The fourth course Student of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Забузов О. Н. – канд. полит. наук, доцент кафедры, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия.

Zabuzov O. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Moscow state linguistic University, Moscow, Russia.

Иванова А. В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Ivanova A. – Candidate of Philology Sciences, Associate Professor Chair of the Russian language and its teaching methods of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Кальницкая Я. В. – магистрант, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия.

Kalnitskaya Ya. – Master's Student of Amur State University, Blagoveshchensk, Russia.

Камнева Г. П. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени историко-филологического института, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия.

Kamneva G. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of History of Russia of the middle ages and modern times of Historical and Philological Institute of Moscow Region State University, Moscow, Russia.

Крылов Д. А. – д-р филос. наук, доцент, заведующий кафедрой политологии, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Krylov D. – Doctor of Philosophy Sciences, Docent, Head of the Chair of Political Science of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Кунаковская И. А. – канд. экон. наук, доцент, проректор по учебной работе, Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, г. Краснодар, Россия.

Kunakovskaya I. – Candidate of Economic Sciences, Docent, Vice-Rector for academic Affairs of the Krasnodar cooperative Institute (branch) of the Centrosyuz of the Russian Federation "Russian University of cooperation", Krasnodar, Russia.

Ли Ваньли – аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Li Wanli – Postgraduate Student at Transbaikal State University, Chita, Russia.

Линьков В. В. – канд. с.-х. наук, доцент агрономии, доцент кафедры агробизнеса, Витебская ордена «Знак Почёта» государственная академия ветеринарной медицины, г. Витебск, Беларусь.

Linkov V. – Candidate of Agricultural Sciences, Docent of agronomy, Associate Professor of the Chair of agribusiness of the Vitebsk Order of the "Badge of Honor" State Academy of Veterinary Medicine, Vitebsk, Belarus.

Ли Пин – Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии, г. Маньчжурия, Китай; Институт экономики и управления, Юго-Восточный Университет, г. Нанкин, Китай.

Li Ping – The Manchurian Institute of Inner Mongolia University Manchuria, China; Institute of Economics and management, Southeast University, Nanjing, China.

Люцай З. П. – студентка 4-го курса, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Sekunov S. – The fourth course Student of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Макарова В. С. – магистрант 2-го года обучения, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Makarova V. – Master's Student 2 years of study of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Маркелова А. А. – аспирант 3-го года обучения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Markelova A. – The third year Graduate Student of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Маслова Д. В. – студентка 4-го курса, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Maslova D. – The fourth course Student of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Мерцалов В. И. – д-р ист. наук, доцент, г. Чита, Россия.

Mertsalov V. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Chita, Russia.

Наваанзоч Х. Цэдэв – профессор, действительный член Академии Образования, консультант научного отдела, Монгольский национальный университет, г. Улан-Батор, Монголия.

Navaanzoch Kh. Tsedev – Professor, Full Member of the Academy of Education, Consultant of the Scientific Department of the Mongolian National University, Ulaanbaatar, Mongolia.

Назарова М. Г. – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, Россия.

Nazarova M. – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of humanitarian and socio-economic disciplines of Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service, Vladimir, Russia.

Ни Цаоцзао – Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии, г. Маньчжурия, Китай.

Ni Jiaojiao – The Manchurian Institute of Inner Mongolia University, Manchuria, China.

ОТОГОО – докторант, Институт исследований Северо-Восточной Азии Цилиньского Университета, г. Чанчунь, Китай; Монгольский национальный университет, Улан-Батор, Монголия.

OTGOO – Doctoral at North East Asia research Institute of Jilin University, Changchun, China; Mongolian National University, Ulaanbaatar, Mongolia.

Петухов С. В. – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры филологического образования, Ленинградский областной институт развития образования, г. Санкт-Петербург, Россия.

Petukhov S. – Candidate of Philology Sciences, Docent, Associate Professor Chair of Philological education of the Leningrad regional Institute of education development, St. Petersburg, Russia.

Пляскина Е. И. – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Plyaskina E. – Candidate of Philological Sciences, Docent, Associate Professor Chair of Russian language and teaching methodology of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Рид А. – магистр естественных наук, социальный работник, ABO Мюнхен, г. Мюнхен, Германия.

Rid A. – Master of Natural Sciences, Social Worker at AWO Munich, Munich, Germany.

Савченко Р. С. – магистрант 2-го года обучения, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Savchenko R. – Master's Student 2 years of study of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Секунов С. С. – студент 4-го курса, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Sekunov S. – The fourth course Student of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Сенотрусов А. А. – студент 4-го курса, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Senotrusov A. – The fourth course Student of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Сунь Дэчжун – Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии, г. Маньчжурия, Китай.

Sun De-zhong – The Manchurian Institute of Inner Mongolia University, Manchuria, China.

Тертешикова Н. Д. – ст. преподаватель кафедры менеджмента, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Terteshnikova N. – Senior Lecturer of Chair of management of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Тимофеева Е. А. – студентка 4-го курса, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Timofeeva E. – The fourth course Student of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Тимошук А. С. – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Россия.

Timoshchuk A. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor chair of humanitarian and socio-economic disciplines, Vladimirskiy legal Institute FSIN of Russia, Vladimir, Russia.

Туманова А. А. – магистрант 1-го года обучения, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Tumanova A. – Master's Student 1 years of study of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Фёдорова Е. В. – ст. преподаватель кафедры европейских языков и лингводидактики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Fyodorova E. – Senior Lecturer of Chair of the of European languages and Linguodidactics of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Фоменков А. А. – д-р ист. наук, доцент, доцент кафедры теории политики и коммуникации, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Fomenkov A. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of theory politics and communication of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia.

Халанский И. В. – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой политологии, Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Бишкек, Киргизия.

Khalansky I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of Chair of Political Science of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Хлыщева Е. В. – д-р филос. наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия.

Chelysheva E. – Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor, Head of the Department of culture of Astrakhan state University, Astrakhan, Russia.

Цзи Цзяньцюань – Российский исследовательский центр, Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии, г. Маньчжурия, Китай.

Ji Jian-quan – Russian research center at The Manchurian Institute of Inner Mongolia University, Manchuria, China.

Чеузова М. А. – магистрант 1-го года обучения, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Cheuzova M. – Master's Student 1 years of study of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Чжао Цяньвэнь – Российский исследовательский центр, Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии Внутренней Монголии, г. Маньчжурия, Китай.

Zhao Qianwen – Russian research center at The Manchurian Institute of Inner Mongolia University, Manchuria, China.

Шао Инцзе – Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии, г. Маньчжурия, Китай.

Shao Yingjie – The Manchurian Institute of Inner Mongolia University Manchuria, China.

Шапошникова О. В. – студентка 3-го курса, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Shaposhnikova O. – The third course Student of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Ширрмахер Б. – д-р соц. наук, заведующая отделением, Институт Фрезениус, г. Мюнхен, Германия.

Schirmacher B. – Doctor of Social Sciences, Director of Location, University of applied sciences Fresenius, Munich, Germany.

Штайн А. – д-р медицины, профессор, Институт Фрезениус, г. Мюнхен, Германия.

Stein A. – Doctor of Medicine, Professor University of applied sciences Fresenius, Munich, Germany.

Щурина Ю. В. – канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Shchurina Yu. – Candidate of Philological Sciences, Docent, Head of the Chair Russian language and teaching methodology of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Ю Хунъян – научный сотрудник, Академия наук безопасности, г. Чанчунь, Китай.

Yu Hongyang – Researcher of Institute of Jilin province for scientific and technological research on security, Changchun, China.

Яо Кун – Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии, г. Маньчжурия, Китай.

Yao Kun – The Manchurian Institute of Inner Mongolia University Manchuria, China.

Научное издание

Scientific publication

**Приграничный регион в историческом развитии:
партнёрство и сотрудничество**

Часть 2

**Historical Development of the Border Region:
Partnership and Cooperation**

Part 2

Редактор О. Ю. Гапченко
Вёрстка И. Н. Аргуновой

Подписано в печать 19.08.2019.
Формат 60×84/8. Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 22,6. Заказ № 19131.
Тираж 300 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

